

Воспоминания
о К. Марксе
и Ф. Энгельсе

1

Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе

Третье, дополненное
издание

Часть I

Москва
Издательство
политической литературы
1988

ББК 13.2

В77

В77 **Воспоминания** о К. Марксе и Ф. Энгельсе.
Ч. 1/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.—
3-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1988.— 383 с.: ил.

ISBN 5—250—00152—1

ISBN 5—250—00153—X

В $\frac{0103010000-039}{079(02)-88}$ 30—88

ББК 13.2

ISBN 5—250—00152—1

ISBN 5—250—00153—X

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой наиболее полное собрание воспоминаний об основоположниках научного коммунизма — К. Марксе и Ф. Энгельсе. Со страниц очерков и других материалов, принадлежащих перу различных лиц — родных и близких Маркса и Энгельса, их друзей и соратников, деятелей международного рабочего и революционного движения, ученых и публицистов, которым довелось встречаться с великими учителями пролетариата в разные периоды их жизни, — встают живые и яркие образы гениальных мыслителей и революционных борцов. Мы видим их не только за письменным столом, на трибуне рабочих собраний и митингов, на конгрессах Союза коммунистов, заседаниях Генерального Совета I Интернационала, на других международных форумах социалистов, но и в домашней обстановке, в кругу семьи, не только в часы радости, но и тяжелых утрат и горестных переживаний, в дни побед и в дни поражений. Мы видим их в центре революционной борьбы, в бурные месяцы 1848—1849 гг., в период, когда на небосклоне взошла первая светлая заря пролетарской диктатуры — Парижская коммуна. Маркс и Энгельс находились в тесном общении с передовыми рабочими разных стран, не в последнюю очередь — с революционерами

и прогрессивными общественными деятелями России, с первыми русскими марксистами.

Включенные в сборник документы весьма разнообразны по своему характеру и, конечно, неравноценны по значению. Это — воспоминания членов семьи Маркса и ближайших друзей Маркса и Энгельса, иногда охватывающие длительный период их деятельности, иногда посвященные отдельным эпизодам их жизни, иногда обстоятельные, иногда беглые. Это и свидетельства революционных и общественных деятелей, общавшихся с Марксом и Энгельсом в течение ряда лет или в короткие промежутки времени. Это и фрагменты из написанных на другие темы статей и книг, содержащие впечатления от встреч и бесед с Марксом или Энгельсом. Однако есть нечто, объединяющее публикуемые материалы, — все они в большей или меньшей степени раскрывают великое духовное богатство основоположников марксизма, их непреклонность в достижении поставленных целей, их несокрушимую веру в торжество социалистической революции, их преданность делу рабочего класса, их личное обаяние. В своей совокупности публикуемые тексты являются важным источником для изучения биографий Маркса и Энгельса и имеют неоценимое значение в идейно-воспитательной работе.

Разумеется, воспоминания о Марксе и Энгельсе, как и всякие мемуары, несут на себе в известной мере отпечаток индивидуальности каждого автора, его личного отношения к тем или иным фактам, его восприятия современных событий. Необходимо также иметь в виду, что некоторые воспоминания на-

писаны много лет спустя, поэтому какие-то детали могли быть смещены в памяти пишущего или попросту забыты. Но и в этих случаях, несмотря на отдельные неточности, воспоминания, взятые в целом, представляют большой интерес. Они всесторонне знакомят читателей с личными чертами великих учителей пролетариата, позволяют лучше понять, какое огромное влияние оказывали они на окружающих, на развитие международного рабочего движения, на выработку его лучших традиций, которые в последующем получили наиболее полное воплощение в ленинской партии — партии нового типа, снискавшей безграничное доверие миллионов, ставшей умом, честью и совестью нашей эпохи.

Сборник состоит из двух частей: в первую входят вводная часть и первые два раздела; во вторую — третий и четвертый разделы, а также научно-справочный аппарат к обеим частям.

Вместо развернутого редакционного введения публикуются известные статьи В. И. Ленина «Карл Маркс» и «Фридрих Энгельс», а также фрагмент из «Введения» Маркса к брошюре Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» и статья Энгельса «Карл Маркс». В этих классических работах дана обобщающая характеристика жизни и деятельности Маркса и Энгельса, раскрыты основное содержание и монолитная цельность их революционного учения, его творческий характер, показаны значение их бессмертных идей, их огромная роль в организации политического авангарда пролетариата в борьбе за коммунистическое преобразование общества.

В первом разделе книги помещены воспоминания членов семьи Маркса — его жены, младшей дочери Элеоноры,

его зятьев — Поля Лафарга и Эдуарда Эвелинга, его внука Эдгара Лонге. Второй раздел составляют мемуары ближайших друзей, учеников и соратников: В. Либкнехта, А. Бебеля, Ф. Лесснера и др.

В третий раздел включены воспоминания о встречах с Марксом или Энгельсом русских революционеров и общественных деятелей. Значительный объем этого раздела — в нем помещены воспоминания, охватывающие период от середины 40-х гг. до 1895 г., — убедительно показывает не только исключительный интерес Маркса и Энгельса к России и ее революционному движению, но и широту их связей с передовыми людьми нашей страны.

Четвертый раздел сборника составляют воспоминания участников рабочего и революционного движения, общественных деятелей различных стран, которым приходилось встречаться с Марксом и Энгельсом на тех или иных этапах их жизненного пути. Некоторые из этих документов охватывают несколько лет, другие отражают лишь краткие эпизоды и отдельные события.

Все материалы сборника расположены, как правило, в хронологическом порядке по периодам, которые описываются в воспоминаниях. Явные опiski в датах, фактах, именах исправлены редакцией в тексте, некоторые неточности оговорены в подстрочных примечаниях.

По сравнению со сборником «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», выпущенным Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1983 г., объем настоящего издания несколько расширен. В книгу включено 10 новых документов, из них 8 публикуются на русском языке впервые. Воспоминания

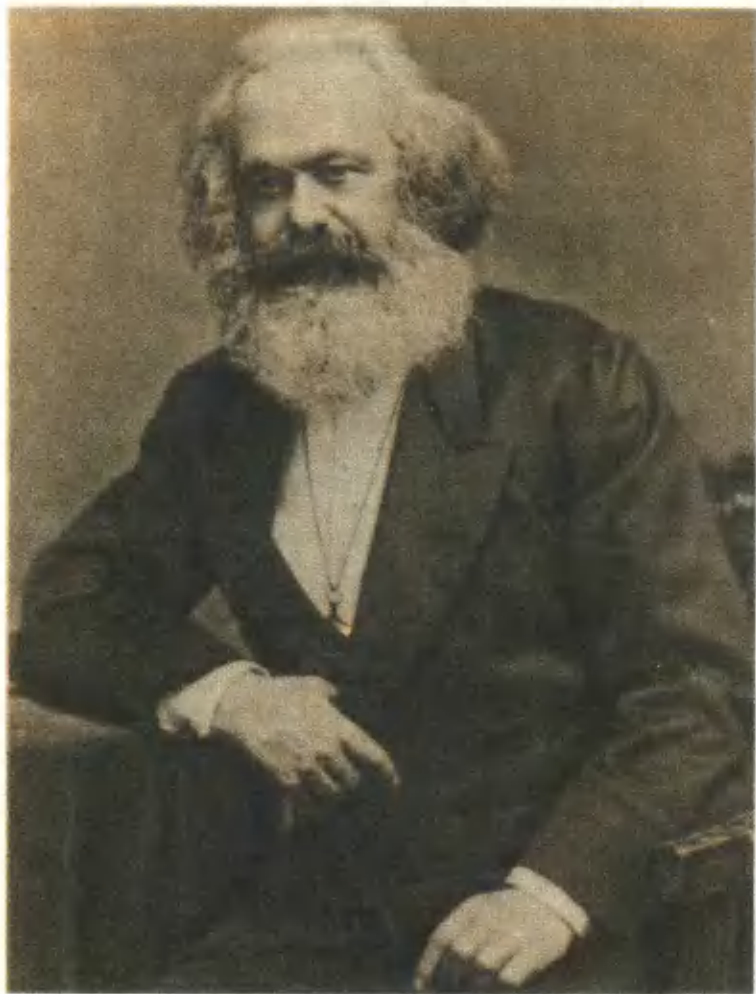

русских авторов печатаются, как правило, по тексту книги «Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе», подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1969 г., с сохранением особенностей авторского текста и языка того времени. Сборник снабжен примечаниями, аннотированными указателями имен и прессы.

Данное издание сборника подготовлено научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС С. А. Гаврильченко и Б. Г. Тартаковским.

*Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

К. Маркс

Карл Маркс

(КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
С ИЗЛОЖЕНИЕМ МАРКСИЗМА)

Маркс Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие» этих книг — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами»¹. В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кёльне оппозиционную газету: «Рейн-

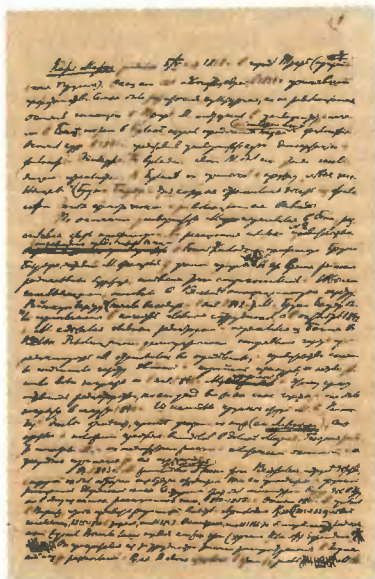
скую Газету» (начала выходить с 1 января 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. *Литературу*), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля². Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен, еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей вместе с Арнольдом Руге (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмаркианец) радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия»³, апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социа-

Первая страница рукописи
В. И. Ленина «Карл Маркс»

лизма, теорию и тактику революционного пролетарского социализма или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 гг., ниже: Литература. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов»⁴, приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне)

и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Герма-

нию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором ее был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г.⁵ и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.)⁶, были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»)⁷. Стоя на стороне эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. *Литературу*) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение* Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I, 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «Обращения»⁸ и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выко-

вывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действительно*, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции» 1871), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «*Капитала*», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (например, русский), но окончить «*Капитал*» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена, 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен, вместе со своей женой, на кладбище Хайгейт в Лондоне. Из детей Маркса несколько умерло в детском возрасте в Лондоне, когда семья сильно бедствовала. Три дочери были замужем за социалистами Англии и Франции: Элеонора Эвелинг, Лаура Лафарг и Дженни Лонге. Сын последней — член французской социалистической партии.

У Ч Е Н И Е М А Р К С А

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность

и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—1845 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции» в отличие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве») ⁹. «Для Гегеля,— писал Маркс,— процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, послесловие к 2 изд.) ¹⁰. В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — «...Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос,.. что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в извест-

ной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира»¹¹. В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись свою и Маркса 1844—1845 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливым пропусканьем через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики»¹². См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 декабря 1866 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гёксли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем

никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма¹³. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Мошотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

ДИАЛЕКТИКА

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естество-

знание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически»¹⁴.

«Великая основная мысль,— пишет Энгельс,— что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются,— эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»¹⁵.

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика»¹⁶. А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опира-

ясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны); связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой) ¹⁷.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию» ¹⁸. Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия. «Технология, — говорит Маркс («Капитал», I), — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» ¹⁹. Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями...» «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»²⁰. (Ср. краткую формулировку Мар-

кса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства».)²¹

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условия жизни тех классов, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — пишет Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать

борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений (см. *Литературу*) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая»²². Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения,— говорит Маркс в предисловии к «Капиталу»,— является открытие экономического закона движения современного общества»²³, т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

СТОИМОСТЬ

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью*. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравняваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее между ними то, что они — *продукты труда*. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстракт-*

ный человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей общественно-необходимого рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают»²⁴. Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени»²⁵. Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости и денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различ-

ные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I) ²⁶.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д — Т — Д, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в *капитал*, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую

силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере $\frac{6}{6}$, т. е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, безхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вме-

шательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала*, т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства* плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять произ-

водство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного

труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют» («Капитал», I).

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в пред-

приятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по *ценам производства* (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом, общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства земледельческих продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при

средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монополярная цена рождает *абсолютную* ренту. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же может — например, при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое, однако, отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: моно-

полю средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86—87)²⁷. — К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии*. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами, в свою очередь, держали крепостных. У этих крестьян развивается, таким образом, постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332)²⁸... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства

к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I², 778)²⁹. Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль в деле создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I², 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Классовая борьба во Франции») ³⁰. «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату» («18 брюмера») ³¹. Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Классовая борьба во Франции») ³². В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства»? («Капитал», III², 340). В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производи-

тельности их труда» («Капитал», III², 340). Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелко-го производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности»³³. Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы)³⁴.

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и от-

вратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства,— при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же)³⁵. На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно

из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест») ³⁶. Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды) ³⁷. Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет» ³⁸. «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Проис-

хождении семьи, частной собственности и государства») ³⁹.

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприровать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit») ⁴⁰.

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—1845 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении все сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего мате-

риалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях,— писал Маркс Энгельсу,— хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, с. 127 «Переписки») ⁴¹. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе, одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана зара-

ботной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер»⁴². Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом») ⁴³, отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу серединки «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (и исходом) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года»⁴⁴. В Германии 1848 — 1849 гг. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад ска-

занного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся, между прочим, образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена назад: «...без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом; ...без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа...» («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212 стр.)⁴⁵. Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224)⁴⁶ Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848 — 1849 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер — Виллих и борьба с ними), требуя уменьшать работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108)⁴⁷. Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210), между прочим, именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло, — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — в земледельческой

стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217) ⁴⁸. В период 1864—1870 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним *и на почве*, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—441) ⁴⁹. В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания ⁵⁰, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману) ⁵¹. Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—1878 г., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424) ⁵². Ср. также письма к Зорге).

ЛИТЕРАТУРА

Полное собрание сочинений и писем Маркса не издано еще до сих пор. На русский язык переведена большая часть произведений Маркса, чем на какой-либо другой язык. Нижеследующий перечень этих произведений составлен в хронологическом порядке. К 1841 году относится диссертация Маркса о философии Эпикура (вошла в посмертное издание — «Литературное Наследство», о нем ниже). В этой диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегельянской точке зрения. К 1842 году относятся статьи Маркса в «Рейнской Газете» (Кёльн), в особенности критика прений о свободе печати в шестом рейнском ландтаге, затем по поводу законов о краже леса, далее: защита освобождения политики от теологии и др. (вошли частью в «Литературное Наследство»). Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В 1844 г. выходит в Париже под редакцией Маркса и Арнольда Руге «Немецко-Французский Ежегодник», где вышеуказанный переход совершается окончательно. Особенно замечательны статьи Маркса: «Введение в критику гегелевской философии права» (кроме «Литературного Наследства» есть отдельное издание брошюрой) и «К еврейскому вопросу» (тоже; брош. в изд. «Знание», «Дешевая Библиотека» № 210). В 1845 году Маркс и Энгельс издают вместе (во Франкфурте-на-Майне) брошюру: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о» (кроме «Литературного Наследства» есть по-русски два отдельных издания брошюрой, в изд. «Нового Голоса», СПб. 1906, и «Вестника Знания», СПб. 1907 г.). К весне 1845 г. относятся тезисы Маркса о Фейербахе (напечатаны в приложении к брошюре Фр. Энгельса: «Людвиг Фейербах»; есть русский перевод). В 1845—1847 гг. Маркс писал ряд статей (большой частью не собранных, не переизданных и не переведенных на русский) в газетах: «Vorwärts», — изд. в Париже, «Brüsseler Deutsche Zeitung» (1847), «Das Westphälische Dampfboot» (Bielefeld, 1845—1848), «Der Gesellschaftsspiegel» (1846, Elberfeld). К 1847 году относится изданное в Брюсселе и Париже основное сочинение Маркса против Прудона: «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Пру-

дона» (по-русски три издания «Нового Мира», одно Г. Львовича, одно Алексеевой, одно «Просвещения», все в 1905—1906 гг.). В 1848 г. издана в Брюсселе «Речь о свободе торговли» (есть русский перевод) и затем в Лондоне, в сотрудничестве с Фр. Энгельсом, знаменитый, переведенный едва ли не на все языки Европы и частью других стран мира, «Манифест Коммунистической партии» (русский перевод около 8 изданий 1905—1906 гг., «Молота», «Колокола», Алексеевой и др., большей частью конфискованных, под разными названиями: «Коммунистический Манифест», «О коммунизме», «Общественные классы и коммунизм», «Капитализм и коммунизм», «Философия истории»; полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью группы «Освобождение труда»). С 1 июня 1848 по 19 мая 1849 выходила в Кёльне «Новая Рейнская Газета», главным редактором которой фактически был Маркс. Многочисленные статьи Маркса в этой газете, доньше остающейся лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата, не собраны и не переизданы полностью. Наиболее важные вошли в «Литературное Наследство». Отдельной брошюрой многократно издавались статьи Маркса из этой газеты «Наемный труд и капитал» (по-русски 4 издания, Козмана, «Молота», Мягкова и Львовича, 1905—1906 гг.). Из той же газеты: «Либералы у власти» (изд. «Знание», «Дешев. Библ.» № 272. СПб. 1906). В 1849 г. Маркс издал в Кёльне «Два политические процесса» (две защитительные речи Маркса, оправданного судом присяжных по обвинениям в преступлении печати и в призыве к вооруженному сопротивлению правительству. Русский перевод 5 изданий 1905—1906 гг., Алексеевой, «Молота», Мягкова, «Знания», «Нового Мира»). В 1850 г. Маркс издал в Гамбурге 6 №№ журнала: «Новая Рейнская Газета». Важнейшие статьи отсюда вошли в «Литературное Наследство». Особенно замечательны переизданные Энгельсом в 1895 г. брошюрой статьи Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.» (русский перевод, изд. М. Малых, «Библ.» № 59—60; также в сборнике: «Собрание исторических работ», пер. Базарова и Степанова, изд. Скирмунта, СПб. 1906 г., тоже: «Мысли и взгляды о жизни XX века», СПб. 1912 г.). В 1852 г. в Нью-Йорке

вышла брошюра Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (русский перевод в только что названных сборниках). В том же году в Лондоне: «Разоблачения относительно кёльнского процесса коммунистов» (русск. пер.: «Кёльнский процесс коммунаров», № 43 «Популярно-Научной Библиотеки», СПб. 1906, 28 окт.). С августа 1851 по 1862 г.* Маркс был постоянным сотрудником нью-йоркской газеты «Трибуна» («The New York Tribune»), где многие из его статей появились без подписи, как редакционные. Особенно замечательны статьи: «Революция и контрреволюция в Германии», переизданные, после смерти Маркса и Энгельса, в немецком переводе (русский перевод в двух сборниках, пер. Базарова и Степанова, затем отдельной брошюрой пять изданий 1905—1906 гг., Алексеевой, «Общественной Пользы», «Нового Мира», «Всеобщей Библиотеки» и «Молота»). Некоторые из статей Маркса в «Трибуне» изданы были в Лондоне отдельными брошюрами, напр., о Пальмерстоне в 1856 г., «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века» (о постоянной корыстной зависимости английских министров либеральной партии от России) и др. После смерти Маркса его дочь Элеонора Эвелинг издала ряд статей его из «Трибуны» по восточному вопросу под заглавием: «The Eastern Question». London. 1897. («Восточный вопрос»). Часть переведена на русский: «Война и революция». Вып. I. Маркс и Энгельс: «Неизданные статьи (1852, 1853, 1854 гг.)». Харьков. 1919. (Библ. «Наша Мысль».) С конца 1854 г. и в течение 1855 г. Маркс сотрудничал в газете «Neue Oder-Zeitung», а в 1861—1862 гг. в венской газете «Presse». Статьи эти не собраны и лишь частью появлялись в «Neue Zeit», как и многие письма Маркса. То же относится к статьям Маркса из газеты «Das Volk» (Лондон. 1859 г.) относительно дипломатической истории итальянской войны 1859 г. В 1859 г. в Берлине вышло сочинение Маркса: «К критике политической экономии» (русский перевод, М. 1896 г., под ред. Мануилова, и СПб. 1907 г., перевод Румянцева). В 1860 г.

* Энгельс в статье о Марксе в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Bd. 6, S. 603 («Словарь государственных наук», т. 6, с. 603. Ред.) и Бернштейн в статье о Марксе в 11-м издании «Британской Энциклопедии» 1911 г. ошибочно указывают 1853—1860 гг. Смотри переписку Маркса и Энгельса, изданную в 1913 году.

в Лондоне вышла брошюра Маркса «Herr Vogt» («Г-н Фогт»).

В 1864 г. в Лондоне вышло написанное Марксом «Обращение Международного товарищества рабочих» (есть русский перевод). Маркс был автором многочисленных манифестов, обращений и резолюций Генерального совета Интернационала. Весь этот материал далеко еще не разработан и даже не собран. Первым приступом к этой работе является книга Г. Иэкка: «Интернационал» (русский перевод СПб. 1906, изд. «Знание»), где напечатаны, между прочим, некоторые письма Маркса и составленные им проекты постановлений. К числу написанных Марксом документов Интернационала относится манифест Генерального совета по поводу Парижской Коммуны, вышедший в 1871 г. в Лондоне отдельной брошюрой под заглавием: «Гражданская война во Франции» (рус. пер. под ред. Ленина, изд. «Молота» и др. изд.). К эпохе 1862—1874 гг. относится переписка Маркса с членом Интернационала Кугельманом (два издания в рус. пер., одно перевод А. Гойхбарга, другое под ред. Ленина). В 1867 г. в Гамбурге вышло в свет главное сочинение Маркса: «Капитал. Критика политической экономии». Т. I. Второй и третий тома изданы после смерти Маркса Энгельсом в 1885 и 1894 гг. Русский перевод: т. I — пять изданий (два в пер. Даниельсона, 1872 и 1898 гг., два в пер. Е. А. Гурвич и Л. М. Зака под ред. Струве, 1-е изд. — 1899, 2-е — 1905, одно под ред. Базарова и Степанова). Тт. II и III вышли в пер. Даниельсона (менее удовлетворительный) и в переводе под ред. Базарова и Степанова (лучший). В 1876 г. Маркс принял участие в составлении книги Энгельса «Анти-Дюринг» («Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft»), просмотрев в рукописи все сочинение и написав целиком главу, посвященную истории политической экономии.

Затем, после смерти Маркса были изданы следующие его произведения: «Критика Готской программы» (СПб. 1906 г., по-немецки в «Neue Zeit», 1890/91, № 18). «Заработная плата, цена и прибыль» (доклад, читанный 26 июня 1865 г. «Neue Zeit», XVI, 1897/98, русский перевод в изд. «Молот» 1906 г. и Львовича 1905 г.). «Литературное Наследство К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лас-саля», 3 тома. Штутгарт. 1902. (Русский перевод под ред.

Аксельрода и др. 2 тт. СПб. 1908. I том еще под ред. Е. Гурвич, М. 1907. Отдельно изданы письма Лассалья к Марксу, входят в «Литературное Наследство».) «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге» (два изд. по-русски, одно под ред. Аксельрода, другое — с пред. Ленина, изд. Дауге). «Теории прибавочной стоимости», 3 тт. в 4-х частях, Штутгарт, 1905—1910, изданная Каутским рукопись четвертого тома «Капитала» (русск. пер. только первого тома в трех изданиях: СПб. 1906, под ред. Плеханова; Киев, 1906, под ред. Железнова; Киев, 1907, под ред. Тучапского). В 1913 г. вышли в Штутгарте 4 больших тома «Переписки К. Маркса и Фр. Энгельса», содержащие 1386 писем за период времени с сентября 1844 по 10 января 1883 года и дающие массу в высшей степени ценного материала к изучению биографии и воззрений К. Маркса. В 1917 г. вышли 2 тома Маркса и Энгельса: Статьи 1852—1862 гг. (по-немецки). В заключение по поводу этого перечня произведений Маркса необходимо оговориться, что сюда не вошли еще некоторые из более мелких статей и отдельных писем, помещавшихся большей частью в «Neue Zeit», «Vorwärts» и др. периодических соц.-дем. изданиях на немецком языке; несомненно также, что не полон и список всех переводов Маркса на русский язык, особенно брошюр в 1905—1906 гг.

Литература о Марксе и марксизме необычайно велика. Мы отметим лишь наиболее существенное, разделяя авторов на три главные отдела: марксистов, стоящих в существенном на точке зрения Маркса; буржуазных писателей, по существу враждебных марксизму, и ревизионистов, якобы признающих те или иные основы марксизма, а на деле заменяющих его буржуазными воззрениями. Как своеобразно русскую разновидность ревизионизма следует рассматривать народническое отношение к Марксу. В. Зомбарт в своем «Ein Beitrag zur Bibliographie des Marxismus» (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, XX, 2. Heft, 1905, S.S. 413—430) приводит 300 названий в далеко не полном списке. Для пополнения его см. «Neue Zeit», указатели за 1883—1907 гг. и последующие годы. Затем см. Josef Stammhammer: «Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus». Bd. I—III. Jena (1893—1909). Далее для деталь-

ной библиографии марксизма можно указать еще: «Bibliographie der Sozialwissenschaften». Berlin. Jahrgang 1, 1905 u. ff. См. также Н. А. Рубакин, «Среди книг» (т. II, 2-е изд.). Мы приводим здесь лишь наиболее существенное. По вопросу о биографии Маркса следует указать прежде всего на статьи Фр. Энгельса в «Volkskalender», изданном Бракке в Брауншвейге в 1878 г., и в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Bd. 6, S. 600—603. W. Liebknecht: «Karl Marx zum Gedächtniss». Nürnberg. 1896. Lafargue: «K. Marx. Persönliche Erinnerungen». В. Либкнехт: «Карл Маркс». 2 изд. СПб. 1906. П. Лафарг: «Мои воспоминания о К. Марксе». Одесса. 1905. (См. ориг. в «Neue Zeit», IX, I.) «Памяти К. Маркса». СПб. 1908, стр. 410, сборник статей Ю. Невзорова, Н. Рожкова, В. Базарова, Ю. Стеклова, А. Финна-Енотаевского, П. Румянцева, К. Реннера, Г. Ролланд-Гольст, В. Ильина, Р. Люксембург, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, П. Орловского и М. Таганского. Фр. Меринг: «Карл Маркс». Обширная биография Маркса на английском языке, составленная американским социалистом Спарго (*Spargo*: «K. Marx, his life and work». London, 1911), неудовлетворительна. Общий обзор деятельности Маркса см. К. Каутский: «Die historische Leistung von K. Marx. Zum 25. Todestag des Meisters». Berlin. 1908. Русск. перевод: «К. Маркс и его историческое значение». СПб. 1908. Ср. также популярную брошюру Клара Зеткин: «К. М. und sein Lebenswerk» (1913). Воспоминания о Марксе: Анненкова в «Вестнике Европы», 1880, № 4 (и «Воспоминания», т. III. «Замечательное десятилетие». СПб. 1882) и Карла Шурца в «Русском Богатстве». 1906, № 12; М. Ковалевского в «Вестнике Европы», 1909, VI и сл.

По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова: «За 20 лет». СПб. 1909, 3-е изд.; «От обороны к нападению». СПб. 1910; «Основные вопросы марксизма». СПб. 1908; «Критика наших критиков». СПб. 1906; «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». СПб. 1908, и др. соч. Антонио Лабриола: «К вопросу о материалистическом взгляде на историю». СПб. 1898. Его же: «Исторический материализм и философия». СПб. 1906. Фр. Меринг: «Об историческом материализме». СПб. 1906 (2 изд.: «Просвещения» и

«Молота»). Его же: «Легенда о Лессинге». СПб. 1908 («Знание»). Ср. также (немарксист) Ш. Андлер: «Коммунистический Манифест. История, введение, комментарии». СПб. 1906. См. также «Исторический материализм». СПб. 1908, сборник статей Энгельса, Каутского, Лафарга и мн. др. Л. Аксельрод: «Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма». СПб. 1906. Специальная защита неудачных отступлений Дицгена от марксизма у *E. Untermann*: «Die logischen Mängel des engeren Marxismus». München. 1910 (753 стр.— обширный, но несерьезный труд). *Hugo Riekes*: «Die philosophische Wurzel des Marxismus» в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 62. Jahrgang, 1906, 3. Heft, S. 407—432, интересная работа противника марксовых взглядов, показывающего их философскую цельность с точки зрения материализма. *Benno Erdmann*: «Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung» в «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft» (Schmollers Jahrbuch). 1907, 3. Heft, S. 1—56 очень полезная формулировка некоторых основных положений философского материализма Маркса и свод возражений с ходячей точки зрения кантианства и агностицизма вообще. *R. Stammler*: «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung». 2 изд. Lpz. 1906 (кантианец). *Вольтман*: «Исторический материализм», рус. перевод, 1901 г. (также кантианец). *Форлендер*: «Кант и Маркс». СПб. 1909 (тоже). Ср. также полемику между А. Богдановым, В. Базаровым и др. («Очерки по философии марксизма», СПб. 1908. А. Богданов: «Падение великого фетишизма». М. 1909 и др. соч.) и В. Ильиным («Материализм и эмпириокритицизм». Москва. 1909). По вопросу об историческом материализме и этике: *К. Каутский*: «Этика и материалистическое понимание истории». СПб. 1906 и многочисленные другие произведения Каутского. Затем *Boudin*: «Das theoretische System von K. Marx». Stuttg. 1909 (*Л. Б. Будин*: «Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики», перев. с английск. под ред. В. Засулич. СПб. 1908). *Hermann Gorter*: «Der historische Materialismus», 1909. Из сочинений противников марксизма укажем: *Туган-Барановского*: «Теоретические основы марксизма». СПб. 1907.

С. Прокопович: «К критике Маркса». СПб. 1901. *Nattacher*: «Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus» (Lpz. 1910, стр. 730 — собрание цитат). В. Зомбарт: «Социализм и социальное движение в XIX в.». СПб. *Max Adler* (кантианец): «Kausalität und Teleologie» (Wien. 1909: «Marx-Studien») и «Marx als Denker».

Достойна внимания книга идеалиста гегельянца *Giov. Gentile*: «La philosophia di Marx» (Pisa. 1899) — автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. п., — и *Lévy*: «Feuerbach» — об одном из главнейших философских предшественников Маркса. Полезный свод цитат из ряда сочинений Маркса у *Чернышева*: «Памятная книжка марксиста». СПб. («Дело») 1908. По вопросу об экономическом учении Маркса: *К. Каутский*: «Экономическое учение Маркса» (многочисленные русск. издания), его же: «Аграрный вопрос», «Эрфуртская программа» и многочисленные брошюры. Ср. еще *Бернштейн*: «Экономическое учение Маркса». 3-й том «Капитала» (русск. перев. 1905); *Габриэль Девиль*: «Капитал» (изложение I тома «Капитала», русский перевод 1907). Представителем так называемого ревизионизма среди марксистов по аграрному вопросу является *Э. Давид*: «Социализм и сельское хозяйство» (рус. перев. СПб. 1902). Критику ревизионизма см. у *В. Ильина*: «Аграрный вопрос», ч. I. СПб. 1908. См. также *В. Ильин*: «Развитие капитализма в России». 2-е изд. СПб. 1908, и его же: «Экономические этюды и статьи». СПб. 1899. *В. Ильин*: «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», вып. I. 1917. Применение взглядов Маркса, с некоторыми отступлениями, к новейшим данным об аграрных отношениях во Франции у *Comptère-Morel*: «La question agraire et le socialisme en France». Paris. 1912 (455 стр.). Дальнейшее развитие экономических взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни см. у *Гильфердинга*: «Финансовый капитал». СПб. 1911. (Исправление существенных неправильностей во взглядах автора на теорию стоимости см. у Каутского в «Neue Zeit»: «Gold, Papier und Ware» — «Золото, бумажные деньги и товары» — 30, I; 1912, S. 837, 886.) *В. Ильин*: «Импе-

риализм, как новейший этап капитализма», 1917 г. В существенных пунктах отступает от марксизма *П. Маслов*: «Аграрный вопрос» (2 тт.) и «Теория развития народного хозяйства» (СПБ. 1910 г.). Критику некоторых из этих отступлений см. у Каутского в «*Neue Zeit*» XXIX, 1, 1911, статья: «Мальтузианизм и социализм».

Критика экономического учения Маркса с точки зрения широко распространенной среди буржуазных профессоров теории «предельной полезности»: *Böhm-Bawerk*: «Zum Abschluss des Marxschen Systems» (Brl. 1896 в «*Staatswiss. Arbeiten*», Festgabe für K. Knies). Есть русск. перевод: СПБ. 1897, «Теория Маркса и ее критика», и его же «*Kapital und Kapitalzins*», 2 изд. Insbr. 1900—1902, 2 т. («Капитал и прибыль». СПБ. 1909). Далее см.: *Riekes*: «Wert und Tauschwert» (1899); *v. Bortkiewicz*: «Wertrechnung u. Preisrechnung im Marxschen System» (Archiv f. Sozialw., 1906—1907); *Leo v. Buch*: «Über die Elemente d. polit. Ökonomie. I. Th. Die Intensität d. Arbeit, Wert u. Preis» (изд. также по-русски). Разбор критики Бем-Баверка с марксистской точки зрения: *Hilferding*: «Böhm-Bawerks Marx-Kritik» («*Marx-Studien*», Bd. I. Wien, 1904) и более мелкие статьи в «*Neue Zeit*».

По вопросу о двух главных направлениях в истолковании и развитии марксизма,— «ревизионистском» и радикальном («ортодоксальном»), см. *Эд. Бернштейн*: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (нем. ориг. Stuttg. 1899; рус. пер. «Историч. материализм», СПБ. 1901. «Социальные проблемы», М. 1901), ср. также его же: «Очерки из истории и теории социализма». СПБ. 1902. Ответ ему: *К. Каутский*: «Бернштейн и с.-д. программа» (нем. ориг. Stuttg. 1899. Рус. пер. 4 издания 1905—1906 гг.). Из французской марксистской литературы: *Jules Guesde*: «Quatre ans de lutte des classes», «En garde!», «Questions d'hier et d'aujourd'hui» (Paris, 1911); *P. Lafargue*: «Le déterminisme économique de K. Marx» (Paris, 1909). *Ant. Pannekoek*: «Zwei Tendenzen in der Arbeiter-Bewegung».

По вопросу о марксовой теории накопления капитала новая работа *Rosa Luxemburg*: «Die Akkumulation des Kapitals» (Brl. 1913) и разбор ее неправильного толкования теории Маркса у *Otto Bauer*: «Die Akkumulation des Kapitals» («*Neue Zeit*», 31 т., 1913, I. S.S. 831

и. 862). *Eckstein* в «Vorwärts», 1913 и *Pannekoeck* в «Bremer Bürger-Zeitung», 1913.

Из старой русской литературы о Марксе: *Б. Чичерин*: «Немецкие социалисты» в «Сборнике государственных знаний» Безобразова, СПб. 1888, и «История политических учений», ч. 5. М. 1902, стр. 156. Ответ *Зибера*: «Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина» в «Собрании сочинений», т. II, СПб. 1900. *Л. Слонимский*: «Экономическое учение К. Маркса». СПб. 1898. *Н. Зибера*: «Давид Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». СПб. 1885 и «Собр. сочинений», 2 тома, СПб. 1900. Рецензия *И. Кауфмана* (И. К — на) на «Капитал» в «Вестнике Европы» 1872, № 5 — замечательна тем, что Маркс в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» цитировал рассуждения И. К — на, признавая их правильным изложением своего материалистически-диалектического метода.

Русские народники о марксизме: *Н. К. Михайловский* в «Русском Богатстве» 1894, № 10; 1895, №№ 1 и 2, перепеч. в собр. соч.— по поводу «Критических замечаний» П. Струве (СПб. 1894), разобранных с марксистской точки зрения *К. Тулиным* (В. Ильин) в «Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб. 1895, уничтожено цензурой), перепечатано у *В. Ильина*: «За 12 лет». СПб. 1908. Далее, из народнической литературы: *В. В.*: «Наши направления». СПб. 1892. *Его же*: «От 70-х годов к 900-ым». СПб. 1907. *Николай — он*: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПб. 1893. *В. Чернов*: «Марксизм и аграрный вопрос». СПб. 1906. *Его же*: «Философские и социологические этюды». СПб. 1907.

Кроме народников отметим еще: *Н. Кареев*: «Старые и новые этюды об историческом материализме». СПб. 1896. 2-е изд. 1913 г. под заглавием: «Критика экономического материализма». *Масарик*: «Философские и социологические основания марксизма». М. 1900. *Кроче*: «Исторический материализм и марксистская экономия». СПб. 1902.

Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса*. Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса.

Критика Маркса с точки зрения анархизма см. у В. Черкезова: «Доктрины марксизма». СПб. 1905, 2 части; В. Текер: «Вместо книги». М. 1907. Синдикалист Сорель: «Социальные очерки современной экономики». М., 1908.

Печатается по тексту
Полного собрания сочинений
В. И. Ленина, т. 26, с. 43—93

Ф. Энгельс

Фридрих Энгельс

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало! *

5-го августа нового стиля (24 июля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.) Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения. Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавит человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

---

* Из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова».
Ред.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но, когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения были совершенной новостью. Тогда было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбой за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полиции и попов, не видели противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали как самостоятельная общественная сила. С другой стороны, было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашние социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только язву, с ужасом смотрели они, как с ростом промышленности растет и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на непрерывный рост пролетариата. Чем больше пролетариев, тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку.

Вот почему имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вот почему в нашем сборнике, цель которого, как и всех наших изданий, будить классовое самосознание в русских рабочих, мы должны дать очерк жизни и деятельности Фридриха Энгельса, одного из двух великих учителей современного пролетариата.

Энгельс родился в 1820 году в г. Бармене, в Рейнской провинции прусского королевства. Отец его был фабрикантом. В 1838 году Энгельс семейными обстоятельствами был вынужден, не кончив гимназии, поступить в

Титульный лист сборника
«Работник» со статьей-некрологом
В. И. Ленина «Фридрих Энгельс»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЯ!

РАБОТНИКЪ

№ № 1 и 2.

НЕПЕРИОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Съ погрудкомъ Фридриха Энгельса.

Изданіе „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“.

ЖЕНЕВА

Товарищество „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“

1896

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ

Каждое существование роузны и неслы
Каждое сердце бьется по-своему!

2-го августа моего статья (24 июня 1896 года) появи-
чалась въ Лондонѣ Фридриха Энгельса. Накануне своего
друга Карла Маркса (уверенно въ 1895 г.) Энгельсъ
былъ самымъ замѣчательнымъ ученымъ и учителемъ
современнаго пролетариата во всемъ цивилизованномъ
мирѣ. Съ тѣхъ поръ какъ судьба столкнула Карла
Маркса съ Фридрихомъ Энгельсомъ, жили они тѣмъ
обстоятельствомъ сдѣлались какъ единый организмъ. Потому
для того, чтобы показать, что сдѣлалъ Фридрихъ Энгельсъ
для пролетариата, надо не только описать нарисовать
ученія и дѣятельности Маркса въ разныя современ-
наго рабочаго класса Марксъ и Энгельсъ впервые
показали, что рабочий классъ съ его требованиями есть
необходимое порожденіе современнаго капиталистиче-
скаго общества, который вывелъ съ страшной необходимостью
сдѣлать и организовать пролетариатъ. Они показали, что
не слѣдуетъ думать, что пролетариатъ (или нѣкоторые
личности) и классовая борьба являются естественными
продолженіемъ человѣчества, что пролетариатъ это те-
перь дѣятель. Марксъ и Энгельсъ въ своихъ научныхъ
трудахъ впервые показали, что социализмъ не выдумка
мыслителей — конечная цѣль и необходимый результатъ
развитія производительныхъ силъ въ современномъ
обществѣ. Вся писанная исторія до сихъ поръ была
исторіей классовой борьбы, борьбой господства и по-

приказчики одного бременского торгового дома. Заня-
тия купеческимъ деломъ не помешали Энгельсу работать
над своимъ научнымъ и политическимъ образованиемъ. Еще
гимназистомъ возненавидѣлъ онъ самодержавіе и произволъ
чиновниковъ. Занятія философией повели его дальше.
В то время въ немецкой философии господствовало уче-
ніе Гегеля, и Энгельсъ сдѣлался его последователемъ.
Хотя самъ Гегель былъ поклонникомъ самодержавнаго
прусскаго государства, на службѣ котораго онъ состоялъ
въ качествѣ профессора Берлинскаго университета,—
ученіе Гегеля было революционнымъ. Вѣра Гегеля въ
человеческій разумъ и его права и основное положеніе
гегелевской философіи, что въ мирѣ происходитъ постоян-
ный процессъ измененія и развитія, приводили техъ
учениковъ берлинскаго философа, которые не хотели ми-

ряться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если одни учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржуазии над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была *идеалистической*. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития *, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегельянкам Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном

---

* Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам, и в частности Гегелю. «Без немецкой философии,— говорит Энгельс,— не было бы и научного социализма»⁵³.

обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. С ним Энгельс познакомился в Англии, в центре английской промышленности, Манчестере, куда он перебрался в 1842 году, поступив на службу в торговый дом, одним из пайщиков которого был его отец. Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе, — он ходил по грязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия. Но он не удовольствовался личными наблюдениями, он прочел все, что было найдено до него о положении английского рабочего класса, он тщательно изучил все доступные ему официальные документы. Плодом этих изучений и наблюдений была вышедшая в 1845 году книга: «Положение рабочего класса в Англии». Мы уже упомянули выше, в чем главная заслуга Энгельса как автора «Положения рабочего класса в Англии». И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего класса. Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться, как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Социалистом Энгельс сделался только в Англии. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях. В 1844 году, возвращаясь в Германию, он по пути познакомился в Париже с Марксом, с которым уже раньше у него завязалась переписка. Маркс в Париже под влиянием французских социалистов и французской жизни сделался тоже социалистом. Здесь друзья сообща написали книгу: «Святое семейство, или критика критической критики». В этой книге, вышедшей за год до «Положения рабочего класса в Англии» и написанной большей частью Марксом, заложены основы того революционно-материалистического социализма, главные мысли которого мы изложили выше. «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с их последователями. Эти господа проповедовали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате. Еще до «Святого семейства» Энгельс напечатал в «Немецко-Французском Журнале» Маркса и Руге «Критические очерки по политической экономии»⁵⁴, в которых с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот.

Время от 1845 по 1847 г. Энгельс провел в Брюсселе и Париже, соединяя научные занятия с практической деятельностью в среде немецких рабочих Брюсселя и Парижа. Тут у Энгельса и Маркса завязались отноше-

ния с тайным немецким «Союзом коммунистов»⁴, который поручил им изложить основные начала выработанного ими социализма. Так возник напечатанный в 1848 году знаменитый «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира.

Революция 1848 г., разразившаяся сперва во Франции, а потом распространившаяся и на другие страны Западной Европы, привела Маркса и Энгельса на родину. Здесь, в Рейнской Пруссии, они стали во главе демократической «Новой Рейнской Газеты», издававшейся в Кёльне. Оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолели. «Новая Рейнская Газета» была запрещена, Маркс, потерявший за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, был выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании, в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон.

Там же поселился и Маркс. Энгельс вскоре снова сделался приказчиком, а потом и пайщиком того торгового дома в Манчестере, в котором он служил в 40-х годах. До 1870 года он жил в Манчестере, а Маркс в Лондоне, что не мешало им находиться в самом живом духовном общении: они почти ежедневно переписывались. В этой переписке друзья обменивались своими взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм. В 1870 г. Энгельс переехал в Лондон и до 1883 г., когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодом ее были — со стороны Маркса — «Капитал», величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса — целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого

и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовем: полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук) *, «Происхождение семьи, собственности и государства» (переведено на русский язык, издано в С.-Петербурге, 3-е изд., 1895), «Людвиг Фейербах» (русский перевод с примечаниями Г. Плеханова, Женева, 1892), статья об иностранной политике русского правительства (переведена на русский язык в женевском «Социал-Демократе» №№ 1 и 2)⁵⁶, замечательные статьи о квартирном вопросе⁵⁷, наконец, две маленькие, но очень ценные статьи об экономическом развитии России («Фридрих Энгельс о России», перев. на русский язык В. И. Засулич, Женева, 1894)⁵⁸. Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III тома «Капитала». В 1885 г. он издал II, а в 1894 г. III том (IV том он не успел обработать⁵⁹). Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя⁶⁰. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса. Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда — и, в общем, совершенно справедливо — ставил себя позади Маркса. «При Марксе, — писал он одному старому приятелю, — я играл вторую скрипку»⁶¹. Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспре-

* Это удивительно содержательная и поучительная книга. Из нее, к сожалению, на русский язык переведена только небольшая часть, содержащая исторический очерк развития социализма («Развитие научного социализма», 2-ое изд., Женева, 1892)⁵⁵.

дельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

После движения 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс в изгнании занимались не одной только наукой. Маркс создал в 1864 г. «Международное общество рабочих» и в течение целого десятилетия руководил этим обществом. Живое участие в его делах принимал также и Энгельс. Деятельность «Международного общества», соединявшего, по мысли Маркса, пролетариев всех стран, имела огромное значение в развитии рабочего движения. Но и с закрытием в 70-х годах «Международного общества» объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение. После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран,— напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса.

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами. Оба они сделали социалистами из демократов, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в *политическом* отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отклик. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важ-

ной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы — естественно, являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должно быть его собственным делом», — вот чему постоянно учили Маркс и Энгельс. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известные *политические* права. Кроме того, и Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западноевропейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучшего друга.

Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!

Печатается по тексту
Полного собрания сочинений
В. И. Ленина, т. 2, с. 5—14

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых.

*(Из речи В. И. Ленина
при открытии памятника Марксу
и Энгельсу 7 ноября 1918 г.)*

В. И. Ленин выступает
на открытии памятника К. Марксу
и Ф. Энгельсу

Из «Введения к брошюре Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»»⁶²

...Фридрих Энгельс, один из самых выдающихся представителей современного социализма, привлек внимание в 1844 г. своими «Набросками к критике политической экономии», которые появились сначала в «Немецко-французском ежегоднике», издававшемся в Париже Марксом и Руге. В «Набросках» были уже сформулированы некоторые общие принципы научного социализма. В Манчестере, где проживал тогда Энгельс, он написал на немецком языке свою книгу «Положение рабочего класса в Англии» (1845) — важный труд, значение которого в полной мере оценил Маркс в «Капитале». Во время своего первого пребывания в Англии, как и позднее в Брюсселе, он сотрудничал в «Northern Star», официальном органе социалистического движения, и в «New Moral World» Роберта Оуэна.

Во время своего пребывания в Брюсселе Энгельс и Маркс основали коммунистический клуб немецких рабочих⁶³, имевший связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Оба они вместе с Борнштедтом создали «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*». По приглашению находившегося в Лондоне немецкого комитета Союза справедливых⁶⁴ они вступили в это общество, учрежденное первоначально Карлом Шаппером, который был вынужден бежать из Франции ввиду его участия в заговоре Бланки в 1839 г.⁶⁵ С тех пор Союз был превращен в международный Союз коммунистов⁴, который отказался от обычной формы тайных обществ. Тем не менее при тогдашних обстоятельствах Союз должен был существовать втайне от правительств. В 1847 г. на международном конгрессе, созванном Союзом в Лондоне, Марксу и Энгельсу было поручено составить «Манифест Коммунистической партии», опубликованный незадолго до февральской революции

и почти тотчас же переведенный на все европейские языки *.

В 1847 г. Маркс и Энгельс работали над созданием *Демократической ассоциации*⁶⁶ в Брюсселе, открытого и международного общества, где встречались представители буржуазных радикалов и социалистических рабочих.

После февральской революции Энгельс становится одним из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*», основанной Марксом в Кёльне и запрещенной в мае 1849 г. прусским правительством. Приняв участие в восстании в Эльберфельде, Энгельс совершил затем баденский поход против пруссаков (июнь — июль 1849 г.) в качестве адъютанта Виллиха, командовавшего тогда батальоном добровольцев⁶⁷.

В 1850 г. в Лондоне он сотрудничал в «*Новой Рейнской газете. Политико-экономическом обозрении*», издававшемся Марксом и печатавшемся в Гамбурге. Там Энгельс опубликовал «*Крестьянскую войну в Германии*», которая 19 лет спустя вышла в Лейпциге отдельной брошюрой и выдержала три издания.

После возрождения социалистического движения в Германии Энгельс сотрудничал в «*Volksstaat*» и в «*Vorwärts*»; ему принадлежат там наиболее значительные статьи, большая часть которых была переиздана в виде брошюр: «*О социальном вопросе в России*», «*Прусская водка в германском рейхстаге*», «*К жилищному вопросу*», «*Бакунисты за работой*» и т. д.

В 1870 г., оставив Манчестер и переехав в Лондон, Энгельс вошел в состав Генерального Совета Интернационала; ему была поручена связь с Испанией, Португалией и Италией.

Серия последних статей, которые он посылал в «*Vorwärts*» под ироническим заглавием «*Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом*», пред-

---

* В опубликованном тексте П. Лафаргом была добавлена следующая фраза: ««Коммунистический манифест» — один из самых ценных документов современного социализма; он и теперь еще остается одним из самых сильных и ясных изложений развития буржуазного общества и образования пролетариата, который должен положить конец капиталистическому обществу; в нем, как и в «*Нищете философии*» Маркса, опубликованной годом раньше, впервые ясно сформулирована теория борьбы классов». *Ред.*

ставляет собой ответ на якобы новые теории г-на Дюринга о науках вообще и о социализме в частности. Эти статьи были объединены в книгу и имели большой успех у социалистов Германии. В настоящей брошюре мы даем наиболее существенные извлечения из теоретической части этой книги; эти извлечения образуют, так сказать, *введение в научный социализм*.

Печатается по тексту
Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса,
изд. 2-е, т. 19, с. 241—245

Карл Маркс⁶⁸

Человек, впервые давший социализму, а тем самым и всему рабочему движению наших дней научную основу, — Карл Маркс — родился в 1818 г. в Трире. Сначала он изучал право в Бонне и Берлине, но вскоре целиком отдался изучению истории и философии и уже готов был в 1842 г. в качестве доцента приступить к чтению лекций по философии, когда политическое движение, возникшее после смерти Фридриха-Вильгельма III, направило его жизнь по другому руслу. Вожди рейнской либеральной буржуазии в Кёльне — гг. Кампгаузен, Ганзман и другие — основали при его участии «Rheinische Zeitung», и Маркс, который произвел огромное впечатление своей критикой дебатов в рейнском провинциальном ландтаге, был приглашен осенью 1842 г. стать во главе газеты. Конечно, «Rheinische Zeitung» выходила под цензурой, но цензура не могла с ней справиться *. «Rheinische Zeitung» почти всегда добивалась печатания статей, которые были необходимы; сначала цензору подбрасывали менее ценный материал для вычеркивания, пока он не сдавался сам или не бывал вынужден пойти на уступки под угрозой, что газета завтра не выйдет. Будь еще десяток газет, обладавших мужеством «Rheinische Zeitung», с издателями, которые не пожалели бы лишних несколько сотен талеров на издержки набора, — и цензура в Германии стала бы невозможной уже в 1843 г. Но немецкие собственники газет были мелочные, трусливые обыватели, и «Rheinische Zeitung» вела борьбу в одиночку. Она выводила из строя одного цензора за другим. Наконец для

---

* Первым цензором «Rheinische Zeitung» был полицейский советник Доллешалль, тот самый, который зачеркнул однажды в «Kölnische Zeitung» объявление о переводе Филалетом (будущим королем Иоганном Саксонским) «Божественной комедии» Данте, сделав следующее примечание: «Из божественного нечего устраивать комедий».

нее была установлена двойная цензура, так что после первой цензуры ее должен был еще раз и окончательно просматривать регирунгспрезидент. Но не помогло и это. В начале 1843 г. правительство заявило, что с этой газетой ничего нельзя поделать, и попросту запретило ее.

Маркс, женившийся тем временем на сестре будущего реакционного министра фон Вестфалена, переселился в Париж и стал издавать там вместе с А. Руге «Deutsch-Französische Jahrbücher», в котором он открыл серию своих социалистических произведений «Критикой гегелевской философии права». Затем им было издано вместе с Ф. Энгельсом «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К⁰» — сатирическая критика одной из последних форм, которую принял тогдашний немецкий философский идеализм.

Занятия политической экономией и историей великой французской революции все же оставляли Марксу еще достаточно времени для того, чтобы при случае нападать на прусское правительство; последнее отомстило ему, добившись весной 1845 г. от министерства Гизо высылки Маркса из Франции. Г-н Александр фон Гумбольдт, видимо, сыграл при этом роль посредника⁶⁹. Маркс переехал в Брюссель и опубликовал там в 1847 г. на французском языке «Нищету философии», критику «Философии нищеты» Прудона, а в 1848 г. «Речь о свободе торговли». В то же время ему удалось основать в Брюсселе Немецкое рабочее общество⁶³ и приступить тем самым к практической агитации. Последняя приобрела для него еще большее значение после того, как он и его политические друзья вступили в 1847 г. в существовавший уже много лет тайный Союз коммунистов⁴. Вся организация была теперь преобразована в корне; более или менее заговорщическое до того времени объединение превратилось в простую, лишь по необходимости тайную, организацию коммунистической пропаганды, в первую организацию немецкой социал-демократической партии. Союз существовал всюду, где только имелись немецкие рабочие общества; руководящие члены почти во всех таких обществах Англии, Бельгии, Франции и Швейцарии и в очень многих обществах Германии были членами Союза, и участие Союза в нарождавшемся немецком рабочем

движении было весьма значительно. Вместе с тем наш Союз первый подчеркнул международный характер рабочего движения в целом и доказывал это на деле, насчитывая в числе своих членов англичан, бельгийцев, венгров, поляков и других и устраивая, особенно в Лондоне, международные рабочие собрания.

Преобразование Союза произошло на двух конгрессах, созванных в 1847 г. На втором из них было постановлено выработать и опубликовать основы партийной программы в форме манифеста, составление которого было поручено Марксу и Энгельсу. Так возник «Манифест Коммунистической партии», который впервые появился в 1848 г., незадолго до февральской революции, а затем был переведен почти на все европейские языки.

Участие Маркса в «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*», которая беспощадно разоблачала отечественное полицейское благополучие, дало повод прусскому правительству снова потребовать высылки Маркса, однако безуспешно. Но когда в результате февральской революции начались народные волнения также и в Брюсселе и казалось, что Бельгия находится накануне переворота, бельгийское правительство без всяких церемоний арестовало Маркса и выслало его. Между тем временное правительство Франции через Флокона пригласило его вернуться в Париж, и он воспользовался этим приглашением.

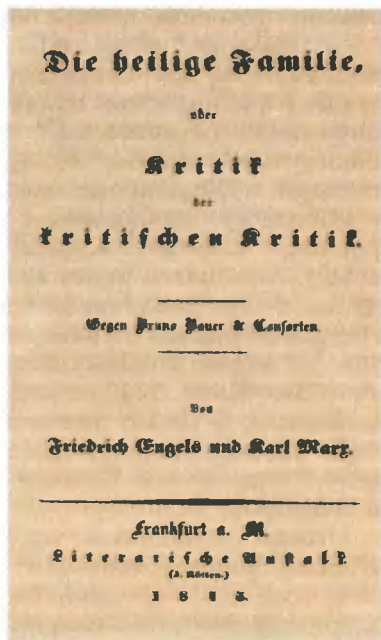
В Париже он прежде всего выступил против задуманной жившими там немцами авантюры сформировать во Франции из немецких рабочих вооруженные легионы, чтобы с помощью их ввезти в Германию революцию и республику⁷⁰. С одной стороны, Германия должна была совершить свою революцию сама; с другой стороны, всякий формирующийся во Франции иностранный революционный легион Ламартины временного правительства заранее предавали тому самому правительству, которое нужно было свергнуть, как это и произошло в Бельгии и в Бадене.

После мартовской революции Маркс переехал в Кёльн и основал там «*Neue Rheinische Zeitung*», просуществовавшую с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г., — единственную газету, которая в тогдашнем демократическом движении представляла точку зрения пролетариата. Это проявилось хотя бы уже в ее безогово-

Титульный лист первого издания
работы К. Маркса и Ф. Энгельса
«Святое семейство,
или Критика критической критики»

рочной солидарности с парижскими повстанцами июня 1848 г.⁷¹, из-за чего от газеты отшатнулись почти все ее акционеры. Напрасно указывала «Kreuz-Zeitung» на «Чимборасо наглости», с какой «Neue Rheinische Zeitung» производит нападки на все святое — от короля и имперского наместника до последнего жандарма, и все это в прусской крепости с восьмидесятичным в то время гарнизоном; напрасно возмущались либеральные, ставшие вдруг реакционными, рейнские филистеры; напрасно осадное положение в Кёльне осенью 1848 г.

надолго приостановило газету⁷²; напрасно франкфуртское имперское министерство юстиции требовало от кельнского прокурора судебных преследований одной статьи за другой — газета на глазах у полиции преспокойно продолжала редактироваться и печататься, а ее распространение и слава росли вместе с резкостью ее нападков на правительство и на буржуазию. Когда в ноябре 1848 г. в Пруссии произошел государственный переворот⁷³, «Neue Rheinische Zeitung» в начале каждого номера призывала народ не платить налогов и отвечать насилием на насилие.

Весной 1849 г. за это и еще за одну из статей она была предана суду присяжных, но оба раза была оправдана⁷⁴. Наконец, когда майские восстания 1849 г. в Дрездене и Рейнской провинции были подавлены и после концентрации и мобилизации значительных военных сил был начат прусский поход против баденско-пфальцского восстания, правительство сочло себя достаточно крепким, чтобы, применив насилие, уничтожить «*Neue Rheinische Zeitung*». Последний номер, отпечатанный красной краской, вышел 19 мая.

Маркс снова поехал в Париж, но уже через несколько недель после демонстрации 13 июня 1849 г.⁵ он был поставлен французским правительством перед выбором — либо перенести свое местожительство в Бретань, либо покинуть Францию. Он предпочел последнее и переселился в Лондон, где и живет до сих пор.

Попытку продолжать издание «*Neue Rheinische Zeitung*» в форме журнала-обозрения (в Гамбурге в 1850 г.) пришлось через некоторое время оставить ввиду все более усиливавшейся реакции. Тотчас же после государственного переворота во Франции, в декабре 1851 г., Маркс опубликовал «18 брюмера Луи Бонапарта» (Нью-Йорк, 1852; 2 изд.— Гамбург, 1869, незадолго до войны). В 1853 г. он написал «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» (напечатано сначала в Базеле, позднее — в Бостоне, недавно снова напечатано в Лейпциге)⁷⁵.

После осуждения членов Союза коммунистов в Кёльне Маркс отошел от политической агитации и посвятил себя, с одной стороны, изучению в течение десяти лет богатых сокровищ, которые имелись в библиотеке Британского музея в области политической экономии, с другой стороны — сотрудничеству в «*New-York Daily Tribune*», газете, которая до начала Гражданской войны в Америке помещала не только подписанные им корреспонденции, но и вышедшие из-под его пера многочисленные передовые статьи о положении в Европе и Азии. Его резкие статьи против лорда Пальмерстона, основанные на обстоятельном изучении английских официальных документов, перепечатывались в Лондоне в виде памфлетов.

Первым плодом его многолетних занятий политической экономией было появившееся в 1859 г. сочи-

нение «К критике политической экономии», первый выпуск (Берлин, изд. Дункера). Это сочинение содержит в себе первое систематическое изложение Марксовой теории стоимости, включая учение о деньгах. Во время итальянской войны⁷⁶ Маркс боролся в издававшейся в Лондоне немецкой газете «Das Volk» как против бонапартизма, который тогда подкрашивался в либеральный цвет и разыгрывал роль освободителя угнетенных национальностей, так и против тогдашней политики Пруссии, которая под прикрытием нейтралитета пыталась ловить рыбу в мутной воде. Пришлось при этом выступить и против г-на Карла Фогта, который тогда, по поручению принца Наполеона (Плон-Плона), состоя на жалованье у Луи-Наполеона, агитировал за нейтралитет и даже за сочувствие со стороны Германии. Осыпанный Фогтом самыми подлыми, заведомо лживыми клеветническими измышлениями, Маркс ответил книгой «Господин Фогт» (Лондон, 1860), в которой он разоблачил Фогта и остальных господ из бонапартистской лжедемократической шайки и на основании как внешних, так и внутренних данных уличил Фогта в том, что он был подкуплен декабрьской империей. Ровно через десять лет это подтвердилось: в списке бонапартистских наемников, найденном в 1870 г. в Тюильри и опубликованном сентябрьским правительством, под соответствующей буквой значилось: «Фогт — в августе 1859 г. ему передано... 40 000 франков»⁷⁷.

Наконец, в 1867 г. в Гамбурге появился «Капитал. Критика политической экономии, том первый» — главное произведение Маркса, излагающее основы его экономических и социалистических воззрений, а также основы его критики существующего общества, капиталистического способа производства и его последствий. Второе издание этого произведения, составившего эпоху, вышло в 1872 г. В настоящее время автор работает над отделкой второго тома.

Между тем рабочее движение в различных странах Европы вновь настолько окрепло, что у Маркса явилась возможность подумать об осуществлении своего заветного желания: основать охватывающее наиболее передовые страны Европы и Америки товарищество рабочих, которое, так сказать, во плоти представляло бы

международный характер социалистического движения как в глазах самих рабочих, так и в глазах буржуазии и правительств, на радость и укрепление пролетариата, на страх его врагам. Народное собрание, созванное 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс-холле, в знак сочувствия Польше, только что вновь подавленной Россией, дало повод выдвинуть это предложение, принятое с воодушевлением. *Международное Товарищество Рабочих* было основано; на собрании был избран Временный Генеральный Совет, с местопребыванием в Лондоне, причем душой этого, так же как и всех последующих генеральных советов до Гаагского конгресса, был Маркс. Им были составлены почти все выпущенные Генеральным Советом Интернационала документы — от Учредительного Манифеста 1864 г. до воззвания о гражданской войне во Франции 1871 г. Обрисовать деятельность Маркса в Интернационале значило бы написать историю самого этого общества, которое к тому же живо еще в памяти европейских рабочих.

Падение Парижской коммуны создало для Интернационала невозможное положение. Он был выдвинут на первый план европейской истории в такой момент, когда для него повсюду была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, в то же самое время не позволяли ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы иначе, как под угрозой верного поражения и подавления рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон выдвигались элементы, которые пытались использовать так быстро выросшую славу Товарищества для удовлетворения своего личного тщеславия или личного честолюбия, не понимая или не считаясь с истинным положением Интернационала. Надо было принять героическое решение, и опять-таки именно Маркс и провел его на Гаагском конгрессе⁷⁸. Торжественным постановлением Интернационал снял с себя всякую ответственность за действия бакунистов, являвшихся центром этих безрассудных и нечистоплотных элементов; затем, ввиду невозможности при всеобщей реакции отвечать поставленным ему повышенным требованиям и поддерживать всю полноту своей деятельности иначе, как ценой

ряда жертв, от которых рабочее движение должно было бы истечь кровью, Интернационал удалился на время со сцены, приняв решение о перенесении Генерального Совета в Америку. Дальнейшие события показали, как правильно было это решение, и в то время и позднее не раз подвергавшееся осуждению. С одной стороны, был положен конец всяким попыткам устраивать от имени Интернационала бесполезные путчи, с другой стороны, непрекращавшаяся тесная связь между социалистическими рабочими партиями различных стран доказала, что пробужденное Интернационалом сознание общности интересов и солидарности пролетариата всех стран может проложить себе дорогу даже и без оформленного интернационального объединения, узы которого в данный момент превратились бы в оковы.

После Гаагского конгресса Маркс получил наконец спокойствие и досуг, чтобы снова приняться за свою теоретическую работу, и можно надеяться, что ему удастся в не очень продолжительном времени сдать в печать второй том «Капитала».

Из многих важных открытий, которыми Маркс вписал свое имя в историю науки, мы можем остановиться здесь только на двух.

Первым из них является совершенный им переворот во всем понимании всемирной истории. В основе всех прежних воззрений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю, являются политические. Но откуда появляются у людей идеи и каковы движущие причины политических перемен — об этом не задумывались. Лишь в новейшей школе французских, а отчасти и английских историков возникло убеждение, что движущей силой европейской истории, по крайней мере со времени средних веков, была борьба развивающейся буржуазии против феодального дворянства за общественное и политическое господство. Маркс же доказал, что вся предшествующая история человечества есть история борьбы классов, что во всей разнообразной и сложной политической борьбе речь шла всегда именно об общественном и политическом господстве тех или

иных классов общества, о сохранении господства со стороны старых классов, о достижении господства со стороны поднимающихся новых. Но вследствие чего возникают и существуют эти классы? Вследствие имеющих всякий раз налицо материальных, чисто физически ощущаемых условий, при которых общество в каждую данную эпоху производит и обменивает необходимые средства существования. Феодалное господство в средние века опиралось на хозяйство мелких самодовлеющих крестьянских общин, которые сами производили почти все необходимые предметы своего потребления, почти не знали обмена и которым воинственное дворянство давало защиту от внешних врагов и национальную или, по крайней мере, политическую связь; когда же возникли города, а вместе с ними обособленная ремесленная промышленность и торговый оборот, сначала внутри страны, а затем и международный, тогда развилась городская буржуазия, которая еще в средние века завоевала себе в борьбе с дворянством место в феодальной системе в качестве также привилегированного сословия. Однако с открытием вне-европейских земель, с середины XV в., буржуазия приобрела гораздо более обширную область для торговой деятельности и вместе с тем новый стимул для развития своей промышленности; в важнейших отраслях ремесло было вытеснено мануфактурой, уже фабричной по своему характеру, а та, в свою очередь, — крупной промышленностью, которая стала возможна благодаря изобретениям прошлого столетия, в особенности благодаря изобретению паровой машины. Крупная же промышленность оказала обратное влияние на торговлю, вытеснив в отсталых странах старый ручной труд, а в более развитых странах создав современные новые средства сообщения: пароходы, железные дороги, электрический телеграф. Буржуазия таким образом все более и более сосредоточивала в своих руках общественные богатства и общественную силу, хотя долго еще лишена была политической власти, которая оставалась в руках дворянства и королевской власти, опиравшейся на дворянство. Но на известной ступени развития — во Франции со времени великой революции — она завоевала также и политическую власть, став, в свою очередь, господствующим классом по отно-

шению к пролетариату и мелкому крестьянству. С этой точки зрения — конечно, при достаточном знакомстве с экономическим положением общества на соответствующем этапе (а этого совершенно нет у наших историков специалистов) — все исторические явления объясняются простейшим образом, и точно так же представления и идеи каждого данного исторического периода объясняются в высшей степени просто экономическими условиями жизни и обусловленными ими общественными и политическими отношениями этого периода. История впервые была поставлена на свою действительную основу; за тем явным, но до сих пор совершенно упускавшимся из виду фактом, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище, одеваться и что, следовательно, они должны *трудиться*, прежде чем они могут бороться за господство, заниматься политикой, религией, философией и т. д., за этим очевидным фактом были теперь, наконец, признаны его исторические права.

Для социалистического мировоззрения это новое понимание истории было в высшей степени важно. Оно доказало, что вся история и поныне идет путем антагонизма и борьбы классов, что всегда существовали господствующие и подчиненные, эксплуатирующие и эксплуатируемые классы и что огромное большинство человечества всегда было обречено на суровый труд и жалкое существование. Почему же это? Просто потому, что на всех предыдущих ступенях развития человечества производство было до того мало развито, что историческое развитие могло совершаться лишь в этой антагонистической форме, что исторический прогресс в общем и целом был предоставлен деятельности незначительного привилегированного меньшинства, между тем как огромная масса была обречена на добывание себе скудных средств существования и, кроме того, на постоянное увеличение богатств привилегированных. Но это же понимание истории, естественно и разумно объясняющее существовавшее до сих пор классовое господство, которое иначе можно объяснить только злой волей людей, приводит также к убеждению, что вследствие колоссального развития в настоящее время производительных сил исчезает, по крайней мере в наиболее передовых странах, последнее основание для деления

людей на господствующих и подчиненных, эксплуатирующих и эксплуатируемых; что господствующая крупная буржуазия сыграла уже свою историческую роль, что она не только не способна более руководить обществом, но даже превратилась в тормоз для дальнейшего развития производства, как это доказывают торговые кризисы — особенно последний грандиозный крах — и угнетенное состояние промышленности во всех странах; что историческое руководство перешло теперь к пролетариату — к классу, который по всем условиям своего общественного положения может освободить себя только тем, что устранил всякое классовое господство, всякое рабство и всякую эксплуатацию вообще; что общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с ними более справиться, лишь ждут того, чтобы объединившийся пролетариат ими овладел и установил такой строй, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами и который путем плановой организации всего производства увеличит до таких размеров производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах.

Второе важное открытие Маркса состоит в окончательном выяснении отношения между капиталом и трудом, другими словами, в раскрытии того, каким образом внутри современного общества, при существующем капиталистическом способе производства, совершается эксплуатация рабочего капиталистом. С тех пор как политическая экономия выдвинула положение, что труд является источником всякого богатства и всякой стоимости, неизбежно возник вопрос: как же это возможно совместить с тем, что наемный рабочий получает не все произведенное его трудом количество стоимости, а должен часть ее отдавать капиталисту? Тщетно пытались и буржуазные экономисты, и социалисты дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, пока наконец не выступил Маркс со своим решением. Это решение заключается в следующем. Современный капиталистический способ производства предполагает

существование двух общественных классов: с одной стороны, капиталистов, обладающих средствами производства и жизненными средствами, с другой — пролетариев, лишенных и того и другого и обладающих лишь одним товаром для продажи: своей рабочей силой; а продавать свою рабочую силу они вынуждены, чтобы получать необходимые жизненные средства. Но стоимость товара определяется количеством общественно необходимого труда, овеществленного в его производстве, а стало быть, и воспроизводстве; следовательно, стоимость рабочей силы среднего человека в течение дня, месяца, года определяется количеством труда, овеществленного в массе жизненных средств, необходимых для поддержания этой рабочей силы в течение дня, месяца, года. Предположим, что для производства жизненных средств рабочего на один день требуется шесть рабочих часов, или — что одно и то же — заключающийся в них труд равен шести часам труда; в таком случае стоимость рабочей силы в продолжение одного дня будет выражаться в сумме денег, также воплощающих в себе шесть рабочих часов. Предположим далее, что капиталист, предоставивший занятие рабочему, платит ему эту сумму, т. е. полную стоимость его рабочей силы. Если бы, таким образом, рабочий трудился на капиталиста по шесть часов в день, то он целиком возмещал бы капиталисту понесенные тем издержки, т. е. шесть часов труда за шесть часов труда. В этом случае ничего, конечно, не досталось бы капиталисту; поэтому последний представляет дело совсем иначе: я, говорит он, купил силу этого рабочего не на шесть часов, а на целый день, и потому он заставляет рабочего трудиться, смотря по обстоятельствам, 8, 10, 12, 14 и больше часов, так что продукт седьмого, восьмого и последующих часов является продуктом неоплаченного труда и попадает прямо в карман капиталиста. Таким образом, на службе у капиталиста рабочий не только воспроизводит стоимость своей оплаченной капиталистом рабочей силы, но сверх того производит еще *прибавочную стоимость*, которая сначала присваивается капиталистом, а в дальнейшем по определенным экономическим законам распределяется среди всего класса капиталистов в целом и образует тот источник, из которого возникают земельная рента, прибыль, накопле-

ние капитала,— словом, все те богатства, которые потребляются или накапливаются нетрудящимися классами. Тем самым, однако, было доказано, что обогащение современных капиталистов не в меньшей степени, чем это было у рабовладельцев или эксплуатировавших крепостной труд феодалов, происходит посредством присвоения чужого неоплаченного труда и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь тем способом, каким этот неоплаченный труд присваивается. Но тем самым у имущих классов было выбито последнее основание для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствуют право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством.

На этих двух важных основаниях зиждется современный научный социализм. Во втором томе «Капитала» будут развиты дальше эти и другие, не менее важные научные открытия в области изучения капиталистической общественной системы, а вместе с тем будут подвергнуты коренному перевороту и те стороны политической экономии, которые не были еще затронуты в первом томе. Пожелаем же, чтобы у Маркса оказалась возможность в непродолжительном времени сдать этот том в печать.

Печатается по тексту
Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса,
изд. 2-е, т. 19, с. 105—115

Женни Маркс

Элеонора Маркс-Эвелинг

Поль Лафарг

Эдгар Лонге

Эдуард Эвелинг

Беглый очерк беспокойной жизни ⁷⁹

19 июня 1843 г. состоялась наша свадьба.

Мы уехали из Крейцнаха через Эбернбург в Рейн-пфальц и возвратились через Баден-Баден обратно в Крейцнах, где и оставались до конца сентября. Моя любимая мать с моим братом Эдгаром вернулись обратно в Трир. Карл и я в начале октября приехали в Париж, где нас встретили Гервег и его жена.

Здесь Карл и Руге издавали «Deutsch-Französische Jahrbücher». Издателем был Юлиус Фрëбель. Это предприятие потерпело неудачу после первого же номера. Мы жили на улице Вано, в предместье Сен-Жермен, и общались с Руге, Гейне, Гервегом, Мëйрером, Толстым, Бакуниным, Анненковым, Бернайсом и tutti quanti *. Было много сплетен и ссор из-за пустяков.

1 мая 1844 г. родилась Женничка. В день похорон Лаффита я в первый раз вышла из дому, а затем, шесть недель спустя, в почтовой карете поехала в Трир со смертельно больным ребенком. Три месяца я провела у своей любимой матери. Там я встретила Софи Шмальгаузен с маленькой годовалой Йетхен Шмальгаузен. Софи Маркс вышла замуж в мое отсутствие. Шарлатанство со священным хитомом было летом в полном разгаре ⁸⁰.

В сентябре в сопровождении кормилицы-немки (Гретхен из Барбельна) я возвратилась в Париж с Женничкой, у которой было уже четыре зуба. Во время моего отсутствия Карл посетил Фридрих Энгельс. Осенью и зимой Карл работал над «Критикой критической критики», которая была опубликована во Франкфурте ⁸¹. Гесс и его жена, Эвербек и Риббентроп, и в особенности Гейне и Гервег, составляли наш круг. Вдруг, в начале 1845 г., к нам явился полицейский комиссар и предъявил приказ о высылке, изданный Гизо

* — многими другими. *Ред.*

по наущению прусского правительства. Приказ гласил: «Карл Маркс должен покинуть Париж в течение 24 часов». Мне лично был предоставлен более длительный срок, который я использовала для того, чтобы продать мебель и часть белья. Продавать пришлось за бесценок, так как на переезд нужны были деньги. На два дня меня приютили Гервеги. В начале февраля, больная, в страшный холод, я последовала за Карлом в Брюссель. Здесь, остановившись в отеле Буа Соваж, я впервые познакомилась с Гейнценом и Фрейлигратом. В мае мы поселились на улице Альянс, предместье Сен-Лувен, в маленьком домике, который сняли у д-ра Брёйера.

Едва мы там устроились, как вслед за нами приехали Энгельс и Генрих Бюргерс, который со своим другом д-ром Роландом Даниельсом разыскал нас еще в Париже. Вскоре после этого приехал также Гесс с женой; некий Себастьян Зейлер тоже присоединился к маленькому немецкому кружку. Он организовал корреспондентское бюро⁸², и маленькая немецкая колония жила здесь довольно уютно. К нам присоединились еще несколько бельгийцев, в том числе Жиго, и несколько поляков. Здесь, в одном из приятных кафе, которые мы посещали по вечерам, я впервые познакомилась со старым Лелевелем в его синей блузе.

Энгельс в течение лета работал с Карлом над критикой немецкой философии — внешним толчком к этому послужило появление книги «Единственный и его собственность»⁸³. Это был обширный труд, который должен был выйти в Вестфалии⁸⁴. Летом нас также впервые посетил Иосиф Вейдемейер. Некоторое время он гостил у нас. В апреле моя дорогая мама в помощь мне прислала в Брюссель свою собственную преданную служанку*. С ней и с четырнадцатимесячной Женничкой я опять уехала к моей милой матери. У нее я пробыла шесть недель и за две недели до рождения Лауры снова вернулась в нашу маленькую колонию. 26 сентября появилась на свет Лаура. Мой брат Эдгар провел с нами зиму в надежде найти в Брюсселе занятие. Он поступил в газетное бюро Зейлера, позднее, весной 1846 г., присоединился к нему и наш дорогой Вильгельм Вольф. Последний, известный под именем

* — Елену Демут. Ред.

«Казематный Вольф», бежал из силезской крепости, в которой просидел 4 года за нарушение законов о печати⁸⁵. Он пришел к нам, и здесь возник тот тесный дружеский союз, который прекратился лишь со смертью нашего дорогого Лупуса в мае 1864 г. Зимой нас навещали Георг Юнг и д-р Шлейхер. В феврале 1846 г. неожиданно пришло письмо из Трира, извещавшее меня, что моя мать опасно больна...

Между тем грозовые тучи революции сгущались все больше и больше. Мрачно было и на бельгийском горизонте. Опасались прежде всего рабочих, социального элемента народных масс. Полиция, войска, гражданская гвардия — все было призвано на защиту; все находилось в боевой готовности. Тогда немецкие рабочие решили, что настало время и им позаботиться об оружии. Были приобретены кинжалы, револьверы и т. д. Карл охотно предоставил для этого средства: ведь он только что вступил во владение небольшим имуществом. Во всем этом правительство видело заговор, преступный замысел: Маркс получает деньги, покупает оружие — значит, его нужно удалить. Поздно ночью в наш дом врываются два человека. Они требуют Карла. Когда он вышел, они представились как сержанты полиции, имеющие предписание арестовать Карла и привести его на допрос. Ночью они его забирают. В ужасе я бегу вслед за ним, разыскиваю влиятельных лиц, чтобы узнать, в чем дело. Бегаю темной ночью из дома в дом. Вдруг меня хватает стража, арестовывает и бросает в мрачную тюрьму. Это было место, куда помещали бездомных нищих, безродных бродяг, несчастных падших женщин. Меня вталкивают в темную камеру. Рыдая, я вхожу, и тут одна из этих несчастных предлагает мне свое ложе. Это были жесткие деревянные нары. Я опускаюсь на них. Когда забрезжил рассвет, я увидела у противоположного окна за железной решеткой мертвенно-бледное, печальное лицо. Подхожу к окну и узнаю нашего доброго старого друга Жиго. Увидев меня, он делает мне знаки и указывает на помещение внизу. Я смотрю туда и вижу Карла, которого как раз в это время вели под конвоем. Час спустя меня ведут к судебному следователю. После двухчасового допроса, во время которого у меня мало что вывели, жандарм проводил меня к карете, и таким образом под вечер я приеха-

да к моим трем бедным малюткам. Этот случай произвел большую сенсацию. Все газеты писали о нем. Сам Карл вернулся из-под ареста несколько позже, с предписанием тотчас же покинуть Брюссель⁸⁶.

Карл уже раньше намеревался возвратиться в Париж и с этой целью обратился к временному правительству Франции, чтобы отменили изданный Луи-Филиппом приказ о его высылке. Он тотчас же получил подписанное Флоконом письмо, в котором временное правительство в самых лестных выражениях сообщало об отмене приказа⁸⁷. Таким образом, Париж снова был открыт для нас; где могли бы мы чувствовать себя тогда лучше, как не под только что засиявшим солнцем новой революции! Туда, твердили мы, туда! Я поспешно уложила свои пожитки, продала то, что можно было продать, но чемоданы со всем моим серебром и лучшим бельем оставила в Брюсселе на попечении книготорговца Фоглера, который при моем отъезде проявил особую услужливость и готовность помочь.

Так мы уехали из Брюсселя после трехлетнего пребывания там. Был очень мрачный, холодный день, один из последних холодных дней февраля, и нам стоило многих усилий согреть маленьких детей, младшему из которых едва исполнился год...

В конце мая* Карл выпустил последний номер «*Neue Rheinische Zeitung*», напечатанный красным шрифтом. Это был знаменитый «красный номер», пылающий факел по форме и содержанию. Энгельс тотчас же примкнул к баденскому восстанию, в котором он принял участие как адъютант Виллиха⁶⁷. Карл решил на некоторое время снова отправиться в Париж, так как пребывание на немецкой земле стало для него невозможным⁸⁸. Красный Вольф последовал за ним. Я сама отправилась с тремя малышами через Бинген (где мы встретили Гейнца и его красавицу жену, бывшую актрису, и провели восемь дней) на мою милую старую родину в объятия любимой матери. Из Бингена я сделала небольшой крюк, чтобы снова превратить в звонкую монету только что выкупленную из брюссельского ломбарда серебряную посуду. Вейдемейер и его жена приняли меня самым

* — 1849 года. Ред.

сердечным образом и очень помогли мне в этой ломбардной операции. Таким образом я снова добыла денег на нашу поездку.

Карл в сопровождении Красного Вольфа уехал в Рейнпфальц и оттуда в Париж, где вскоре после этого демонстрация 13 июня, организованная Ледрю-Ролленом, положила конец недолгим революционным грезам⁵. Реакция выступала повсюду в своем самом зверском облики.

Венгерская революция, баденское восстание, революционные выступления в Италии — все потерпело поражение; в Венгрии и в Бадене свирепствовали военно-полевые суды, и 50 000 французов во время президентства Луи Наполеона, избранного на пост президента республики в конце 1848 г. огромным большинством голосов, вступили в город на семи холмах, чтобы оккупировать Италию⁸⁹. «L'ordre règne à Varsovie» и «vae victis» * — таков был пароль опьяненной победой контрреволюции. Буржуазия вздохнула облегченно, мелкий буржуа снова обделывал свои дела, мелкие либеральные филистеры показывали кулаки в кармане, рабочих высылали, подвергали репрессиям, а люди, которые пером и мечом боролись за установление царства бедных и угнетенных, были счастливы, если им удавалось на чужбине заработать себе на хлеб.

Карл во время своего пребывания в Париже завязал связи со многими руководителями клубов и тайных рабочих обществ. В июле 1849 г. я последовала за ним в Париж, где мы пробыли один месяц. Но и здесь нам не давали покоя. В одно прекрасное утро к нам снова явилась знакомая фигура полицейского сержанта с предписанием: «Карл Маркс и его жена» должны покинуть Париж в течение 24 часов. Ему еще оказали милость, предложив Ванн в Морбиане в качестве прибежища. На подобную ссылку мы, конечно, не согласились, и я опять уложила свои пожитки, чтобы найти в Лондоне надежную и спокойную пристань.

Карл поспешил в Лондон раньше меня. Там он жил в тесном общении с Блиндом. Позднее туда прибыл также Георг Веерт. Он встретил меня, когда я приехала в

* — «Порядок царит в Варшаве» и «горе побежденным». Ред.

Лондон больная, изможденная, с тремя измученными крошками, и устроил меня у одного портного на Лестерсквер в маленьких мебелированных комнатах. Спешно была найдена более просторная квартира в Челси, так как все быстрее приближалось время, когда требовалось спокойное убежище. 5 ноября, когда на улицах раздавались возгласы народа «Навеки сгинь, Гай Фокс!» и мальчишки в причудливых масках разъезжали по улицам на искусно сделанных ослиных чучелах, во время этого шума и гама родился мой бедный маленький Генрих. В честь великого заговорщика нашего маленького новорожденного назвали Фоксиком⁹⁰. Вскоре после его рождения к нам приехал бежавший из Бадена через Геную Энгельс. Еще до него к нам прибыл Виллих и сразу обосновался у нас как коммунистический *frère et compagnon* *. Рано утром он являлся в нашу спальню вылитым Дон-Кихотом, в серой шерстяной фуфайке, с красным платком вокруг талии вместо пояса, гогоча как истый пруссак, с намерением пуститься в длиннейшие теоретические дебаты о столь «естественном» коммунизме. Карл сразу же обрывал эти попытки. Столь же мало добился он и от меня, когда попытался было выведать, нет ли и у нас какой-либо червоточины, как и во всяком браке. В Челси к нам впервые пришли также В. Пипер и В. Либкнехт. Красный Вольф отправился в Лондон еще вместе с Карлом.

Ежедневно прибывали тысячи эмигрантов; все они испытывали бóльшую или меньшую нужду, лишь немногие были обеспечены, все они были беспомощны, жаждали и искали поддержки. Это был самый неприятный период в нашей эмигрантской жизни. Для оказания поддержки эмигрантам были организованы эмигрантские комитеты, устраивались собрания, издавались обращения, составлялись программы, готовились крупные демонстрации. Во всех эмигрантских кругах начались раздоры. Различные партии мало-помалу полностью разошлись друг с другом. Между немецкими демократами, с одной стороны, и социалистами, с другой, дело также дошло до официального разрыва, и даже среди рабочих-коммунистов произошел открытый раскол⁹¹. Вожди фракций враж-

* — брат и товарищ. Ред.

довали друг с другом самым ожесточенным образом, и праздношатающаяся клика штраубингеров⁹² и невежд, одержимая стремлением к «подвигам» и «действиям», назойливо лезла вперед и злобно нападала на ту часть рабочих и на тех вождей, которые яснее разбирались в обстановке и уже тогда видели, что эра революций надолго закончилась. Больше всех преследовали Карла: на него клеветали, его поносили особенно злостно. К этому времени относится дуэль между Конрадом Шраммом и Августом Виллихом⁹³.

Уже осенью 1849 г. Карл начал вести переговоры в Германии относительно издания в Гамбурге «Revue», редакция которого находилась бы в Лондоне. После бесконечных мытарств появилось 6 номеров журнала под названием «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Успех этого «Revue» был очень велик. Но книготорговец, подкупленный германским правительством, вел деловую часть так плохо и небрежно, что вскоре стала очевидной невозможность продолжения этого предприятия.

Весной 1850 г. мы были вынуждены покинуть наш дом в Челси. Мой бедный маленький Фоксик постоянно болел; множество каждодневных житейских забот очень подтачивали и мое здоровье. Притесняемые со всех сторон и преследуемые кредиторами, мы переехали на неделю в одну немецкую гостиницу на Лестерсквер, но наше пребывание здесь было непродолжительным. Однажды утром наш «любезный» хозяин отказался подать нам завтрак, и мы вынуждены были искать себе другое жилище. Небольшая помощь моей матери часто спасала нас от самой горькой нужды. В доме одного еврея, торговца кружевами, мы нашли две комнатки, в которых промучились с нашими четырьмя детьми все лето.

Осенью того же года Карл со своими ближайшими друзьями окончательно порвал с эмигрантщиной и больше не принимал участия ни в одном из ее выступлений. Он и его друзья вышли из Просветительного рабочего общества⁹⁴, и каждый из них полностью ушел в свою частную жизнь. Энгельс после тщетных попыток достать в Лондоне обеспечивающую его литературную работу уехал в Манчестер и поступил на весь-

ма невыгодных условиях конторским служащим на фабрику своего отца. Все остальные друзья пытались зарабатывать на жизнь уроками и т. д. Этот и следующие два года были для нас годами величайших житейских забот, постоянной изнуряющей тревоги, всевозможных тяжких лишений и даже настоящей нужды.

В августе 1850 г., несмотря на очень плохое состояние здоровья, я решила оставить моего больного ребенка и поехать в Голландию к дяде * Карла в надежде найти там утешение и поддержку. Я ожидала рождения пятого ребенка и с отчаянием смотрела в будущее. Дядя, обозленный на революцию и на революционеров за неблагоприятное влияние революции на его дела и дела его сыновей, находился в отвратительном настроении. Он отказал мне во всякой помощи, но при расставании сунул в руки подарок для моего младшего ребенка, и я увидела, как ему было больно оттого, что он не может мне дать больше. Старик не подозревал, с какой тяжестью в сердце я расставалась с ним. Домой я вернулась в отчаянии. Мой бедный маленький Эдгар выскочил мне навстречу со своим приветливым личиком, а мой Фоксик протянул мне свои ручонки. Но недолго суждено мне было радоваться его ласкам. В ноябре хрупкое дитя погибло от приступа конвульсий, вызванных воспалением легких. Как велика была моя скорбь! Это был первый ребенок, которого я потеряла. Увы, я тогда не подозревала, что мне предстоят еще такие страдания, перед которыми все остальное покажется ничтожным! Вскоре после того, как было похоронено дорогое дитя, мы покинули маленькую квартиру и наняли другую на той же самой улице. Этой зимой я узнала, что у бедной моей мамочки отнялась правая рука. Дорогие, беспокойные, прилежные руки навсегда успокоились, и отныне она лишилась даже возможности писать письма, единственного утешения, которое еще оставалось ей в ее одиночестве и заброшенности. Эдгар вторично расстался с дорогой мамой, чтобы снова попытаться счастья в Техасе.

28 марта 1851 г. у нас родилась маленькая девочка — Франциска. Бедную малютку пришлось отдать

---

* — Лиону Филипсу. Ред.

кормилице, так как невозможно было, чтобы ребенок оставался вместе с нами в трех тесных комнатках. Это был год большой всемирной выставки⁹⁵, и все устремились в Лондон. Весной приехал из Кёльна Фрейлиграт, чтобы подыскать в Лондоне работу. Позднее сюда приехал Лупус из Швейцарии, а также Дронке, Имандт и Шили. Еще раньше опять появился Зейлер, и к кружку эмигрантов, группировавшихся вокруг Карла, примкнул также Гёц. 1851 и 1852 гг. были для нас годами самых больших и одновременно самых мелочных забот, страданий, разочарований и всякого рода лишений.

Ранним летом 1851 г. произошло еще одно событие, на котором я не хочу останавливаться подробнее, но которое во много раз увеличило наши заботы и огорчения. Весной прусское правительство предъявило всем друзьям Карла в Рейнской провинции обвинение в опасной революционной деятельности и бросило их всех в тюрьму, где с ними обращались ужаснейшим образом. Лишь в конце 1852 г. суд начал открытое слушание дела, получившее широкую известность как процесс коммунистов⁷⁵. Все обвиняемые, за исключением Даниельса и Якоби, были приговорены к трем и пяти годам тюремного заключения...

Вначале секретарем Маркса был В. Пипер; позднее я была возведена в этот секретарский ранг, и те дни, когда я сидела в маленькой комнатке Карла и переписывала неразборчиво написанные им статьи, остались у меня в памяти как самые счастливые дни в моей жизни.

В конце 1851 г. Луи Наполеон совершил свой государственный переворот⁹⁶, и следующей весной Карл написал книгу «Восемнадцатое брюмера», которая вышла в свет в Нью-Йорке. Он работал над своим произведением в маленькой квартирке на Дин-стрит среди детского шума и домашней суеты. В марте я переписала рукопись, и она была отослана, но напечатана была значительно позднее и почти ничего нам не принесла⁹⁷.

На пасху того же 1852 г. наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Ее крохотное бездыханное тельце покоилось в маленькой задней комнатке. Мы все перешли

в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу — трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все оплакивали маленького ангела, который, холодный и бледный, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни. Наши немецкие друзья именно в этот момент не были в состоянии нам помочь. Эрнест Джонс, который тогда часто и подолгу бывал у нас, обещал нам помощь. Но и он не смог этого сделать. Венгерский полковник Бандья, который в это время втерся к нам в доверие и дал Карлу на исправление рукопись Семере⁹⁸, обещал временную помощь, но и он оказался не в состоянии помочь нам. Тогда я в смятении отправилась к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и посещал нас. Я просила его помочь нам в ужасной нужде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром мое бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, ей было долго отказано даже в последней маленькой обители. Каково же было нам, когда мы несли нашу девочку к ее последнему пристанищу!

Осенью 1852 г. закончился наконец ставший знаменитым процесс коммунистов. Карл написал брошюру, чтобы вывести на чистую воду гнусности прусского правительства. Брошюра была напечатана в Швейцарии у Шабелица, но прусское правительство конфисковало ее на границе и уничтожило. Клусс в Америке содействовал печатанию брошюры заново, и это новое издание затем широко распространялось на континенте⁷⁵.

В 1853 г. Карл регулярно писал по две статьи для «Tribune»*, они находили в Америке большой отклик. Благодаря этим регулярным доходам мы смогли до некоторой степени разделаться со старыми долгами и жить спокойно. Дети росли милыми созданиями и развивались духовно и физически, хотя мы все еще оставались в нашей маленькой тесной квартире. Карл, поддерживавший во время своего пребывания в Лондоне постоянную связь с чартистами и

* — «New-York Daily Tribune». *Ред.*

писавший статьи для газеты «The People's Paper» Эрнеста Джонса, летом этого года поместил в упомянутой газете некоторые статьи, напечатанные ранее в «Tribune». Он доказывал там, что Пальмерстон состоял в сговоре с Россией, в частности, в отношении действий против Польши. Давид Уркарт перепечатал эти статьи из «People's Paper» в одной из газет Глазго⁹⁹. Благодаря этому Карл познакомился с Уркартом и его друзьями. Издатель уркартовской газеты Такер напечатал статьи Карла в виде отдельных оттисков и распространил в тысячах экземпляров. «Globe» и другие правительственные газеты начали обращать внимание на эти работы и намекали лично на Карла. Джон Брайт также неоднократно упоминал в палате общин о статьях, написанных Карлом для «Tribune».

Летом того же года сестра Карла Луиза вышла замуж за Юта. По пути в Капштадт, где Юта основал книготорговое дело, молодая чета навестила нас. Мы провели вместе несколько приятных дней. Осенью к тесному дружескому кружку, который неизменно встречал радушный прием в нашем доме, присоединился Петер Мейер из Любека. Он был превосходный певец и едок и стал близким другом дома.

В ответ на исключительно злобные выпады Виллиха, появившиеся в Америке, Карл написал маленькую брошюру «Рыцарь благородного сознания», которая также была напечатана в Америке и заставила навсегда умолкнуть этого рыцаря с его злобной сворой¹⁰⁰.

Рождество этого года было первым веселым праздником, который мы провели в Лондоне. Тяжелые, каждодневно терзавшие нас заботы прекратились благодаря сотрудничеству Карла в «Tribune». Дети летом почти все время проводили на свежем воздухе, резвясь в парках; в этом году были вишни, клубника и даже виноград, и наши друзья приносили нашей милой троице всякие прелестные подарки. Там были и куклы, и ружья, и кухонная посуда, и барабаны, и трубы. А тут еще поздно вечером пришел Дронке, чтобы украсить рождественскую елку. Какой это был счастливый вечер! Неделю спустя у нашего дорогого Эдгара обнаружились первые признаки той неизлечимой болезни, которая через год свела его в могилу. Если бы мы тогда могли оставить тесную, нездоровую квартиру и увезти

ребенка к морю, может быть, его удалось бы спасти. Но что случилось, того уж не вернешь!

Летом 1854 г. все трое детей заболели корью...

В сентябре 1855 г. мы снова вернулись в нашу старую штаб-квартиру на Дин-стрит с твердым намерением покинуть ее, как только небольшое родительское наследство избавит нас от цепей и уз, которыми нас опутывали булочники, мясники, молочники, торговцы чаем, зеленщики и им подобные «вражеские силы». Наконец, весной 1856 г. мы получили небольшую спасительную для нас сумму. Все долги были выплачены — серебро, белье, одежда снова вернулись из заточения в ломбарде на свое прежнее место, и я, одевшись во все новое и свежее, отправилась в последний раз с тремя оставшимися малютками на свою старую, милую родину. Вскоре после нашего прибытия моя бедная мамочка серьезно заболела. Свой 81-й день рождения она еще праздновала в кругу любимых внуков; но спустя день она слегла, чтобы уже больше не встать...

Зиму мы прожили в полнейшем уединении. Почти все наши друзья покинули Лондон; те немногие, которые остались, жили от нас слишком далеко, и, кроме того, наш маленький милый домик — несмотря на его миниатюрные размеры, он казался нам дворцом по сравнению с прежними квартирами — был почти недоступен. К нам не было настоящей дороги, все вокруг находилось в процессе зарождения и стройки; нужно было пробираться через кучи мусора, и тяжелая глинистая почва красноватого цвета в дождливую погоду крепко прилипала к подошвам, так что часто после утомительной ходьбы мы приходили домой с центнером грязи на ногах. К тому же в этих варварских кварталах царил мрак, и вместо того, чтобы по вечерам отваживаться на единоборство с темнотой, мусором, глиной и кучами камней, люди предпочитали сидеть у теплого камина. Я всю зиму очень болела, и меня постоянно окружала целая батарея лекарств. Прошло много времени, пока я смогла привыкнуть к этому полному одиночеству. Я часто тосковала по своим продолжительным прогулкам на оживленных улицах Вест-Энда, по моим встречам, по нашим клубам и излюбленной таверне, где велись задушевные беседы, за которыми я так часто забывала на некоторое

время житейские невзгоды. К счастью, я продолжала два раза в неделю переписывать статьи для «Tribune», благодаря чему всегда была в курсе мировых событий.

В середине 1857 г. американские рабочие вновь оказались перед лицом жестокого торгового кризиса. «Tribune» снова выразила нежелание оплачивать по две статьи в неделю, и, таким образом, из-за этой брешы в доходах наша касса опять сильно опустела. К счастью, Дана издавал в то время «Энциклопедию», и Карлу было предложено присылать статьи по военным и экономическим вопросам. Так как это происходило очень нерегулярно, а подрастающие дети и большая квартира требовали более значительных расходов, то это время никак нельзя назвать временем благополучия. Не было настоящей нужды, но зато были постоянные денежные затруднения, мелочные заботы и подсчеты. Несмотря на все ограничения, нам никак не удалось свести концы с концами, и поэтому с каждым днем и с каждым годом все возрастало бремя долгов, которое было тем ощутимее, что только домовладение открывало путь к «респектабельности». *La vie de bohème* * пришел конец; вместо того, чтобы, как прежде, свободно и открыто бороться с нуждой в эмиграции, нам подобало теперь по меньшей мере поддерживать видимость благопристойности. Мы на всех парусах плыли в край филистерства. Это были все те же мелкие тяготы, та же борьба, все те же мелкие огорчения, то же близкое знакомство со спасительными тремя шарами¹⁰¹ — но в этом была и смешная сторона. Действительную тяжесть эмиграции я впервые почувствовала на первой стадии нашей буржуазно-пристойной филистерской жизни. И все же этот переход был необходим. Прошлому надо было положить конец. Уже ради детей следовало вступить на укатанный путь упорядоченной, респектабельной бюргерской жизни. Каждый в отдельности старался устроиться на бюргерский лад и обзавестись связями. Так как каждый становился филистером, мы не могли продолжать жить по-цыгански. Но мне это сальто-мортале далось тяжело.

Шестого июля у нас родился седьмой ребенок, но лишь для того, чтобы один раз вздохнуть и быть уне-

* — Кочевой жизни. Ред.

сенным на кладбище к трем другим дорогим братьям и сестрам. Во время моего недомогания меня навещала Лина Шёлер, которая с 13 ноября 1855 г. служила гувернанткой в Англии. Во время первого своего переезда из Германии она провела у нас два месяца, а потом нашла место у некоего полковника Эйре, от которого, однако, уже осенью 1856 г. перешла к богатому мистеру Ангерстейну.

Летом 1857 г. возвратился из Америки наш старый добрый Конрад Шрамм, но, к сожалению, таким больным, что мы с первого же взгляда поняли: он безнадежен. Шрамм пробыл еще 6 недель в немецком госпитале, а потом уехал на остров Джерси. Здесь он встретился с Фридрихом Энгельсом, который также уже год был очень тяжело болен и искал там исцеления и восстановления сил. Карл посетил на острове обоих друзей в октябре этого года и возвратился, нагруженный фруктами, орехами и виноградом. Уже в начале 1858 г. мы получили через Джулиана Гарни, который редактировал в Джерси газету *, известие о кончине нашего дорогого друга.

1858 г. не принес нам ни плохого, ни хорошего; это был год, когда один день ничем не отличался от другого. Есть и пить, писать статьи, читать газеты и ходить гулять — таким было все содержание жизни. В августе этого года в нашем тихом, монотонном образе жизни произошло небольшое изменение. Я поехала на четыре недели в Рамсгет, куда позднее за мной последовали троей детей и Ленхен. Здесь я жила в доме мистера Лабетта, чья милая дочь очень скрасила мне пребывание в Рамсгете. Здесь же я познакомилась с мисс Анной Беллой Карлейль, сестрой миссис Кэрингем; с последней мы уже были связаны и раньше: обе наши девочки дружили с дочерьми миссис Кэрингем Элиной и Алисой. Мисс Карлейль незадолго до своего приезда в Рамсгет выпустила два романа, которые привлекли довольно большое внимание. Миссис Кэрингем — также писательница, она автор нескольких произведений из английской и шотландской жизни. С сентября по ноябрь 1858 г. у нас жила Лина Шёлер. В ноябре она нашла себе новое место у миссис Палларет. Этой зимой

* — «The Jersey Independent». Ред.

Карл работал над своей книгой «К критике политической экономии», для которой он уже много лет собирал материал. Лассаль, с которым он был в дружеских отношениях с 1848 г., подыскал для книги издателя в Берлине в лице Франца Дункера. Весной 1859 г. Карл отправил переписанную мной рукопись, и из Берлина непрерывно пересылались листы корректуры. Печата-ние, естественно, очень затянулось, особенно потому, что Лассаль хотел как можно быстрее издать «зажига-тельное произведение», свою драму «Франц фон Зикинг-ген», и Дункер, как его близкий друг, распорядился печатать ее раньше книги Карла. Летом 1859 г. вспыхну-ла также так называемая *via sacra* *, итальянская война между Францией и Австрией ⁷⁶. Энгельс издал бро-шюру «По и Рейн», и, раззадоренный ее успехом, Лас-саль тоже выпустил брошюру «Итальянская война».

В Лондоне Элард Бискамп издавал еженедельную газету под названием «Das Volk». Карл принимал учас-тие в ее издании. Как и Энгельс, мы давали в нее много статей. В газете «Volk» была перепечатана написан-ная К. Блиндом листовка, текст которой был сооб-щен позднее Либкнехтом аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Эта листовка послужила поводом для кле-ветнических нападок К. Фогта на Карла. Фогт издал брошюру, содержащую гнуснейшую ложь о Карле. В течение 1860 г. Карл собирал материал, чтобы одним ударом положить конец клевете, которую вся немецкая пресса, окрыляемая «новой эрой» ¹⁰², *con amore* ** рас-пространяла по городам и весям. Надо было сокрушить «одним ударом семерых» ***. Осенью 1859 г. я с обеими девочками поехала на две недели на морские ванны в Уолтон-он-те-Нейз, а поздней осенью того же года мы принимали у себя в качестве гостя в течение двух месяцев Бискамп.

Весной 1860 г. умер отец Энгельса. Материальное по-ложение Энгельса с этого времени значительно улучши-лось, хотя он все еще был связан с Эрменом заклю-ченным ранее невыгодным договором, срок которого истек лишь в 1864 г.; с этого времени Энгельс стал во главе дела как компаньон.

* — буквально: священная дорога. *Ред.*

** — охотно. *Ред.*

*** В. и Я. Гримм. «Храбрый портняжка». *Ред.*

В августе 1860 г. я снова провела две недели в Гастингсе со своими детьми. Возвратившись оттуда, я начала переписывать книгу, которую написал Карл против Фогта и его сообщников. Она была напечатана в Лондоне и появилась лишь после больших хлопот в конце декабря 1860 г.⁷ Я тогда как раз была опасно больна оспой; к тому времени я настолько оправилась от ужасной болезни, что смогла, еще полуслепыми глазами, залпом проглотить книгу «Господин Фогт».

Это было очень мрачное время. Все трое детей нашли убежище и гостеприимный прием у верных Либкнехтов*.

Как раз в это время появились первые предвестники великой Гражданской войны в Америке, которая началась позднее, весной. Старая Европа с ее ничтожными устаревшими битвами пигмеев перестала интересовать Америку. «Tribune» сообщила Карлу, что по финансовым соображениям принуждена отказаться от всех корреспонденций и поэтому не нуждается пока в сотрудничестве Карла. Удар был тем чувствительней, что все другие источники дохода полностью иссякли, а все предпринятые меры ни к чему не привели. Тяжело было также, что это бедственное положение застигло нас как раз тогда, когда старшие девочки вступали в прекрасную золотую пору ранней юности. Мы снова вернулись к пережитым десять лет тому назад страданиям, заботам и лишениям, с той только разницей, что тогда их терпели дети пяти и шести лет, не сознавая, в чем дело, а теперь, через десять лет — вполне сознательные цветущие девушки пятнадцати и шестнадцати лет. Так мы на практике убедились в правоте немецкой поговорки: «Малые дети — малые заботы, большие дети — большие заботы». Летом 1860 г. мы взяли к себе на два месяца Эккариуса, который был очень болен.

Весной 1861 г. Карл поехал в Германию, так как было настоятельно необходимо раздобыть денег. На рождество умер король Пруссии**, так называемый «гениальный», освободив место «прекрасному Виль-

* См. настоящее издание, с. 282. *Ред.*

** — Фридрих-Вильгельм IV. *Ред.*

гельму»¹⁰². Капрал издал амнистию, которой Карл воспользовался, чтобы ненадолго съездить в Германию и выяснить вновь создавшуюся обстановку. В Берлине он жил у Лассаля и часто встречался с графиней Гатцфельдт. Оттуда он отправился в Голландию к своему дяде Лиону Филипсу, который поистине великодушно одолжил ему деньги без процентов. Он вернулся из Боммела в сопровождении Жака Филипса как раз ко дню рождения Женнички, которой исполнялось 17 лет. С помощью полученных денег наш утлый корабль снова сошел с мели, и мы некоторое время весело плыли дальше, хотя метались всегда в мутной воде, между подводными скалами и мелями, между Сциллой и Харибдой. Летом 1860 г. старшие девочки ушли из школы и стали брать лишь по отдельным предметам частные уроки, которые давались в колледже и не для учащихся там. Они продолжали заниматься французским и итальянским языками у г-на Кольма и синьора Маджони; Женни до 1862 г. брала также уроки рисования у г-на Олдфилда. Лина Шёлер провела у нас все лето, с апреля по сентябрь 1861 г. Осенью старшие девочки начали учиться пению у г-на Генри Баннера.

В сентябре 1861 г. Карлу удалось через посредство А. Дана снова установить прежние связи с «Tribune», он должен был посылать по одной статье еженедельно. Одновременно он познакомился через одного кузена Лассаля* с редактором венской газеты «Presse», который предложил ему стать сотрудником этой «либеральной» газеты. К сожалению, и то и другое продолжалось только одну зиму. Весной 1862 г. прекратилась всякая работа для «Tribune»; сотрудничество Карла в «Presse» также свелось постепенно на нет.

Несмотря на все, мы снова поехали на три недели в Рамсет, где провели вместе с Г. и Э. Баннер две очень приятные недели. После этого короткого радостного промежутка наступили долгие дни забот, нужды, лишений и болезней. Чтобы положить на время конец этому, почти невыносимому, положению, я на рождество 1862 г. поехала в Париж попросить помощи у одного старого знакомого, который успел тем временем раз-

* — Макса Фридендера. Ред.

богатеть, но остался великодушным человеком. В жестокий мороз, удрученная заботами, я приехала к этому доброму другу, но застала его разбитым, почти неузнаваемым. Он умер спустя несколько дней после моего приезда. Я вернулась домой в отчаянии и, войдя в наш дом, услышала ужасную горестную весть: наша добрая, милая, верная Марианна, сестра Ленхен, за несколько часов до моего возвращения скончалась от сердечного приступа тихо и благостно, как большое дитя. Эта добрая, верная, усердная, нежная девушка прожила у нас пять лет. Я полюбила ее и так к ней привязалась, что утрата ее причинила мне глубокое горе. В ней я потеряла верное, приветливое, дружеское существо, которое никогда не забуду. На второй день рождества мы проводили ее к месту последнего успокоения. С осени 1861 г. Женни, ставшую цветущей девушкой, мучил очень скверный, упорный, все вновь и вновь возвращавшийся кашель, который очень ее утомлял, изнурял и глубоко нас тревожил в течение нескольких лет. Да и маленькая Элеонора утратила свой свежий, цветущий румянец, худела, и, наконец, осенью 1861 г., как раз когда она начала ходить в школу, у нее появились признаки очень опасной болезни, обычно поражающей только взрослых, — желтухи.

В течение всей весны 1863 г. Женничка очень болела и находилась под постоянным наблюдением врача. Карл также чувствовал себя крайне плохо. После пребывания у Энгельса, которого он регулярно посещал все годы, начиная с 1850 г., ему не стало лучше. Мы снова провели 3 недели у моря в Гастингсе, где пробыли 12 дней вместе с Г. Баннером. Карл заехал за нами туда, но выглядел очень скверно и все время недомогал, пока в ноябре того же года это не вылилось, наконец, в ужасную болезнь — карбункулез. 10 ноября был вскрыт страшный нарыв, но и после этого жизнь Карла еще долго находилась в опасности. Целых четыре недели продолжалась тяжелая болезнь, которая была сопряжена с сильнейшими физическими муками. К этим физическим страданиям присоединялись еще другие неприятные заботы и всякого рода душевные мучения. Мы стояли чуть ли не на краю пропасти, когда неожиданно пришло известие о кончине моей свекрови. Доктор рекомендовал Карлу перемену клима-

та как особенно целительное и благотворное средство, и Карл по совету врача, едва выздоровев, в разгар зимних холодов отправился в Германию, в Трир, для приведения в порядок дела о наследстве своей матери; мы беспокоились за него и горячо желали успеха. Он пробыл там недолго у своего зятя Конради и сестры Эмилии, заехал во Франкфурт к тетушке, сестре отца *. Оттуда он поехал в Боммел к своему дяде **, который вместе с Неттхен *** окружил его самым заботливым уходом, ибо, к сожалению, он снова нуждался в этом, как и во врачебной помощи. Едва он приехал в Боммел, как еще неизлеченная болезнь вспыхнула с новой силой и вынудила его остаться в Голландии с рождества до 19 февраля. Какое это было ужасное время — эта одинокая, безотрадная зима!! С небольшой долей наследства, которую Карл тут же привез наличными, мы получили возможность вырваться из кабалы долгов, ломбарда и т. д. К счастью, мы нашли очень хорошую, здоровую квартиру, которую обставили довольно удобно и относительно элегантно. На пасху 1864 г. мы переехали в новый, приветливый, расположенный на солнечной стороне улицы дом, с просторными светлыми комнатами.

Второго мая мы получили от Энгельса письмо с сообщением о тяжелом заболевании нашего верного, доброго, старого друга Лупуса. Карл тотчас же поспешил к нему, и тот на мгновение даже узнал его. Девятого мая он скончался. В своем завещании, наряду с некоторыми другими незначительными пунктами, он назначил Карла, меня и детей своими главными наследниками. Только теперь впервые выяснилось, что этот непритязательный, так скромно живший человек, благодаря исключительному трудолюбию и напряжению сил, скопил довольно значительное состояние в 1000 фунтов стерлингов. Ему не суждено было спокойно и беспечно воспользоваться на старости лет плодами своих трудов. Нам же это принесло помощь, облегчение и год жизни, свободной от забот. Здоровье Карла,

---

* — Эстер Козель. *Ред.*

** — Лиону Филипсу. *Ред.*

*** — Антуанеттой Филипс. *Ред.*

которое продолжало оставаться очень шатким, требовало неперменного пребывания летом на море. Он поехал с Женни в Рамсгет, куда позднее за ним последовали Лаура и Тусси. Я отправилась на две недели в Брайтон, где завела несколько приятных знакомств. 12 октября мы дали в нашем новом доме первый небольшой бал, за которым позднее последовало еще несколько небольших вечеров. В августе нас навестил Август Филипп. На рождество к нам нежданно нагрянул зять Юта из Капштадта. В новогоднюю ночь вторично появился Август Филипп. 23 февраля Юта вернулся из своего континентального рейда в Лондон; пробыв там еще неделю, он снова отплыл в Капштадт. Он привез к нам Каролину Шмальгаузен, вторую дочь сестры Карла Софи, муж которой умер в ноябре 1862 г. Она прогостила у нас четыре недели, а потом Карл проводил ее снова в Голландию. Там он после 16-летней разлуки увиделся с сестрой. Он также посетил Карла Филиппа в Аахене и своего дядю в Боммеле.

В течение года Карлу удалось найти издателя для своего большого экономического труда. Мейснер в Гамбурге взялся опубликовать это произведение на сравнительно выгодных условиях. Теперь Карл усиленно занялся завершением труда *. 16 мая неожиданно пришла телеграмма от Энгельса из Манчестера, в которой говорилось: Эдгар фон Вестфален здесь. На другой день вечером я приехала к сердцу горячо любимого брата, товарища детских игр, спутника юности. Я не видела его 16 долгих лет. Смертельно больной, он вернулся с американской войны на свою старую родину. В течение трех лет ему пришлось сражаться в рядах армии южан и вместе с ней пережить ужасающие страдания, лишения и всяческие бедствия. После шести недель хорошего заботливого ухода он прекрасно поправился и снова был в силах каждое утро совершать, несмотря на страшную жару, дальние прогулки во все лондонские парки, которые напоминали ему его прерии, его тexasские пустыни.

В июле 1862 г. нас посетил Фердинанд Лассаль. Он с трудом нес бремя славы, которую стяжал себе как ученый, мыслитель, писатель и политический деятель.

---

* — «Капитала». Ред.

Свежий лавровый венок еще покоился на его олимпийском челе и благоухающих кудрях или, скорее, на непокорной, жесткой шевелюре негра. Он только что победоносно закончил итальянский поход¹⁰³ — великие люди действия замыслили новый политический переворот. Сильная борьба раздирала его душу. Он не затронул еще многих отраслей науки! Оставалась еще неприкосновенной египтология. «Должен ли я теперь удивить мир как египтолог или же проявить свою многогранность как человек действия, как политик, как борец, как солдат?» Великая дилемма! Он не мог разобраться в собственных мыслях и чувствах, и эта внутренняя борьба часто находила поистине громогласное выражение. Он как вихрь носился по нашим комнатам, громко разглагольствуя, жестикулируя и часто повышая голос до такой степени, что наши соседи, испуганные этим невероятным криком, справлялись, что у нас случилось. Это была внутренняя борьба великого человека, которая выражалась в пронзительных диссонансах. Известие о тяжелой болезни отца застало Лассалья в Лондоне. Он расстался со своим верным псом Лотаром Бухером, который во время выставки 1862 г. исполнял при нем обязанности курьера, наушника, посыльного и организатора развлечений. Должна сказать, что во время экскурсии в Виндзор и на озеро Вирджиния Уотер, которую мы предприняли сообща, он был весьма «услужлив» и целиком показал себя достойным почетного звания «управляющего».

Лассаль поспешил уехать от нас, где его мания величия встречала мало симпатии, в Швейцарию. Там, в кругу великих мужей¹⁰⁴, он нашел то, чего жаждала его душа: большее расположение к себе и большее поклонение. В окружении сикофантов и дармоедов он чувствовал себя как дома. Он вернулся в Берлин и вместо того, чтобы проявить себя как египтолог, или солдат, или политический деятель, или писатель, или мыслитель, он избрал еще непроторенный путь — путь мессии рабочих. Шульце-Делич уже ряд лет возглавлял движение рабочих за создание ссудосберегательных касс; Лассаль выступил против него, и тогда началась «новая эра эмансипации рабочих — движение, какого Европа еще не видывала, — великое, единственно

возможное освобождение угнетенных классов путем прямого избирательного права и всеобщего равноправия». Лассаль объезжал Германию в качестве мессии и апостола, одна за другой следовали брошюры, и возникло рабочее движение, которое правительство молчаливо терпело и таким образом косвенно поощряло, ибо оно было ему очень на руку в политической борьбе с развивающейся и довольно-таки мешающей ему партией прогрессистов¹⁰⁵.

Что касается «лассалевского учения», то оно состояло из бессовестного плагиата доктрин, разработанных Карлом в течение 20 лет, и нескольких собственных добавлений прямо реакционного характера, из чего получилась весьма своеобразная смесь правды и вымысла. И все же все это импонировало рабочему классу. Лучшие из рабочих правильно понимали суть дела, а вся масса невежд и штраубингеров⁹² с фанатическим преклонением тянулась к новому учению, привлеченная ложным ореолом провозглашенного им дела, к новому мессии, которому создавался едва ли имеющий себе равный в истории культ. Священный фимиам, распространяемый невеждами, одурманил половину Германии, и сейчас еще, когда Лассаль покоится на тихом еврейском кладбище в Бреславле, убитый в Женеве на дуэли валашским юнцом¹⁰⁶, продолжается воскурение фимиама, размахивание знаменами и увенчание лавровыми венками. Лассаль оставил завещание, по которому он назначил графиню Гатцфельдт своей главной наследницей и наделил своих новых швейцарских друзей важными полномочиями. Против завещания заявили протест мать и сестра Лассалья, и процесс по этому поводу еще не закончен. Одновременно Лассаль назначил своим преемником в руководстве рабочим движением Бернхарда Беккера.

На рождество Швейцер и Хофштеттен начали издавать газету «Der Social-Demokrat», «орган лассальянцев». Карл и Энгельс обещали свое сотрудничество. Но уже очень скоро они вынуждены были порвать с этим реакционным предприятием, целиком продавшимся правительству¹⁰⁷. Следствием их заявления была новая травля Карла — и по сегодняшний день штраубингеры злобствуют, беснуются и воют на все лады в своих печатных органах и брошюрках. Виль-

гельм Либкнехт, который с сентября 1862 г. поселился в Берлине, слишком тесно связался с этой шайкой, дал ей и интриговавшей вместе с ней графине Гатцфельдт одурчить себя, и теперь вынужден дорого расплачиваться за свое легковерие¹⁰⁸.

Впервые опубликовано
на русском языке с сокращениями
в книге: Воспоминания о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1956
и полностью на языке оригинала
в книге: Mohr und General. Berlin, 1964

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Карл Маркс

(БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ) ¹⁰⁹

Мои австрийские друзья хотят получить от меня воспоминания о моем отце. Более трудной задачи они не могли бы мне поставить. Но австрийские рабочие и работницы так блестяще борются за дело, которому посвятил всю свою жизнь и деятельность Карл Маркс, что я не могу отказать им в этом. Итак, я попробую представить им несколько беглых, разрозненных замечаний о моем отце.

О Марксе ходит множество странных историй: начиная от небылиц о его «миллионах» (разумеется, в фунтах стерлингов — о меньшем не может быть и речи) и кончая рассказами о финансировании его Бисмарком, чьим постоянным посетителем в Берлине Маркс якобы был во времена Интернационала (!)

И все же для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и недоступным человеком, кем-то вроде Юпитера-громовержца, вечно мечущего молнии, без единой улыбки на устах, одиноко и неприступно восседающего на Олимпе. Подобное изображение самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющим через край юмором и жизнерадостностью, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого приветливого, мягкого, благожелательного из товарищей являлось постоянным источником удивления и развлечения для всех, кто знал его.

В семье, как и в отношениях к друзьям и даже просто к знакомым, главной характерной чертой Карла Маркса можно, пожалуй, считать его неизменно веселое расположение духа и его безграничную отзывчивость. Его доброта и терпение были поистине изумительны. Менее мягкого человека часто выводили бы из себя люди, постоянно отрывавшие его от работы и об-

рацававшиеся к нему с просьбами. Не характерно ли для его вежливости и доброты, что однажды один из эмигрантов Коммуны (кстати, невыносимо надоедливый человек) занимал Маркса в течение трех смертельно скучных часов, и когда ему, наконец, сказали, что время не терпит и дела еще много, он ответил: «Mon cher Marx, je vous excuse...» *.

И как по отношению к этому надоедливому субъекту, так и по отношению ко всякому, кого он считал честным человеком (а он нередко отдавал свое драгоценное время людям, весьма злоупотреблявшим его великодушием), Маркс всегда был самым благожелательным и добрым из людей.

Его уменье подойти к людям, дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышала, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особой способности понимать их и разбираться в их делах.

Когда он думал, что человек действительно серьезно к чему-нибудь стремится, его терпению не было границ. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство — слишком ребяческим для серьезного спора. Его время и его обширные познания были всегда к услугам каждого, кто выказывал стремление научиться чему-нибудь.

Но, может быть, всего обаятельнее Маркс был в общении с детьми. Да, дети никогда не имели лучшего товарища в играх!

Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет, и «Мавр» (старое домашнее прозвище так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садику на Графтон-террас и вплетал в мои каштановые локоны цветущий вьюнок.

Мавр, по общему признанию, был великолепной лошастью. В давние времена — я этого не могу помнить, но мне рассказывали — мои сестры и маленький брат, смерть которого тотчас же после моего рождения была для моих родителей в течение всей их жизни источником глубокого горя, «впрягали» Мавра в стулья, сами садились на них верхом и заставляли его возить. И в

* — «Милый Маркс, я вас извиняю...» Ред.

самом деле, как я слышала от него самого, некоторые главы «Восемнадцатого брюмера Луи Наполеона» Маркс писал в квартире на Дин-стрит, в Сохо, впряженный в три стула, оседланных тремя маленькими детьми, которые «правили» им и «погоняли» его.

Я же сама, может быть, потому, что не имела сестер моего возраста, предпочитала Мавра в качестве верховой лошади. Сидя на его плечах, запустив руки в его густую гриву, тогда еще черную, лишь с редкой проседью, я совершала великолепные верховые прогулки по нашему маленькому садику и по не застроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом на Графтон-террас.

Несколько слов об имени «Мавр». В нашем доме у всех были прозвища (читателям «Капитала» следует знать, с каким умением Маркс давал их). «Мавр» было обычное, почти официальное имя, которым звали Маркса не только мы, но и все самые близкие друзья. Но он был также для нас «Чали» (первоначально, вероятно, искаженное Чарли!) и «Old Nick» *.

Моя мать была всегда наша «Мэмэ».

Наш дорогой старый друг Елена Демут — неизменный друг моих родителей — после того, как ей давали множество разных прозвищ, стала нашей «Ним».

Энгельс после 1870 г. стал нашим «Генералом».

Лина Шёлер, наш ближайший друг, была нашим «Old mole» **.

Моя сестра Женни — «Кви-Кви — китайский император» и «Ди».

Моя сестра Лаура (жена Лафарга) — «Готтентот» и «Какаду».

Я называлась «Тусси» — это имя так и осталось за мной — и «Кво-Кво — китайский принц», а долгое время также и «Карлик Альберих» (из «Песни о Нибелунгах»).

Но хотя Мавр был отличной лошадей, он обладал и еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок.

* — «Леший». Ред.

** — «Старый крот». Ред.

Я часто слышала от своих теток, что в детстве Мавр был страшным тираном своих сестер; он гонял их в качестве лошадок галопом с Маркусберг в Трире и, еще хуже, настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготавливал из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли погонять себя и съедали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им Карл в награду за хорошее поведение.

А много-много лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще слишком мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. «Расскажи нам еще одну милю», — просили обе девочки.

Что же касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка «Ганс Рёкле». Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором!

Ганс Рёкле — волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и он всегда был в стесненных обстоятельствах. Его лавка была полна самых чудесных вещей: деревянные куклы, изображавшие мужчин и женщин, великаны и карлики, короли и королевы, работники и хозяева, животные и птицы — в таком же количестве, как и в ноевом ковчеге, столы и стулья, экипажи, сундучки всех видов и размеров. Но, хотя Ганс и был волшебником, он никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден, совершенно против своего желания, постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи в конце концов всегда возвращались в лавку Ганса Рёкле.

Одни из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и некоторые сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

Мавр имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д. Шекспир был нашей домашней Библией, всегда у нас в руках или

на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр впервые подарил мне ко дню моего рождения роман — бессмертного «Питера Симпла» *. Потом последовали полные собрания сочинений Марриэста и Купера. И мой отец читал одновременно со мной все эти истории и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда эта маленькая девочка, воодушевленная морскими историями Марриэста, объявила, что она тоже хочет сделаться «капитаном корабля» (не вполне понимая, что это значит), и посоветовалась с отцом, нельзя ли ей «одеться мальчиком» и «сбежать, чтобы наняться на военное судно», тот уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне.

Однако прежде чем смогли созреть эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным кланом Кэмпбелл. Затем возникли планы поднять восстание в Горной Шотландии и воскресить «сорок пятый год» ¹¹⁰. Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдинга.

Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не замечала, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и хотя она и не сознавала, что ее учат, — а то стала бы противиться этому, — он учил ее думать и понимать.

Таким же точно образом этот «суровый» и «озлобленный» человек беседовал с маленькой девочкой о «политике» и «религии». Я великолепно помню, как однажды, когда мне было лет пять или шесть, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку), и я, конечно, поделилась ими с Мавром. Он объяснил мне все с таким спокойствием, так четко и убедительно, что с того часа и по сей день у меня больше не возникало ни малейших сомнений.

* Ф. Марриет. «Питер Симпл». Ред.

А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами: я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом.

И я вспоминаю, как он много-много раз говорил: «Несмотря на все, мы многое можем простить христианству, ибо оно учит нас любить детей».

Маркс сам мог бы сказать: «Пустите детей и не возбраняйте им приходиться ко мне» *, так как, куда бы он ни шел, около него появлялись дети. Сидел ли он на Хэмпстед-хис — обширном, открытом пространстве на севере Лондона, недалеко от нашего старого дома, либо отдыхал на скамье в одном из парков, его тотчас же окружали дети, питавшие самые дружеские и искренние чувства к большому человеку с длинными волосами, бородой и добрыми карими глазами. Совершенно незнакомые дети подходили к нему и часто останавливали его на улице; также доверчивы были по отношению к нему животные, чужие собаки и кошки тянулись к нему и лизали его руки.

Мне вспоминается, как однажды маленький школьник, лет десяти, запросто остановил «грозного» «вождя Интернационала» в Мейтленд-парке и предложил ему: «Swor Knives» **. После того как он объяснил Марксу, что «swor» на языке школьников означает «менять», оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним лезвием, а у Маркса с двумя, но явно тупыми. После долгих споров сделка была заключена, ножи обменены, и страшный «вождь Интернационала» дал еще пенни в придачу, так как его нож был уж очень туп.

Я помню также, с каким бесконечным терпением и кротостью Мавр отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне и Синие книги ¹¹¹ вытеснили на некоторое время Марриэта и Скотта. Зато я целые дни проводила над английскими правительственными сообщениями, над картами Америки. Он отвечал на каждый вопрос и никогда не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хотя ему, должно быть, очень мешало присутствие вечно болтающей малютки, когда он работал над своим великим произведением ***.

* Евангелие от Луки. 18, 16.

** — «Давай меняться ножами». Ред.

*** — «Капиталом». Ред.

Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время — я это хорошо помню — у меня было непоколебимое убеждение, что Авраам Линкольн (президент Соединенных Штатов Америки) крайне нуждается в моих советах в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и относить на почту. Много-много лет спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, ибо уж очень они забавляли его.

Таким же идеальным другом был Мавр на всем протяжении моего детства и юности.

Дома мы все были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым. И он оставался таким даже в те годы, когда так много страдал из-за карбункулов; таким он был до самой смерти.

Я говорила о Марксе и его общении с детьми. Так же ласков он был и с животными, и, если бы хватило места и времени, я могла бы рассказать множество историй о нашем зверинце на Мейтленд-парк: о наших кошках, собаках, птицах и черепахах.

Я набросала эти отрывочные воспоминания, но они были бы совершенно неполны, если бы я не добавила несколько слов о моей матери. Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был. Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую.

Своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился до конца жизни и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Геррег и Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее, Женни фон Вестфален выделялась из тысяч.

Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе; юношей и девушкой — он 17-ти, она 21-го года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет, прежде чем они поженились. Затем во все последующие годы бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом, Еленой Демут, никогда не отступали, ни-

когда не уклонялись, всегда выполняли свой долг, всегда на опасном посту. Поистине Маркс мог бы сказать о ней словами Браунинга:

Навек она стала невестой моей.
Ни случай не может любовь изменить,
Ни время — ослабить ее.

Я иногда думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывало и величайшее чувство юмора. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им.

Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличий и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и даже тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что единственный взгляд вызовет неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавляемого смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой, — это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на какие миллионы, если бы мне когда-нибудь пришлось наследовать их. Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарования, они были веселой четой, и «озлобленный Юпитер-громовержец» — лишь плод воображения господ буржуа.

Если за годы борьбы они и испытали не одно горькое разочарование, если они и встречали черную неблагодарность, они все же имели то, что дано немногим, — верных друзей. Там, где известно имя Маркса, известно и имя Фридриха Энгельса. А кто знал Маркса в его домашней обстановке, тот вспоминает и имя благороднейшей из женщин, славное имя Елены Демут.

Тем, кто посвятил себя изучению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким непреклонным борцом, мог быть в то же время добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Они поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить; что если его язвительное перо могло так прочно засадить кого-нибудь

в ад, как это было под силу только Данте, то лишь потому, что он был таким преданным и нежным; что если его саркастический юмор мог разъедать, как кислота, то тот же самый юмор успокаивал нуждающихся и отчаявшихся.

Моя мать умерла в декабре 1881 г. Через 15 месяцев последовал за нею тот, кто всю свою жизнь не разлучался с ней. После жизни, полной тревог, они отошли на покой. Если она была идеальной женщиной, то

Он человек был, человек во всем.
Ему подобных мне уже не встретить *.

Впервые опубликовано в книге:
Oesterreichischer Arbeiter-Kalender
für das Jahr 1895. Wien, 1895

Печатается по тексту книги,
сверенному с английской рукописью

Перевод с немецкого

---

* В. Шекспир. «Гамлет». Акт. 1, сцена 2. Ред.

Заметка издателя ¹¹²

Нижеследующие статьи теперь, спустя сорок пять лет, впервые собраны и изданы в виде книги. Они представляют собой бесценное дополнение к работе Маркса о государственном перевороте Наполеона III («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). Обе работы относятся к одному периоду и являются, говоря словами Энгельса, «выдающимися образцами удивительного дара... Маркса... верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились» ¹¹³.

Эти статьи были написаны Марксом в 1851—1852 г., когда он прожил в Англии около полутора лет. Он жил с женой, тремя маленькими детьми и другом семьи на протяжении всей жизни Еленой Демут в двух комнатах на Дин-стрит, в Сохо, почти напротив театра «Ройял». В течение почти десяти лет их гоняли с места на место. Когда в 1843 г. прусское правительство запретило «*Rheinische Zeitung*», редактором которой был Маркс, он со своей молодой женой Женни фон Вестфален уехал в Париж. Вскоре правительство Пруссии потребовало его высылки — говорят, что роль прусского агента в этом деле играл Александр фон Гумбольдт, — и г-н Гизо оказался, разумеется, слишком благовоспитанным, чтобы отказаться выполнить это требование. Маркс был выслан и отправился в Брюссель ⁶⁹. И снова правительство Пруссии потребовало его изгнания, и едва ли можно было рассчитывать, что бельгийцы откажутся выполнить требование, которому уступило правительство Франции. Маркс получил приказ о высылке.

Но в этот самый момент французское правительство, выславшее Маркса, ушло со сцены обычным для правительств Франции путем, а новое временное прави-

тельство пригласило через Фердинанда Флокона «мужественного и честного Маркса» вернуться в страну, откуда «его изгнала тирания и где его, как и всех, кто борется за святое дело, за дело братства всех народов», приняли бы с радостью⁸⁷. Приглашение было принято, и несколько месяцев он прожил в Париже. Затем он вернулся в Германию, чтобы начать издание «Neue Rheinische Zeitung» в Кёльне. А сотрудникам этой газеты скучать не приходилось. Против Маркса дважды возбуждалось судебное дело⁷⁴, но, поскольку суд не признавал его виновным, правительство Пруссии избрало кратчайший путь и запретило газету¹¹⁴.

Маркс и его семья вновь оказались в стране, «двери» которой всего за несколько месяцев до этого были для него «открыты»⁸⁷. Изменился климат, а с ним и правительство. «В Париже,— пишет моя мать в биографических заметках, которые я недавно нашла¹¹⁵,— мы пробыли месяц. Но и здесь нам не давали покоя. В одно прекрасное утро к нам снова явилась знакомая фигура полицейского сержанта с предписанием: «Карл Маркс и его жена» должны покинуть Париж в течение 24 часов. Ему еще оказали милость, предложив Ванн в Морбиане в качестве прибежища. На подобную ссылку мы, конечно, не согласились, и я опять уложила свои пожитки, чтобы найти в Лондоне надежную и спокойную пристань. Карл поспешил туда раньше, чем мы». «Мы» — это моя мать, Елена Демут и трое маленьких детей: Женни (г-жа Лонге), Лаура (г-жа Лафарг) и Эдгар, который умер восьми лет.

Пристанище было действительно надежным, но было подвержено ураганам. В Лондоне скопились сотни беженцев — все в той или иной степени нужды. Затем последовали годы ужасающей нищеты и тяжких страданий — таких, которые понятны лишь человеку, оказавшемуся без гроша в чужой стране. Страдания были бы невыносимыми, если бы не вера, которую сохраняли эти мужчины и женщины, если бы не их непобедимый «Humor». Я употребляю немецкое слово, потому что не знаю английского, которое точно выразило бы то же понятие — сочетание юмора и добродушия, беспечной смелости и бодрого настроения.

Для того чтобы читатели публикуемых статей полу-

чили какое-то представление об условиях, в которых работал Маркс, в которых он написал их, а также «Восемнадцатое брюмера» и готовил свой первый крупный экономический труд — «К критике политической экономии» (опубликованный в 1859 г.), я вновь цитирую заметки моей матери. Вскоре после приезда семьи родился второй сын. Он умер в возрасте двух лет. Потом родился пятый ребенок — девочка. Она прожила около года и тоже заболела и умерла. «Три дня,— пишет моя мать,— боролось бедное дитя со смертью, оно так сильно страдало. Крохотное бездыханное тельце девочки покоилось в маленькой задней комнатке. Мы все (т. е. мои родители, Елена Демут и трое старших детей) перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу — трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все оплакивали маленького ангела, который, холодный и бледный, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни. Наши немецкие друзья не были в состоянии нам помочь». Энгельс после тщетных попыток достать в Лондоне обеспечивающую его литературную работу уехал в Манчестер и поступил на весьма невыгодных условиях конторским служащим на фабрику своего отца. «Эрнест Джонс, который тогда часто и подолгу бывал у нас, обещал нам помощь. Но и он не смог этого сделать... Тогда я в смятении отправилась к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и посещал нас. Я просила его помочь нам в ужасной нужде. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором наконец теперь мирно покоилось мое бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей долго отказывали даже в последней маленькой обители». «...Это было ужасное время», пишет мне (автору заметки) Либкнехт, «но несмотря на это, оно было великим».

В упомянутой «передней комнате» на Дин-стрит Маркс работал, а вокруг него играли дети. Я слышала рассказы о том, как позади него дети строили из стульев экипаж, в который впрягали его в качестве лошади, и «погоняли» его даже тогда, когда он сидел за письменным столом и писал.

Маркса рекомендовал г-ну Ч. А. Дана *, редактору «New-York Tribune», Фердинанд Фрейлиграт. Первыми статьями, посланными им в Америку, была серия писем о Германии, которые перепечатаны ниже. По-видимому, они вызвали такую сенсацию, что еще до окончания публикации всей серии Марксу предложили стать постоянным корреспондентом в Лондоне. 12 марта 1852 г. г-н Дана писал: «Возможно, Вам будет приятно узнать, что их (т. е. «германские» письма) многие читают с удовольствием и широко перепечатывают» ¹¹⁷. С этого времени Маркс регулярно, за исключением коротких перерывов, не только посылал корреспонденции в нью-йоркскую газету, но и писал для нее большое количество передовиц. «Г-н Маркс», говорится в редакционной заметке от 1853 г., «имеет свои собственные, весьма определенные взгляды, которые мы в известной части далеко не разделяем, но тот, кто не читает его статей, лишает себя одного из наиболее поучительных источников информации по великим проблемам современной европейской политики» ¹¹⁸.

Не менее важное место среди этих корреспонденций занимали те, которые касались лорда Пальмерстона и русского правительства. «Сочинения Уркарта о России заинтересовали меня, но не убедили», — пишет Маркс. «Чтобы прийти к определенным взглядам по этому вопросу, я подверг тщательному анализу «Парламентские дебаты Хансарда» и дипломатические «Синие книги» за 1807—1850 гг. Первым плодом этого изучения была серия статей в «New-York Tribune», в которой я показал связи Пальмерстона с правительством России. ...Вскоре после того эти исследования были перепечатаны в редактируемом Эрнестом Джонсом чартистском органе «The People's Paper». ...Между тем газета «Glasgow Sentinel» перепечатала одну из этих статей, а часть ее издал в виде брошюры г-н Такер в Лондоне» ^{**119}. А Шеффилдский комитет по иностранным делам выразил Марксу благодарность за «крупную услугу, которую он оказал обществу замечательным изложением» в его «Документах о Карсе», опубликованных как

* Г-н Ч. А. Дана в то время еще сочувствовал социализму. Влияние Брукфарм ¹¹⁶ еще не исчезло. (Прим. авт.)

** «Господин Фогт», с. 59 и 185. Лондон, 1860. (Прим. авт.)

в «New-York Tribune», так и в «People's Paper»¹²⁰. Большое число статей [его] на эту тему было также напечатано старым другом Маркса К. Д. Коллетом в «Free Press». Я надеюсь вновь опубликовать эти и другие статьи.

Что касается «New-York Tribune», то в то время она издавалась и редактировалась прекрасно, располагала огромным штатом выдающихся авторов * — американских и европейских. Газета страстно выступала против рабства и признавала также, что «существует необходимость в правильной организации общества» и что «наши пороки» носят «социальный, а не политический характер». На эту газету, особенно на статьи Маркса, часто ссылались в палате общин, особенно Джон Брайт.

Читателям, возможно, хотелось бы знать, сколько Марксу платили за его статьи, — многие из них были значительно длиннее тех, которые собраны здесь. Он получал один фунт за каждую статью — не очень-то щедрое вознаграждение!

Надо отметить, что двадцатая глава, о предстоящем появлении которой говорится в девятнадцатой, отсутствует¹²¹. Может быть она и была написана, но опубликована, безусловно, не была. Возможно, ее вытеснило обилие другого материала. «Не знаю, — писал г-н Дана, — сколь длинной Вы намерены сделать эту серию, при обычных обстоятельствах я бы хотел, чтобы она продолжалась как можно дольше. Но близятся президентские выборы, освещение которых займет у нас очень много места. ...Я бы просил, если это возможно, сократить ваш обзор... скажем, еще до шести статей» (одиннадцать г-н Дана уже получил). Однако не завершайте его, не дав описания тех сил, которые действуют там (в Германии) сейчас и заняты подготовкой будущего»¹²². Такое «описание» можно найти в статье о «Кёльнском процессе коммунистов», которую я добавила к «германской» серии. Этот процесс рисует истинную картину положения в Германии в период торжества контрреволюции¹²³.

Сам Маркс нигде не указывает, что эта серия статей не была завершена, хотя иногда ссылается на них. Так,

* В том числе Бруно Бауэр, Байард Тейлор, Рипли и многие из Брукфарм. Редактором был Хорас Грили. (Прим. авт.)

он упоминает о них в корреспонденции о кёльнском процессе ⁷⁵, а в 1853 г. пишет: «Те из читателей, которые знакомы с моими статьями о революции и контр-революции в Германии, написанными для «Tribune» около двух лет тому назад, и которые желают получить наглядное представление о революции, пусть посмотрят картину г-на Хазенклевера, выставленную сейчас в ...Нью-Йорке., она изображает вручение петиции рабочих городским властям Дюссельдорфа в 1848 году. То, что писатель мог только проанализировать, выдающийся художник изобразил со всем драматизмом и жизненной силой» ¹²⁴.

В заключение я хотела бы напомнить английскому читателю, что эти статьи были написаны Марксом, когда он прожил в Англии всего лишь около полутора лет, и что у него никогда не было возможности прочесть верстку. Несмотря на это, я не почувствовала, чтобы где-нибудь требовалась правка. Поэтому я исправила лишь несколько явно типографских ошибок.

Дата в начале каждой главы относится к номеру «Tribune», а дата в конце — ко времени ее написания. Заглавия корреспонденций, напечатанных в этой книге, принадлежат мне.

Сиденхем, апрель 1896 г.

Впервые опубликовано в книге:

Marx K. Revolution
and Counter-revolution
in Germany. London, 1896

Печатается по тексту книги

Перевод с английского

Заметки к письму молодого Маркса ¹²⁵

Настоящее письмо прислано мне несколько месяцев назад моей кузиной г-жой Каролиной Смит, которая нашла его в бумагах своей матери Софи, старшей сестры Карла Маркса и первенца в семье. Как попало письмо к моей тете Софи, я не знаю. Вероятно, она также нашла его в бумагах своей матери. Сам Маркс находился в момент смерти его матери, в 1863 г., в Трире, но он, безусловно, не знал, что письмо еще существует и что его сестра взяла его к себе, — к счастью, так как он, несомненно, его уничтожил бы.

Лишь с величайшей неохотой я предаю гласности письмо, явно предназначавшееся лишь для любимого отца, которому оно было написано. Собственно говоря, я намеревалась использовать его только как материал для биографии Маркса, которая, надеюсь, будет закончена в недалеком будущем ¹²⁶. Но я показала письмо кое-кому из близких друзей, и они убедили меня в необходимости и даже в моем долге обнародовать этот изумительный человеческий документ. «Я вполне понимаю твои возражения против опубликования письма, — писал Каутский, — но ведь не мы делаем общим достоянием частную жизнь Мавра; это уже гораздо раньше сделали другие... Мы, однако, всемерно заинтересованы в том, чтобы, коль скоро характер и частная жизнь твоего отца уже служат предметом открытого обсуждения, ложь врагов не была бы единственным доступным материалом». Итак я уступила, и письмо публикуется в «Neue Zeit». Оно датировано 10 ноября без указания года, но мы можем с известной уверенностью определить его. Оно, несомненно, было написано до 1838 г., так как Маркс пишет в нем о пребывании Бруно Бауэра в Берлине, а в 1838 г. тот был уже в Бонне. Таким образом, письмо относится к 1836 или к 1837 г. Первоначально я склонялась в пользу первого года, но тщательное

сопоставление дат убедило меня, что правильнее отнести его к 1837 г.

Совершенно очевидно, что письмо было написано вскоре после помолвки Маркса с Женни фон Вестфален.

Карлу было 17 лет, когда он впервые начал добиваться руки Женни. Конечно, и на сей раз верную любовь ждали тяжелые испытания. Вполне понятно, что родители Карла противились «обручению» юноши такого возраста, и выражения сожаления в письме — усердие, с которым он уверяет отца в своей любви, несмотря на некоторые расхождения, объясняются весьма бурными сценами, которые разыгрались в связи с этим дома. Мой отец говаривал, что он был в ту пору настоящим неистовым Роландом. Но скоро дело было улажено, и накануне, или вскоре после того, как ему минуло 18 лет, «помолвка» состоялась официально. Целые семь лет «отрабатывал» Карл за свою прекрасную Женни, «и они показались ему за несколько дней, настолько он любил ее» *.

19 июня 1843 г. они повенчались. Они вместе играли еще детьми, в юношеские годы обручились, а потом мужественно, рука об руку, ринулись в жизненную борьбу.

И какую борьбу! Годы горькой гнетущей нужды и, что еще хуже, годы жестоких подозрений, гнусной клеветы, ледяного равнодушия. Но посреди всего этого, и в несчастье и в счастье, на протяжении всей жизни их связывала любовь и дружба, они не знали ни колебаний, ни сомнений и были верны друг другу до гроба. И даже смерть не разлучила их.

Всю свою жизнь Маркс не только любил, но был влюблен в свою жену. Передо мной лежит любовное письмо, оно пылает такой огненной страстью, точно принадлежит 18-летнему юноше; а ведь Маркс писал его в 1856 г., после того как Женни родила ему шестерых детей ¹²⁷. Когда в 1863 г. смерть матери отозвала его в Трир, он писал оттуда: «Каждый день совершаю паломничество к старому дому Вестфаленов (на Нейштрассе), который интересуется меня больше, чем все римские древности, — ведь он напоминает мне о счастливейшей поре юности, в нем же таилось мое самое дра-

* Библия. Бытие, 29, 15—20.

гоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон меня то и дело спрашивают о quondam * «самой красивой девушке Трира» и «царице балов». Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как «зачарованная принцесса»»¹²⁸.

Если допустить, что письмо написано через 5—6 месяцев после обручения, то это будет, как я и полагала сначала, ноябрь 1836 г. Но Маркс упоминает в нем «первые три тетради стихов», им уже написанных. В моем распоряжении находятся три тетради стихов, которые я рассматриваю, как названные выше. Они датированы: «Берлин, конец осени 1836 года», «Берлин, ноябрь 1836 года» и «Берлин, 1836». Три довольно объемистых, аккуратно написанных тетради. Заголовок двух первых тетрадей: «Книга любви, часть первая и часть вторая». Первая книга подписана: «К. Г. Маркс». Вторая — «Карл Маркс». Третья — «Книга песен» — тоже подписана «Карл Маркс». Все три посвящены «моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален»¹²⁹. Письмо датировано 10 ноября. Не исключено, что все три тетради были переписаны и отосланы в конце октября — начале ноября, но это маловероятно и соответствующее место письма говорит не в пользу такого предположения.

Таким образом, мы не ошибемся, если отнесем письмо к ноябрю 1837 г., когда Марксу было 19 лет.

Еще несколько замечаний по поводу некоторых содержащихся в письме намеков. «Безнадежную любовь» я объяснила. Под «тучами, сгустившимися над нашей семьей»¹³⁰, надо понимать известные денежные потери и связанные с этим затруднения, о которых я слышала от отца и которые, по-моему, относятся к этому времени, а также, и в первую очередь, тяжелую болезнь его младшего брата Эдуарда, как и слабое здоровье трех других братьев и сестер, которые все умерли очень рано, и начало болезни отца, которой также суждено было завершиться смертельным исходом.

Маркс был сильно привязан к своему отцу. Он без устали о нем рассказывал и всегда носил при себе его фотографию, снятую со старинного дагерротипа. Но по-

* — некогда. Ред.

сторонним он не хотел ее показывать: он говорил, что она очень мало похожа на оригинал. Лицо казалось мне очень красивым, глаза и лоб те же, что и у сына, но линии вокруг рта и подбородка мягче; во всем — печать ярко выраженного красивого еврейского типа. Когда Карл Маркс после смерти своей жены предпринял длинное печальное путешествие, чтобы восстановить потерянное здоровье,— так как он хотел завершить свой труд *, ему сопутствовали всюду эта фотография его отца, старая фотография моей матери на стекле (в футляре) и карточка моей сестры Женни; когда Маркс умер, мы нашли их у него в боковом кармане. Энгельс положил их с ним в гроб.

Публикуемое здесь письмо, несомненно, поразительно для 19-летнего юноши. Оно показывает нам молодого Маркса в становлении, показывает в мальчике будущего мужчину. Мы уже видим здесь ту, почти сверхчеловеческую, работоспособность и то трудолюбие, которые отличали Маркса на протяжении всей его жизни; никакая работа не была слишком утомительной, слишком скучной для него, нигде в его трудах не обнаружишь небрежности или неряшливости. Мы видим, как этот юноша за несколько месяцев выполняет работу, за которую не без колебаний взялся бы и мужчина; мы видим, как он, исписав десятки листов, спокойно уничтожает плоды своего труда, заботясь лишь о том, чтобы полностью «уяснить все самому себе» и всесторонне осмыслить свой предмет и овладеть им. Мы видим, как он сурово критикует себя и свой труд,— что, бесспорно, весьма необычно для молодого человека,— весьма просто и непритязательно, но с необыкновенной пронизательностью. Да, мы уже видим — и это, пожалуй, самое удивительное для человека таких лет — блески того своеобразного юмора, который позднее был так характерен для него. И мы также видим, что уже тогда, как и потом, он читал очень много, охватывал все области, читал буквально запоем. Все — право, философия, история, поэзия, искусство,— все было ему по плечу, и что бы он ни делал, он доводил до конца. Но письмо показывает также еще одну черту Маркса, мало или совсем не известную миру: его исключительную

---

* — «Капитал». Ред.

нежность ко всем, кто был ему близок, его натуру, полную любви и самоотверженности.

Для меня нелегко выставлять на всеобщее обозрение тайники этой души. Но я не жалею об этом, поскольку способствую тому, чтобы Карла Маркса лучше знали, а потому и больше любили и чтили.

Впервые опубликовано в журнале
«Die Neue Zeit», Stuttgart,
Jg. XVI, 1897—1898, Bd. 1

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

Фридрих Энгельс ¹³¹

28 ноября 1890 г. Фридриху Энгельсу исполнится семьдесят лет. Этот день будут праздновать социалисты всего мира. По этому поводу мой друг д-р Виктор Адлер попросил меня написать для читателей «Sozialdemokratische Monatsschrift» краткую статью об общепризнанном главе нынешней партии.

Из всех разнообразных качеств, которые требуются для выполнения столь трудной задачи, я могу претендовать лишь на одно: я знакома с Энгельсом с тех пор, как появилась на свет. Но остается открытым вопрос, дает ли длительное и тесное общение с человеком возможность более правдиво его изобразить. Ведь из всех людей труднее всего нарисовать самого себя. Для того чтобы написать биографию Маркса и Энгельса — а жизнь и творчество этих двух людей так переплелись, что разделить их невозможно, — нужно было бы написать не только историю развития социализма «от утопии к науке», но также и историю всего рабочего движения на протяжении чуть ли не полустолетия, потому что эти два человека никогда не были только идейными вождями, только теоретическими наставниками, философами, стоящими изолированно и в стороне от повседневной работы и жизни. Они всегда были борцами и в борьбе неизменно стояли на передовых позициях — они были и солдатами революции, и руководителями ее генерального штаба. Из ныне живущих лишь один-единственный человек мог бы написать эту историю; мы надеемся, что он еще сумеет дать ее нам. Но тогда это будет в такой же степени автобиография, как и биография.

Подробности жизни Энгельса в настоящее время настолько известны, что достаточно, пожалуй, их только вкратце напомнить. Его литературные и научные труды настолько известны, что какая бы то ни было

попытка анализа их была бы с моей стороны просто нескромностью; можно ограничиться лишь хронологическим обзором этих работ.

Но я хочу попытаться рассказать коротко об Энгельсе как человеку, о том, как он живет. Думаю, что этим доставлю радость многим людям, исключая, естественно, тех господ, которые так смертельно боятся, что на них развращающе подействует «преклонение перед авторитетами». Я лично считаю, что изучение такой жизни, как жизнь Энгельса, может только поощрить и вдохновить нас, более молодых, стоящих на его плечах.

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 г. в Бармене, в Рейнской провинции. Отец его был фабрикантом (не надо забывать, что Рейнская провинция тогда в экономическом отношении далеко опережала остальную Германию). Семья была весьма уважаемой. Пожалуй, никогда еще в подобной семье не рождался сын, который был бы настолько чужд ее традициям. Фридрих должен был в этой семье казаться «гадким утенком». Возможно, что родные до сих пор еще не понимают, что «утенок» этот оказался «лебедем». Всякому, кто слышал рассказы Энгельса о родительском доме, одно ясно, что свой веселый нрав он унаследовал от матери.

Энгельс прошел обычную школу; он обучался в эльберфельдской гимназии. Вначале у него было намерение окончить и университет, но как вследствие личной неприязни, так и по семейным обстоятельствам этот план не был осуществлен. За год до сдачи экзамена на аттестат зрелости он поступил в торговый дом в Бармене, потом в течение года служил вольноопределяющимся в Берлине.

В 1842 г. Энгельс был послан в Англию, в Манчестер, для работы в конторе предприятия, в котором отец его был компаньоном. Он пробыл там два года, и значение этих двух лет пребывания в классической стране капитализма, в центре крупной промышленности, едва ли можно переоценить.

Характерно для этого человека, что в то время, когда он собирал материалы для своей книги «Положение рабочего класса в Англии», он также принимал деятельное участие в чартистском движении и был постоянным

*Карл Маркс
(конец марта 1866 г.)*

*Карл Маркс
(начало мая 1867 г.)*

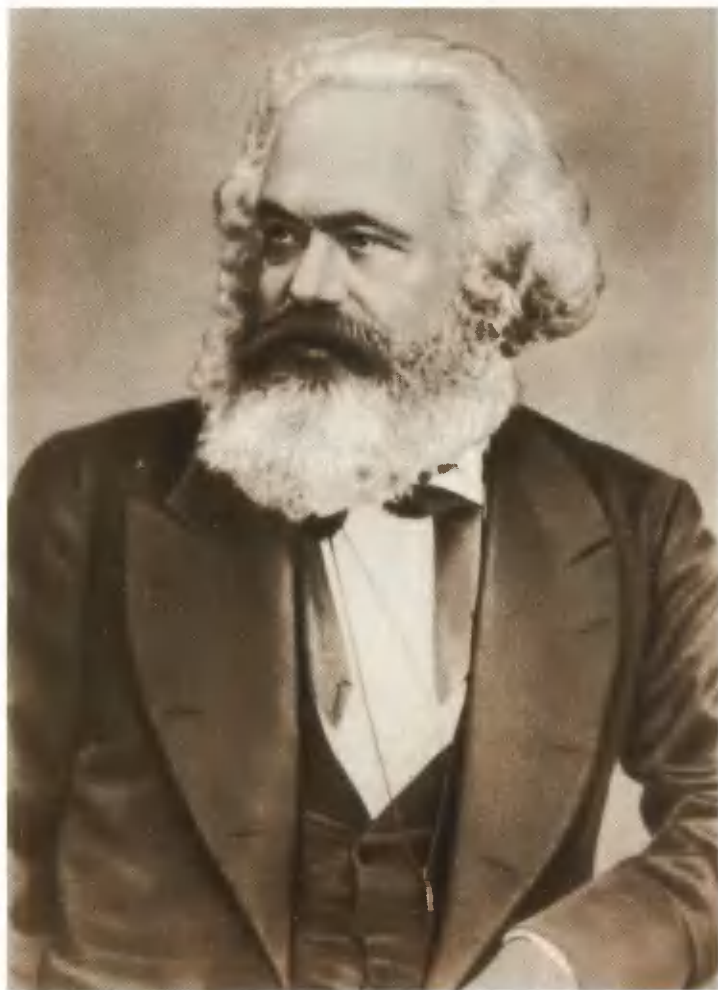
Фридрих Энгельс
(1856 г.)

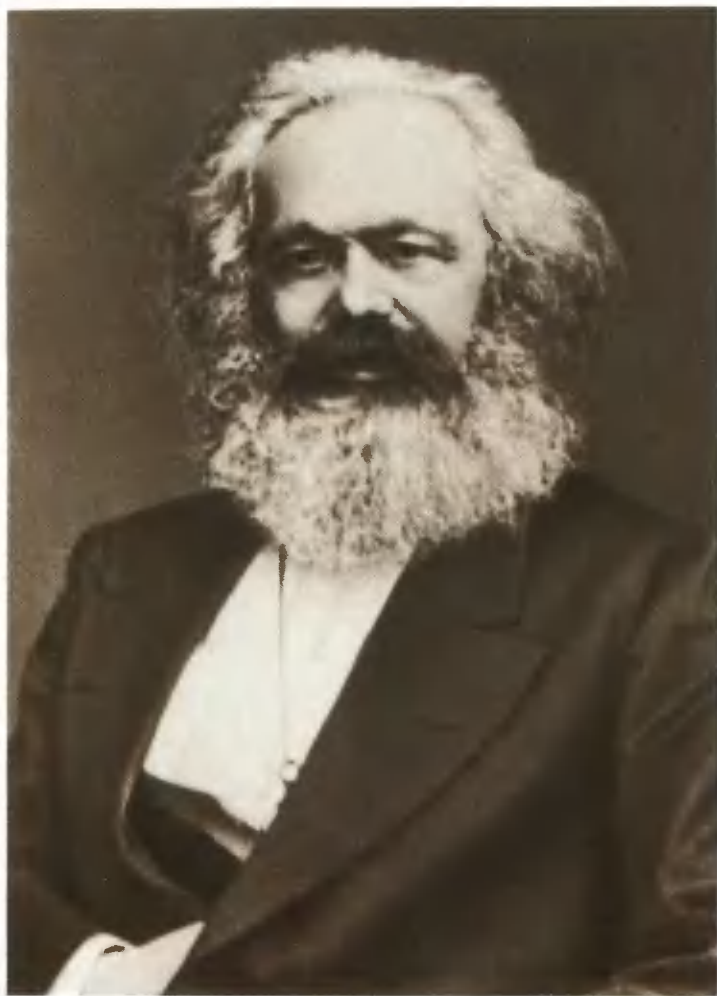
Фридрих Энгельс
(1864 г.)

*Карл Маркс
(1872 г.)*

*Карл Маркс
(1875 г.)*

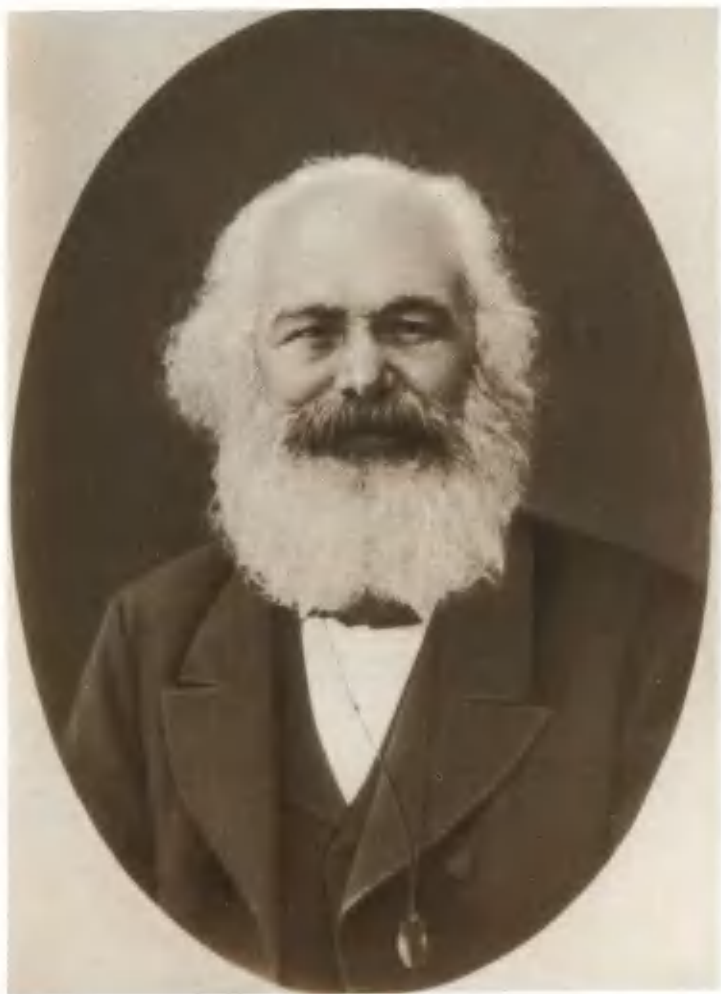
Фридрих Энгельс
(1868 г.)

Фридрих Энгельс
(1888 г.)

*Карл Маркс
(1882 г.)*

*Фридрих Энгельс
в последние годы жизни*

*Женни Маркс, жена К. Маркса,
в начале 50-х гг.*

*Дочь К. Маркса Женни
в начале 50-х гг.*

*Дочь Маркса Лаура
в 50-е гг.*

Сын Маркса Эдгар
(Муж)

*Дочь Маркса Элеонора
в 60-е гг.*

*Дочь Маркса Женни
в конце 60-х гг.*

сотрудником чартистской газеты «Northern Star» и газеты Оуэна «New Moral World».

Возвращаясь в 1844 г. в Германию, Энгельс по дороге заехал в Париж, где впервые встретился с человеком, с которым уже давно состоял в переписке и которому суждено было стать его другом на всю жизнь, — с Карлом Марксом.

Первым плодом этой встречи было совместное издание «Святого семейства» и начало труда *, который впоследствии был закончен в Брюсселе и о судьбе которого Маркс поведал нам в своей книге «К критике» **, а Энгельс — в своем «Фейербахе» ***: «Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута» ¹³².

В этом же году Энгельс написал свое «Положение рабочего класса в Англии» — книгу, которой уже больше 40 лет и которая до сих пор так актуальна, что, когда несколько лет тому назад появился ее английский перевод ¹³³, английские рабочие думали, что она только что написана! В это же время Энгельсом был написан ряд очерков, статей и т. д. Из Парижа Энгельс вернулся в Бармен, но лишь на короткое время.

В 1845 г. Энгельс вслед за Марксом переехал в Брюссель, где, собственно говоря, только и началась их совместная работа. Наряду с огромной литературной деятельностью друзья основали Немецкое рабочее общество ⁶³. Самым же важным было то, что они вступили в Союз справедливых ⁶⁴, из которого потом образовался знаменитый Союз коммунистов ⁴, заключавший в себе зародыш будущего Интернационала. Маркс еще в Брюсселе, а Энгельс в Париже в 1847 г. стали теоретическими наставниками Союза справедливых. Летом того же года в Лондоне был созван первый конгресс Союза. Энгельс присутствовал на нем в качестве

* — «Немецкая идеология». Ред.

** — «К критике политической экономии». Ред.

*** — «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Ред.

делегата от парижских членов, и Союз был полностью реорганизован.

Осенью того же года состоялся второй конгресс, на котором присутствовал и Маркс. Результат конгресса — «*Манифест Коммунистической партии*» — известен сейчас всему миру.

Из Лондона оба друга отправились в Кёльн и сразу же всецело отдались практической деятельности. История этой деятельности запечатлена на страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» и в «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов».

Вследствие прекращения выхода газеты и высылки Маркса друзья были на время разлучены: Маркс уехал в Париж, а Энгельс — в Пфальц. Энгельс принял участие в баденском восстании и был адъютантом у *Виллиха*. Он участвовал в трех сражениях, и все, кто видел его под огнем, еще долгое время спустя рассказывали об его исключительном хладнокровии и абсолютном презрении ко всякой опасности.

В «*Neue Rheinische Revue*» Энгельс поместил рассказ о баденском восстании⁶⁷. Когда все было потеряно, он одним из самых последних перешел на территорию Швейцарии, а оттуда отправился в Лондон, куда после своей высылки из Парижа переселился также и Маркс.

Теперь начался новый период в жизни Энгельса. Политическая деятельность стала на некоторое время невозможной. Маркс поселился в Лондоне, а Энгельс вернулся в Манчестер, на хлопчатобумажную фабрику, где отец его был компаньоном. Энгельс занял прежнее место служащего в конторе фабрики; эту должность он занимал и в дальнейшем. Двадцать долгих лет Энгельс был вынужден тянуть эту ляжку делового человека! И в течение этих двадцати лет друзья виделись лишь изредка во время случайных, коротких встреч. Несмотря на это, связь между ними оставалась нерушимой.

Одно из моих первых детских воспоминаний — прибытие писем из Манчестера. Оба писали друг другу почти ежедневно, и я все еще помню, как часто Мавр (так звали дома моего отца) разговаривал с автором писем, как будто он присутствовал тут же: «Ну, нет, все-таки дело обстоит не так...» — «Вот в этом ты прав!» — и т. д. и т. п. Но особенно запечатлелось в моей памяти,

как Мавр, читая иной раз письмо Энгельса, смеялся до того, что слезы текли у него по щекам.

Разумеется, Энгельс не был в Манчестере совершенно изолированным. Прежде всего там жил Вольф, «смелый, верный, благородный передовой борец пролетариата»¹³⁴, которому посвящен первый том «Капитала» и которого у нас в доме звали не иначе, как «Лупус». Позднее туда приехали преданный друг моего отца и Энгельса — Самюэл Мур (тот самый, который вместе с моим мужем перевел «Капитал» на английский язык) и профессор Шорлеммер, один из крупнейших ныне здравствующих химиков.

Однако, несмотря на то что у Энгельса были эти друзья, страшно подумать об этих двадцати годах жизни такого человека, как он. И это не потому, что Энгельс когда-либо жаловался или роптал! Напротив, он выполнял свою работу так весело и невозмутимо, как будто ничего лучшего на свете и быть не могло, как «ходить на службу» и сидеть в конторе.

Но я гостила у Энгельса, когда подходила к концу эта его каторжная работа, и тут-то я узнала, что означали для него все эти годы. Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору. Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса, идущего по небольшому полю, которое находилось перед его домом. Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости. Затем мы по-праздничному уселись за стол, пили шампанское и были счастливы. Я тогда была слишком молода, чтобы все это понять. Но теперь я не могу вспомнить об этом без слез.

Тогда, в 1870 г., Энгельс переехал в Лондон и тотчас же взял на себя свою долю большой работы, которую вел Интернационал. Он был членом Генерального Совета и в то же время секретарем-корреспондентом для Бельгии, а позже и для Испании и Италии. Кроме того, литературная деятельность Энгельса была в это время исключительно велика и разнообразна. Бесчисленное количество статей, листовок и т. д. было написано им в период между 1870 и 1880 гг.

Но важнейшим во всех отношениях трудом Энгельса был «Переворот в науке, произведенный г-ном Ев-

гением Дюрингом», вышедший в 1878 г. Разъяснить значение и влияние этого произведения теперь так же излишне, как, скажем, говорить о значении и влиянии «Капитала».

В течение последующих десяти лет Энгельс ежедневно приходил к моему отцу. Часто они отправлялись вместе на прогулки. Но так же часто они оставались дома, в кабинете моего отца, шагая взад и вперед — каждый по своей стороне комнаты, причем каждый из них высверлил каблуками ямки в полу, делая крутой поворот в углах комнаты. Здесь они обсуждали множество таких вопросов, которые и не снятся большинству людей. А нередко они подолгу молча шагали друг подле друга взад и вперед. Случалось и так, что каждый из них говорил о том, что в данный момент его главным образом занимало, — пока они не останавливались и с громким смехом не признавались друг другу, что в течение последнего получаса мысли каждого из них были поглощены проблемами, которые не имели между собой ничего общего.

Если бы время и место мне позволили, как много можно было бы написать о тех временах! Об Интернационале, о Коммуне, о тех месяцах, когда наши квартиры походили на убежища, где каждый эмигрант находил приветливую встречу и помощь!

В 1881 г. умерла моя мать. Отец, здоровье которого сильно пошатнулось, в течение нескольких месяцев находился вне Англии. В 1883 г. он умер.

Что сделано Энгельсом с тех пор, известно каждому. Большую часть своего времени он посвятил изданию произведений моего отца, корректуре новых изданий и просмотру переводов «Капитала». Как эта работа, так и его собственные произведения не нуждаются в моей оценке. Только тот, кто знает Энгельса, может оценить огромную работу, которую он выполняет изо дня в день. Итальянцы, испанцы, голландцы, датчане, румыны (Энгельс безукоризненно владеет всеми этими языками), а уж об англичанах, немцах и французах говорить не приходится, — все они обращаются к нему за помощью и советом. Со всеми трудностями, которые встречаются у каждого из нас, работающих для блага народа, мы идем к Энгельсу, и никогда наши обращения к нему не бывают безрезультатными.

Работа, которую в последние годы выполняет один этот человек, была бы не под силу и дюжине обыкновенных людей. Энгельс работает так еще и потому, что знает, как и все мы знаем, что он, и только он один, может сделать наследие Маркса достоянием человечества. Энгельсу еще много предстоит сделать для нас, и он это сделает!

Все это — только контуры его жизни; это, так сказать, скелет человека, но не сам человек. Чтобы оживить этот скелет, нужен кто-либо более одаренный, нежели я, и, быть может, нежели любой из нас. Кроме того, мы еще слишком близко стоим к нему, чтобы видеть его во весь рост. Энгельсу теперь семьдесят лет, но как легко несет он свои три по двадцать и еще десять! Он бодр и телом и душой. При своих шести с лишком футах роста он держится так, что вовсе уж не кажется таким высоким. Энгельс носит окладистую бороду, которая растет как-то странно, вкось, и теперь начинает седеть. Зато его каштановые волосы на голове — без единой сединки, по крайней мере, при тщательном обследовании не удалось обнаружить ни одного седого волоска. Судя по его волосам, Энгельс моложе большинства из нас. Но если внешне Энгельс выглядит молодым, внутренне он еще моложе, чем выглядит. Он — поистине самый молодой человек из всех, кого я знаю. И насколько мне помнится, за последние двадцать тяжелых лет он не постарел.

В 1869 г. я путешествовала с ним по Ирландии (и так как он тогда собирался писать историю Ирландии, этой «Ниобы наций»¹³⁵, с ним было особенно интересно осматривать страну), а в 1888 г. — по Америке. И вот в 1888 г., как и в 1869 г., Энгельс всюду вносил оживление, он был душой каждой компании, каждой группы, в которой находился.

На борту трансатлантических пароходов «Сити оф Берлин» и «Сити оф Нью-Йорк» он, какой бы суровой ни была погода, всегда был готов прогуляться по палубе и выпить кружку пива. Казалось, его незыблемым принципом было — никогда не обходить встречавшиеся на пути препятствия и перепрыгивать или перелезть через них.

На одной черте характера моего отца, как и Энгельса, я должна здесь остановиться и тем более ее подчерк-

нуть, что эта сторона внешнему миру неизвестна и большинству людей кажется неправдоподобной. Снова и снова моего отца изображают каким-то язвительным, циничным Юпитером, всегда готовым метать громы и молнии как на друзей, так и на врагов. Но если кто-либо хоть один-единственный раз заглянул в его прекрасные карие глаза, такие пронизательные и в то же время такие мягкие, полные юмора и доброты, кто когда-нибудь слышал его заразительный и радующий душу смех, тот знает, что саркастический, холодный Юпитер — это лишь плод чистой фантазии.

Таков же и Энгельс. Находятся люди, которые изображают его каким-то самодержцем, диктатором, язвительным критиканом. Это ни в коей мере не соответствует действительности. Быть может, никто и никогда так снисходительно не судил о других, не проявлял большей готовности прийти на помощь, чем он.

Мне незачем говорить о его безмерной доброте к молодежи. В каждой стране найдется достаточно людей, которые могли бы это засвидетельствовать. Могу только сказать, что я очень часто видела, как Энгельс откладывал в сторону свою собственную работу, чтобы оказать дружескую услугу кому-либо из молодежи; не раз его собственные работы отодвигались на задний план из-за того, что он приходил на помощь какому-нибудь новичку.

Одного только Энгельс никогда не прощает — лицемерия. Человек, который неискренен с самим собой, а тем более который неверен своей партии, не найдет никакой пощады у Энгельса. Это для него самый непростительный грех. Помимо этого греха, Энгельс, когда дело касается других лиц, никаких иных грехов не признает.

Здесь я должна отметить еще одну его характерную черту. Энгельс — самый обязательный человек в мире, у которого чувство долга, и в особенности партийная дисциплина, выше, чем у всех, кого я знаю. И в то же самое время он бесконечно далек от пуританства. Никто не способен так, как он, все понять, а потому так легко извинить наши небольшие слабости.

Так же как и его юношеская бодрость и доброта, поражает в Энгельсе его разносторонность. Ему ничто не

чуждо. Естествознание, химия, ботаника, физика, филология («он заикается на двадцати языках», писала о нем газета «Figaro» в 70-х гг.), политическая экономия и, наконец, — последнее по счету, но не по важности — военная тактика. В 1870 г. во время франко-прусской войны статьи Энгельса, опубликованные в «Pall Mall Gazette», обратили на себя всеобщее внимание, ибо он точно предсказал битву при Седане и разгром французской армии¹³⁶.

Кстати, здесь стоит упомянуть, что свое прозвище «Генерал» Энгельс получил со времени появления этих статей. Моя сестра объявила, что он — не кто иной, как «General Staff» *. Это прозвище привилось, и с тех пор Энгельс стал для нас «Генералом». Но теперь это имя имеет более глубокий смысл: Энгельс действительно — генерал нашей рабочей армии.

Еще один пример его изобретательности и доброты. Издатель «Freethinker» д-р Фут был приговорен к году тюремного заключения; мой муж ** взял издание газеты на себя, так как не нашлось никого другого, кто захотел бы прийти на выручку. Чтобы помочь обоим, д-ру Эвелингу и Футу, — причем второго из них он никогда в жизни не видел и вдобавок не соглашался с ним ни по одному вопросу, — он написал для ежемесячного журнала Фута «Progress» весьма примечательную статью об *Откровении Иоанна!*¹³⁷

Есть еще одна черта у Энгельса, может быть, самая для него характерная, и на нее тоже необходимо указать. Это — его абсолютная самоотверженность. О тех временах, когда был жив Маркс, сам Энгельс говорил: «Я играл вторую скрипку, — и думаю, что делал свое дело довольно сносно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс»⁶¹. Теперь Энгельс дирижирует оркестром, и он все так же скромн, непритязателен и прост, как если бы, по его выражению, он только «играл вторую скрипку».

Мне уже приходилось, как и многим другим, говорить о дружбе между моим отцом и Энгельсом. Эта дружба в будущем станет легендарной, как дружба Дамона и Финтия в греческой мифологии.

* — «генеральный штаб». Ред.

** — Эдуард Эвелинг. Ред.

Нельзя закончить этих заметок, не вспомнив о двух других дружеских связях Энгельса, которые вытекали из его отношений с Марксом и тоже имели влияние на его жизнь и работу.

В известном отношении эти дружеские связи, о которых я сейчас расскажу, может быть, еще более замечательны. Это, во-первых, дружба с моей матерью и, во-вторых, с Еленой Демут, умершей 4 ноября этого года и покоящейся в одной могиле с моими родителями.

О моей матери Энгельс сказал на ее могиле следующее ¹³⁸.

«Друзья!

Женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Зальцведеде в 1814 г. Ее отец, барон фон Вестфален, переведенный вскоре после этого в Трир в качестве регирунгсрата, близко сошелся там с семьей Маркс. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, было уже решено, что их будущая судьба нераздельна.

В 1843 г. после запрещения первой «Rheinische Zeitung», редактором которой некоторое время был Маркс, состоялась их свадьба. С тех пор Женни Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей сознательностью и с пламенной страстью.

Молодая чета отправилась в Париж, в добровольное изгнание, которое, однако, очень скоро превратилось в настоящее. Прусское правительство и там преследовало Маркса. Александр фон Гумбольдт унизился до того, что помог выхлопотать приказ о высылке Маркса ⁶⁹. Семье пришлось переехать в Брюссель.

Наступила февральская революция. Во время волнений, разразившихся вслед за ней в Брюсселе, был арестован не только Маркс; бельгийская полиция не постеснялась без всякого повода бросить в тюрьму и его жену.

Революционный подъем 1848 г. уже в следующем году прекратился. Новое изгнание ⁸⁸ — сначала в Париж, затем, вследствие нового вмешательства французского правительства, — в Лондон. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со

всеми его ужасами. Материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительство в союзе с буржуазной оппозицией, от вульгарно-либеральной до демократической, составили большой заговор против ее мужа; когда они обливали Маркса потоками самой подлой, самой гнусной клеветы; когда вся печать оказалась для него закрытой и все пути самозащиты были для него отрезаны; когда он очутился вдруг безоружным перед лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать,— это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился таких условий существования, при которых он мог действовать до известной степени самостоятельно. Был основан Интернационал. Страна за страной охватывались классовый борьбой пролетариата, и ее муж был самым передовым из передовых борцов. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до того момента, когда ложь и клевета, возводившиеся на Маркса, развеялись в прах; когда его учение, для подавления которого все реакционные партии, как феодалы, так и демократы, приложили такие чудовищные усилия, проповедовалось теперь во всеуслышание во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир, от России до Америки, и, сокрушая всякое сопротивление, все более и более уверенное в победе, прокладывало себе путь вперед. *И одной из последних ее радостей было еще то очевидное доказательство неистощимой жизненной силы, которое дали наши немецкие рабочие на последних выборах в рейхстаг* ¹³⁹.

То, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданностью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет,— это не стало достоянием общест-венности, об этом не упоминается в летописях современной печати. Это каждый должен был пережить лично. Но я уверен: жены изгнанников-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувство-

вать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других,— то это была она».

О Елене Демут Энгельс говорил на ее похоронах:

«Маркс частенько советовался с ней по трудным и сложным партийным делам... Что касается меня, то та работа, которую я проделал после смерти Маркса, оказалась возможной, главным образом, благодаря ее пребыванию в доме, той радости и поддержке, источником которых она являлась»¹⁴⁰.

Чем была Елена Демут для Маркса и его семьи, можем оценить только мы сами, но даже нам трудно это выразить словами. С 1837 по 1890 г. она была всегда самым преданным другом и помощником каждого из нас.

Впервые опубликовано в журнале
«Sozialdemokratische Monatsschrift»,
Wien, 1890, 30. XI, N 10-11

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

Личные воспоминания о Карле Марксе ¹⁴¹

Он человек был, человек во всем,
Ему подобных мне уже не встретить*.

1

В первый раз увидел я Карла Маркса в феврале 1865 г. 28 сентября 1864 г. в Лондоне на собрании в Сент-Мартинс Холле был основан I Интернационал. Я приехал из Парижа, чтобы сообщить Марксу сведения об успехах, достигнутых там молодой организацией. Г-н Толен, ныне сенатор буржуазной республики и один из ее представителей на Берлинской конференции ¹⁴², дал мне рекомендательное письмо.

Мне было тогда 24 года; всю свою жизнь я не забуду того впечатления, которое произвела на меня эта первая встреча. Маркс тогда болел и работал над первым томом «Капитала», который вышел только два года спустя, в 1867 г. Он опасался, что ему не придется довести до конца свой труд, и с удовольствием принимал молодых людей, ибо, говорил он, «я должен воспитывать людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду».

Карл Маркс — это один из тех редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновременно и в науке, и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем, что его невозможно понять, не рассматривая одновременно и как ученого и как социалистического борца.

Если Маркс и держался взгляда: что «всякую науку следует развивать ради ее самой и что ни при каком научном исследовании не следует беспокоиться по поводу его возможных последствий», он все же считал, что ученый, если не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в об-

---

* В. Шекспир. «Гамлет». Акт 1, сцена 2. Ред.

щественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в социальную и политическую борьбу своих современников.

«Наука не должна быть эгоистическим удовольствием: те счастливицы, которые могут посвятить себя научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для людей» было одним из его любимых выражений.

К коммунистическим убеждениям Маркс пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям трудящихся классов, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния частных интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам.

Но если Маркс без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие человеческого общества, то писал он только с определенным намерением распространять результаты своих исследований и с твердым, определенным решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него блуждало в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь целью: способствовать торжеству дела рабочего класса, историческая миссия которого, как только этот класс придет к политическому и экономическому руководству обществом,— создать коммунизм, подобно тому как миссией пришедшей к власти буржуазии было разорвать оковы феодализма, которые тормозили развитие сельского хозяйства и индустрии, установить свободный обмен продукцией и людьми, свободные договоры между предпринимателями и рабочими, централизовать средства производства и обмена и тем самым неосознанно подготовить материальные и духовные элементы для коммунистического общества будущего.

В своей деятельности Маркс не ограничивался страной, в которой он родился. «Я гражданин мира,— говорил он,— и действую там, где нахожусь». И действительно, во всех странах, куда забрасывали его события и политические преследования,— во Франции,

Бельгии, Англии — он принимал выдающееся участие в революционных движениях, которые там развивались.

Но не в качестве неутомимого и несравненного социалистического агитатора, а как ученый предстал он впервые предо мной в той рабочей комнате на Мейтленд-парк-род, куда со всех сторон цивилизованного мира стекались товарищи по партии, чтобы посоветоваться с мастером социалистической мысли. Это — историческая комната, и надо ее знать, если хочешь постигнуть сокровенную сторону духовной жизни Маркса.

Она помещалась во втором этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. У стен, по обе стороны камина и напротив окна, стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами; посреди комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, удобно вытянувшись, чтобы отдохнуть. Книжки лежали и на камине; тут же были сигары, спички, коробки с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса. Маркс был заядлым курильщиком. «*«Капитал» не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним»*, — как-то сказал он мне. Но в еще большем количестве истреблял он спички: он часто забывал о своей трубке или о сигаре и ему так часто приходилось вновь зажигать их, что коробки спичек опустошались с невероятной быстротой.

Маркс никому не позволял приводить в порядок, или, вернее, в беспорядок, свои книги и бумаги. Они только с виду были в беспорядке: все было, в сущности, на своем определенном месте, и он, не ища, немедленно брал книгу или тетрадь, которые ему были нужны в данный момент. Даже во время беседы он часто останавливался, чтобы показать в книге только что приве-

денную цитату или цифру. Он был одно целое со своим кабинетом, находящиеся в нем книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела.

В размещении книг Маркс не руководствовался внешней симметрией; книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по размерам, а по их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. «Они — мои рабы и должны служить мне, как я хочу». Он обращался с ними, невзирая на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; загибал углы, покрывал поля карандашными пометками и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом не мог воздержаться от вопросительного или восклицательного знака, если автор хватал через край. Система подчеркиваний, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные книжки и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он упражнял ее с юных лет, выучивая, следуя совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Гейне и Гёте, которых Маркс в разговоре часто цитировал, он знал наизусть. Он постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы. Ежегодно перечитывал он Эсхила в греческом оригинале; его и Шекспира он чтит как двух величайших драматических гениев, которых породило человечество. Шекспир, которого он безгранично почитал, был для него предметом глубокого изучения. Он знал даже его самых незначительных персонажей. Во всей семье господствовал настоящий культ великого английского драматурга. Три дочери Маркса знали его наизусть. Когда после 1848 г. Маркс задумал усовершенствоваться в английском языке, на котором он еще раньше умел читать, он стал собирать и приводить в систему все своеобразные шекспировские выражения; то же самое он делал по отношению к части полемических произведений Уильяма Коббета, которого очень высоко ценил. Данте и Бёрнс принадлежали к числу его любимейших поэтов; ему

доставляло большое удовольствие, когда его дочери декламировали сатирические стихи или пели романсы шотландского поэта.

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназначалась для особого рода работы; в ней находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. д. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; эта простая смена умственной деятельности являлась для него, как рассказывают, отдыхом. Маркс был такой же неутомимый труженик, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служила только ходьба взад и вперед по комнате; от двери до окна видна была вытоптанная на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу.

По временам Маркс удобно располагался на диване и читал какой-нибудь роман, причем частенько сразу два или три попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов. Маркс особенно любил романы XVIII столетия, и прежде всего «Тома Джонса» Филдинга; из современных писателей ему больше всего нравились Поль де Кок, Чарлз Ливер, Александр Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого «Пуритане» он считал шедевром. Маркс питал особое пристрастие к приключенческим и юмористическим рассказам. Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в «Дон Кихоте» он видел эпос вымиравшего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии представлялись чудачествами и вызывали насмешки. Его восхищение Бальзаком было так велико, что он собирался написать исследование о его крупнейшем произведении «Человеческая комедия», как только окончит свой экономический труд. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Луи-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития.

Маркс читал на всех европейских языках, а на

трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал знатоков этих языков; он любил повторять изречение: «Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе». Маркс обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали также его дочери. Когда ему было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на то что этот язык был в этимологическом отношении далек от знакомых ему древних и новых языков, овладел им через какие-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать материалы официальных обследований, которые из-за содержащихся в них ужасных разоблачений правительство скрывало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними ¹⁴³.

Наряду с поэтами и романистами у Маркса было еще одно весьма примечательное средство для умственного отдыха — математика, к которой он питал особое пристрастие. Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни. Во время последней болезни жены он не мог продолжать обычных научных занятий; он мог сколько-нибудь отвлечься от тяжелого состояния, вызываемого ее страданиями, только погружаясь в математику. В это время — время душевных мук — он написал работу по исчислению бесконечно малых величин, которая, по отзывам знавших ее математиков, имеет большое значение и должна быть опубликована в собрании его Сочинений ¹⁴⁴. В высшей математике он находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме. Он считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой.

Собственная библиотека Маркса, которую он тщательно собирал в течение всей своей долгой жизни, посвященной научным занятиям, и которая содержала более тысячи томов, была для него недостаточна, и он

многие годы был усердным посетителем Британского музея, книжные фонды которого он ценил очень высоко. Даже противники Маркса вынуждены были признать его обширные и глубокие познания не только по его специальности — политической экономии, но также и по истории, философии и по литературе всех стран.

Хотя спать Маркс ложился всегда очень поздно, но между восемью и девятью часами утра всегда бывал уже на ногах, пил черный кофе, прочитывал газеты и шел затем в свой кабинет, где и работал до двух или трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хэмпстед-хис, если позволяла погода; днем час или два он спал на своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи.

Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ней он часто забывал о еде. Нередко приходилось звать его к обеду по нескольку раз, пока он спускался наконец в столовую; и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже возвращался в свою комнату. Ел он очень мало и даже страдал отсутствием аппетита; он пытался с этим бороться, употребляя острые и соленые кушанья — ветчину, копченую рыбу, икру и маринады. Его желудок должен был расплачиваться за колоссальную работу мозга.

Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для Маркса высшим наслаждением. Мне приходилось часто слышать, как он повторял слова Гегеля, своего учителя философии в годы юности: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба».

Организм Маркса должен был быть очень крепким, чтобы выносить такой необычный образ жизни и такую изнуряющую умственную работу. И действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечим, с хорошо развитой грудью, он был пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиннее, чем следует, по сравнению с ногами, как это часто встречается у еврейской расы. Если бы в молодости он много занимался гимнастикой, то стал бы чрезвычайно сильным человеком. Единст-

венное физическое упражнение, которым он занимался регулярно, была ходьба; целыми часами, беседуя и куря, он мог шагать или взбираться на холмы, не чувствуя ни малейшей усталости. Можно даже сказать, что в своем кабинете он работал на ходу; он присаживался лишь на короткие промежутки времени, чтобы записать то, что обдумал во время ходьбы. Он очень любил беседовать на ходу и лишь время от времени останавливался, когда беседа бывала особенно оживленной или разговор становился серьезным. В продолжение многих лет я сопровождал его на вечерних прогулках в Хэмпстед-хис; во время этих прогулок по лугам я получил от него свое экономическое воспитание. Сам того не замечая, он излагал мне, шаг за шагом, содержание всего первого тома «Капитала», по мере того как он его тогда писал. Всякий раз, возвратившись домой, я записывал, как мог, только что услышанное; сначала мне было очень трудно следовать за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, я потерял эти драгоценные заметки. После Коммуны мои бумаги в Париже и в Бордо были разграблены и сожжены полицией. Больше всего жалею я об утрате заметок, которые сделал в тот вечер, когда Маркс изложил мне свою гениальную теорию развития человеческого общества с тем богатством доказательств и соображений, которое было свойственно только ему. Как будто пелена спала с моих глаз; в первый раз я ясно почувствовал логику всемирной истории и мог свести столь противоречивые по видимости явления развития общества и идей к их материальным причинам. Я был этим прямо-таки потрясен, и впечатление это сохранилось у меня в течение долгих лет.

Точно такое же действие произвело это на мадридских социалистов, когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из теорий, созданных Марксом, и, безусловно, вообще одну из величайших теорий, до каких только доходил когда-либо человеческий ум¹⁴⁵.

Мозг Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области истории и естествознания, а также философских теорий, и он превосходно умел пользоваться всей этой массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы.

Маркса можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и неизменно давался самый обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления. Несомненно, «Капитал» обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни «Капитал», ни какое-либо другое из его сочинений не показывает всего величия его гения и его знаний. Он был гораздо выше своих произведений.

Мне привелось работать с Марксом; я был просто писцом, которому он диктовал. Но мне при этом представлялась возможность наблюдать его манеру мыслить и писать. Работа шла у него легко и в то же время трудно: легко, потому что для любой темы немедленно же появлялись перед его духовным взором и во всей полноте относящиеся к ней факты и соображения; но как раз вследствие этой полноты исчерпывающее изложение его идей было трудным делом и требовало продолжительного времени.

Вико говорил: «Для всеведущего бога вещь — это только тело; для человека, который познает лишь внешнее, — это просто поверхность».

Маркс постигал суть вещи, подобно богу Вико; он видел не только поверхность, он проникал внутрь; он исследовал все составные части одну за другой в их действии и в их противодействии; он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно; он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний проделывал, и доходил, наконец, до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир. И Маркс хотел изобразить всю жизнь этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера и Гонкуров жалуются: как труд-

но точно передать то, что видишь. А ведь то, что они пытаются изобразить, это только поверхность, о которой говорит Вико, только воспринятое ими впечатление. Их литературная работа — детская игра по сравнению с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел видеть. Никогда он не был доволен своей работой, всегда вновь и вновь вносил в нее изменения и постоянно находил, что изложение не достигает той высоты, до которой доходит его мысль. На него произвела неизгладимое впечатление психологическая новелла Бальзака, коей так жалко пытался подражать Золя, «Неведомый шедевр», ибо в ней отчасти описаны чувства, которые Маркс испытал и сам: гениальный художник так терзается жаждой воспроизвести вещи точно такими, какими они отражаются в его мозгу, что он вновь и вновь подправляет и подрисовывает свою картину, пока в конечном счете не создает лишь бесформенное нагромождение красок, которые, однако, представляются его пристрастному взору совершеннейшим воспроизведением действительности.

Маркс совмещал в себе оба качества, необходимые для гениального мыслителя. Он мастерски разлагал предмет на его составные части, и затем восстанавливал его со всеми его деталями и различными формами развития, и открывал внутреннюю их зависимость. Его доказательства не были абстракциями, как упрекали его экономисты, неспособные мыслить; его метод был не метод геометрии, которая, черпая свои определения из окружающего мира, при построении выводов совершенно отрешается от реальной почвы. В «Капитале» мы находим не отдельные определения, не отдельные формулы, а ряд в высшей степени тонких анализов действительности, передающих самые легкие оттенки и малейшие различия.

Маркс начинает с утверждения очевидного факта, что богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, заключается в огромной массе товаров; товар — нечто конкретное, не какая-нибудь математическая абстракция — есть, таким образом, элемент, первичная клеточка капиталистического

богатства. Маркс берется за этот товар; он поворачивает его во все стороны, вывертывает наизнанку и раскрывает одну за другой его тайны, о существовании которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые, однако, многочисленнее и глубже, чем все таинства католической религии. Всесторонне исследовав товар, он рассматривает отношение одного товара к другому в процессе обмена и затем переходит к производству товаров и к историческим предпосылкам их производства *. Рассматривая формы существования товара, Маркс показывает, как одна из них переходит в другую, как необходимым образом одна производит другую. Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться простым измышлением самого Маркса, и тем не менее все это почерпнуто из действительности, все это воспроизводит действительную диалектику товара.

Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; он не приводил ни одного факта, ни одной цифры, которые нельзя было подтвердить самыми авторитетными источниками. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в библиотеке музея убедиться в его правильности. Оппоненты никогда не были в состоянии изобличить Маркса в опрометчивости или указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики. Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у него одного. Подобных цитат из неизвестных писателей в «Капитале» так много, что можно было бы, пожалуй, заподозрить, не приводил ли он их, чтобы похвастать своей начитанностью. Маркс, однако, имел в виду иное. «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам», — говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые

---

* Во французской рукописи далее говорится: «Он мог бы дать первому тому «Капитала» подзаголовок «Анатомия и история товара». Ред.

высказал ту или другую мысль или выразил ее наиболее точно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель.

Литературная совесть Маркса была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только никогда бы не сослался на факт, в котором не был вполне уверен, но даже не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно. Он не публиковал ничего, прежде чем путем неоднократной переработки не находил соответствующую его требованиям форму. Для него была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, не доработанной до конца. Показывать свои рукописи, пока в них не отделано все, вплоть до последней запятой, было для него чистым мучением. Так сильно было в нем это чувство, что однажды он мне сказал, что лучше сожжет свои рукописи, чем оставит их неоконченными.

Его метод исследования часто ставил перед ним задачи, величие и объем которых читатель его произведений вряд ли может себе представить. Так, чтобы написать в «Капитале» около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку Синих книг¹¹¹, содержащих доклады комиссий по обследованию и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по принадлежащим ему многочисленным карандашным пометкам. Эти доклады он считал важнейшими и значительнейшими документами для изучения капиталистического способа производства и был такого высокого мнения о людях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим нациям Европы «найти для этой цели таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора». Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловии к своему «Капиталу»¹⁴⁶.

И этот обильный фактический материал Маркс почерпнул из тех самых Синих книг, которые многие члены как Палаты общин, так и Палаты лордов, получавшие эти книги, употребляли только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу страниц, пробитых пулей, ударную силу. Другие продавали Синие книги на вес, и это было самое разумное, что они могли

сделать: это-то и дало возможность Марксу дешево купить их у букиниста на Лонг Акр, к которому он заходил время от времени просматривать книги и бумажную макулатуру. Профессор Бизли заявил, что Маркс в наибольшей степени использовал материалы английских официальных обследований и, пожалуй, даже впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не знал, что еще до 1845 г. Энгельс почерпнул из Синих книг много документов, которые использовал в своей книге «Положение рабочего класса в Англии».

2

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или по воскресеньям вечером в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого человека и полюбить его. В эти моменты он бывал самым приятным собеседником — остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души. Всякий раз, когда он слышал острое словцо или ловко парирующий ответ, черные глаза Маркса под нависшими густыми бровями искрились от радости и насмешливой иронии.

Маркс был нежным, кротким, снисходительным отцом. «Дети должны воспитывать своих родителей», — бывало говорил он. Не было и тени отцовской власти в его отношении к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, то просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что считал нежелательным. И тем не менее редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с товарищем. Они называли его не «отец», а «Мавр» — шуточным прозвищем, которое он получил за смуглый цвет лица и черные, как смоль, волосы и бороду. Зато члены Союза коммунистов еще до 1848 г. величали его «отец Маркс», хотя в то время ему не было еще и 30 лет.

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последние и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумаж-

ных корабликов, которые он сам для них мастерил, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят.

По воскресеньям дочери не позволяли ему работать: он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало длительную прогулку за город; по дороге заходили в простую таверну выпить имбирного пива и закусить хлебом с сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца, сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малышки, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была невероятно богатая поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением. Маркс обещал своим дочерям написать для них драму, сюжетом которой должна была служить история *Гракхов*. К сожалению, он не мог исполнить данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, кого называли «рыцарем классовой борьбы», разработал бы этот ужасный и величественный эпизод из истории классовой борьбы древнего мира. У Маркса было множество планов, которые остались неосуществленными. Он намеревался, между прочим, написать логику и историю философии — последняя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было ему прожить, чтобы выполнить все свои литературные планы и одарить мир частью тех сокровищ, которые хранились в его голове!

Жена Маркса в течение всей его жизни была ему другом в самом истинном и полном смысле этого слова. Оба знали друг друга еще с детства и выросли вместе. Марксу было не больше 17 лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать семь лет, пока они

в 1843 г. обвенчались и с тех пор не разлучались уже ни разу. Жена Маркса скончалась, немного раньше мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей равенства, как г-жа Маркс, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Социальных различий и делений для нее не существовало. У себя в доме, за своим столом она принимала рабочих в будничной одежде с такой любезностью и предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось пользоваться ее гостеприимством и радушием, и я уверен — ни один из них даже не заподозрил, что эта женщина, принимавшая их с естественной, искренней сердечностью, происходит по женской линии из рода герцогов Аргаилских, что ее брат * был министром прусского короля. Г-жу Маркс это нисколько не волновало, она бросила все, чтобы последовать за своим Карлом, и никогда, даже во времена самой жестокой нужды, не сожалела о том, что сделала.

У нее был ясный, блестящий ум. Ее письма к друзьям, без всякого усилия с ее стороны, сами собой выливающиеся из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального ума. Получить письмо от г-жи Маркс было праздником. Иоганн Филипп Беккер опубликовал часть ее писем ¹⁴⁷. Блестящий сатирик Гейне побаивался иронии Маркса и восхищался острым и тонким умом его жены. Во время пребывания четы Маркс в Париже он был их постоянным гостем. Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме и критических способностях своей жены, что (как я слышал от него в 1866 г.) давал ей на прочтение все свои рукописи и чрезвычайно ценил ее суждения. Г-жа Маркс переписывала рукописи своего мужа для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раннем возрасте во время невзгод, которые пришлось испытать семье после революции 1848 г., когда они эмигрировали в Лондон и поселились там в двух маленьких комнатках на Дин-стрит, Сохо-

---

* — Фердинанд фон Вестфален. *Ред.*

сквер. Из детей я знал только трех дочерей. Когда в 1865 г. я познакомился с Марксом, младшая, ныне г-жа Эвелинг, была чудным ребенком с повадками мальчика. Маркс уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Обе другие дочери составляли самый очаровательный и самый гармоничный контраст, которым можно было восхищаться. Старшая, г-жа Лонге, подобно отцу, имела смуглый здоровый цвет лица, черные глаза и волосы цвета воронова крыла; средняя, г-жа Лафарг, была румяной блондинкой с пышными кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилося заходящее солнце; она походила на мать.

К семье Маркса кроме вышеупомянутых нужно причислить еще одного члена, игравшего в ней немаловажную роль, фрейлейн *Елену Демут*. Родом из крестьянской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к Женни Маркс в качестве прислуги задолго до ее замужества. Елена не оставила ее и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семье Маркса, что совершенно забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех их поездках по Европе и разделяла с ними их изгнание.

Это был поистине добрый гений дома; она умела найти верный выход из самых трудных жизненных ситуаций. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости семья никогда не испытывала острой нужды, по крайней мере, в самом необходимом. Она умела все: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с г-жой Маркс. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и экономкой и мажордомом. Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Г-жа Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала. Привязанность Елены к семье Маркса была слепая: что бы кто-либо из членов семьи ни сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, кто критиковал Маркса, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался дружеским расположением семьи, она от-

носила по-матерински покровительственно. Она как бы усыновила всю семью Маркса. Фрейлейн Елена пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязанность, которые она дарила семье Маркса, она перенесла затем на дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодые годы.

Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи; дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был alter ego * Маркса; долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут навсегда связаны. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, совместно участвовали в революционной агитации и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе. Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не вынудили их разлучиться почти на 20 лет. После поражения революции 1848 г. Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остаться в Лондоне. Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: они почти ежедневно переписывались по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешил оставить Манчестер и переехал в Лондон, где поселился в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начиная с 1870 г. и до самой смерти его друга не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы один из друзей не навестил другого.

Когда Энгельс объявлял о своем приезде из Манчестера, это было торжеством в семье Маркса. В ожидании шли нескончаемые разговоры о его предстоящем посещении, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. За стаканом вина, в табачном дыму друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы вдоволь наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания.

---

* — вторым «я». *Ред.*

Мнением Энгельса Маркс дорожил больше, чем мнением кого бы то ни было: Энгельс был как раз тем человеком, которого Маркс считал способным быть своим соратником. Для него Энгельс был как бы целой аудиторией; чтобы убедить его в чем-нибудь, чтобы добиться признания им какой-либо своей идеи, Маркс не жалел никаких трудов. Мне, например, привелось видеть, как он перечитывал заново целые тома, чтобы отыскать факты, которые заставили бы Энгельса переменить мнение по какому-то — теперь не припомню, какому именно, — второстепенной важности вопросу из истории политической и религиозной войны альбигойцев¹⁴⁸. Убедить Энгельса согласиться со своим мнением было праздником для Маркса.

Маркс гордился своим другом. Он с удовлетворением перечислял мне все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы познакомить меня с ним, он даже специально ездил со мной в Манчестер. Маркс восторгался необыкновенной разносторонностью научных познаний Энгельса. Каждая мелочь, касавшаяся друга, беспокоила его. «Я постоянно волнуюсь, — говорил мне Маркс, — при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на страстно любимой им охоте, когда он, отпустив поводья, скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим».

Маркс был хорошим другом так же, как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких — жене, дочерях, Елене и Энгельсе — он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он сам.

3

Маркс начал свою общественную деятельность одним из лидеров радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала более резкой, от него отвернулись, а когда он стал социалистом, к нему стали относиться как к врагу. Его травили, изгнали из Германии, позорили его и клеветали на него, и, наконец, против него лично и против его трудов организовали заговор молчания. Абсолютно игнорировали его «Восемнадцатое брюмера», работу, доказывающую, что из всех историков и по-

литических деятелей 1848 г. он один понял подлинный характер причин и предугадал последствия государственного переворота 2 декабря 1851 г.⁹⁶ Ни одна буржуазная газета не упомянула об этом произведении, несмотря на то что оно было написано на злобу дня. Равным образом замолчали и «*Нищету философии*» — ответ на «*Философию нищеты*»¹⁴⁹, так же как и «*К критике политической экономии*». Однако Интернационал и издания первого тома «*Капитала*» разбили этот заговор молчания, продолжавшийся почти 15 лет. Игнорировать Маркса далее стало невозможно. Интернационал рос, и слава его дел обошла весь мир. Хотя сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других, однако скоро ни для кого уже не было тайной, кто является режиссером.

В Германии была основана социал-демократическая партия, выросшая в силу, за которой Бисмарк пытался ухаживать, прежде чем обрушил на нее репрессии¹⁵⁰. Лассальянец Швейцер напечатал ряд статей, которые Маркс считал заслуживающими всяческого внимания и которые знакомили рабочую публику с содержанием «*Капитала*»¹⁵¹. По предложению И. Ф. Беккера конгресс Интернационала принял резолюцию, в которой «*Капитал*» рекомендуется вниманию социалистов всех стран как «*Библия рабочего класса*»¹⁵².

После восстания 18 марта 1871 г., в котором хотели видеть дело рук Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный Совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно известным¹⁵³. Маркс был теперь признан бесспорным теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих. «*Капитал*» стал учебником социалистов всех стран. Все социалистические и рабочие газеты популяризировали его научные теории, а в Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Йорке крупной забастовки выдержки из этого труда распространялись в форме прокламаций для того, чтобы побудить рабочих к стойкости и доказать им справедливость их требований¹⁵⁴. «*Капитал*» был переведен на основные европейские языки — русский, французский, английский; краткие

изложения его появились на немецком, итальянском, французском, испанском и голландском языках. И каждый раз, когда в Европе или Америке противники делали попытку опровергнуть теорию Маркса, экономисты тотчас же находили социалистический ответ, который затыкал им рот. «Капитал» теперь действительно стал тем, чем его назвал конгресс Интернационала, — «Библией рабочего класса».

Однако горячее участие, которое приходилось принимать Марксу в международном социалистическом движении, отнимало время, необходимое для его научной деятельности. Смерть жены и старшей дочери, г-жи Лонге, отозвалась на этой деятельности прямо-таки роковым образом.

Супругов Маркс тесно связывало чувство глубокой взаимной любви. Маркс любовался и гордился красотой жены; кроткость, мягкость ее нрава позволяли ему легче переносить лишения, неизбежно связанные с беспокойной жизнью революционного социалиста.

Страдания, которые свели в могилу г-жу Маркс, сократили жизнь и ее мужа. За время ее долгой мучительной болезни бессонные ночи, душевные волнения, недостаток движения и чистого воздуха изнурили Маркса и нравственно и физически. Он получил воспаление легких, которое чуть было не свело его в могилу.

Госпожа Маркс как жила, так и умерла, верная своим убеждениям коммунистки и материалистки. Скончалась она 2 декабря 1881 г. Она не боялась смерти. Почувствовав ее приближение, она воскликнула мужу: «Карл, силы мои истощены». Это были ее последние, внятно произнесенные слова. Она была похоронена 5 декабря на Хайгетском кладбище в отделении для «отверженных» (в неосвященной земле). Следуя правилам, которых она держалась всю жизнь и которые разделял и Маркс, похороны не носили публичного характера; только немногие, самые близкие, друзья проводили умершую на место ее последнего успокоения. Перед тем, как разойтись, Фридрих Энгельс, старинный друг Маркса, произнес над могилой речь¹⁵⁵.

Со дня смерти жены жизнь Маркса была сплошным рядом физических и нравственных страданий, которые

он переносил стоически и которые еще более обострились, когда год спустя внезапно умерла его старшая дочь, г-жа Лонге. Он был сломлен и уже не поправился.

Он умер за своим письменным столом 14 марта 1883 г., в шестьдесят пять лет.

Впервые опубликовано в журнале
«Die Neue Zeit», Stuttgart,
Jg. IX, 1890—1891, Bd. 1

Печатается по тексту журнала,
сверенному с французской рукописью

Перевод с немецкого

Личные воспоминания о Фридрихе Энгельсе ¹⁵⁶

Я познакомился с Энгельсом в 1867 г., в год выхода в свет первого тома «Капитала».

«Теперь, когда ты стал женихом моей дочери,— сказал мне Маркс,— я должен представить тебя Энгельсу». И мы поехали в Манчестер.

Энгельс жил со своей женой * и ее племянницей **, которой тогда было лет шесть-семь, в небольшом домике на окраине города. В нескольких шагах от дома начиналось уже открытое поле. В то время он был компаньоном предприятия, основанного его отцом. После поражения революции на континенте Энгельс, подобно Марксу, эмигрировал в Лондон, где он, как и Маркс, намеревался посвятить себя всецело политической деятельности и научным занятиям. Но Маркс потерял свое состояние и состояние своей жены в буре революции, не было средств для оказания ему помощи и у Энгельса. Поэтому Энгельс был вынужден последовать приглашению своего отца и вернуться в Манчестер на его предприятие и занять то же место служащего в конторе, которое он занимал в 1843 г. Маркс в это время писал еженедельные корреспонденции для газеты «New-York Daily Tribune» и этим с трудом мог обеспечивать самые насущные потребности своей семьи.

С этого времени до 1870 г. Энгельс вел как бы двойную жизнь: в течение шести дней недели с 10 до 4 часов дня он выполнял свои обязанности коммерческого служащего, состоявшие главным образом в ведении на разных языках иностранной корреспонденции фирмы, а также в посещении торговой биржи. Для приема своих знакомых из коммерческого мира он имел официальную квартиру в центре города, а в маленький домик

* — Лиззи Бёрнс. Ред.

** — Мери Эллен (Пумпс) Бёрнс. Ред.

в предместье города имели доступ только его политические и научные друзья. Среди них был химик Шорлеммер, а также Самюэл Мур, который впоследствии перевел первый том «Капитала» на английский язык. Жена Энгельса, ирландка по происхождению, была горячей патриоткой и все время поддерживала связи со своими соотечественниками, которых в Манчестере было тогда очень много; она постоянно была в курсе их заговорщической деятельности. Немало фениев¹⁵⁷ находило убежище в ее доме, а один из их руководителей, который предпринял попытку освободить перевозимых к месту казни фениев, только благодаря ей смог ускользнуть от полиции. Энгельс, интересовавшийся движением фениев, собрал материалы по истории английского господства в Ирландии; некоторые части этой истории, весьма вероятно, написаны им и находятся среди его бумаг¹³⁵.

Если по вечерам, освободившись от коммерческого рабства и вернувшись в свой домик, Энгельс снова становился свободным человеком, то в течение дня он принимал участие не только в деловой жизни промышленников Манчестера, но и в их развлечениях: посещал их собрания, банкеты, занимался их спортом. Будучи прекрасным наездником, он имел собственную лошадь для охоты на лисиц. Он не упускал случая принять участие в такой охоте, когда, согласно старому феодальному обычаю, высшее и среднее дворянство приглашало окрестных наездников на травлю лисиц. Энгельс был в числе первых в яростной скачке за зверем, и рвы, изгороди и прочие препятствия были ему нипочем. Маркс по этому поводу сказал мне однажды: «Я все боюсь услышать когда-нибудь, что с ним произошел несчастный случай».

Не знаю, были ли его буржуазные знакомые осведомлены об его другой жизни — англичане необыкновенно сдержанны и проявляют так мало любопытства по отношению к тому, что их непосредственно не касается. Во всяком случае они решительно ничего не знали о высоких умственных качествах человека, с которым ежедневно общались, потому что Энгельс весьма скупно обнаруживал пред ними свои познания. Человек, которого Маркс считал одним из образованнейших людей в Европе, был для них лишь веселым собеседником,

понимающим толк в хороших винах. Таково было мнение о нем манчестерских коммерсантов, о чем как-то заявил один из них в присутствии г-жи Маркс. «Энгельс — легкомысленный человек», — сказала о нем одна дама в 1848 г. Никогда не существовало менее педантичного ученого, чем он.

До конца своих дней он оставался веселым спутником, приятным товарищем.

Энгельс всегда любил общество молодежи и неизменно был гостеприимным хозяином. Сколько лондонских социалистов, сколько проезжавших через Англию товарищей, сколько эмигрантов из всех стран собиралось по воскресным дням за его братским столом! И все они покидали его дом, очарованные этими вечерами, которые он оживлял своим остроумием, своей увлекательной живостью, своей неутомимой веселостью.

Нельзя думать об Энгельсе, не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизни их настолько тесно переплелись, что составляли, так сказать, одну единую жизнь. И тем не менее каждый из них представлял собой ярко выраженную индивидуальность; они весьма отличались друг от друга не только по внешнему облику, но и по характеру, по темпераменту, по манере мыслить и чувствовать. Маркс и Энгельс впервые лично познакомились в последних числах ноября 1842 г. при посещении Энгельсом редакции «Rheinische Zeitung». Когда Маркс «использовал вызванное цензурой прекращение выхода «Rheinische Zeitung» для того, чтобы жениться» и уехать во Францию, Энгельс посетил его в августе 1844 г. в Париже и провел там несколько дней. «Они вступили, — как сообщает Энгельс в своей биографии Маркса, — в переписку со времени их совместной работы в «Deutsch-Französische Jahrbücher», и с тех пор начинается их сотрудничество, окончившееся только со смертью Маркса»¹⁵⁸. В начале 1845 г. министерство Гизо по настоянию прусского правительства выслало Маркса из Франции и он переехал в Брюссель. Вскоре и Энгельс приехал туда. И когда революция 1848 г. снова призвала к жизни «Rheinische Zeitung»*, Энгельс был вместе с Марксом и представлял его в руководстве газетой, когда Маркс бывал в отъезде.

* — «Neue Rheinische Zeitung». Ред.

Однако Энгельс не пользовался таким же авторитетом, как Маркс, в глазах своих товарищей по редакции — молодых людей, сплошь талантливых, революционно настроенных, исполненных боевого задора, — несмотря на свое духовное превосходство над ними. Маркс рассказывал мне, что, вернувшись как-то из поездки в Вену, он застал в редакции раскол и распри, с которыми Энгельс никак не мог справиться. Противоречия были настолько обострены в борьбе, что, казалось, их можно разрешить лишь при помощи дуэлей. Чтобы снова восстановить мир в редакции, Марксу пришлось пустить в ход всю свою дипломатию.

У Маркса был врожденный дар руководить людьми. Влиянию его подвергался всякий, кто соприкасался с ним. Энгельс был первым, признавшим это. Часто говорил он мне, что Маркс с самой ранней молодости импонировал всем ясностью и решительностью своего характера. Он был подлинный вождь, к которому все относились с полным доверием даже в делах, выходивших за пределы его компетенции, как это доказывает следующий факт. Вольф, которому посвящен первый том «Капитала», тяжело заболел в Манчестере, где он жил. Врачи признали его положение безнадежным, но Энгельс и друзья его не хотели поверить этому жестокому приговору и заявили в один голос, что следует по телеграфу вызвать Маркса и выслушать его мнение. Энгельс, который жил в Англии и имел возможность изучить там теоретиков политической экономии, положение рабочих, условия крупной промышленности и чартистское движение, оказал решающее влияние на направление духовного развития Маркса, который до тех пор занимался преимущественно философией, историей, правом и математикой. Именно Энгельс побудил Маркса посвятить себя изучению политической экономии, о которой его семья и его университетские профессора были очень невысокого мнения. Вскоре Марксу стало ясно, что ключ к истории общества и идей следует искать в экономических явлениях. Энгельс рассказывал мне, что в 1848 г. в Париже, в кафе де ля Режанс, одном из первых центров революции 1789 г., Маркс впервые посвятил его в экономический детерминизм своей теории материалистического понимания истории.

Энгельс и Маркс привыкли работать совместно. Энгельс, сам в высшей степени добросовестный в научной работе, тем не менее не раз терял терпение от скрупулезности Маркса, не желавшего выдвигать ни одного положения, которого он не мог бы доказать десятью различными способами.

После поражения революции друзья вынуждены были расстаться. Один из них отправился в Манчестер, другой остался в Лондоне. Однако они не прекращали мысленно быть вместе: ежедневно или почти ежедневно, в продолжение семнадцати лет, делились они в письмах своими впечатлениями и рассуждениями по поводу политических событий, а также итогами своих научных занятий. Эта переписка сохранилась до сих пор.

Как только Энгельсу удалось сбросить с себя ярмо коммерции, он покинул Манчестер и поспешил в Лондон. Там он поселился на Риджентс-парк-род, в десяти минутах ходьбы от Мейтленд-парк, где жил Маркс. Ежедневно, около часу дня, он отправлялся к Марксу, и, если погода благоприятствовала и у Маркса было настроение, они шли вместе погулять на Хэмпстед-хис. Если гулять почему-либо было нельзя, они час-другой беседовали в рабочем кабинете Маркса, прохаживаясь взад и вперед, один — по одной диагонали, другой — по другой. Я вспоминаю один их спор об альбигойцах¹⁴⁸, который длился несколько дней. Маркс изучал в это время роль еврейских и христианских финансистов средневековья. В промежутках между свиданиями они, каждый в отдельности, дополнительно исследовали спорный вопрос, чтобы прийти к общему мнению. Никакая иная критика их мыслей и работ не имела для них столь важного значения, как этот их обмен мнений,— так высоко ставили они мнение друг друга. Маркс не переставал восторгаться универсальными познаниями Энгельса, удивительной гибкостью его ума, благодаря которой он так легко переходил от одного предмета к другому, а Энгельс, со своей стороны, восхищался могучей силой анализа и синтеза у Маркса. «Конечно,— сказал мне однажды Энгельс,— рано или поздно механизм капиталистического способа производства был бы понят и объяснен, были бы открыты и выяснены законы его развития. Однако на это потре-

бовалось бы много времени и работа была бы сделана несовершенно, по кусочкам. Один лишь Маркс способен был проследить все экономические категории в их диалектическом развитии, связать моменты их развития с обуславливающими их причинами и воздвигнуть целостное теоретическое здание экономической науки, отдельные части которого взаимно друг друга подкрепляют и обуславливают».

Маркса и Энгельса сближала не только совместная умственная работа, но и взаимная нежная привязанность: каждый из них всегда думал о том, чем бы порадовать друга, каждый из них гордился другим. Однажды Маркс получил письмо от своего гамбургского издателя *, который сообщил ему о том, что его посетил Энгельс и что он познакомился таким образом с обаятельнейшим человеком, какого ему когда-либо приходилось встречать. «Хотел бы я видеть человека, — воскликнул Маркс, прерывая чтение письма, — который не нашел бы Фреда столь же милым, сколь и образованным!»

У них все было общим: и деньги и знания. Когда Марксу было предложено писать корреспонденции для «New-York Daily Tribune», он еще только изучал английский язык, поэтому Энгельс переводил его статьи и даже писал их, когда это было нужно. Когда же Энгельс работал над своим «Анти-Дюрингом», Маркс прервал свои занятия, чтобы написать для этой книги экономическую часть, которой Энгельс, как он сам публично заявил, частично воспользовался ¹⁵⁹.

Энгельс распространял свою дружбу на всю семью Маркса. Дочери Маркса были и его детьми, они называли его своим вторым отцом. Дружба эта продолжалась до самой смерти Энгельса.

После смерти Маркса один лишь Энгельс был в состоянии разобраться в его рукописях и издать оставленное им литературное наследство. Он отложил в сторону свою общую философию наук, над которой работал свыше десятка лет и для которой подготовил обзор всех наук и их новейших успехов ¹⁶⁰, чтобы всецело посвятить себя изданию двух последних томов «Капитала».

* — Отто Мейснера. Ред.

Энгельс любил сам процесс исследования: его интересовали все области знания. После поражения революции в 1849 г. он сел на парусное судно, чтобы перебраться из Генуи в Англию, так как путешествие из Швейцарии через Францию было для него не совсем безопасным. Он воспользовался этим случаем, чтобы приобрести некоторые познания в области мореплавания. На этом судне он вел дневник, в котором отмечал изменения в положении солнца, направлении ветра, состоянии моря и т. д. Этот дневник должен находиться среди его бумаг¹⁶¹, ибо подвижный, неистовый Энгельс отличался аккуратностью старой девы: он сохранял все и все фиксировал старательнейшим образом.

Первыми увлечениями Энгельса были филология и военное искусство; он всегда оставался им верен и постоянно был в курсе успехов этих наук. Самые незначительные детали представлялись для него ценными. Помню, как он со своим другом Меса, приехавшим из Испании, читал вслух собрание испанских народных романсов, чтобы взять урок произношения. Его знание европейских языков и даже отдельных диалектов было прямо невероятным. Когда я после падения Коммуны встретился в Испании с членами Национального совета Интернационала¹⁴⁵, они сказали мне, что меня как секретаря Генерального Совета для Испании замещает некий Анжель, который пишет на чистейшем кастильском наречии. Этот Анжель был не кто иной, как Энгельс, — только фамилию его они произносили по-испански. Когда же я отправился в Лиссабон, секретарь португальского Национального совета Франса * сообщил мне, что получает письма от Энгельса на безупречном португальском языке, — удивительное мастерство, в особенности если принять во внимание сходство и мелкие различия этих двух языков между собой и итальянским языком, которым Энгельс также владел в совершенстве. У Энгельса было своего рода кокетством писать каждому, с кем он находился в переписке, на его родном языке: Лаврову он писал по-русски, французам — по-французски, полякам — по-польски и т. д. Он наслаждался литературой на местных диалектах и спешил приобрести народные издания Биньями, написанные на

* — Жозе Нобре-Франса. *Ред.*

миланском наречии. На взморье в Рамсгете владелец одного балагана, окруженный толпой мелкого лондонского люда, показывал бородатого карлика в мундире бразильского генерала. Энгельс заговорил с ним сначала на португальском, затем на испанском языке — никакого ответа. Наконец, «генерал» сам обронил какое-то словечко. «Да этот бразилец на самом деле ирландец!» — воскликнул Энгельс и обратился к нему на его родном наречии. Бедняга, услышав родную речь, заплакал от радости. «Энгельс заикается на двадцати языках», — сказал один из эмигрантов Коммуны, шутя по поводу свойства Энгельса слегка заикаться в моменты волнения.

Не было ни одной области знаний, которая не интересовала бы Энгельса. В последние годы своей жизни он начал читать труды по акушерству, потому что жившая у него г-жа Фрейбергер готовилась в это время к медицинскому экзамену. Маркс упрекал его в том, что он разбрасывается, хватаясь за множество предметов только ради собственного удовольствия, «не думая о том, чтобы работать для человечества»! Однако Энгельс, в свою очередь, упрекал его, говоря: «Я с удовольствием сжег бы русские издания о положении сельского хозяйства, которые вот уже несколько лет не дают тебе закончить «Капитал»!»

Маркс как раз в это время стал изучать русский язык. Один из его друзей — Даниельсон из Петербурга — присылал ему многочисленные, объемистые статистические отчеты о состоянии сельского хозяйства. Русское правительство запретило публиковать эти материалы, так как они вскрывали ужасающее положение русской деревни¹⁴³.

Для Энгельса было достаточно удовлетворять свое стремление к знаниям, но его любознательность удовлетворялась вполне лишь тогда, когда он овладевал изучаемым предметом до мельчайших его деталей. Когда имеешь хоть некоторое представление о размерах и бесконечном разнообразии его познаний и принимаешь при этом во внимание его деятельную жизнь, то невольно удивляешься тому, как Энгельс, который ничуть не был похож на кабинетного ученого, мог накопить такое количество знаний. Столь же точная, как и всеобъемлющая, память сочеталась у него с необы-

чайной быстротой в работе и не менее удивительной легкостью восприятия. Работал он быстро и легко. В его двух больших светлых кабинетах, стены которых были заставлены книжными шкафами, не валялось на полу ни одного клочка бумаги, а книги, за исключением какого-нибудь десятка, лежавшего на письменном столе, стояли все на своих местах. Комнаты эти походили скорее на гостиную, нежели на кабинет ученого.

Столь же внимательно относился он к своей внешности: бодрый, подтянутый, он всегда выглядел так, точно готов был явиться на смотр, как в те времена, когда он служил в качестве вольноопределяющегося-одногодичника в прусской армии. Я не знаю никого, кто бы так подолгу носил одни и те же вещи, причем они никогда не теряли своего фасона и выглядели, как новые. Если по отношению к самому себе он был экономным и позволял себе только такие расходы, которые считал безусловно необходимыми, то по отношению к партии и партийным товарищам, обращавшимся к нему в нужде, он проявлял безграничную щедрость.

Энгельс жил в Манчестере, когда был основан Интернационал. Он довольно скептически относился к тогдашним перспективам возрождения коммунистического движения, которое обессилело с поражением революции 1848 г.; вначале, по-видимому, он не особенно заинтересовался этой организацией, но ведь среди ее основателей был Маркс, который, впрочем, также колебался, прежде чем принял в ней участие. Энгельс поддерживал Интернационал деньгами и сотрудничал в его газете «The Commonwealth», основанной Генеральным Советом. Но с началом франко-прусской войны и переездом Энгельса в Лондон он отдался работе в Интернационале с тем пылом, какой он проявлял во всем, за что бы ни брался.

Война привлекла внимание Энгельса прежде всего как военного тактика. Изю дня в день следил он за сражающимися армиями и не раз, как это видно по его статьям в «Pall Mall Gazette», предсказывал действия германского генерального штаба. За два дня до Седана Энгельс предсказал окружение наполеоновской армии¹³⁶. За эти предсказания, которые, впрочем, обратили на себя большое внимание и английской прессы, старшая дочь Маркса, Женни, дала ему прозвище «Ге-

нерал». После ниспровержения империи у Энгельса было только одно желание и одна надежда — триумф Французской республики. У Энгельса и Маркса не было отечества. Оба они были, по выражению Маркса, гражданами мира.

Впервые опубликовано в журнале
«Die Neue Zeit», Stuttgart,
Jg. XXIII, 1904—1905, Bd. 2

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

Некоторые стороны семейной жизни Карла Маркса ¹⁶²

Работая над этим очерком семейной жизни Карла Маркса, я стремился включить в него некоторые личные воспоминания. К сожалению, эти личные воспоминания очень затуманены отдаленностью времени и особенно тем фактом, что, когда я в последний раз видел моего деда, мне было всего три года.

Но любопытно, что среди стольких событий, происшедших в жизни, некоторые факты, неизвестно почему, навсегда запечатлеваются в памяти.

Так у меня все-таки сохранилось очень ясное воспоминание об одной прогулке с дедушкой и братом Жаном в лесах Шампру, которые в 1882 г. придавали Аржантёю, с его спаржевыми полями и виноградниками, вид отдаленной деревни. Маркс гостил у моих родителей в июле 1882 г. в Аржантёе, где они жили со времени возвращения из изгнания в конце 1880 г. моего отца, Шарля Лонге, бывшего члена Коммуны.

Я не в обиде на моего деда за ту нелестную, но боюсь, совершенно заслуженную репутацию, которую он создал мне в мои очень юные годы. Когда мне было примерно полтора года, я был, по-видимому, страшным лакомкой, и этот мой грех послужил поводом к прозвищу «Wolf» («Волк»), которое дал мне мой дед. Маркс назвал меня так потому, что однажды меня застали уписывающим за обе щеки сырую почку, которую я принял за шоколад и которую, несмотря на ошибку, продолжал уплетать.

Впрочем, в письме к моей матери он смягчил свое суждение обо мне:

«Привет Джонни, Гарри» (мой второй брат) и милому «Волку (он действительно чудесный мальчик)» ¹⁶³.

Позднее я вернусь к отношениям Маркса с его внуками, а сейчас хочу кратко описать семейную жизнь Карла Маркса, оставляя в стороне его политическую деятельность.

* * *

Напомню кратко, что Маркс родился в Трире в 1818 г., вскоре после того как кончилась аннексия этого города Францией.

Его отец, по происхождению еврей, потомок целого ряда раввинов, перешел в протестантство, что, по его мнению, должно было облегчить ему занятие адвокатурой.

В восемнадцать лет Маркс обручился с Женни фон Вестфален, которая считалась «самой красивой девушкой Трира». Она была из семьи брауншвейгского происхождения.

Я пропускаю целиком начальные этапы жизни моего деда, которые хорошо известны в политическом отношении, и напомню только, что, приехав в Париж в 1843 г., он был выслан оттуда в январе 1845 г. (во время его пребывания в Париже родилась моя мать, которая, следовательно, по месту рождения была парижанкой).

Затем он жил в Брюсселе, откуда был снова изгнан, вернулся в Париж 5 марта 1848 г., куда он был приглашен Флоконом от имени временного правительства, образовавшегося 24 февраля.

Он покинул Париж и уехал в Германию в апреле, после того как убедился, что февральская революция, совершенная пролетариатом, опять дала возможность буржуазии захватить власть и использовать ее против рабочего класса.

Там он поднял знамя революции и вел ожесточенную борьбу до того дня, когда восторжествовавшая реакция снова заставила его отправиться в изгнание⁸⁸.

Приехав в Париж в начале июня 1849 г., он оказался там в момент созыва Законодательного собрания, в большинстве своем состоявшего из монархистов.

Но не прошло и месяца, как он получил «любезное» предложение покинуть город в 24 часа. Тогда он отправился в конце августа 1849 г. в Англию, и в этой стране, которая в то время была убежищем для изгнанников всего мира, он жил до самой смерти, т. е. в течение тридцати четырех лет.

Я должен отметить, и прежде всего, что, если, несмотря на страдания, причиняемые в течение продолжительного времени плохим здоровьем (болезнь печени,

приступы астмы, часто рецидивирующий фурункулез), и материальную нужду, в которой находился Маркс, он смог довести до конца предпринятый им труд *, то этим он обязан Фридриху Энгельсу.

Дружба Энгельса и Маркса заслуживает того, чтобы войти в историю наравне с древней легендой об Оресте и Пилладе.

В самом деле, большую часть своей жизни Энгельс был вынужден вести торговые дела фирмы своего отца в Манчестере, где она находилась, и заниматься профессией, которая его крайне тяготила; он это делал исключительно для того, чтобы оказывать помощь Марксу и дать ему возможность завершить свой труд. И нет сомнения, что без Энгельса Маркс и его семья умерли бы с голоду.

Хочу сказать также несколько слов о другом человеке, который играл важную роль в жизни семьи Маркса. Речь идет о славной Елене Демут, которую в семье дружески называли Ленхен.

Поступив в возрасте восьми или девяти лет к моей прабабушке, баронессе фон Вестфален, она следовала за моей бабушкой всюду со времени ее замужества до самой ее смерти: в Париж, в Брюссель, в Лондон. На ее глазах рождались и умирали дети, она пережила с семьей Маркса муки нищеты, голода и лишений; она заботилась о детях, о друзьях, об изгнанниках без средств, доставала хлеб насущный, когда все было заложено в ломбарде, проводила ночи за шитьем, за стиркой, у постели больных. У меня сохранились о ней самые трогательные воспоминания.

Эта замечательная женщина вполне заслужила того, чтобы ее похоронили вместе с Марксом, его женой и их внуком Гарри на Хайгетском кладбище в Лондоне.

НИЩЕТА ЭМИГРАНТОВ В ЛОНДОНЕ

А теперь я хотел бы коротко описать условия существования эмигрантов и их семей, приехавших в Лондон без всяких средств. Для Маркса и его семьи началась жизнь, полная нищеты, страданий и скорби, и нельзя дать лучшего представления о ней, как сославшись

* — «Капитал». Ред.

на несколько строк из письма Маркса к Энгельсу, в котором Маркс пишет, что он не мог выносить ужасных ночей, когда его жена заливалась слезами. Об этих невзгодах лучше всего свидетельствуют следующие места из письма моей бабушки:

«Моего мужа здесь совсем замучили самые мелкие житейские заботы... Чтобы спасти [Новую Рейнскую] газету, он вложил в нее тысячи наличными... Он взял на себя все тяготы... Я поехала во Франкфурт, чтобы заложить свои серебряные вещи, последнее, что у нас было».

И в том же письме моя бабушка говорит, что, «не смотря на свое расшатанное здоровье, она, экономии ради, решила сама кормить своего четвертого ребенка».

Ребенок не спал ни днем, ни ночью. У него начались сильные судороги, и часто во время этих приступов он причинял боль своей бедной матери, и вместо молока сосал ее кровь.

И как раз в момент этих невзгод домохозяйка, которой Маркс недавно заплатил 250 талеров, отказывается от контракта. Вскоре являются два судебных пристава и описывают всю мебель. Моя бедная бабушка с больной грудью остается на голом полу с ее дрожащими от холода детьми.

И далее она пишет:

«Не думайте, что эти страдания из-за мелочей меня сломали. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива,— я принадлежу к немногим счастливицам, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелких невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым»¹⁶⁴.

Весной 1850 г. после выселения из квартиры Маркс и его семья приютились сначала в меблированных комнатах на Лестер-сквер, затем немного позднее на Дин-стрит, где квартира была еще более убогой: одна жилая комната и крошечная комнатуха, так что одно из этих двух помещений служило одновременно кухней, кабинетом и гостиной.

А испытаниям не было конца.

В 1851 г. Маркс писал Энгельсу после рождения Франциски: «Одновременно моя жена разрешилась от бремени 28 марта. Роды были легкие, но теперь она очень больна, и скорее по причинам материального, чем физического свойства. При этом у меня в доме буквально нет ни фартинга, зато тем большее количество счетов от мелких торговцев, мясника, булочника и тому подобное...

Ты согласишься, что вся эта дрянь — не очень приятное дело и что я по макушку погряз в этой обывательской грязи. И вдобавок я еще эксплуатировал рабочих! И стремлюсь к диктатуре! Какой ужас!..»¹⁶⁵

В 1852 г. эта девочка умерла, и вот что писала Женни Маркс:

«На пасху... наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Ее крохотное бездыханное тельце покоилось в маленькой задней комнатке. Мы все перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу — трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все оплакивали маленького ангела, который, холодный и бледный, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни...

Тогда я в смятении отправилась к одному французскому эмигранту. Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб.

Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели и ей долго отказывали даже в последней маленькой обители»¹⁶⁶.

А в письме за сентябрь 1852 г. Маркс пишет:

«Моя жена больна, Женничка» (моя мать) «больна, у Ленхен что-то вроде нервной лихорадки. Врача я не мог и не могу позвать, так как у меня нет денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья питалась хлебом и картофелем, а сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это»¹⁶⁷.

В январе 1855 г. появился на свет шестой ребенок. Его называли Тусси (это была моя тетья Элеонора Эвелинг). Она была такая хилая, что каждый день ждали ее смерти. А через несколько месяцев Маркс перенес один из самых больших ударов в своей жизни. Его един-

ственный сын Эдгар, его «Муш», «полковник Муш», умер у него на руках. В течение нескольких недель ребенок боролся со смертью. В письмах Маркса сообщается то об улучшениях, то об ухудшениях в состоянии ребенка. Но в письме от 30 марта Маркс пишет Энгельсу, что «в конце концов болезнь приняла наследственный в нашей семье характер изнурения желудка и кишечника, и, по-видимому, даже врач потерял всякую надежду... У меня самого сердце обливается кровью и голова как в огне, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенку в течение всей болезни ни на минуту не изменяет его оригинальный, приветливый и в то же время независимый характер»¹⁶⁸.

Это действительно был очень одаренный ребенок, и своей любовью к книгам он сильно походил на своего отца.

12 апреля 1855 г. мой бедный дедушка писал Энгельсу:

«Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его душой. Невозможно выразить, как нам не хватает этого ребенка. Я перенес уже много несчастий, но теперь я знаю, что такое настоящее горе. Чувствую себя совершенно разбитым. К счастью, со дня похорон у меня такая безумная головная боль, что я не мог ни думать, ни слушать, ни видеть.

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное»¹⁶⁹.

Несколько недель спустя моя бабушка после смерти своей матери получила в наследство несколько сотен талеров, и семья смогла наконец устроиться в более здоровой квартире на Графтон-сквер¹⁷⁰. У Маркса родился еще один ребенок, который очень рано умер.

Обстоятельства, при которых произошла эта смерть, были ужасны и произвели на моего деда такое трагическое впечатление, что он «несколько дней не мог прийти в себя»¹⁷¹.

А жизнь шла своим чередом, такая же тяжелая для Маркса и его семьи, хотя и с меньшими горестями.

Сотрудничество Маркса в «New-York Daily Tribune» в течение нескольких лет немного улучшило его мате-

риальное положение, но затем нужда снова достигла таких размеров, что Маркс писал Энгельсу о своем намерении поручить детей друзьям, расстаться с Еленой Демут, поселиться с женой в меблированных комнатах и поискать себе место скромного кассира ¹⁷².

В 1863 г., после смерти своей матери, Маркс получил маленькое наследство, а немного позднее его старый друг Вильгельм Вольф, умирая, завещал ему свое небольшое состояние. Это дало возможность Марксу освободиться от всех своих долгов, включая и обязательства, которые он взял на себя в связи с «*Neue Rheinische Zeitung*», и — насколько позволяло ему здоровье — отдаться исключительно своей научной работе. Но состояние здоровья не улучшалось, и его жизнь много раз находилась в опасности.

Начиная с этого времени не проходило года, чтобы у Маркса не было нарывов, карбункулов, к которым присоединялись страдания, вызванные болезнью печени.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ТРУДА И БОРЬБЫ

Интересно проследить, каким образом Маркс, несмотря на свои материальные затруднения, несмотря на моральные и физические страдания, смог довести до конца свой гигантский труд.

Не желая слишком удлинять эти заметки, я ограничусь замечанием о том, что Маркс целые дни, с 10 часов утра до 7 часов вечера, работал в Британском музее (нечто вроде нашей Национальной библиотеки), погружался в изучение Синих книг ¹¹¹, парламентских документов, экономических и социальных исследований и т. д., а кроме того, проводил целые ночи за работой.

Он много раз делал попытки обеспечить себе жизнь литературным трудом, но обычно ему было невозможно найти издателей, а, с другой стороны, Энгельс не мог позволить, чтобы Маркс терял время на второстепенную работу, и настаивал на том, чтобы он все свободные минуты посвящал исключительно подготовке задуманного им большого экономического труда *, и с этой целью оказывал ему постоянную поддержку.

* — «Капитала». Ред.

Но все же этой поддержки было недостаточно. «Neue Rheinische Zeitung» * принесла Марксу только новые долги.

Вот почему с 1851 г. он согласился сотрудничать в «New-York Daily Tribune»; это вынуждало его заниматься многочисленными исследованиями, которые, впрочем, он частично мог использовать для своего главного научного труда. Не подлежит сомнению, что его статьи явились очень серьезным вкладом во всеобщую и экономическую историю нового времени.

К сожалению, приблизительно только одна треть его статей оплачивалась. Что же касается двух других третей, то издатель **, отказываясь печатать их, не считал себя обязанным платить за них.

Надо сказать, что Маркс с горечью соглашался на эту неблагодарную литературную работу, которая не давала ему возможности даже прокормить семью.

В 1852 г. большая часть его времени была поглощена делами, связанными с арестом кельнских и других членов Союза коммунистов и подготовляемым против них процессом ⁷⁵.

Маркс работал не покладая рук вместе со своими лондонскими друзьями, чтобы доказать, что этот процесс был не более как махинацией со стороны полиции и правительства.

Чтобы лучше передать атмосферу в доме Маркса в этот период, приведу несколько мест из письма моей бабушки: «А затем все документы, переписанные в шести — восьми экземплярах, надо было отправлять в Кёльн различными путями...

Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией, с одной стороны, и моим мужем, с другой...

У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы те, которые пишут, могли существовать» ¹⁷³.

Отметим, наконец, что как раз в то время, когда Марксу угрожала гибель под тяжестью испытаний, он написал такое основательное, такое глубокое, такое про-

* — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». *Ред.*

** — Чарлз Андерсон Дана. *Ред.*

зорливое произведение, как «Восемнадцатое брюмера»⁹⁷.

И это в тот период, когда Маркс не имел возможности выходить из дому, потому что его одежда была заложена в ломбарде.

А годы шли, все такие же тяжелые, с беспрестанными материальными трудностями, долгими днями болезни, периодами бешеной работы; но, несмотря ни на что, великий труд был завершен, труд борца, мыслителя, создателя. И отнюдь не ограничиваясь занятиями за письменным столом, наряду со своей огромной теоретической работой, Маркс неутомимо руководил Международным Товариществом Рабочих.

Несмотря ни на что, его дом, особенно дом на Мейтленд-парк-род (который не пощадили гитлеровские бомбы), был убежищем всех эмигрантов, всех английских и иностранных борцов.

С детства у меня сохранилось воспоминание об атмосфере, царившей в этом доме, где Маркс жил со своей женой, которая, несмотря на свои горести, свои несчастья, всегда с доброй улыбкой встречала гостей, в большинстве своем эмигрантов, вместе со своими тремя дочерьми — Женни, Лаурой (позднее женой Поля Лафарга) и Элеонорой — тремя женщинами, замечательными своим умом и своей образованностью, каждая из которых заслуживает написания особой биографии.

Маркс, к которому его дочери относились с глубоким уважением, обожал детей, и можно себе представить, как тяжелы были для него их утраты. Да, Маркс обожал детей и был с ними очень нежен и очень весел.

В груди этого непримиримого борца билось сердце, полное деликатности, доброты и нежной преданности.

Он играл с детьми, как будто сам был ребенком, не беспокоясь, что это отразится на его престиже.

На улицах квартала, где он жил, его звали «отцом Марксом», и у него всегда был в кармане сахар для угощения ребятишек.

Эту любовь он позднее перенес на своих внуков. «Целую много раз тебя, — писал он моей матери, — и твоих «маленьких человечков»»¹⁷⁴.

В каждом письме он говорит о них: «А теперь... пришли мне подробное описание деяний Джонни и К⁰»¹⁷⁵.

В одном письме, написанном в 1881 г., он рассказывает моей матери:

«Только что Тусси с помощью Энгельса отвезла на извозчике, в транспортную контору ящик с рождественскими подарками для наших малышей. Елена * просит, чтобы я специально указал, что от нее одна курточка для Гарри (умершего вскоре после Маркса), одна для Эдди (это я) и шерстяная шапочка для Па (мой брат Марсель); затем для того же Па «голубое платице» от Лауры; от меня — матросский костюм для моего дорогого Джонни. Мемхен ** так весело смеялась в один из последних дней своей жизни, рассказывая Лауре, как мы с тобой и Джонни поехали в Париж и там ему выбрали костюм, в котором он выглядел, как маленький «мещанин во дворянстве»»¹⁷⁶.

Из всех нас он чаще всего видел у себя Жана, так как тот был старший:

«Расскажи ему, — писал он в другом письме моей матери, — что, когда я вчера гулял в парке — нашем собственном Мейтленд-парке, — ко мне внезапно приблизилась величественная личность — сторож парка, он спросил меня, есть ли вести о Джонни»¹⁷⁷.

Он часто употреблял столь же оригинальные, сколь милые выражения, когда говорил о своих внуках:

«Ну, а теперь поцелуй за меня много-много раз Джонни, Гарри и благородного Волка. Что касается «великого незнакомца», то я не осмеливаюсь на такую фамильярность по отношению к нему»¹⁷⁸. (Речь шла о моем брате Марселе, родившемся в апреле 1881 г., которого он еще не видел.)

Лучше всего любовь к внукам выражается в последней фразе одного его письма к своей дочери ***, написанного вскоре после смерти моей бабушки:

«Надеюсь прожить с тобой еще много хороших дней и достойно выполнить свои обязанности дедушки»¹⁷⁹.

Увы! Карл Маркс не смог осуществить этого желания.

Истощенный следовавшими одна за другой болезнями, уже крайне потрясенный смертью жены, три-

* — Демут. Ред.

** — жена Маркса, Женни. Ред.

*** — Женни. Ред.

надцать месяцев спустя, в январе 1883 г., он пережил страшное горе — смерть своей старшей дочери, моей матери Женни Лонге. Этот последний удар, завершивший долгие годы страданий и бедствий, привел 14 марта 1883 г. к смерти гениального человека, который посвятил свою жизнь подготовке освобождения пролетариата и до последнего дыхания боролся за счастье людей.

Как сказал Фридрих Энгельс над его могилой:

«И имя его и дело переживут века!»¹⁸⁰

Впервые опубликовано в журнале
«Cahiers du communisme»,
Paris, 1949, mars, N 3

Печатается по тексту журнала
Перевод с французского

Фридрих Энгельс
у себя дома ¹⁸¹

I

В социалистических и других газетах всего мира уже писалось о жизни и деятельности недавно скончавшегося великого социалиста. В этой статье я постараюсь рассказать кое-что о его личной жизни.

Наиболее яркие личности из всех, которых я когда-либо встречал, были Карл Маркс, Чарлз Дарвин, Фридрих Энгельс и — из совершенно другой области жизни — Генри Ирвинг. Во всех четырех случаях большая интеллектуальная сила соединялась с внушительными физическими качествами. Что касается Маркса и Дарвина, то хотя их сочинения и деятельность были более или менее известны мне, я имел великое счастье лично встречаться с ними только один или два раза. Так, Маркса я видел единственный раз, когда, будучи еще молодым человеком, читал лекцию детям сиротской рабочей школы на Хаверсток-хилл на тему «Насекомые и цветы». Это был праздничный день в школе и кроме детей на лекции присутствовала интересующаяся делами школы публика. Когда лекция закончилась, ко мне подошли и представились пожилой господин с поистине львиной головой, дама и молодая девушка. Этот господин был Карл Маркс, дама — его жена, Жени фон Вестфален, а молодая девушка — их дочь Элеонора. Я до сих пор помню добрые и великодушные слова весьма высокой оценки и поощрения, сказанные мне Марксом. Следующий раз я увидел его уже мертвым. Но у меня и теперь сохраняется в памяти впечатление о нем как о человеке большой физической силы. Даже Дарвин, единственный из четырех упомянутых людей, которого можно было бы назвать физически слабым, имел властную осанку, отличался величественной внешностью и соответствующими манерами.

Энгельс был около 6 футов ростом и вплоть до своей последней болезни сохранял стройную, военную осанку.

Он легко нес бремя своих семидесяти с лишним лет. Его военная выправка, его быстрая, легкая походка в известной мере соответствовали прозвищу «Генерал», под которым он был известен в кругу своих близких друзей. Действительное происхождение этого прозвища связано с замечательными корреспонденциями Энгельса в «Pall Mall Gazette» во время франко-прусской войны 1870 г. В одной из них, приблизительно за восемь дней до 2 сентября, Энгельс предсказал решающую победу немцев над французами под Седаном¹³⁶. Эти статьи обнаружили такое знание военного искусства, что читатели приписывали их авторство какому-либо крупному военному авторитету. Так оно и было в действительности. Но этим крупным военным авторитетом оказался манчестерский текстильный фабрикант и социалист. Впоследствии прозвище «Генерал» приобрело, естественно, и более глубокое значение, когда после смерти главнокомандующего — Маркса — армию социалистов в борьбе с капитализмом возглавил Энгельс.

Тот, кто хоть раз присутствовал на замечательных встречах по воскресеньям на Риджентс-парк-род, 122, никогда их не забудет. Тогда была еще жива крестьянка по рождению Елена Демут, друг Маркса и его жены, а также и Энгельса; она выполняла роль его экономки и верного советника не только в вопросах повседневной жизни, но и в политических вопросах. Благодаря своей пронизательности и здравому рассудку, своей кристальной честности, своему знанию людей и вещей она была помощником таких двух гигантов, как Маркс и Энгельс. Какое неизгладимое воспоминание об этих воскресных встречах останется, однако, у всех тех, кто обычно бывал на них!

Воскресенья в доме Энгельса немного напоминали вавилонское столпотворение. Ведь в эти дни приходили не только те из нас, кто фактически принадлежал к его семье; социалисты из других стран, когда бывали в Лондоне, сделали из Риджентс-парк-род, 122 свою Мекку.

Энгельс мог беседовать с каждым из них на его родном языке. Как и Маркс, он превосходно говорил и писал по-немецки, по-французски и по-английски; почти так же превосходно он владел итальянским, испанским и датским. Кроме того, он мог читать и изъясняться по-русски, по-польски и по-румынски, не говоря уже о

таких обычных вещах, как знание латинского и греческого.

Ежедневно с каждой почтой он получал газеты и письма на всех европейских языках. Можно поражаться тому, как при всей своей занятости он находил время, чтобы просматривать их, систематизировать и запоминать их основное содержание. Когда какое-либо из произведений Энгельса или Маркса переводилось на другой язык, переводчики всегда посылали ему текст перевода для просмотра и исправления. И кто же осмелится утверждать, что френология¹⁸² ничего не значит, если известно, что некий френолог в Ярмуте, «обследовав» форму головы Энгельса, заявил, к величайшему удовольствию его спутников, что сей джентльмен — «хороший делец (что в общем-то было правильно), но у него нет таланта к изучению языков» (что уж никак не соответствовало действительности).

Но не только из-за своих лингвистических способностей, а и во всех других отношениях Энгельс был образцом чудесного гостеприимства. Он был воплощенное радушие и отличался прекрасными манерами. Как тот человек, о котором упоминал в «Spectator» Ричард Стил, «он был от природы наделен склонностью делать приятное». В будни, если не приходил кто-либо из нас повидать его, позавтракать или пообедать с ним, он жил чрезвычайно скромно. Зато по воскресеньям радостно было наблюдать, какое огромное наслаждение он испытывал в кругу своих друзей, когда он мог доставить им удовольствие, угостив их лучшим, что у него было.

Список лиц, которым всегда были рады на Риджентс-парк-род, 122, воспринимается как концентрированное выражение социалистического движения. В этой статье я назову лишь имена тех людей, которых лично встречал у Энгельса за последние двенадцать лет, когда мне выпала высокая честь считаться принадлежащим к числу его домочадцев.

Из немцев — это Вильгельм Либкнехт, самый старый друг Маркса и Энгельса в Германии, «старый солдат революции», как называют его немцы, «Лайбри», как обычно называли его в семье Маркса; добрейший, сердечнейший человек, самый веселый товарищ. Далее — Август Бебель, великолепный тактик, борец и оратор; затем солидный, сердечный, искренний, на-

дежный Пауль Зингер. Из немцев, которые жили в Лондоне в течение последних нескольких лет, следует упомянуть Рихарда Фишера. По возвращении в Германию в 1890 г. он был одним из секретарей Правления Социал-демократической партии Германии, а теперь является управляющим издательством «Vorwärts». Он пользуется репутацией очень способного делового человека и хорошо образованного, весьма энергичного социалиста; его — как и Ауэра — считают настоящим баварцем по своему языку. Баварцы известны своим прямодушием и «грубостью», что по-английски ближе всего передается выражением «rudeness». Далее — Таушер, из числа тех, крайне симпатичных товарищей, которых нам в Англии так недостает; он любит нюхать табак, и нос его, возможно, вследствие этой привычки принял такие внушительные размеры, что его прозвали «Назо». Из немцев, живущих и сейчас в Лондоне, следует назвать ветерана Интернационала Фридриха Лесснера, надежного, неподкупного человека; вместе с Либкнехтом и тихим, скромным и в то же время энергичным Лохнером (одним из старых друзей Маркса и Энгельса) он представляет собой все, что осталось в живых от прежнего Союза коммунистов; Юлиуса Моттелера — делового человека, пользующегося большим доверием в Социал-демократической партии Германии, а также его честную, прямолинейную жену; Эдуарда Бернштейна — редактора «Sozialdemokrat» в годы действия закона против социалистов в Германии¹⁵⁰, теперешнего представителя немецкой партии в Англии, к которому Энгельс питал такое доверие, что сделал одним из своих душеприказчиков, и его жену — двух лучших друзей, какие когда-либо были у Энгельса.

Из французов бывали у Энгельса, когда они приезжали в Англию, дети Женни, старшей дочери Маркса, умершей за два месяца до смерти своего отца, в 1883 г.; Шарль Бернар, когда оказывался в Лондоне, пользовался большой симпатией Энгельса; Делькюз из Кале и Руссель из Парижа — оба активные члены Рабочей партии¹⁸³, когда приезжали на майские демонстрации¹⁸⁴. Бывали также Эмиль Вандервельде и Ансель из Бельгии. Из австрийцев кроме г-жи Фрейбергер, которая после смерти Елены Демут вела хозяйство Эн-

гельса, и д-ра Фрейбергера, который лечил его во время последней болезни, бывал Виктор Адлер, редактор «Arbeiter-Zeitung», остроумный оратор и писатель, а также глубокий теоретик австрийской партии, а также Карл Каутский, который наряду с Бернштейном является самым подходящим человеком, способным продолжить экономический и литературный труд Маркса и Энгельса. Станислав Мендельсон и Мария Мендельсон, оба не только очаровательные и блестящие, но и мыслящие, прекрасно владевшие по крайней мере четырьмя языками, представляли поляков. Нередко посещал Энгельса Степняк, а Вера Засулич с момента ее приезда в Англию была одним из тех постоянных посетителей, которые не нуждались в специальных приглашениях. Георгий Плеханов, ее верный друг и товарищ по работе, один из способнейших теоретиков и остроумнейших людей этого круга, один из тех, кого анархисты боятся, пожалуй, больше, чем любого из современных публицистов, разумеется, постоянно бывал у Энгельса во время своего краткого пребывания в Англии. Когда происходили международные конгрессы, из Америки приезжал еще один русский: Абрам Каган, человек ясного ума, энергичный организатор евреев в различных странах. Следует упомянуть еще одного американца иностранного происхождения, которому Атлантический океан мешал посещать дом Энгельса, но который был одним из самых желанных и постоянных его корреспондентов и, пожалуй, одним из самых близких друзей Маркса и Энгельса в более поздние годы их жизни. Это был Фридрих Адольф Зорге из Хобокена (близ Нью-Йорка). Встреча с ним и совместное с Энгельсом пребывание у него является одним из прекраснейших воспоминаний о путешествии в США, которое моя жена и я совершили в 1888 г. вместе с Энгельсом и с крупнейшим химиком, социалистом и хорошим товарищем, покойным профессором Шорлеммером.

Из англичан самым желанным гостем за пределами семейного круга был Уильям Торн. Энгельс относился к нему с огромным восхищением, уважением и симпатией, высоко ценил его характер и его роль в движении. Энгельс был также высокого мнения о Джоне Бёрнсе, который не мог так часто навещать его. Он ему очень нравился. Энгельс считал, что Бёрнс обладает тем вер-

ным пролетарским чутьем, которое, несмотря на все ошибки, какие мы все можем совершать в политике, позволит ему в конечном счете найти правильное решение. Мой и Бёрнса молодой друг Уильям Сандерс, несомненно, всю жизнь будет помнить о выпавшей на его долю чести быть посетителем дома Энгельса. Белфорт Бакс, когда он был в Англии, иногда посещал Энгельса и имел с ним не одну дружескую схватку по женскому вопросу, на котором Бакс был помешан. Хантер Уотс один или два раза был у Энгельса. Недавно я имел большое удовольствие привести к «Генералу» и познакомить с ним Гарри Квелча — редактора газеты «Justice», который произвел на Энгельса очень хорошее впечатление. Насколько мне помнится, Уильям Моррис был у Энгельса один раз. Энгельс относился с добродушной снисходительностью к его увлечению средневековьем. Канингем Грехем был ему очень симпатичен. Он называл его Дон-Кихотом, и никто более искренне не сожалел, что Грехем не вернулся в парламент последнего созыва, дабы уравновесить противостоящие в известной мере друг другу элементы — Гарди и Бёрнса. Грехем мог бы действовать подобно некоторым химическим веществам и вызвать соединение обоих политических элементов, которое, как и химическое соединение, не обязательно обладало бы свойствами того или другого из его компонентов, за исключением его абсолютного веса. Г-да Чемпион и Кейр Гарди, насколько мне известно, были у Энгельса всего лишь по одному разу. В числе англичан следует еще упомянуть старого чартиста Джорджа Джулиана Гарни, который, несмотря на его избитые каламбуры, был одним из самых старых и близких друзей Энгельса. Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что я лишь пытаюсь перечислить постоянных посетителей дома № 122 за последние 12 лет, которые, говоря в общем, приходили так регулярно, как только могли.

За неимением времени и места я не упоминаю тех случайных социалистов, если их можно так назвать, которые во время своих мимолетных приездов в Англию приходили повидать Энгельса. Надо иметь в виду, что он принимал не только выдающихся деятелей — каждый солдат нашей армии был желанным гостем в доме «Генерала».

В то же время не следует думать, что гостеприимство и дружба «Генерала» в какой бы то ни было мере распространялись одинаково на всех. Он не принял бы и не принимал того, кому не доверял. Я помню, например, случай, когда кто-то пришел к нему с какой-то иностранной делегацией и Энгельс без всяких церемоний указал им на дверь.

II

Разумеется, здесь нет надобности подробно упоминать о таких лицах, как дочери Маркса, и об их мужьях — Поле Лафарге и авторе этой статьи; затем о Самюэле Муре, старом, испытанном и надежном друге обоих авторов «Манифеста Коммунистической партии», и, наконец, о Карле Шорлеммере.

Вряд ли найдется хоть один среди перечисленных мной людей, который не согласился бы со мной, что Энгельс оказывал самое благотворное влияние на всех окружающих. Одно его присутствие вдохновляло. Он обладал неустрашимым мужеством и оптимизмом. В то время как некоторые, более молодые, подчас впадали в отчаяние и уныние, этот несокрушимый борец никогда не падал духом, а постоянно ободрял слабых. Для тех из нас, кто в течение последних лет встречался с ним каждое воскресенье, а часто и по нескольку раз в неделю, утрата его совершенно невозполнима.

Это был человек, к которому можно было обратиться при всякого рода затруднениях и совету которого неизменно следовали. Свои энциклопедические познания он всегда предоставлял к услугам своих друзей. Даже специалисты в определенных областях науки находили, что Энгельс лучше их был знаком с этими областями. Так, в вопросах естествознания, о какой бы его отрасли или проблеме ни шла речь, Энгельс всегда мог подать новую идею, помочь справиться с трудностями.

Что касается политики — предмета, которым интересовались все его друзья, — то все они постоянно обращались к нему за руководством. Для него были ясны не только общие принципы, но и мельчайшие подробности экономического, исторического и политического развития любой страны.

Его знание английского движения, например, было необычайно глубоким и тонким. Англичанам не сле-

дует забывать, что Энгельс всегда присутствовал на интернациональной трибуне во время демонстраций Комитета за законодательное установление 8-часового рабочего дня и был участником всех демонстраций начиная с первой в 1890 г., пока в 1895 г. состояние его здоровья уже не позволило ему прийти.

До конца жизни Энгельс интересовался современной политикой и изучал ее. Его оценка японо-китайской войны ¹⁸⁵ была так же проницательна и дальновидна, как и оценка им других событий последних нескольких лет. Этот его критический анализ был прямо-таки поразителен по своей глубине и удивительному пониманию всей обстановки и умению ориентироваться в ней; его осторожные предсказания политических событий сбывались с исключительной точностью.

Последней политической беседой Энгельса была его беседа с женой автора этих строк по ее возвращении из Ноттингема 28 июля (он умер 5 августа). Она рассказала ему о деятельности Независимой рабочей партии ¹⁸⁶ в Ноттингеме. Он тогда уже не был в состоянии говорить, но при помощи аспидной доски и грифеля вел оживленную и чрезвычайно интересную беседу, задавая глубокие вопросы, вникая в существо дела.

Энгельс умел глубоко ненавидеть, как это свойственно людям, способным глубоко любить. Временами, когда делалось что-нибудь, по его мнению, неправильное, он выходил из себя от возмущения, но обычно этот его гнев шел на пользу.

Как это ни странно, может быть, звучит, но в некоторых отношениях Энгельс был консервативен. Он был человеком привычек. Он любил, чтобы определенные вещи ежедневно выполнялись одинаково и в одно и то же время.

Нет слов, чтобы описать то огромное доверие, которое внушал людям Энгельс, цельность его натуры, его необычайную точность и пунктуальность — качества, которые он наилучшим образом проявлял в своих политических и общественных отношениях с людьми.

Вера Засулич как-то сказала, что ее не раз удерживала от плохого поступка или слова одна мысль: «А что подумает об этом Генерал?»

Трудно представить себе более ясный и светлый ум. Какого бы вопроса ни касался Энгельс, он как бы озарял

его ярким светом. Вы начинали видеть то, чего прежде не замечали, и с большей четкостью видели то, на что уже раньше обратили внимание. «Nihil tetigit quod non ignavit» *, — писал Джонсон об Оливере Голдсмите. Относительно Энгельса его друзья могут сказать: «К чему бы он ни прикасался, он все озарял светом». И его стиль отличался ясностью, блеском и остротой независимо от того, писал ли он по-немецки или по-английски, что особенно редко для немца...

Помимо этих замечательных качеств Энгельс обладал еще редкостным и спасительным даром юмора. Ему доставляла удовольствие шутка на любом языке. Он был самым веселым собеседником. В эти незабываемые воскресенья разговоры, естественно, вращались главным образом вокруг вопросов политических и партийных. Мы все собирались у Энгельса, чтобы чему-нибудь научиться. Но много было и веселых, легких разговоров, которые сопровождались порой громким и неудержимым смехом. Когда гостей бывало немного, Энгельс очень любил играть в карты на фишки по «высокой» цене — полпенса за дюжину; он с таким увлечением отдавался игре в «марьяж» или «наполеон», как будто от этого зависела судьба народов. Удовольствие, с которым он почти до самого последнего времени пил пиво и курил сигары, или (и это вновь говорит о бескорыстной натуре этого человека) удовольствие, с которым он наблюдал, как это делают другие, когда сам уже не мог больше ни пить, ни курить, — свидетельство либерального или, лучше сказать, социалистического воспитания.

Большим событием для нас бывали вечера по поводу выборов в Германии. По этому случаю Энгельс закупал большой бочонок особого немецкого пива, готовил специальный ужин, приглашал самых близких друзей. Из всех частей Германии до поздней ночи прибывали телеграммы; «Генерал» вскрывал каждую телеграмму и оглашал ее содержание. И если в ней сообщалось о победе, мы пили; если же о поражении — то тоже пили.

Как я уже упоминал, в 1888 г. мы совершили с Энгельсом и Шорлеммером поездку в Соединенные Штаты Америки и в Канаду. Энгельс был среди нас самым молодым по духу. На борту парохода он предпочитал пе-

* — «К чему бы он ни прикасался, он все украшал». Ред.

репрыгивать через сиденья, чем обходить их. Он никогда не раздражался, как это бывает с обычными путешественниками, за исключением двух случаев: когда он до завтрака (своего завтрака) насчитал шестьдесят восемь укусов moskitов и когда наш багаж очутился в Нью-Йорке, а мы в Бостоне. Каждое утро ровно в 11 часов мы торжественно отправлялись на Fröhshoppen (утренняя торговля немецким пивом), и он радовался, если ему удавалось уговорить Шорлеммера или одного из нас, более молодых, выпить сразу по четыре кружки пива.

В Истборне во время последней болезни Энгельса, несмотря на сильные боли и слабость, у него бывали вспышки прежней жизнерадостности и веселья. До своего последнего часа он ни на минуту не переставал заботиться и думать о других. Здесь не место говорить о его доброте и великодушии. Каждый из его друзей, подумав в глубине души об этих его беспримерных доброте и сердечности, найдет достаточно материала для размышления.

Я знаю: читатели «Labour Prophet» поймут и проявят снисходительность, если в интересах исторической правды придется сказать, что Энгельс был атеистом. Он абсолютно не нуждался в боге, и поэтому все свои надежды возлагал на этот мир. Он не питал ни малейшей симпатии к рабочей церкви¹⁸⁷ и видел в ней тормоз на пути движения, тормоз, возможный, конечно, только в нашей стране. Социализм как наука был для него полностью за пределами всяких спекулятивных рассуждений. Христианин ли данный человек или атеист — это не имело ровно никакого отношения к его социалистическим убеждениям. Энгельс считал, естественно, что христианский социализм содержит противоречие в самом названии и со всей решительностью заявлял, что у христиан не больше права наклеивать их социализму ограничивающий «ярлык», чем у нас позволять себе говорить об атеистическом социализме.

Жизнь Энгельса была прекрасна. И он любил жизнь. Мне иногда думается, что он мог бы сказать заодно с Сократом: «Если разум окончательно угаснет и смерть будет лишь глубоким сном без сновидений, в который мы погрузимся на время, то какой желанной была бы

тогда смерть». Обладая такими знаниями, с сознанием того, что он выполнил дело своей жизни, будучи уверенным в будущем всего движения, имея такую армию друзей, среди которых Маркс, конечно, был для него альфой и омегой, другом на всю жизнь, Энгельс при своей безмерной жизнерадостности больше чем кто бы то ни был имел полное основание любить жизнь и быть к ней привязанным. Это, конечно, не означает, что он испытывал хотя бы малейший страх смерти. Каждый, кто его знал, отдал бы все, что имел, за такую насыщенную жизнь.

Английский народ должен помнить, что всемирно-историческая деятельность Маркса и Энгельса протекала главным образом в нашей небольшой стране и что оба они умерли здесь. Это более высокая честь, чем та, которую могут дать могилы и мавзолеи всех королей и всех завоевателей мира. Настанет время, когда наиболее посещаемыми местами погребения будет могила в Хайгете и простое маленькое здание среди сосен в Уокинге ¹⁸⁸.

Впервые опубликовано в журнале
«The Labour Prophet
and Labour Church Record»,
London, 1895, vol. IV, N 45, 46

Печатается по тексту журнала
Перевод с английского

II

Вильгельм Либкнехт

Август Бебель

Фридрих Лесснер

Фридрих Адольф Зорге

Франц Меринг

Из воспоминаний о Марксе ¹⁸⁹

ВВЕДЕНИЕ

Лучшее — враг хорошего, — гласит старая избитая фраза, но подобно большинству избитых фраз она все же содержит долю истины, которая, надеюсь, послужит известным оправданием для написанного ниже.

Сотни раз ко мне обращались с просьбами написать что-нибудь о *Марксе* и о моих личных отношениях к нему; я всегда отклонял эти просьбы. Отклонял я их, как бы это сказать, из чувства известного благоговения, или, вернее говоря, из чувства глубокого уважения к памяти Маркса. *Noblesse oblige* *. А рассказать о таком человеке, как *Маркс*, значит взять на себя нелегкую задачу. *Сумел ли я воздать ему должное?* Было ли у меня для этого достаточно способностей и времени? Постоянно растущая занятость вынуждала меня к спешке, к работе урывками. А в таком труде, где речь идет о *Марксе*, неряшливость и небрежность были бы оскорбительным неуважением к его памяти.

Однако меня упрасивали все больше и больше; мне не без оснований возражали, что и бегло набросанный очерк вовсе не должен быть непременно небрежным и неряшливым; мне говорили, что я могу сказать по поводу Маркса и о *Марксе* много такого, что не может сказать никто другой. А ведь все, что делает образ Маркса более близким для наших рабочих, для нашей партии, имеет огромную ценность. И если стоишь перед выбором: дать несовершенную публикацию (а это единственное, на что я способен) или вообще отказаться от публикации того, что я в состоянии сказать, то предпочтительнее все же первое — из двух зол следует выбирать меньшее.

В конце концов я и сам пришел к такому заключению. Тем временем скончался и *Энгельс*, а в его лице

* — Положение обязывает. *Ред.*

ушел из жизни единственный человек, который в период лондонской эмиграции и до начала 60-х гг. общался с Марксом как с человеком и с его семьей почти — но только почти — так же часто и тесно, как я.

Ибо с лета 1850 г. вплоть до начала 1862 г., когда я возвратился в Германию, я бывал в доме Маркса почти ежедневно, и многие годы подряд проводил там целые дни, так что сделался как бы членом его семьи. Кроме меня там бывали и многие другие.

Само собой разумеется, дом Маркса — до его переселения в коттедж на Мейтленд-парк-род¹⁷⁰ — это была скромная квартирка под самой крышей на Дин-стрит, Сохо-сквер, голубятня, куда слеталось и откуда вылетало множество всякого странствующего, беглого и эмигрантского люда; бывали и мелкие сошки, и дичь покрупнее, и совсем важные птицы.

А кроме того, дом этот был естественным центральным пунктом и для товарищей, осевших в Лондоне. Впрочем, тот, кто хотел осесть в Лондоне, встречался со своими трудностями, и большую часть эмигрантов голод гнал в провинцию или в Америку, — разумеется, только в том случае, если бедняга-изгнанник не совершал более короткого странствования и обретал не оседлость, а вечное успокоение на одном из лондонских кладбищ.

Что касается меня, то я выдержал и, если не считать верных Лесснера и Лохнера — они, правда, могли лишь значительно реже посещать Маркса — был единственным из лондонской «общины», кто в течение всего этого времени, с одним только коротким перерывом, о котором будет рассказано в этом очерке, как свой человек посещал дом Мавра — так мы называли Маркса. Поэтому я мог узнать и увидеть много такого, что ускользнуло от взоров других.

Маркс как ученый, редактор «Rheinische Zeitung», один из основателей «Deutsch-Französische Jahrbücher», один из создателей «Коммунистического Манифеста», редактор «Neue Rheinische Zeitung», создатель «Капитала», — этот Маркс является достоянием общности; он стоит перед всем миром как мишень для критики, вызывая огонь критики на себя, не утаивая и единой морщинки от подозрительно всматривающихся взоров. Если бы я собирался писать об этом

Марксе, я, конечно, оказался бы дерзким глупцом, так как в короткие минуты, оторванные и утаенные мной от неизбежной повседневной работы, я этого сделать не мог. Такая работа требует научного углубленного анализа, а откуда же взял бы я нужное для этого время?

Однажды мною овладела сладостная иллюзия — я чуть было не сказал безумие, — будто в жизни можно сочетать науку и борьбу, и я стал строить грандиозные планы. Но вскоре я убедился, что нельзя служить двум господам, а равно и двум господам, *политика* же очень требовательная госпожа, которая не терпит рядом с собой других богов. Мне пришлось выбирать: или — или, и прекрасные планы растаяли как мираж. А выбор оказался самым трудным из всего, с чем мне довелось сталкиваться в жизни! И поныне у меня бывают минуты раскаяния.

И Марксу тоже пришлось сделать выбор. Это было после падения *Коммуны*: вызванное им к жизни *Международное Товарищество Рабочих* отнимало у него столько сил, что от этого страдала научная работа. О завершении своего главного труда, труда всей своей жизни *, он не мог и помышлять, пока оставался в руководстве *Международного Товарищества Рабочих*. Ему надо было решиться, и он вышел из руководства *Международного Товарищества Рабочих*, которое к тому же в старой его форме уже выполнило свою миссию, но еще не могло принять тогда более широкой формы, объемлющей весь мир, какую оно имеет сейчас. Поскольку роспуск *Международного Товарищества Рабочих* выглядел бы как трусливое отступление и поскольку *Товариществу*, которому условия того времени не позволяли вести более широкую деятельность, грозила опасность превратиться в рассадник мелочных и низких интриг, то по решению Гаагского конгресса ⁷⁸ руководство им было в 1872 г. переведено в Северо-Американские Соединенные Штаты, где можно было не опасаться столь недостойных действий во вред высокой цели. Правда, я не совсем был доволен этим способом лечения, напоминающим методы д-ра Эйзенбарта (в это время я и Бебель сидели в Губертусбурге ¹⁹⁰), но

* — «Капитала». Ред.

впоследствии я убедился, что это решение было необходимостью для Маркса, а без Маркса-руководителя Международное Товарищество Рабочих не могло остаться в Европе.

Итак, Маркса-ученого и Маркса-политика я в этих заметках — исключая биографический очерк — самое большее, коснусь мимоходом. Образ этого Маркса ясен каждому; я попытаюсь обрисовать *Маркса-человека* таким, каким я его знал.

И пусть мне под силу сделать это лишь несовершенно, частями, отрывочно и наспех, все же, мне думается, это лучше, чем если бы я вообще ничего не сделал. И это дает мне мужество отказаться от мысли о том лучшем, которое я при всем желании не могу осуществить, и сделать то, что мне под силу. И даже если это не так уж хорошо, то все же лучше выполнить это, чем допустить, чтобы этот небольшой штрих к портрету Маркса остался навсегда погребенным у меня в памяти.

Да и, в конце концов, разве я не выполняю тем самым свой долг?

* * *

Маркс — человек науки; второго такого, кроме Дарвина, наше столетие не выдвинуло. Он пользуется славой — и славой поистине вполне заслуженной — великого ученого. Его главные труды написаны так, что для полного их понимания нужно тренированное мышление, каким масса рабочих в настоящее время еще не обладает и не может обладать. Таким образом, Маркс, принимая во внимание также, что он мало непосредственно общался с *массами*, стоит для народа на такой высоте, которая *отдаляет его как личность*. Пролетарии всех стран, освобождению которых он посвятил свою жизнь и которых он снабдил таким оружием, как *революционное самосознание*, знают его почти исключительно как человека науки, как автора «Коммунистического Манифеста» и основателя Международного Товарищества Рабочих. О его частной жизни, о нем, как о личности, как о человеке, они не знают почти ничего. До сих пор о Марксе как человеке высказывались почти исключительно противники и, следуя единому шаблону,

изображали его бессердечным, расчетливо холодным, высокомерно взирающим с заоблачных высот своего презрения к миру и человечеству на простой люд, который, мол, служит лишь подножием для его честолюбия.

Насколько же совершенно иным был этот человек! И приблизить его к народу, нарисовав его *таким, каким он был*, как человека, среди друзей, в кругу семьи с женой и детьми, показать, наряду с великим умом, это *великое сердце*, которое так горячо билось ради всего человеческого, ради всего, что носит человеческий облик,— это поистине акт справедливости и одновременно полезное дело. Я не Босуэлл, который после каждого визита к своему кумиру Джонсону записывал по возвращении домой всякое его слово, всякий жест. У меня никогда не было кумира. К счастью, я так рано и так близко узнал великих людей, что очень рано лишился веры в кумиры и богов в человеческом облике. Маркс также никогда не был для меня кумиром, хотя из всех людей, с которыми меня сводила жизнь, он единственный, кто внушал мне огромное уважение.

Но ведь я общался с ним более десяти лет в богатое событиями время и в том возрасте, когда наши впечатления особенно глубоки и прочны. Я был его учеником в узком и более широком смысле слова, я был его другом и доверенным лицом. И после своего возвращения на родину из Англии я поддерживал постоянную тесную связь с ним и его близкими. И его образ, запавший мне в душу, остается таким ярким и свежим, что я вправе надеяться, что при переносе на бумагу сходство и жизненность не слишком пострадают. И если поговорку «Терпение и труд все перетрут» можно отнести и к *рассказчику*, тогда я *должен* преуспеть в своем намерении. Правда, тут еще это проклятое *noblesse oblige!* * Воздать должно *такому* человеку!

Но прочь сомнения. Пусть меня больше не терзает тревожная мысль, что другой сделал бы это лучше, что, возможно, я и сам мог бы сделать это лучше. Прочь все это. И за дело! ¹⁹¹ [...]

* — положение обязывает! Ред.

ВОСПОМИНАНИЯ

О том, как я познакомился с Марксом, я уже рассказал больше года назад в небольшой заметке, написанной для «*Volksfeuilleton*» Фукса. Называлась она «Мучительные четверть часа». Там я писал:

«Моя дружба с двумя старшими дочерьми Маркса, бывшими в то время в возрасте 6 и 7 лет, началась спустя несколько дней после того, как я летом 1850 г. из Швейцарии, точнее из одной тюрьмы «свободной» Швейцарии, приехал с проходным свидетельством¹⁹² в кармане через Францию в Лондон. Я встретил семью Маркса на летнем празднике Коммунистического просветительного рабочего общества⁹⁴ — не помню, где именно, в Гринвиче или в Хэмптон-корте — в окрестностях Лондона. «Отец Маркс», которого я увидел впервые, тотчас же подверг меня строгому экзамену, пристально посмотрел мне в глаза и довольно подробно освидетельствовал мою голову — операция, к которой я был приучен своим другом Густавом Струве; последний, упорно сомневаясь в моих «нравственных устоях», с особым пристрастием сделал меня жертвой своих френологических изысканий¹⁸². Впрочем, экзамен сошел благополучно, я выдержал взгляд этого человека с головой льва и иссиня-черной львиной гривой. Экзамен превратился в живую веселую беседу, и вскоре мы очутились в самом центре ликующей праздничной толпы — Маркс был при этом одним из самых оживленных, — где я тотчас же познакомился с г-жой Маркс, с Ленхен, верной ее помощницей с юных лет, и с детьми. Как-нибудь в другой раз, когда у меня будет больше времени, я подробнее расскажу о семье Маркса — это долг благодарности, который мне еще предстоит уплатить, и сверх того — долг по отношению к моим товарищам, которые вправе требовать, чтобы каждый, кто может внести новые штрихи к портрету несравненного Карла Маркса с его окружением, по возможности сделал это. Словом, с того дня я стал у Маркса своим человеком и бывал в его семье каждый день. Они жили тогда на Дин-стрит, одной из боковых улиц Оксфорд-стрит, а я устроился по соседству, на Чёрч-стрит. О Марксе я здесь не хочу вести речь.

Его жена имела на мое развитие почти такое же сильное влияние, как сам Маркс. Мне едва минуло три года, когда умерла моя мать, и я получил несколько суровое воспитание. Я не привык к женскому обществу. А здесь я встретил прекрасную, благородную и умную женщину, которая ко мне, одинокому, заброшенному на берега Темзы волонтеру, отнеслась, как мать и сестра. Знакомство с этой семьей спасло меня от полной гибели в годы эмигрантской нищеты — в этом я глубоко убежден!»

Первая моя продолжительная беседа с Марксом состоялась на следующий день после нашей встречи на вышеупомянутом загородном празднике Коммунистического просветительного рабочего общества. Там, конечно, не было возможности серьёзно разговаривать, и Маркс пригласил меня на следующий день в помещение Общества, куда, по-видимому, должен был прийти и Энгельс.

Я явился несколько ранее условленного часа; Маркса еще не было, но я встретил несколько старых знакомых и увлекся оживленной беседой с ними, когда Маркс, хлопнув меня по плечу, дружески со мной поздоровался и сказал, что Энгельс внизу, в «Private Parlour» *, где нам будет спокойнее.

Я не знал, что такое «Private Parlour», и мне почудилось, что сейчас именно и начнется «главный» экзамен; однако я доверчиво последовал за Марксом. Маркс, который произвел на меня такое же симпатичное впечатление, как и накануне, обладал способностью внушать доверие. Подхватив меня под руку, он повел меня в «Private Parlour», то есть в личную комнату хозяйна, — а может, то была хозяйка? — где Энгельс, уже запасшийся оловянной кружкой крепкого портера, встретил меня веселыми шутками.

Мигом мы заказали Эми (или «Эмме», как эмигранты перекрестили ее по созвучию имен на немецкий лад **), проворной кельнерше (вскоре я познакомился с ней ближе: она вышла замуж за одного из моих товарищей из беккеровского корпуса ¹⁹³) «материал» для выпивки, а также для еды — у нас, эмигрантов, желудочный вопрос играл важную роль, — мигом появилось

* — отдельном кабинете. Ред.

** Ату произносится Эми. (Прим. авт.)

пиво, и мы уселись — я по одну сторону стола, а Маркс и Энгельс против меня. Массивный стол из красного дерева, блестящие оловянные кружки, пенящийся портер, предвкушение настоящего английского бифштекса с гарниром, длинные глиняные трубки, так и манящие закурить, — все это создало такую уютную обстановку, что я живо вспомнил картину из английских иллюстраций к «Бозу»*. Но экзамен все-таки предстоял! Ну, что ж, как-нибудь выкарабкаюсь! Разговор оживлялся все больше.

Вскоре я заметил, что мои экзаменаторы уже осведомлены обо мне. Большая статья об июньском сражении, которую я написал в Мутенце для геккеровского «Volksfreund» летом 1848 г. под свежим впечатлением трагедии, ставшей историческим поворотным пунктом, была прочитана Марксом и Энгельсом и привлекла их внимание ко мне.

До моей встречи с Энгельсом в Женеве за год до этого мне ни с ним, ни с Марксом не приходилось общаться лично. Из трудов Маркса я читал только его статьи в парижском «Jahrbücher» и «Нищету философии», а из сочинений Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии». «Коммунистический Манифест» я, будучи коммунистом с 1846 г., достал лишь незадолго до моей встречи с Энгельсом после кампании за имперскую конституцию, хотя я, конечно, слышал о нем и раньше и знал его содержание. «Neue Rheinische Zeitung» мне удавалось видеть лишь изредка: в течение 11 месяцев ее существования я находился либо за границей, либо в тюрьме, либо в хаотических условиях бурной жизни волонтера.

Оба мои экзаменатора подозревали меня в мелкобуржуазном «демократизме» и «южногерманской сентиментальности». Многие из моих суждений о людях и вещах подверглись очень резкой критике. Все же мне удалось отвести от себя подозрение. Достаточно было рассказать, какие отношения сложились у меня в Бадене с буржуазной демократией, как Брентано после второго выступления («путч Струве»¹⁹⁴) отказался после весьма резкой перепалки защищать меня в суде присяжных (я был вызван туда по обвинению в государ-

* — Чарлзу Диккенсу. Ред.

ственной измене и других преступлениях), поскольку я не захотел отречься от своих коммунистических убеждений; как тот же Брентано два месяца спустя, в разгар восстания, отправил меня в Раштатский каземат по обвинению в подготовке покушения на него и как его друг Геккер резко порицал его задним числом за то, что он не приказал расстрелять меня на месте по приговору военно-полевого суда.

В общем экзамен сошел довольно благополучно, а разговор постепенно принял другое направление.

Вскоре у нас зашла речь об *естествознании*, и Маркс издевался над победоносной реакцией в Европе, которая воображает, что революция задушена, и не догадывается, что естествознание prepares новую революцию. Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, окончилось; на его место встанет неизмеримо более революционная сила — *электрическая искра*. Тут Маркс с необычайным воодушевлением рассказал мне, что несколько дней назад на Риджент-стрит была выставлена модель электрической машины, везущей железнодорожный поезд:

«Теперь проблема решена, и последствия этого факта не поддаются учету. Необходимым следствием экономической революции будет революция политическая, так как вторая является лишь выражением первой».

В том, как Маркс говорил об этом достижении науки и механики, выступило с такой ясностью все его мировоззрение, особенно то, что впоследствии получило название *материалистического понимания истории*, что немногие сомнения, еще оставшиеся у меня, исчезли, как снег под лучами весеннего солнца.

В тот вечер я не попал домой — мы говорили, смеялись и пили до самого утра, и солнце стояло уже высоко на небе, когда я улегся в постель. Но долго я не пролежал, мне не спалось. Голова была слишком полна всем тем, что я слышал; неутомимый рой мыслей выгнал меня опять на улицу.

Я поспешил на Риджент-стрит, чтобы посмотреть модель этого современного троянского коня, которого буржуазное общество в самоубийственном ослеплении, ликуя, как некогда троянцы и троянки, вводило в свой Илион и который нес ему с собой верную гибель.

Essetai haemar — день придет, и погибнет священная Троя!

По густой толпе народа я узнал витрину, в которой выставлена была модель. Я протискался вперед, и действительно — за стеклом проворно бегал локомотив с вагонами...

Это было в 1850 г., в начале июля. А ныне у нас 1896 г. — начало апреля. Прошло 45 с половиной лет, а по сию пору нет ни одного железнодорожного поезда, который тянула бы электрическая машина. Некоторое количество трамваев и то небольшое, что еще делается при посредстве электричества, взятое в целом, по-видимому, мало о чем говорит. И несмотря на все эпохальные открытия, пройдет еще некоторое время, прежде чем полностью укрощенная молния позволит человеку надеть на себя трудовое ярмо и свергнет его величество пар с его трона. Революции не совершаются по мановению руки. Так устраиваются лишь политические зрелища, кои блаженная слепая вера именует революциями. Тот же, кто берется *предсказывать* революции, неизменно ошибается в сроках.

Если Маркс и был пророком, прозорливо глядевшим в будущее и видевшим гораздо больше обыкновенных людей, то прорицателем он никогда не был, и когда господ Кинкель, Ледрю-Роллен и прочие делатели революций *in partibus* * в каждом обращении к своим народам провозглашали свое вечное «завтра начнется!», то никто не высмеивал их так беспощадно, как Маркс.

Только в связи с «*торговыми кризисами*» он разок другой стал жертвой демона прорицательства и был основательно высмеян нами, что его не на шутку рассердило. Впрочем, в главном он был прав. Предсказанные торговые кризисы наступили — только не в заранее определенные сроки. И сам же Маркс с исключительной научной глубиной раскрыл причины, обусловившие эти задержки.

Упомянем, кстати, что в знаменитом стихотворном послании *Фрейлиграта* Вейдемейеру строки, направлен-

* — *in partibus infidelium* — вне реальной действительности, за границей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

ные против пророков революции, были почти дословно подсказаны Марксом¹⁹⁵. Это случилось однажды вечером, когда мы сидели вместе с «Тиртеем» «*Neue Rheinische Zeitung*»¹⁹⁶, который очень чутко прислушивался к полезным замечаниям и почти тут же занес слова Маркса в свою записную книжку.

Никто лучше Маркса не сознавал всей мощи и живучести буржуазного общества. И именно в Англии это ощущалось с особой силой. Здесь развитие буржуазного общества совершалось в наиболее чистом, можно сказать, поистине классическом виде, и хотя оно разделилось не со всеми прежними формами, но, по существу, основательнейшим образом преодолело и отбросило все наслоения предшествующих столетий и общественных формаций.

Метящий в немецкие государственные деятели господин фон Беннигсен не так давно изрек в германском рейхстаге следующую мудрость: *армия* — надежнейшая опора буржуазного общества. Живи этот человек в Англии или имей он хоть малейшее понятие об английских условиях, он бы воздержался от подобного рода казарменных перлов. У Англии нет армии, а буржуазное общество зиждется там на фундаменте столь прочном по своему материалу и структуре, что в сравнении с ним *Rocher de bronze** милитаризма представляет собой источенную червями прогнившую рухлядь. Наоборот, этот *Rocher de bronze* с его средневековым абсолютистским хламом, которому он служит опорой,— это груз на шее буржуазного общества, мешающий ему плыть и увлекающий его на дно, тогда как без этого балласта у него еще хватило бы силы долго держаться на поверхности. Нервозность немецкой буржуазии, которая ищет спасения у шарлатанов вроде князя Бисмарка и хватается, как за спасительную соломинку, за солдат, полицейских и юристов, чей девиз «*Si duo faciunt idem non est idem*»**, — служит безошибочным доказательством того, что в Германии общество более не верит в себя;

* — бронзовый утес. Ред.

** «Если двое делают одно и то же, то получается не одно и то же» — известное изречение, заменившее собой устаревший и по контрасту с действительностью возбуждающе действующий принцип «*Justitia fundamentum regnorum*» — «справедливость — основа государства». (Прим. авт.)

и если оно в своем отчаянии еще умножает груз, который тянет его в пропасть, то это напоминает безотчетные усилия тонущего, который именно из-за этих усилий теряет последние шансы на спасение и ускоряет свою гибель.

* * *

Рассказав здесь, как я познакомился с Марксом, я хочу тут же поведать и о том, как с ним не познакомился, — то есть, как я упустил возможность познакомиться с ним, когда, подгоняемый железной метлой революции, я оказался совсем близко от него.

Я едва не встретился с Марксом уже в феврале 1848 г., сразу после февральских событий. Нас разделяло всего несколько сот шагов, а я об этом и не подозревал. Получив известие о том, что в Париже начались уличные бои, я поспешил туда из Швейцарии — из Цюриха. Юлиус Фрёбель рекомендовал меня Гервегу, которого я быстро разыскал. «Железный жаворонок» занимался вооружением немецкого легиона, и так как идея перенесения республики из Франции в Германию казалась моему 22-летнему разуму столь же заманчивой, как и выполнимой, то я легко дал себя вовлечь в эту авантюру⁷⁰. Я попался на удочку, но нашелся человек куда более умный, который сумел разглядеть и то, что происходило за кулисами событий. Он прилагал всемерные усилия, дабы предотвратить подобное безумие. Ибо он понимал, что план организации «иностраных легионов», которые должны были перенести революцию за границу, исходил от французских буржуазных республиканцев и что «движение» было создано искусственно с двойной целью: избавиться от беспокойных элементов и сбить с рук иностранных рабочих, конкуренция которых была вдвойне чувствительной в период тяжелого экономического кризиса. Этим человеком был Маркс, о присутствии которого я, захваченный водоворотом волнующих событий, так и не узнал. Да если бы об этом и узнал, то Гервег не пожалел бы усилий, чтобы не допустить моей встречи с ним. Словом, я не встретился с Марксом — в противном случае он, несомненно, привлек бы меня тогда на свою сторону. Вместо того чтобы отправиться в Южную Германию, я оказался бы, вероятно, в Рейнской Пруссии и, может быть, в редакции «Neue Rheinische Zeitung». Но этому

не суждено было случиться, и мы встретились впервые спустя два с лишним года.

Не довелось мне повидать тогда в Париже и еще одного человека, с которым позднее я уже не мог встретиться. И *его*-то я не встретил, хотя знал, что он в Париже. Я имею в виду *Генриха Гейне*. Я восхищался его стихами, но два факта — то, что он получал пособие от Луи-Филиппа, и то, что он писал для аугсбургской «Allgemeine Zeitung», — были в моих глазах, еще смотревших на мир сквозь розовые очки гражданственной революционной романтики, таким тяжким преступлением, что я не мог решиться посетить «наемника реакции». И как же я потом раскаивался! Это была упущенная возможность, которая больше не представилась. А по иронии судьбы я сам впоследствии стал корреспондентом аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

О ВОСПИТАНИИ И ПРОЧЕМ.

МАРКС КАК УЧИТЕЛЬ

Маркс старался увериться в достоинствах близких к нему людей. Он, правда, не был таким ярким приверженцем френологии¹⁸², как Густав Струве, но все же верил в нее, и когда судьба впервые свела меня с ним, о чем я уже раньше рассказывал, он проэкзаменовал меня не только с помощью вопросов, но и при посредстве пальцев, которыми он с ловкостью знатока ощупал мою голову. Позже он устроил осмотр по всем правилам, который проводил френолог партии, наш славный художник *Карл Пфендер*, один из «стариков», основавших *Союз коммунистов* и присутствовавших на том памятном собрании, на рассмотрение которого был предложен «*Коммунистический Манифест*» и которое обсудило и приняло его по всей форме. При этом произошел забавный инцидент. Один из «стариков» Коммунистического просветительного общества⁹⁴ рабочих был в полном восторге от «Манифеста», прочитанного Марксом с огромным подъемом, — наподобие того, как Шиллер в свое время читал «Разбойников». Человек этот, как и другие, был увлечен, аплодировал и во весь голос кричал «браво!». Лишь тень задумчивости на его лице говорила о том, что что-то все же омрачает его радость.

Когда все стали расходиться, он отвел Пфендера в сторону и сказал: «Право же, это было превосходно, но одного я не понял: что Маркс имеет в виду под Achtblättler? «Achtblättler, Achtblättler», von Vierblättler — четырехлепестковым клевере я слышал, но что такое Achtblättler?». Пфендер был озадачен. В конце концов дело выяснилось. В молодости Маркс слегка заикался, к тому же в те времена он еще говорил на чистейшем рейнском диалекте. Оказалось, что таинственный Achtblättler, коего старый последователь Кабе принял за некую мистическую формулу, — это просто-напросто Arbeiter¹⁹⁷. Мы иной раз смеялись над этим недоразумением, которое тем не менее оказалось полезным для Маркса, так как с этих пор он старался избавиться от своего рейнского диалекта.

Итак, череп мой был официально исследован Карлом Пфендером, и при этом не обнаружилось ничего, что препятствовало бы моему допуску в святая святых Союза коммунистов. Экзамены, однако, не прекратились. Мавр, будучи старше нас всего на 5—6 лет, чувствовал за собой по отношению к нам, «молодым», все преимущества зрелого возраста и пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня. При его колоссальной начитанности и баснословной памяти кое-кому из нас приходилось солоно. Как он радовался всякий раз, когда, задав какому-нибудь «студенту» щекотливый вопрос, он на нем in cogroge vivo * доказывал всю ничтожность наших университетов и нашего высшего образования.

Но он и воспитывал, воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двояком смысле — и в более узком, и в более широком: он был моим учителем. И это относилось ко всем областям. О политической экономии я уж не говорю — в папском дворце не говорят о папе. О его лекциях по политической экономии в Коммунистическом обществе я скажу ниже. Старые и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля или Эсхила, в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю... испанского

* — на брэнном теле. Ред.

языка! Мигом извлек он из груди книг «Дон Кихота» и тут же дал мне урок. Из сравнительной грамматики романских языков Дица¹⁹⁸ я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством Мавра и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался и спотыкался. И как терпелив был он в преподавании — он, обычно такой бурно нетерпеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку. Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из «Дон Кихота» или другой испанской книги до тех пор, пока моя квалификация не показалась ему достаточной.

Маркс был замечательным филологом — правда, знал больше новые, чем древние языки. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Grimm — в той мере, в какой он был готов, — разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз, — с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для «New-York Daily Tribune» написаны на классическом английском языке, его «Нищета философии», направленная против прудоновской «Философии нищеты»¹⁴⁹, — на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, внес в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понимал существо языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему легко. В Лондоне он изучал также русский язык, а во время Крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не удалось осуществить. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память — а Маркс обладал редкой памятью, никогда ничего не упускавшей, — тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого практически применять язык уже нетрудно.

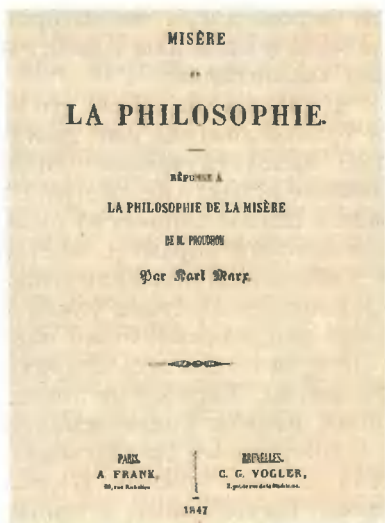
* * *

В 1850 и 1851 гг. Маркс прочел курс лекций по политической экономии. Он лишь неохотно пошел на это;

Обложка первого издания работы
К. Маркса «Нищета философии»

но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он, по нашему настоянию, согласился наконец выступить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем, имевшим счастье их прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже развил в основных чертах свою систему, какой она предстанет перед нами в «Капитале». В переполненном зале Коммунистического общества, или «Коммунистического просветительного рабочего общества», помещавшегося в те времена еще на Грет Уиндмилл-стрит, в том же зале, где двумя с половиной годами ранее был принят «Коммунистический Манифест», Маркс обнаружил замечательный талант популяризатора. Маркс, как никто другой, был ярким противником вульгаризации, то есть фальсификации, опошления и принижения науки; но никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражать свою мысль. Ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму.

Маркс преподавал методически; он произносил фразу возможно короче и затем разъяснял ее более пространно, старательно избегая всех непонятных рабочим выражений. Затем он предлагал слушателям

задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать и делал это с таким педагогическим искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно недоразумение. Когда я однажды высказал изумление по поводу этого искусства, мне сказали, что Маркс читал лекции по политической экономии еще в Немецком рабочем обществе в Брюсселе⁶³. Во всяком случае он обладал всеми данными превосходного преподавателя. Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы, — между прочим, и всем нам известные формулы с первых страниц «Капитала».

Чрезвычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше. В Коммунистическое просветительное общество проникли элементы, бывшие Марксу не по душе. После того как волна эмиграции спала, Общество сузилось и приняло несколько сектантский характер — старые сторонники Вейтлинга и Кабе снова подняли голову, и Маркс, которого не удовлетворяла столь узкая сфера деятельности и которому необходимо было заниматься чем-то поважнее, а не просто сметать старую паутину, отошел от этого Общества. Я все же не последовал его примеру и считал своим долгом поддерживать связь с единственной немецкой рабочей организацией в Лондоне. Я уже в 1847—1848 гг. был членом Цюрихского немецкого рабочего союза; быть может, я принес ему мало пользы — ведь только бесчестный человек дает больше, чем он в состоянии дать, — зато мне Союз был очень полезен. Так же я рассматривал и лондонское Коммунистическое общество как Просветительное рабочее общество для меня самого; так оно в действительности и называлось. Я чувствовал, что мне нужно узнать многое, чему я мог научиться лишь в общении с рабочими, и хотя я также предпочел бы более широкую арену деятельности, но довольствовался и малой, коль скоро другой не имелось. И мне не пришлось в этом раскаяться. Кроме примерно одного года, когда этому препятствовали политические разногласия, я до самого своего отъезда из Лондона состоял в Коммунистическом обществе, читал там лекции, преподавал немецкий, английский и французский языки, а также другие предметы.

Общество даже послужило поводом для конфликта

с Марксом. Как ни высоко он стоял в моих глазах, как ни любил я его, но непогрешимости ведь не существует, и если в случае разногласий я не считал себя неправым, то ничье мнение не могло заставить меня пойти на попятный. Сам Маркс был — разумеется, в рамках коммунистического мировоззрения — на редкость терпимым человеком. Он мог терпеть возражения и хотя нередко приходил в ярость, зато потом даже радовался, если встречал энергичный отпор. Но люди, бывшие большими «марксистами», чем сам Маркс, который сам вовсе не хотел быть «марксианином» и вечно подшучивал над таковыми, устроили против меня травлю. В один прекрасный день меня обвинили в том, что своей деятельностью в лондонском Коммунистическом обществе я нарушил наши принципы, сделал тактически и теоретически неприемлемые уступки сектантам вейтлингианского и иного толка, хотел противопоставить ортодоксальности Союза коммунистов нечто неортодоксальное и, попытавшись играть в известной мере роль «посредника» между чистым коммунистическим учением и практикой, в частности между Марксом и рабочими, уклонился с правильного пути. Поднялись яростные споры. Маркс решительно возражал против «посреднической деятельности». Мол, если ему будет нужно что-то сказать рабочим, он может сказать это и сам. Против этого я, понятно, не спорил, но я отстаивал свое право служить партии так, как мне представлялось наиболее целесообразным, и назвал безумной тактику, когда рабочая партия хочет укрыться в воздушном замке теории, поставив себя над рабочими. Без рабочих не может быть и рабочей партии, и нам следовало бы брать рабочих такими, какие они есть. Как видим, это был спор, который повторился и впоследствии. Из-за личных нападок пустяковая размолвка была раздута в конфликт, и я остался в меньшинстве. Это меня ожесточило, и в течение нескольких месяцев я избегал заходить к Марксу. Но в один прекрасный день его дети встретили меня на улице. Они пожурили меня за то, что я так долго не приходил, сказали, что мама очень на меня сердита, и я пошел с ними, и был принят, как всегда; сам Маркс, вначале хранивший суровый вид, когда я подошел к нему, засмеялся и протянул мне руку. И о той ссоре больше речи не заходило.

Я сотни раз спорил с Марксом, но ссорился с ним лишь дважды. Первый раз тогда. Второй же раз более двадцати лет спустя. И, что поразительно,— в сущности, по тому же самому поводу. Это было в 1874 г. Потребность в единстве между лассальянцами и «честными» одинаково сильно ощущалась обеими сторонами, а политическая обстановка делала единство необходимою. Однако надо было считаться с предубеждениями, и поэтому в выработанной нами объединительной программе нам пришлось пойти на ряд уступок. Маркс, который не мог со стороны так хорошо знать положение, как знали его мы в Германии, не хотел и слышать о такого рода уступках, и после продолжительного обмена мнениями со мной было написано то знаменитое письмо, о котором так много говорилось несколько лет назад¹⁹⁹. Маркс долгое время был очень сердит на меня, но интересы движения в Германии не оставляли мне другого выбора. Если бы дело шло о том, чтобы пожертвовать принципом, то Маркс, конечно, был бы прав. Но ведь речь шла о временной уступке ради больших тактических преимуществ для партии. И нельзя же говорить о том, что жертвуешь принципом, раз эта жертва приносится *в интересах принципа*. Что я не ошибся в этом отношении, было блестяще доказано последующими событиями и достигнутым успехом. Разъяснение принципов проходило в объединенной партии так быстро и гладко, что если бы на время действия закона о социалистах¹⁵⁰ вопрос о программе не отодвинулся на задний план, то мы уже в конце 70-х гг. могли бы приступить к очищению программы, не встретив при этом существенных возражений. Но в тех условиях с этим пришлось подождать до начала 90-х гг.²⁰⁰

Маркс в конце концов тоже это осознал. Он был в восторге от того, как развивалось партийное движение в Германии, и незадолго до смерти сказал мне: «Я горжусь немецкими рабочими, они, несомненно, стоят во главе международного рабочего движения». Аналогично высказался и Энгельс, который, правда, дольше неприязненно относился к программе объединенной партии.

Маркс не был оратором,— это было противно его натуре. Впрочем, как мне рассказывали,— сам я вместе с Бебелем находился тогда в «крепости» Губертус-

бург¹⁹⁰ — он очень хорошо выступал в Гааге на последнем конгрессе Международного Товарищества Рабочих⁷⁸. Я лично никогда не слышал, чтобы он говорил речь, да и в течение того времени, что я находился с ним, такого случая ему не представлялось.

* * *

У Маркса якобы не было никакого «стиля» или, если и был, то очень плохой. Так говорят те, кто не знает, что такое стиль, — краснобаи и фразеры, которые не понимали Маркса, не способны его понять, не способны следовать за полетом его мысли на высочайшие вершины науки и страсти и в самые глубинные бездны человеческой нужды и отверженности.

Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона «стиль — это человек», то именно к Марксу. *Стиль Маркса — это Маркс*. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом добытые, ставшие ему дорогими теоретические выводы, лишь только он убеждался в их неправильности, должен был и в своих сочинениях показать себя таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, неспособный к притворству и к позе, он всегда был *самим собой* как в своих произведениях, так и в своей жизни. Правда, при такой многосторонней, всеобъемлющей, многогранной натуре и стиль не может быть таким однородным, однообразным или даже монотонным, как у менее сложных, менее универсальных натур. Маркс — творец «Капитала», Маркс — автор «Восемнадцатого брюмера» и Маркс — создатель «Господина Фогта» — три различных Маркса, и все-таки при всем различии это один Маркс, в этой тройственности все-таки есть единство — единство великой личности, которая разно проявляет себя в разных областях и все же всегда остается одной и той же. Конечно, стиль «Капитала» труден для понимания, но разве легок для понимания излагаемый предмет? Стиль — не только человек, он и *материал*, он должен приспособляться к предмету исследования. There is no royal road to science — в науке нет широкой столбовой дороги, тут каждый должен напрягаться и карабкаться сам, даже когда его ведет наилучший проводник. Жаловаться на

трудный, с трудом понимаемый или даже тяжеловесный стиль «Капитала» — значит только признать собственную леность мысли или неспособность к мышлению.

Можно ли сказать, что «Восемнадцатое брюмера» непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впивающаяся в тело? Разве непонятно копье, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в самое сердце? Слова «Восемнадцатого брюмера» — стрелы и копья, его стиль клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышающих словах, то именно в «Восемнадцатом брюмера», в котором соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте. Здесь стиль становится *stilus*, то есть тем, чем он первоначально был в руках римлян — острым стальным клинком, который пишет и колет. Стиль — кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце.

А в «Господине Фогте» этот искрящийся юмор, эта напоминающая Шекспира радость оттого, что найден Фальстаф и в его лице — неисчерпаемый запас для целого арсенала насмешек!

Не буду больше говорить здесь о стиле Маркса. Стиль Маркса — это именно сам Маркс. Его упрекали за то, что он пытался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывается Маркс.

Маркс чрезвычайно ценил ясность и точность выражения. Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса, которых он читал почти ежедневно, он избрал своими учителями. В отношении чистоты и правильности языка он был добросовестен до щепетильности. Помню, как он отчитал меня однажды, в первое время моего пребывания в Лондоне, за то, что я в одной работе написал «*die stattgehabte Versammlung*» *. Я попробовал было сослаться на общеупотребительность этого выражения, но тут Маркс разразился: «Жалкие немецкие гимназии, в которых нельзя научиться немецкому языку, жалкие немецкие университеты» и т. д. Я защищал

* — «имевшее место собрание». Ред.

ся, как мог, приводил примеры из классиков, но никогда более не говорил «stattgehabte», или «stattgefundene» событие, да и еще кое-кого отучил от этого. Зато в том сражении за непереходное причастие прошедшего времени я спас «обученного [gelernten] сапожника» и притом с помощью «ученого [gelehrten] сапожника», которого Маркс все же не мог оценить по достоинству.

Маркс был строгим пуристом; нередко он старательно и долго подыскивал нужное выражение. Он ненавидел злоупотребление иностранными словами, и если он все-таки часто их употреблял — там, где предмет этого и не требовал, — то следует учитывать долгое пребывание за границей, главным образом в Англии, и, что весьма существенно, родство немецкого и английского языков, нередко приводящее к путанице. Например, в «Капитале» Маркс говорит о «zusammengehuddleden» людях, имея при этом в виду английское «huddle together» *, которое не имеет с нашим *huden* ** ничего общего, кроме первоисточника, и означает сгрудиться, свалить в одну кучу. Но какое бесконечное количество оригинальных, подлинно немецких выражений и словообразований находим мы у Маркса, который, несмотря на то что две трети жизни провел за границей, имеет огромные заслуги перед нашим немецким языком и принадлежит к крупнейшим мастерам и творцам немецкого языка!

Пуризм Маркса доходил иной раз до педантичности. Мой верхнегессенский диалект, который от меня — или от которого я — упорно не хотел отвязаться, стоил мне бесчисленных выговоров.

К счастью, в этих битвах у меня был союзник, к которому Маркс питал не меньшее почтение, чем я, а именно — мой гессенский земляк (хотя он родился и не в той земле, которая официально зовется гессенской): *франкфуртец Вольфганг фон Гёте*. Я употреблял словечки *hunten, unten, drunten* — *hoben, oben, droben* — *haußen, außen, draußen, hüben, üben, drüben* *** и

* — собирать вместе, сгонять. *Ред.*

** — небрежно работать, халтурить. *Ред.*

*** Уже тогда вышедшие из употребления, а сейчас окончательно устаревшие формы таких немецких предлогов, как *unten, unter, darunter, oben, über, darüber, außen* и т. д. *Ред.*

т. д. Это всегда раздражало Маркса, который не выносил всех этих *huten, hoben, haüßen*, но под воздействием авторитета Гёте все же, если и не одобрял эти формы, то относился к ним терпимо.

Я отмечаю эту мелочь только потому, что она показывает, до какой степени Маркс чувствовал себя *учителем* по отношению к нам, «молодежи».

Это проявлялось, конечно, и в другом виде. Он был *очень* требователен. Когда он замечал какой-нибудь пробел в знаниях, он бурно настаивал на его восполнении, для чего давал все нужные советы. Оставаясь с нами наедине, он устраивал настоящие экзамены, и эти экзамены были не шуткой. Марксу нельзя было втереть очки. Если же он замечал, что все его усилия бесплодны, то и дружбе приходил конец. Мы почитали за честь быть под его «муштрой». Каждая встреча с ним чему-нибудь учила меня. И тем, что в тяжелой борьбе за существование, за возможность выжить физически, или, скажем лучше, не умереть с голоду (ибо в Лондоне случалось голодать годами), тем, что в этой отчаянной борьбе за кусок хлеба или пару картофелин я не погиб,— этим я обязан Марксу и его семье.

* * *

Мои друзья и товарищи долондонского периода моей жизни часто посмеивались надо мной по поводу моей привязанности к Марксу. Еще совсем недавно я нашел одно адресованное мне письмо, относящееся к этой эпохе моей жизни. Это письмо от *Бауэра* из Зинсгейма, одного из способнейших баденских волонтеров, который несколько лет тому назад умер в Милуоки, где он был редактором основанной им радикально-демократической газеты²⁰¹. После кратковременного пребывания в Лондоне он, подобно большинству эмигрантов, обладавших достаточными средствами, уехал в Соединенные Штаты, где скоро занял соответствовавшее его дарованиям место в прессе. Это было как раз самое тяжелое время эмигрантской жизни в Лондоне, и он хотел меня непременно перетащить к себе. Он прислал мне уже несколько пригласительных писем, где твердо обещал мне солидное редакторское содержание. В то время, когда я не имел и сухой корки хлеба, чтобы замо-

ритель червячка, обещанные мне 50 долларов в неделю были весьма соблазнительной приманкой. Но я противился: я не хотел удаляться с поля битвы дальше, чем это было необходимо, а кто отправляется за океан, тот в 999 случаях из тысячи потерян для Европы; это было мне известно. Наконец, Бауэр пустил в ход последнее средство: он попробовал воздействовать на мое самолюбие. В письме, которое еще и теперь хранится в моих бумагах, он писал:

«...Итак, здесь ты — свободный человек: самостоятельно можешь проявить свои способности. А там? Там ты — мячик, ослик, которого заставляют переносить тяжести и над которым за глаза насмеваются. Как обстоят дела в вашем царстве божьем? Наверху восседает на троне ваш всезнающий, всемудрый далай-лама — Маркс. Дальше за ним — пустота. Потом — Энгельс; далее опять на огромном пространстве — пустота. Затем — Вольф. И опять бесконечная пустота. И только после них, может быть, найдется местечко этому «сентиментальному ослу» Либкнехту...»

Ну, конечно, я ответил, что ничего не имею против того, чтобы идти за людьми, более достойными, чем я, и что я лучше чувствую себя в обществе людей, от которых могу чему-нибудь научиться и на которых мне приходится смотреть снизу вверх, чем в обществе людей, на которых я должен смотреть сверху вниз как на всех его «великих мужей»¹⁰⁴.

Я остался там, где был, и продолжал учиться.

Таково было мнение, которое эмигранты, не входившие в наш круг, составили себе о Марксе и обо всех нас. Мы держали себя до такой степени обособленно от них, что это подогревало их фантазию, и они сочиняли всяческие мифы и сплетни, на которые мы, впрочем, не обращали решительно никакого внимания.

ПОПУЛЯРНОСТЬ

Маркс с величайшим презрением относился к популярности. Он особенно хвалил Роберта Оуэна за то, что тот всякий раз, когда какая-либо из его идей приобретала популярность, выступал с новым требованием, вновь делавшим его непопулярным. Лишенный всякого тщеславия, Маркс не придавал значения мнению толпы.

Она была для него не умеющей самостоятельно мыслить толпой, для которой мысли и чувства поставлял господствующий класс. И до тех пор, пока социализм не проник в сознание масс, овации толпы могли снискать только либо не принадлежавшие ни к какой партии, либо противники социализма. Ныне, когда социалистическое мировоззрение уже проникло в массы и начинает определять так называемое «общественное мнение», это, разумеется, уже верно не в такой степени, как это было 40—50 лет назад. В те времена лишь ничтожное меньшинство даже внутри рабочего класса доросло до социализма, а среди самих социалистов социалисты в духе научной теории Маркса, в духе «Коммунистического Манифеста» были в свою очередь меньшинством. Основная масса рабочих, поскольку она вообще пробудилась для политической жизни, застряла в тумане сентиментально-демократических пожеланий и фраз, столь характерных для революционного движения 1848 г. с его прологом и эпилогом. Одобрение толпы, популярность были для Маркса доказательством, что человек попал на ложный путь, и любимой его поговоркой был гордый стих Данте: «*Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!*» («Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!»).

Как часто цитировал он этот стих, которым заканчивается и его предисловие к «Капиталу»! Никто не может быть равнодушен к ударам, пинкам, укусам комаров и клопов, и как часто Маркс, на своем пути встречавший нападки со всех сторон, терзаемый заботой о хлебе насущном, не понимаемый массой трудящихся, для освободительной борьбы которых он в ночной тиши оттачивал оружие, и не только не понимаемый, но подчас даже грубо отталкиваемый этой самой массой, которая бежала за пустыми фразерами, лицемерными предателями или даже просто за явными врагами,— как часто он в уединении своего бедного, истинно пролетарского кабинета подбадривал себя словами великого флорентийца, черпая в них свежие силы!

И он не дал сбить себя со своего пути. В противоположность принцу из «Тысячи и одной ночи», упустившему победу и награду за нее только потому, что стал трусливо оглядываться, испугавшись шума и призраков вокруг себя, Маркс шел вперед, постоянно устремляя

взор к сияющей впереди цели,— он предоставлял «людям говорить что угодно» и, «если б рухнул мир», ничто не остановило бы его на его пути. И ему досталась победа. Правда, не плоды победы.

Прежде чем его унесла всепобеждающая смерть, ему еще суждено было увидеть, как посеянные им семена дали замечательные всходы и стали подниматься навстречу косе жнеца. Да, он одержал победу, а плоды победы достались нам.

Он ненавидел популярность, и погоня за популярностью повергала его прямо в ярость. К краснобаям он испытывал отвращение — и горе тому, кто отделялся фразами. Тут он был неумолим. «Фразер» было в его устах самым бранным словом, и в ком он раз увидел «фразера», с тем он порывал навсегда. Логически мыслить и ясно выражать свою мысль — внушал он нам, «молодым», при каждом удобном случае и заставлял нас учиться.

К тому времени был построен великолепный читальный зал Британского музея с его неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс тянул и нас.

Учиться! Учиться! Таков был категорический императив, с которым он достаточно часто обращался к нам, который, однако, заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной могучей работы великого ума.

В то время как остальные эмигранты изо дня в день сочиняли планы мирового переворота и опьяняли себя, как гашишем, фразой: «Завтра начнется!» — мы, «серная банда»²⁰², «бандиты», «подонки человечества», сидели в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие и амуницию для будущих боев.

Иной раз нечего было перекусить, но это не мешало нам идти в музей; там ведь были удобные стулья, а зимой было уютно и тепло, чего так не доставало дома, если у кого вообще существовал дом или домашний очаг.

* * *

Маркс был строгим учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учились. Я долгое время занимался историей английских

тред-юнионов. Каждый день он меня спрашивал, много ли я успел, и в конце концов он только тогда оставил меня в покое, когда я прочел довольно длинную лекцию перед большим кругом слушателей. Он был на этой лекции. Похвал я от него не услышал, но он меня и не раскритиковал; а так как хвалить не было в его обычае и он большей частью хвалил только из сострадания, то я скоро утешился. Когда же он вступил со мной в спор по поводу одного высказанного мной положения, то я принял это за косвенную похвалу.

Маркс как учитель обладал редким качеством: он умел быть строгим, не обескураживая.

И еще одно замечательное качество было у Маркса как учителя: он принуждал нас к *самокритике*, не допускал, чтобы мы удовлетворялись уже достигнутым. Расслабляющую созерцательность он жестоко хлестал бичом своей насмешки. И ни у кого нет больше оснований, чем у меня, благодарить его за такое воспитание. Молодости свойственно радоваться мимолетному успеху и аплодисментам. Я всегда неохотно выступал. Даже в кругу друзей я не очень разговорчив. Решение выступить с речью всегда стоит мне некоторого усилия, и по сей день, если только к этому не вынуждает долг, я предпочитаю предоставлять говорить другим. И я солгал бы, если бы стал отрицать, что в ликовании многолюдного собрания, которое ловит каждое мое слово, которое я как бы завораживаю и наполняю своими мыслями и чувствами, что в этой магнетической власти над волнуемым людским морем есть что-то чудесно опьяняющее. Но я никогда не забывал об опасностях, сопутствующих популярности, и если я нечувствителен к аплодисментам и похвалам, — так же нечувствителен, как к ругани и клевете врагов, — то это искусство, которому я научился у Маркса, хотя чтобы затвердить этот урок и потребовалось пройти насыщенную борьбой школу жизни.

* * *

Политика была для Маркса предметом изучения. Любителей поболтать о политике и политическую болтовню он смертельно ненавидел. И действительно, можно ли представить себе что-либо более бессмысленное? *История* есть продукт всех действующих в людях и в

природе сил и человеческого мышления, человеческих страстей, человеческих потребностей. Политика же является в теории *познанием* этих миллионов и миллиардов факторов, создающихся «на станке проходящих веков» *, и на практике: обусловленным этим познанием *действием*. Политика есть, таким образом, наука и притом *прикладная наука*; а политическая наука или наука политики является в известной мере *квинтэссенцией* всех наук, поскольку она объемлет всю сферу деятельности человека и природы, деятельности, которая представляет собой цель всякой науки. Несмотря на это, любой осел воображает себя великим политиком или даже государственным деятелем, подобно тому, как любой осел мнит себя хорошим редактором газеты. Согласно распространенному представлению, ни для того, ни для другого ничему не надо учиться; способность говорить с лейпцигским профессором Зомом дается «от рождения».

Маркс приходил в ярость, когда говорил о пустомелях, которые несколькими шаблонными фразами объясняют все явления и, принимая свои более или менее путанные желания и представления за факты, вершат судьбы мира за ресторанными столиками, в редакциях газет или на митингах и в парламентах. К счастью, мир не обращает на них внимания. Среди таких «пустомелей» оказывались иногда и очень знаменитые, прославленные «великие мужи» ¹⁰⁴.

И тут Маркс не только критиковал, но и являл в своем лице высокий образец: в работах о новейшем развитии Франции и наполеоновском государственном перевороте ²⁰³, а также в корреспонденциях в «New-York Daily Tribune» он дал классические образцы политической историографии.

Приведу сравнение, которое невольно приходит мне в голову. Государственный переворот Бонапарта, о котором Маркс говорит в своем «Восемнадцатом брюмера», послужил также темой для одного получившего известность произведения *Виктора Гюго*, величайшего из французских романтиков и художников слова ²⁰⁴. Но какой контраст между двумя этими произведениями и двумя людьми! Там — гиперболическая фраза и фразерская гипербола, здесь — методически подобранные

* Гёте. «Фауст». Действие 1, сцена 1. Ред.

факты, человек науки, хладнокровно их взвешивающий, и политик — гневный, но в гневе своем не теряющий рассудительности.

Там — поверхностная, переливчатая пена, вспышки патетической риторики, причудливые карикатуры. Здесь каждое слово — метко пущенная стрела, каждая фраза — тяжелое, подкрепленное фактами обвинение, обнаженная правда, непреодолимая в своей наготе, — не негодование, а лишь констатирование, разоблачение того, что есть на самом деле. «*Napoléon le Petit*» («Наполеон Малый») Виктора Гюго выдержал одно за другим десять изданий, а ныне забыт. «Восемнадцатое брюмера» Маркса с восхищением будут читать и через тысячи лет. «Наполеон Малый» Виктора Гюго — это памфлет, «Восемнадцатое брюмера» Маркса — исторический труд, который окажется столь же незаменимым для будущего историка культуры (а будущее не будет знать иной мировой истории, кроме истории культуры), как для нас история пелопоннесской войны, написанная Фукидидом.

* * *

Как я уже говорил в другом месте, Маркс мог стать тем, кем он был, только в Англии. В такой экономически отсталой стране, какой еще была Германия до середины этого столетия, Маркс не мог прийти к своей критике буржуазной политической экономии и постичь капиталистический процесс производства — точно так же, как в экономически отсталой Германии не могли существовать политические учреждения экономически развитой Англии. Маркс зависел от своей среды и от условий, в которых он жил, не меньше всякого другого человека; без этой среды и этих условий он не стал бы тем, кем он был. Это он сам доказал лучше, чем кто бы то ни было.

Наблюдать такой ум, следить за тем, как он испытывает на себе действие окружающих условий и все глубже и глубже проникает в сущность общества, — уже само по себе величайшее духовное наслаждение; и я не перестаю благодарить счастливый случай, приведший меня, молодого, неопытного, любознательного юнца к Марксу под его влияние и руководство.

При многосторонности — я сказал бы даже всесторонности этого универсального ума, то есть ума, охватывающего всю вселенную, проникающего во все су-

ществленные детали, ничем не пренебрегающего и ничего не считающего несущественным или незначительным, — конечно, и его руководство также непременно должно было быть многосторонним.

Маркс был одним из первых, кто понял все значение исследований Дарвина. Еще до 1859 г., года выхода в свет «*Origin of species*», «Происхождения видов», года, когда по примечательному совпадению была также опубликована его «К критике политической экономии», Маркс оценил эпохальное значение исследований Дарвина, который вдали от шума и суеты большого города, в своем тихом имении, готовил такую же революцию, какую сам Маркс готовил в бушующем центре мира, с той только разницей, что там рычаг был приложен к другой точке.

Особенно в области естествознания, включая физику и химию, и в области истории Маркс следил за каждым новым явлением, отмечал каждый новый успех. Имена Молешотта, Либиха, Гексли, «популярные лекции» которого мы добросовестно посещали, произносились в нашем кругу так же часто, как имена Рикардо, Адама Смита, Мак-Куллоха, а также шотландских и итальянских политэкономов. Когда Дарвин, сделав выводы из своих исследований, представил их на суд общественности, мы целыми месяцами не говорили ни о чем другом, как о Дарвине и революционной силе его научных открытий. Я подчеркиваю это, потому что враги из числа «радикалов» заявляют, что Маркс, мол, из ревности лишь очень неохотно и в весьма ограниченной степени признавал заслуги Дарвина.

Там, где речь шла о признании чужих заслуг, Маркс был самым великодушным и справедливым человеком. Он был слишком велик, чтобы завидовать и ревновать, слишком велик, чтобы быть тщеславным. Но зато фальшивое величие, поддельную славу, которой щеголяют бездарность и пошлость, он ненавидел смертельно, как и вообще всякую фальшь и ложь.

МАСКИ, ЛЮДИ И ФОТОГРАФИИ

Среди известных мне людей — великих, маленьких и посредственных — Маркс был одним из немногих, лишенных всякого тщеславия. Он был для этого слиш-

ком велик и слишком силен, да и, пожалуй, слишком горд. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Как дитя, он был не способен носить маску и притворяться. Кроме тех случаев, когда этому препятствовали соображения общественного или политического порядка, он всегда высказывал свои мысли и чувства полностью, не считаясь ни с чем, и это отражалось у него на лице. Когда же обстоятельства требовали сдержанности, он проявлял такую, чуть было не сказал, детскую неловкость, что часто забавлял этим своих друзей. Он не годился бы в дипломаты, хотя и был или, скорее, потому что был великим политиком. Крупнейшее сообщество в мире — Северо-Американские Соединенные Штаты — не имеет дипломатов, а варварская Россия располагает лучшими дипломатами.

Не было более правдивого человека, чем Маркс, — он был воплощением правды. Стоило взглянуть на него, чтобы тотчас же понять, с кем имеешь дело. В нашем «цивилизованном» обществе с его перманентным состоянием войны не всегда, конечно, можно говорить правду — это значило бы отдаться в руки врага или обречь себя на изгнание из общественной жизни. Но если не часто можно говорить правду, то отсюда еще не следует, что нужно лгать. Я не всегда могу сказать то, что чувствую и думаю, но это не значит, что я должен или обязан говорить то, чего я не чувствую и не думаю. Первое — это благоразумие, второе — лицемерие. Маркс никогда не лицемерил. Он был просто не способен на это, так же как не способно на это невинное дитя. «Мое большое дитя», часто называла его жена, а лучше ее никто не знал и не понимал Маркса, даже Энгельс. И действительно, бывая в том «обществе», где придавалось значение внешним манерам и приходилось себя сдерживать, наш Мавр в самом деле становился большим ребенком и мог смущаться и краснеть, словно малое дитя.

Актерствующие люди были ему глубоко противны. Я вспоминаю, как он, смеясь, рассказывал нам о своей первой встрече с Луи Бланом. Это было еще на Динстрит, в маленькой квартирке, состоявшей собственно только из двух комнат, из которых первая, общая, служила гостиной и кабинетом, а вторая — для всего другого. Луи Блан представился Ленхен, проводившей его

в первую комнату, между тем как во второй Маркс спешно переодевался; соединявшая обе комнаты дверь оставалась приоткрытой, и через щель Маркс мог наблюдать забавную сценку. Великий историк и политик был очень маленького роста, не выше восьмилетнего мальчишки, но при этом оказался невероятным щеголем. Оглядевшись в пролетарской гостиной, он обнаружил в одном углу самое простое зеркало, перед которым тотчас же расположился, стал в позу и, вытянувшись во весь свой карликовый рост, — он носил такие высокие каблуки, каких мне в жизни не приходилось видеть, — с удовольствием разглядывал себя в зеркале, прихорашиваясь, как влюбленный заяц в марте, и стараясь придать себе возможно более внушительный вид. Г-жа Маркс, также бывшая свидетельницей этой комической сценки, едва удерживалась от смеха. Переодевшись, Маркс громко кашлянул, чтобы предупредить о своем появлении, и франтоватый народный трибун, отступив на шаг от зеркала, приветствовал входящего изящным поклоном. Но, конечно, позами и актерством на Маркса нельзя было подействовать, и вскоре «маленький Луи» — как называли его парижские рабочие, чтобы отличать его от Луи Бонапарта, — стал вести себя настолько естественно, насколько был еще на это способен.

Утверждают, что все люди — актеры. Это не так. Но большинство культурных людей, без сомнения, актеры, и сам я издавна делю людей на актеров и неактеров. Преобладающее большинство относится к первой категории. Когда у меня есть время, я вступаю в разговоры на улице или в поезде, чтобы понаблюдать за людьми и выяснить, кто держит себя таким, каков он есть, и кто играет роль и какую. И как мало тех, кто не играет никакой роли, — я говорю здесь опять же о людях «образованных». Среди служанок, рабочих и работниц встречается много естественных лиц, но не среди людей с образованием и высших сословий. Здесь почти каждый или каждая носят маску. Чтобы убедиться, что большинство людей — актеры, незачем долго заниматься физиономистикой, — стоит лишь рассмотреть *фотографии*. Солнце не лжет. И все же, как редко фотографии передают сходство. Почему? Да потому что тот или та, кто намеревается увековечить себя, хочет выглядеть

как можно красивее, как можно добрее, как можно храбрее, как можно интереснее, как можно остроумнее, как можно задумчивее и глубокомысленнее, как можно предприимчивее, как можно энергичнее, в общем всем, кем только можно. Короче, он и она играют роль. Он и она надевают свои идеальные маски. И честное, правдивое солнце помогает отразить не их самих, а их маски. Солнце не обманывает. Но люди, увековечивающие свой образ, обманывают самих себя и своих собратьев. И обманывают так искусно, что зачастую их даже не узнать.

Поэтому изучение фотографий в высшей степени поучительно, и если человек может обмануть, если и *фотография* может обмануть, то когда перед нами и человек, и его фотография, обмануться невозможно.

Я не знаю ни одной плохой фотографии Маркса. Все они верно его отражают, потому что он сам всегда был верен себе. Конечно, не все фотографии представляют одинаковую ценность. Его характерные человеческие черты не всегда сразу выступают отчетливо — физическое недомогание или плохое настроение, поглощенность какой-то мыслью или чувством могут придать лицу несвойственное ему выражение. И хотя все фотографии Маркса хороши, лучшая, на мой взгляд, — это та, которая воспроизводится в превосходном исполнении в настоящей книжке.

«ГЕНИЙ — ЭТО ПРИЛЕЖАНИЕ»

— сказал кто-то; если это и не совсем так, то во всяком случае в значительной степени верно.

Не может быть гения без исключительной энергии и исключительной работоспособности. Так называемый гений, которому чуждо и то и другое, — это лишь переливчатый мыльный пузырь или вексель на будущие сокровища где-нибудь на луне. Но там, где налицо выходящая из ряда вон энергия и работоспособность, там и гений. Я знал многих людей, которые сами считали себя гениями, а иногда их называли таковыми и другие, но которые не обладали работоспособностью, и на деле они оказывались лишь бездельниками, обладавшими красноречием и талантом создавать рекламу. Все действительно крупные люди, которых мне довелось

знать, были очень прилежны и усердно трудились. Это в полной мере относится и к Марксу. Он работал необычайно много, и так как днем, в особенности в первое время его эмигрантской жизни, ему часто мешали, то он стал работать по ночам. Когда мы поздно вечером возвращались домой с какого-нибудь заседания или собрания, он обыкновенно садился еще за работу на несколько часов. Эти несколько часов растягивались все больше, пока, наконец, он не стал работать почти всю ночь напролет, ложась спать только утром. Его жена серьезно упрекала его за это, но он, смеясь, отвечал, что это соответствует его натуре.

Сам я еще в гимназии привык делать работу потруднее поздно вечером или ночью, когда чувствовал себя наиболее бодро, и потому смотрел на это другими глазами, нежели г-жа Маркс. И тем не менее она была права. Несмотря на свой чрезвычайно сильный организм, Маркс уже в конце пятидесятих годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Пришлось обратиться к врачу. В результате последовало категорическое *запрещение работать по ночам* и было предписано *much exercise*, то есть как можно больше движения: прогулки пешком и верхом. В те времена мы с Марксом много бродили по окрестностям Лондона, преимущественно в холмистой северной части. Вскоре он поправился — его организм был действительно как бы создан для большого напряжения и огромного расходования сил. Но едва он почувствовал себя выздоровевшим, как постепенно снова втянулся в привычку работать по ночам, пока опять не наступил кризис, принудивший его к разумному образу жизни, — однако опять лишь до тех пор, пока это повелительно требовалось его состоянием. Кризисы все усиливались, развивалась болезнь печени, появились мучительные нарывы. И постепенно железный организм надломился. Я убежден — и таково же мнение лечивших его под конец врачей, — что если бы Маркс мог решиться вести нормальную жизнь, то есть жизнь, отвечающую потребностям его организма или, скажем, требованиям гигиены, он жил бы еще и поныне. Лишь в последние годы, когда было уже слишком поздно, он отказался от работы по ночам. Зато тем больше стал работать днем.

Он работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулки он брал с собой свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки. И его работа никогда не бывала поверхностной. Работа работе рознь. Он работал всегда интенсивно, всегда основательно. Его дочь Элеонора подарила мне одну историческую таблицу, которую он набросал для себя как материал для какого-то второстепенного примечания. Правда, второстепенных вещей для Маркса не существовало, и эта таблица, составленная им только для личного, причем кратковременного использования, выполнена с такой тщательностью, точно она предназначалась для печати.

Маркс работал с выдержкой, часто приводившей меня в изумление. Он не знал усталости. И даже тогда, когда его организм должен был бы надломиться, он не выказывал признаков слабости.

Если судить о ценности человека по сделанной им работе, — как стоимость вещей определяется количеством вложенного в них труда, — то даже с этой точки зрения ценность Маркса так огромна, что лишь немногие среди гигантов мысли могут быть поставлены с ним наравне.

Чем же буржуазное общество возместило это невероятное количество труда?

Над «Капиталом» Маркс работал сорок лет — и как работал! Так, как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низкооплачиваемый поденщик в Германии получает за сорок лет работы больше денег в виде заработной платы, чем Маркс получил в виде «гонорара», по-немецки *Ehrensold*, за одно из двух величайших научных творений нашего века.

Второе из этих творений — труды Дарвина.

«Наука» не имеет рыночной стоимости. И можно ли ждать от буржуазного общества, чтобы оно за свой собственный смертный приговор заплатило приличную цену?

ДРУГ И УЧИТЕЛЬ. УРКАРТ

У меня не хватило бы ни времени, ни места, если бы я захотел, хотя бы даже в самых беглых чертах, изобразить здесь всех тех, с кем мне приходилось встречаться

в доме Маркса и в его обществе. Кроме немецких и всяких других эмигрантов, от которых нас не отделяли принципиальные разногласия, там бывали вожди английского рабочего движения: *Джулиан Гарни*, этот спартанец по духу, *Эрнест Джонс*, яркий народный трибун и пламенный журналист, — два последних крупных представителя *чартизма*, движения, сомкнувшегося с социализмом, *Фрост*, который за руководство чартистским восстанием²⁰⁵ был приговорен к пожизненной ссылке, но в 50-х гг. был помилован и вернулся в Англию (это был замечательнейший человек из *physical force men* — людей партии физической силы) *, *Роберт Оуэн*, этот седовласый патриарх социализма, несомненно, самый всеобъемлющий, проницательный и практичный из всех предшественников научного социализма. Мы были на собрании, когда праздновалось восьмидесятилетие со дня его рождения, и я имел счастье довольно часто встречаться с ним у него дома.

В высшей степени интересным было знакомство с *Дэвидом Уркартом*, превосходным знатоком русской дипломатии и положения в Турции. Благодаря Уркарту, к наиболее рьяным сторонникам и ученикам которого принадлежал *Лотар Бухер*, в ту пору еще пангерманист, мы излечились от романтических представлений о «народе Гомера» и прочих христианских народах Турции, от представлений, которые через Байрона и «Греческие песни» Вильгельма Мюллера распространились в цивилизованных странах, в частности в Германии, и согласно которым каждый грек был героем, а каждый турок — вероломным, жестоким чудовищем. Мы узнали, что это отчасти легенда, а отчасти ложь. Дэвид Уркарт долгие годы прожил в Турции и изъездил ее вдоль и поперек; будучи в течение многих лет сотрудником британского посольства в Константинополе, он поддерживал, а частично и продолжал поддерживать и позднее, тесные отношения с многими влиятельными и хорошо информированными «государственными мужами» и дипломатами; он был полностью в курсе всего относившегося к «восточному вопросу»

* В противоположность *moral force men* — сторонникам моральной силы, которые хотели достичь цели законным путем, с помощью простой пропаганды, агитации и организации. (Прим. авт.)

и являлся здесь авторитетом первого ранга, собственно, высшим авторитетом. Поразительная осведомленность о людях и фактах в сочетании с подлинно шотландским остроумием придавали вес каждому слову Уркарта. Высокоодаренный, злой, этот детектив в ранге дипломата следил за всеми интригами и происками русской политики и неотступно наблюдал за каждым шагом своего смертельного врага лорда Пальмерстона [...].

МАРКС И ДЕТИ

Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который мог часами играть со своими детьми, как ребенок,— его притягивали к себе, как магнит, и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и страдающие от нищеты. Сотни раз, посещая с нами квартиры бедняков, он внезапно оставлял нас, чтобы погладить по головке ребенка, сидящего в лохмотьях на пороге дома, и сунуть ему в кулачок пенни или полпенни.

К нищим он стал относиться недоверчиво, так как в Лондоне нищенство превратилось в настоящее ремесло, и вдобавок в ремесло с золотым дном, хотя подают только медяки. Поэтому нищим и нищенкам, которым он в первое время никогда не отказывал в подаянии, если только имел что-нибудь при себе, недолго удавалось его обманывать. О тех, которые вымогали милостыню посредством искусного демонстрирования мнимых болезней и нужды, он говорил с негодованием, считая эксплуатацию человеческого сострадания особенной низостью и ограблением подлинной бедноты. Но если у нищего или нищенки сидел на руках плачущий ребенок, то тут уж Маркс был сражен, как бы ясно ни было написано на лице нищего или нищенки все их плутовство. Он был не в силах противиться умоляющему взгляду детских глаз.

Физическая слабость и беспомощность неизменно вызывали у него живое сострадание и сочувствие. Мужа, бьющего свою жену,— а в Лондоне в те времена wifebeating * было очень распространено,— он с на-

* — избивание жен. Ред.

слаждением избил бы до смерти. Из-за своего импульсивного характера он в таких случаях часто ставил себя и нас в неловкое положение.

Однажды вечером мы с ним ехали на империале омнибуса по Хэмпстед-род. На одной из остановок, около винного магазина, мы заметили какую-то суматоху; отчаянный женский вопль: «murder! murder!» («Убивают! Убивают!»). Маркс с быстротой молнии соскочил с омнибуса, я за ним. Я хотел его удержать — с таким же успехом я мог бы попытаться поймать рукой летящую пулю. Мигом очутились мы в самой гуще народа: людские волны сомкнулись позади нас. «Что случилось?» Это мы узнали очень скоро. Какая-то пьяная женщина повздорила со своим мужем, который хотел отвести ее домой, а она упиралась и вопила как одержимая. Ничего особенного не случилось. Для нашего вмешательства не было ни малейшего повода — это мы видели. Но видели это также и поспорившие супруги, тут же заключившие мир и двинувшиеся против нас, между тем как толпа вокруг нас смыкалась все теснее и уже стала с угрожающим видом наступать на «damned foreigners» («проклятых иностранцев»). Женщина особенно яростно наскакивала на Маркса и явно покушалась на его великолепную черную бороду. Я старался унять бурю, но тщетно. Если бы на поле битвы вовремя не подоспели два дюжих констебля, нам пришлось бы дорого заплатить за нашу филантропическую попытку вмешательства. Мы были рады, что выбрались целыми из толпы и снова уселись в омнибус, который и доставил нас домой. Впоследствии Маркс бывал уже несколько осторожнее при подобных происшествиях.

* * *

Нужно было видеть Маркса среди его детей, чтобы составить полное представление о задушевности и детском простодушии этого героя науки. В свободные минуты или на прогулках он бегал с ними, играл в самые шумные веселые игры — словом, сам становился ребенком. На Хэмпстед-хис мы играли иногда в «кавалерию». Маркс сажал себе на плечи одну дочку, я брал другую, и начинались скачки вперегонки. Иной раз устраивались даже миниатюрные кавалерийские бит-

вы: девочки резвились совсем по-мальчишески и даже не плакали, когда им слегка попадало.

Для Маркса общество детей было потребностью, с ними он отдыхал и набирался сил. Когда собственные его дети выросли или умерли, их место заняли внуки. Женничка, вышедшая замуж в начале семидесятых годов за эмигранта Коммуны Лонге, оживила дом Маркса своими сыновьями — страшными проказниками. В особенности старший — Жан, или Джонни, — сейчас ему предстоит «отслужить» год на действительной службе во Франции — был любимцем бабушки. Джонни мог делать с ним все, что хотел, и отлично знал это. Однажды, когда я гостил в Лондоне, Джонни, которого родители прислали из Парижа, что случилось по несколько раз в году, пришла в голову остроумная идея превратить Мавра в *омнибус*, на козлы которого, то есть на плечи Маркса, он и взобрался; Энгельс и я были произведены в лошадок для омнибуса. Когда мы как следует впряглись, началась дикая скачка, я хотел сказать, началась езда в маленьком садике позади коттеджа Маркса на Мейтленд-парк-род. Возможно, впрочем, что это происходило и у Энгельса, на Риджентс-парк; лондонские коттеджи так похожи друг на друга, что их очень легко перепутать, а садики тем более. Несколько квадратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского «черного снега», то есть хлопьями копоты, что невозможно отличить, где начинается *гравий* и кончается *трава*, — вот что такое лондонский «сад».

Джонни принялся нас погонять, понукая международными немецко-французско-английскими выкриками: «Go on! Plus vite! Hurrah!» *. Мавр скакал так, что пот градом катился по его лицу, а когда Энгельс или я пытались перейти на более медленный темп, на нас тотчас же со свистом опускался бич немилосердного кучера: «You naughty horse! — Эй, ленивая лошадь! En avant!» **. Так продолжалось до тех пор, пока Маркс не выбился из сил. Тогда мы вступили с Джонни в переговоры и было заключено перемирие.

* — «Вперед! Быстрее! Ура!» Ред.

** — «Вперед!» Ред.

Трогательно, а порой и забавно было видеть, как Маркс, который в беседах на политические и экономические темы не стеснялся употреблять самые сильные, даже грубые выражения и обороты, в присутствии детей и женщин говорил так мягко, что ему могла бы позавидовать иная английская гувернантка. Когда же разговор касался какой-нибудь щекотливой темы, он начинал нервничать, смущенно ерзал на стуле и мог покраснеть, словно шестилетняя девочка. Мы, молодые эмигранты, были народ отчаянный, любили, между прочим, распевать озорные песни, и как-то раз случилось так, что один из нас, у которого был хороший голос, чего я не могу сказать об остальных (по-видимому, политики, в особенности коммунисты и социалисты, в натянутых отношениях с музой вокального искусства), запел в гостиной у Маркса красивую, но все же не совсем пристойную песню о «Юном, юном подмастерье плотника». Г-жи Маркс при этом не было — а то бы мы не осмелились, — Ленхен и девочки тоже не показывались, и мы думали, что находимся «в своем кругу». Вдруг Маркс, который вначале пел или, вернее, орал вместе со всеми, забеспокоился, и тут я услышал шорох в соседней комнате, а это означало, что там были люди. Маркс, очевидно, также услышавший этот шорох, поерзал на стуле с видом крайнего смущения, затем неожиданно вскочил и, весь пунцово-красный, прошептал или прошипел: «Тихо, тихо — девочки!».

Правда, девочки были тогда еще так малы, что песня о «Юном, юном подмастерье плотника» не могла бы причинить вреда их нравственности. Мы немного посмеялись, он пробормотал, что при детях нельзя петь такие песни, и больше мы никогда не пели в доме Маркса ни «Юного, юного подмастерья плотника», ни других подобных песен.

Впрочем, при подобных обстоятельствах *г-жа Маркс* была еще меньше расположена к шутке. При малейшем намеке на вольность она бросала взгляд, от которого слова застревали у нас в горле.

Г-жа Маркс, пожалуй, имела еще большую власть над нами, чем сам Маркс. Ее «достоинство и величавость» * — которые позволяли сохранять непринужден-

* Ф. Шиллер. «Дева с чужбины». Ред.

ность, но не допускали никаких неподобающих выходов, ничего непристойного — оказывали волшебное действие на таких необузданных и отчасти даже несколько одичавших парней, какими были мы. Я еще помню, какой ужас она однажды внушила Красному Вольфу (не путать с «Казематным Вольфом» — Лупусом!). Как-то вечером Вольф, который усвоил парижские замашки и был очень близорук, заметил на улице изящную женскую фигурку и поспешил ей вслед. Хотя он несколько раз прошелся вокруг дамы под вуалью, она не обращала на него ни малейшего внимания. Наконец, осмелев, он так близко заглянул ей в лицо, что, несмотря на близорукость, смог различить черты. «И — черт подери! — это была г-жа Маркс!» — взволнованно рассказывал он мне на другое утро. «Ну, и что она тебе сказала?» — «Да, ничего, вот это-то и чертовски скверно!» — «А как ты поступил? Ты извинился?» — «Черт подери, я убежал!» — «Но тебе все-таки надо извиниться! Это ведь не так уж опасно!»

Но Красного Вольфа с его «черт подери», человека, который слыл неисправимым циником, в течение полугода не удавалось затащить к Марксу домой, хотя я уже на следующее утро смог ему сообщить, что, когда стал зондировать почву, г-жа Маркс весело рассмеялась при воспоминании о невыразимо изумленном и испуганном лице Красного Вольфа, так оскандалившегося в роли Дон Жуана.

Г-жа Маркс была первой женщиной, благодаря которой я понял силу облагораживающего женского воздействия. Моя мать умерла так рано, что я сохранил о ней лишь неясное, смутное воспоминание. Позднее я также — если не считать очень короткого промежутка времени, опять же в очень раннем детстве — был лишен женского общества, которое могло бы несколько смягчить и обтесать мой характер. До встречи с г-жой Маркс я не понимал всей справедливости слов Гёте:

Коль знать ты хочешь, как себя вести,
У благородной женщины спроси! *

Она была для меня то Ифигенией, смягчающей и просвещающей варваров, то Элеонорой, приносящей по-

* Гёте. «Торквато Тассо». Действие 4, сцена 2. *Ред.*

кой тому, кто в разладе с самим собой, кто усомнился в себе,— матерью, другом, поверенной, советчицей. Она была и остается для меня идеалом женщины. И, повторяю это и здесь, если я не погиб в Лондоне, духовно и физически, то этим я в большой мере обязан ей, которая, когда я думал, что утону в бушующем океане эмигрантской нужды, явилась мне подобно тому, как Левкодея явилась взору потерпевшего крушение Одиссея и снова вселила в него мужество продолжать плавание.

БУРНАЯ ПАРТИЯ В ШАХМАТЫ

Маркс был великолепным игроком в шашки. Он стал таким искусным в этой игре, что было трудно выиграть у него партию. Очень охотно играл он также в шахматы, хотя здесь он и не обнаруживал особых успехов. Усердием, а иногда бурным и неожиданным нападением он старался возместить недостававшее искусство.

В начале пятидесятых годов в нашей эмигрантской компании играли в шахматы очень много. Времени у нас было много больше,— правда, вопреки поговорке *time is money* (время — деньги), меньше денег, чем хотелось бы, и мы под руководством Красного Вольфа, который в Париже вращался среди лучших шахматистов и кой-чему у них научился, усердно упражнялись в этой «игре мудрецов». Временами происходили очень бурные состязания. Кто проигрывал — делался предметом остроумных насмешек; уже во время игры по обыкновению было очень весело, а часто и очень шумно. Когда Маркс попадал в затруднительное положение, он сердился, а проиграв партию, приходил в ярость. В модл-лоджингхаус *, на Олд-Комптон-стрит,

* Model-Lodginghouse (произносится: модл-лоджингхаус) — образцовые меблированные комнаты — здания наподобие казармы с отдельными комнатами для жильцов и общими кухнями, общей гостиной, а также читальной и курительной комнатами. Под надзором лорда Шефтсбери (хорошо известного под прежним своим титулом лорда Эшли в связи с биллем о десятичасовом рабочем дне)²⁰⁶ в Лондоне в то время было основано много подобного рода пансионов, в том числе семейных, где каждая семья располагала несколькими комнатами с отдельной кухней и, кроме того, имелись общие помещения и умывальная. В этих пансионах, во главе которых стоял управляющий, было очень чисто, и по сей день в Лондоне еще процветают различные образцовые меблированные комнаты. (Прим. авт.)

где кое-кто из нас жил некоторое время, платя 3 шиллинга 6 пенсов (3¹/₂ марки) в неделю, нас постоянно окружали англичане, с напряженным вниманием следившие за нашей игрой (в Англии в шахматы много играют и в рабочих кругах) и забавлявшиеся нашим веселым шумным поведением, — ведь два немца больше шумят, чем шесть дюжин англичан.

Однажды Маркс с триумфом возвестил, что открыл новый ход, которым он всех нас побьет. Вызов был принят. Действительно, он побил по очереди всех нас, но постепенно на поражениях мы выучились побеждать, и вот мне удалось дать Марксу мат. Было уже очень поздно, и он, злой, потребовал реванша на следующее утро в своей квартире.

Ровно в 11 — для Лондона это очень рано — я был на месте. Маркса еще не было в комнате, но скоро он появился. Г-жи Маркс не было видно, а физиономия Ленхен не выказывала особенной приветливости. Прежде чем я успел спросить, не случилось ли что-либо, вошел Мавр, протянул мне руку и сейчас же притащил шахматы. Началась битва. Маркс за ночь обдумал некоторые поправки к своему ходу, и понадобилось немного времени, чтобы я очутился в совершенно безвыходном положении. Я получил мат. Маркс торжествовал, он сразу пришел в хорошее настроение, велел принести пару бутербродов и чего-нибудь выпить. Началась новая битва — на этот раз выиграл я. И так мы сражались с переменным успехом и переменным настроением, не отрываясь для еды, а лишь наспех, за игрой, утоляя голод мясом, сыром и хлебом, которые подавала нам на тарелках Ленхен.

Г-жа Маркс ни разу не *показывалась*, и из детей также никто не заходил; бой не прекращался, то усиливаясь, то ослабевая, до тех пор, пока я уже около полуночи не дал Марксу два мата подряд. Он настойчиво пытался продолжать игру, но Ленхен — домашний диктатор под верховным правлением г-жи Маркс — категорически заявила: «Хватит!» И я откланялся.

На другое утро, едва я встал с постели, раздался стук в дверь и вошла Ленхен. «Library» * — так прозвали меня дети, и Ленхен признала это звание и превратила

* — «Библиотека». Ред.

его в форму обращения, — впрочем, обращение Мг (произносится «мистер») или «господин» было у нас не в ходу. — «Library, г-жа Маркс просит Вас не играть больше по вечерам в шахматы с Мавром: проигрывая партию, он делается невыносимым». И она рассказала мне, как он настолько дал волю своему плохому настроению, что г-жа Маркс потеряла терпение.

С этого времени я уже не играл по вечерам в шахматы с Марксом. Да и вообще по мере того, как мы снова возвращались к регулярным занятиям, шахматы отступали на задний план. Я сам, снискавший определенную славу в нашем небольшом кружке, спустя некоторое время убедился в правильности суждения Лессинга о шахматах: «Это слишком серьезное занятие, чтобы быть игрой, и слишком игра, чтобы быть серьезным занятием». Меня приглашали известные шахматисты, и в обществе профессионалов я вскоре обнаружил, что открытые мною ходы, коими я столь гордился, уже были открыты за столетия до меня, так что я оказался в положении того пиренейского крестьянина, который при Луи-Филиппе заново изобрел куранты, уже изобретенные четырьмя столетиями ранее. Я узнал, что существует огромная шахматная литература и что коль скоро я хочу чего-то добиться, то должен изучить эту литературу и целиком отдаться шахматам. Но сделать игру в шахматы своим жизненным призванием — на это я не мог пойти. Поэтому я и прекратил играть. С той поры я не сыграл больше ни одной шахматной партии, но, когда представляется случай, я охотно слежу за игрой хороших шахматистов.

* * *

Раз уж я упомянул здесь о дипломатической миссии Ленхен, то скажу сразу, что на нее весьма часто возлагались семейные поручения, в частности и такие, которые касались раздражавшегося порой главы семьи. С первых же дней возникновения семьи Маркса Ленхен, по выражению одной из дочерей, сделалась душой дома — и в высшем, благороднейшем смысле этого слова мастерицей на все руки. Чего только она не делала! И все делала с радостью. Хочу напомнить лишь о бесконечных хождениях к тому таинственному, всеми ненавидимому и, однако же, всеми обхаживаемому и всем

благодетельствующему родственнику: «дядюшке» с тремя шарами¹⁰¹. При этом она всегда была бодрой, всегда готова всем помочь, всегда улыбалась. Впрочем, нет! Она умела и сердиться, а к врагам Мавра она питала страстную ненависть.

Когда г-жа Маркс заболела или плохо себя чувствовала, Ленхен заменяла мать, да и вообще она была для детей второй матерью. И она обладала *волей* — сильной, твердой *волей*. Все делалось так, как она считала нужным.

* * *

Ленхен, как уже сказано, была в доме Маркса своего рода диктатором; выражаясь точнее, Ленхен была диктатором, а г-жа Маркс — повелительницей. И Маркс подчинялся этой диктатуре, как ягненок.

Говорят, что в глазах своего слуги никто не бывает великим человеком. Для Ленхен Маркс уж, конечно, не был великим. Она пожертвовала бы собой ради него сотни раз, отдала бы свою жизнь за него, его жену и каждого из детей, если бы это было нужно и возможно, — и она действительно отдала им свою жизнь, — но импонировать ей Маркс не мог. Она знала его со всеми его причудами и слабостями и заставляла его делать по-своему. Когда он бывал сильно раздражен и метал громы и молнии, так что другие предпочитали быть подальше от него, Ленхен прямо входила в логовище льва и, если он рычал, так основательно отчитывала его, что лев становился смиреннее ягненка.

В ПОЛЕ И НА ЛУГАХ

Наши прогулки в Хэмпстед-хис! Проживи я еще тысячу лет, — я их не забуду. «Луга» Хэмпстеда, расположенные за Примроз-хилл и, подобно последнему, известные всем нелондонцам по героям диккенсовского Пиквика, все еще представляют собой в большей своей части пустырь — незастроенную, поросшую дроком и рошицами холмистую местность с миниатюрными горами и долинами, где каждый может бродить совершенно свободно, не опасаясь, что страж священной собственности остановит и оштрафует его за «trespassing», т. е. за недозволенное вторжение в чужие владения. Еще

и сейчас Хэмпстед-хис — излюбленное лондонцами место для прогулок; в хорошую погоду по воскресеньям он весь кишит народом — мужчинами и нарядными женщинами, причем последние с особенным удовольствием испытывают терпение и без того весьма терпеливых верховых осликов и лошадей. Но сорок лет тому назад Хэмпстед-хис был еще гораздо обширнее и гораздо естественнее и своеобразнее, чем сейчас.

Провести воскресенье в Хэмпстед-хис было для нас самым большим удовольствием. Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрослые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже само путешествие туда было праздником. Девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята. От Дин-стрит, где жила семья Маркса, — в нескольких шагах от Чёрч-стрит, где поселился я, — был туда добрый час с четвертью ходьбы, и обычно мы уже около одиннадцати часов утра отправлялись в путь. Иной раз, правда, мы выходили позже: в Лондоне не любят рано вставать, а привести все в порядок, собрать детей и как следует уложить корзину — на это всегда уходило некоторое время.

Ах, эта корзина! Она стоит или, вернее, висит перед моим «духовным взором» настолько живо, она представляется мне такой заманчивой и аппетитной, будто я лишь вчера в последний раз видел ее у Ленхен на руке.

Дело в том, что эта корзина была нашим складом провизии, а когда у человека здоровый и крепкий желудок и при этом очень часто в кармане нет нужной мелочи (о *крупных* купюрах в то время вообще речи не было), тогда продовольственный вопрос играет весьма значительную роль. Добрейшая Ленхен отлично это знала, и для нас, часто недоедавших и поэтому постоянно голодных гостей, в ее добром сердце всегда было достаточно сочувствия. Главным блюдом в воскресенье в Хэмпстед-хис был освященный традицией огромный кусок жареной телятины. Ручная корзина, необычных для Лондона размеров, которую Ленхен привезла с собой еще из Трира, служила хранилищем этого святая святых, своего рода дарохранительницей. Там же лежали чай и сахар, а иногда и фрукты. Хлеб и сыр покупались в Хэмпстед-хис, где, как в берлинских парковых

кафе, можно получить посуду, горячую воду и молоко, и так же, как и сейчас, хлеб, сыр, масло и пиво, наряду с обычными для этих мест shrimps («креветками»), watercresses (кресс-салатом) иperiwinkles (съедобными улитками) — в меру потребностей и ресурсов.

Пиво можно было получить всегда, исключая то короткое время, когда общество аристократов-ханжей, нагромоздивших в своих домах и клубах всевозможные спиртные напитки, какие только существуют на свете, и сделавших себе из каждого дня праздник, пыталось путем запрещения продажи пива по воскресным дням направить «чернь» на путь добродетели и нравственности. Но лондонский народ не понимает шутку, когда покушаются на его *желудок*. Сотнями тысяч направился он в первое воскресенье после внесения соответствующего билля в Гайд-парк и посылал там по адресу благочестивых аристократов и аристократок, совершавших свои прогулки в экипажах и верхом, такое громовое насмешливое «Go to church!» («Марш в церковь!»), что добродетельным господам и дамам сделалось совсем страшно. В следующее воскресенье четверть миллиона превратилась в полмиллиона, а «Go to church!» звучало гораздо сильнее и серьезнее. На третье воскресенье распоряжение было отменено²⁰⁷.

Этой «революции» под лозунгом «Go to church!» мы, эмигранты, помогали по мере сил, а Маркс, который в таких случаях чересчур возбуждался, чуть было не угодил в руки полицейского и не попал в участок; к счастью, наши горячие речи о пользе пива повлияли благотельным образом и на храброго стража закона.

Итак, как я уже сказал, триумф лицемерия продолжался недолго, и, исключая это короткое междуцарствие, мы, шагая по совершенно лишенной тени дороге на Хэмпстед-хис, могли утешать себя приятными мыслями о прохладительном напитке.

Самый поход совершался по большей части в следующем порядке. В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь гимнастикой на ходу, то собирая полевые цветы, которые в те времена были еще не так редки, как теперь. За нами шел кое-кто из друзей. Затем следовали главные силы: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, тре-

бывавшим известного внимания. Шествие замыкала Ленхен с самым голодным из гостей, который помогал ей нести корзину. Если общество было многочисленнее, оно распределялось между различными частями походной колонны. Само собой понятно, что боевой или походный порядок мог изменяться в зависимости от настроения и обстоятельств.

Придя в Хэмпстед-хис, мы прежде всего выбирали себе место стоянки, причем по возможности учитывались условия чайного и пивного снабжения.

Autar epei posios kai edetios ex eron hento — подкрепившись напитками и едой, — все участники прогулки подыскивали себе местечко поудобнее, чтобы полежать или посидеть, и, если не предпочитали соснуть, вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты; тут начиналось чтение и обсуждение политических вопросов, между тем как дети, быстро находившие себе товарищей, играли в прятки в кустах.

Но и эта идиллия нуждалась в некотором разнообразии: устраивались бег вперегонки, борьба, метание камней и всякие другие спортивные игры. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спелыми каштанами. «Посмотрим, кто больше всех собьет!» — крикнул кто-то. С криками «ура» все принялись за работу. Мавр пришел в неистовство, но сбивание каштанов определенно не было его сильной стороной. Однако он был неутомим, как и все мы. И только тогда, когда под исступленные крики триумфа был сбит последний каштан, бомбардировка прекратилась. Маркс больше недели не мог двинуть правой рукой. Со мной дело обстояло не лучше.

Но самым большим «treat» (удовольствием) было общее катание на осликах. Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс! Он забавлял и себя и нас — нас вдвойне: во-первых, своей более чем примитивной верховой ездой, а во-вторых, тем фанатизмом, с каким он добивался виртуозности в этом искусстве. Виртуозность состояла в том, что он, еще будучи студентом, взял несколько уроков верховой езды, — Энгельс уверял, что он не пошел дальше третьего урока, — и что во время своих поездок в Манчестер он очень редко выезжал вместе с ним на почтенном Росинанте, по всей вероятности правну-

ке той смиреннейшей кобылы, которую блаженной памяти Фриц * подарил доброму Геллерту.

По дороге домой из Хэмпстед-хис бывало всегда очень весело, хотя уже миновавшее удовольствие обычно будит в нас менее радостное чувство, чем удовольствие, которое еще только предстоит. Против меланхолии, для которой, впрочем, у нас по большей части бывало достаточно оснований, мы были застрахованы нашим горьким юмором. Для нас не существовало эмигрантской нужды — тому, кто принимался жаловаться, тотчас настойчиво напоминали об общественных обязанностях.

Походный порядок на обратном пути менялся. Набегавшиеся за день дети составляли арьергард вместе с Ленхен, которая теперь, когда корзина уже была пуста и сама она шла налегке, могла заняться ими. Обыкновенно мы затягивали какую-нибудь песню. Политические песни пели редко, а чаще всего пели народные, преимущественно сентиментальные песни, и — это сущая правда — «патриотические» песни об «отечестве», как, например: «О Страсбург, Страсбург, дивный город!» — эту песню особенно любили. Или же дети пели нам негритянские песни и плясали при этом, если только их ноги успевали к тому времени немножко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской нужде. Зато много беседовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою исключительную память. Он декламировал длинные отрывки из «Божественной комедии», которую знал наизусть почти целиком. Читал он также сцены из Шекспира, причем его жена, также превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его. Когда он бывал в особенно хорошем настроении, то изображал нам Зейдельмана в роли Мефистофеля. Он восторгался Зейдельманом, которого видел и слышал в бытность свою студентом в Берлине, а «Фауст» был его любимым немецким поэтическим произведением. Не могу сказать, чтобы Маркс хорошо декламировал — он сильно переигрывал, — но он никогда не упускал главного, всегда правильно выражал смысл, короче, он был эффектен, и комическое впечат-

* — Фридрих II. Ред.

ление, производимое первыми произнесенными с пафосом словами, исчезало, как только ты замечал, что он глубоко прочувствовал роль, полностью ее понял и овладел ею.

Женничка, старшая из двух девочек (Тусси, alias * г-жи Элеоноры Маркс-Эвелинг, тогда еще не было на свете), — вылитый портрет отца: те же черные глаза, тот же лоб — иногда приходила в пророческий экстаз; на нее, как на пифию, «сниходил дух», глаза ее начинали блестеть и пылать, и начиналась декламация, часто самая удивительная и фантастическая. Как-то раз на обратном пути с Хэмпстед-хис на нее нашло такое настроение: она начала торжественно говорить о жизни на звездах; импровизация вылилась в стихи. С материнской заботой г-жа Маркс, уже потерявшая нескольких детей, была очень встревожена и сказала: «Никто из детей в ее возрасте так не говорит — это раннее развитие отнюдь не признак здоровья». Мавр успокоил ее, а я указал ей на «пифию», которая, уже пробудившись от своих пророческих грез, с веселым смехом прыгала вокруг, — она была воплощенным здоровьем. Да, Женничка умерла слишком рано, хорошо еще, что мать была избавлена от горя пережить свою дочь.

По мере того как подрастали обе девочки, менялся и характер этих воскресных странствий, тем не менее, поскольку забота о смене не прекращалась, то в молодом поколении недостатка никогда не было.

Несколько детей умерло; оба сына, которые были у Маркса, умерли: один, родившийся в Лондоне, умер очень рано, другой, родившийся в Брюсселе, — после долгого хронического заболевания. Смерть его страшно потрясла Маркса.

Я еще и теперь помню печальные недели болезни без надежды на выздоровление. Мальчик, прозванный «Мушем» («mouche»)** (его настоящее имя, данное в честь дяди***, было Эдгар), был очень одаренным, но, к сожалению, с самого рождения болезненным ребенком; этот мальчик с чудесными глазами и многообещающей головой, которая казалась слишком тяжелой для слабого тельца, был предметом постоянных забот. На-

* — иначе говоря. *Ред.*

** — «муха». *Ред.*

*** — Эдгара фон Вестфалена. *Ред.*

ходись бедный Муш под неусыпным, заботливым надзором где-нибудь в деревне или на берегу моря, он, быть может, и выжил бы; в условиях скитальческой жизни, вечных переездов с места на место, нищенского существования в Лондоне нежное растеньице не смогло достаточно окрепнуть для борьбы за жизнь, не помогли ни нежная родительская любовь, ни материнские заботы. Муш умер. Никогда я не забуду этой сцены: мать, с немым рыданием склонившаяся над мертвым ребенком; стоящая тут же и всхлипывающая Ленхен, страшно возбужденный Маркс, резко отказывающийся от всякого утешения; обе девочки, тихо плачущие и прижимающиеся к матери. Мать, погруженная в скорбь, так судорожно обхватила своих девочек, как будто хотела слить их с собой, защитить их от смерти, отнявшей у нее сыновей.

Через два дня было погребение. Поехали я, Лесснер, Пфендер, Лохнер, Конрад Шрамм и Красный Вольф; я в одном экипаже с Марксом — он сидел молча, уронив голову на руки. Я погладил его по голове: «Мавр, у тебя есть жена, девочки и мы, и все мы тебя так любим!». «Но вы не можете вернуть мне мальчика!» — простонал он, и мы молча поехали дальше по направлению к кладбищу на Тоттенхем-Корт-род. Когда гроб — удивительно большой, так как ребенок, прежде сильно отстававший в своем физическом развитии, за время болезни поразительно вырос, — стали опускать в могилу, Маркс пришел в такое волнение, что я встал рядом с ним, опасаясь, как бы он не бросился в яму вслед за гробом.

Тридцать лет спустя, когда верная спутница жизни Маркса была погребена на Хайгетском кладбище, унеся с собой половину его «я», половину его собственной жизни, он кинулся бы в могилу, если бы Энгельс — как он сам мне позже рассказывал — не успел схватить его за руку²⁰⁸. Спустя 15 месяцев он последовал за ней.

Позднее на свет появилась Тусси, маленькое веселое созданище — кровь с молоком, круглое, как шар. Сначала ее возили в детской коляске, потом то ее таскали на руках, то она топала рядом. Ей было 6 лет, когда я вернулся в Германию, — вдвое меньше, чем моей старшей дочери, которая уже два последних года принимала участие в воскресных прогулках на Хэмпстед-хис.

Она была словно кровь с молоком и осталась такой и сейчас — Тусси, превратившаяся в миссис Элеонору Маркс-Эвелинг. И если она стала «кровь с молоком», то на это имелись свои причины, знать которые кое-кому, возможно, будет бесполезно. Г-жа Маркс потеряла всех детей, родившихся в Лондоне. Когда на свет появилась Тусси, состоялся большой совет, и домашний врач д-р Аллен, превосходный человек, к которому Маркс питал безусловное доверие, заявил, что имеется лишь одна единственная возможность сохранить жизнь и здоровье ребенку, а именно: кормить его до пяти лет исключительно, а до десяти лет преимущественно молоком. Так и сделали. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Тусси стала кровь с молоком, ибо молоко — это кровь. И так было бы и с некоторыми другими детьми, имей они столь же разумных родителей.

* * *

Когда мы в конце пятидесятых годов поселились в северной части Лондона, в Кентиш-таун и Хаверстокхилл, то излюбленным местом наших прогулок стали луга и холмы между Хэмпстедом и Хайгетом. Тут мы собирали цветы, определяли названия растений, что городским детям доставляет особенное удовольствие, — холодное, вечно бушующее каменное море большого города пробуждает в них настоящую страсть к зелени и природе. Какая была радость, когда мы в наших странствиях наткнулись на маленький, затененный деревьями пруд, где я впервые мог показать детям живые «дикие» незабудки. Еще больше было радости, когда однажды на роскошном темно-зеленом бархатном лугу, на который мы проникли после предварительной тщательной разведки местности, нагло предостережениям по поводу «trespassing» (недозволенного вторжения в чужие владения), мы нашли среди других весенних цветов на защищенном от ветра месте *гиацинты*. Увидев их, я сначала не поверил своим глазам — меня учили когда-то в школе, что эти цветы растут на воле только в южных странах, в Швейцарии, у Женевского озера, в Италии, Греции; севернее расти они, мол, не могут. Здесь я имел осязательное доказательство противного и неожиданное свидетельство в пользу утверждения англичан, что в Англии климат для растительного ми-

ра — итальянский. Никакого сомнения — это были самые обыкновенные светло-голубые гиацинты; только цветы были мельче и не так обильно покрывали стебель, как садовые гиацинты; но запах был тот же, только немного острее. Изучая Гомера, я узнал, что асфodelьные луга, по которым бродили усопшие герои, — это были луга, усеянные нарциссами и гиацинтами. И вот, наш луг между Хайгетом и Хэмпстедом превратился в асфodelьный луг; и, подобно блаженным героям, мы блаженно бродили среди гиацинтов и мнили себя счастливее Ахилла; ибо мы жили, а мертвый победитель Гектора ведь всерьез воскликнул, обращаясь к хитроумному, много скитавшемуся и много страдавшему Одиссею: лучше быть на земле поденщиком и гнуть спину на других, чем повелителем мертвых здесь, в царстве теней*.

Мы жили, и нам незачем было с тоской взирать вверх на звездные миры — с этого благоухающего асфodelьного луга мы гордо взирали вниз на мир, на великий, безбрежный мировой город, который на необозримом пространстве расстилался под нами, окутанный безобразно серыми таинственными тучами.

МУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА **

Кто не знает мучительной четверти часа Рабле — той четверти часа, в течение которой должен быть оплачен счет трактирщика или должны произойти еще более неприятные вещи? ²⁰⁹ Кто не переживал такой мучительной четверти часа? У меня их было немало. Перед экзаменом, перед первой речью, в первый раз перед дверью тюремной камеры, когда сторожа предложили мне сдать им помочи и галстук, чтобы я, как мне с беспощадной откровенностью ответили на заданный мной недоуменный вопрос, не уклонился от военного суда посредством самоубийства, — все это, как и многое другое, было, несомненно, неприятными минутами. Но по срав-

* Гомер. «Одиссея». Песнь одиннадцатая. Ред.

** Взято из «Volksfeuilleton» Фукса, для которого я написал статью год тому назад, 8 марта 1895 г. Отрывок, в котором описывается моя первая встреча с Марксом, перепечатан в начале настоящих «Воспоминаний». (Прим. авт.) См. с. 199—200 настоящего издания. Ред.

нению с теми минутами, о которых я собираюсь рассказать, эти переживания были, пожалуй, даже приятными. Это не продолжалось и четверти часа, не больше десяти минут или, быть может, только пять. Я времени не заметил. Мне было некогда этим заниматься, а если бы и нашлось на это время, у меня не было часов. Эмигрант и часы! Знаю только, что мне это показалось вечностью.

Дело происходило в Лондоне 18 ноября 1852 г. Лорд Веллингтон, Iron Duke (железный герцог) и «победитель в ста сражениях», у которого английский народ во времена движения за избирательную реформу поубавил гордости и спеси ²¹⁰, скончался 14 сентября в своем Уолмерском замке; 18 ноября должны были состояться «национальные похороны» этого «национального героя»; в церкви св. Павла его должны были похоронить с «национальной помпой», рядом с другими «национальными героями». Начиная с самого дня его смерти — следовательно, в течение почти двух месяцев — вся Англия, особенно Лондон, говорила об этой церемонии, которая по своему блеску и великолепию должна была превзойти все предшествовавшие, ибо сам этот человек был, по мнению англичан, выше всех прежних героев. И вот этот день наступил. Вся Англия находилась в движении, весь Лондон был на ногах. Сотни тысяч стекались из провинции, тысячи и тысячи — из-за границы. Не забудьте многомиллионного населения самого Лондона!

Я питаю отвращение к подобного рода зрелищам и страшусь большого скопления народа, и на этот раз предпочел бы, подобно большинству своих товарищесс-эмигрантов, сидеть дома или отправиться в Джеймспарк. Но две приятельницы заставили меня изменить это непреклонное решение — *que femme veut, Dieu le veut* — чего хочет женщина, то и будет, пусть даже этим женщинам 6 и 7 лет от роду, как было двум моим приятельницам. Да, мы были большими друзьями: я и обе девочки — черноглазая, с черными локонами *Женни Маркс* — вылитый портрет своего отца, Мавра, и изящная белокурая *Лаура* с плутовскими глазками, удивительно похожая на свою очаровательную мать, которая, несмотря на всю горечь изгнания, при известных обстоятельствах могла смеяться так же лукаво, как

неизменно веселая «Лерхен», — как уже сказано, мы с девочками были добрыми друзьями.

Обе девочки, с первого же дня знакомства сильно ко мне привязавшиеся, завладевали мной всякий раз, как видели меня; им я в сильной степени обязан сохранением во время моей изгнаннической жизни в Лондоне того чувства юмора, которое скрашивало всю мою жизнь. Ничто так не ободряет, не придает столько силы в подобные трудные времена, как общение с детьми. Как часто, когда на душе было особенно скверно, бежал я к моим маленьким приятельницам и бродил с ними по улицам и паркам! Черные мысли скоро рассеивались, доброе настроение снова несло с собой радость и силы для борьбы за существование и для иной борьбы.

Обычно я должен был *рассказывать* — через несколько дней после знакомства я уже был признанным «storyteller» (рассказчиком), которого всегда встречали с ликованием. К счастью, я знал много сказок, а когда мой запас истощался, мне приходилось *составлять* сказки из отдельных кусков, что, правда, продолжалось не долго, так как шустрые девочки быстро замечали, когда я «стряпал рагу» из старых сказок, и в конечном счете я должен был сам сочинять сказки. Таким образом, я в силу необходимости сделался, хотя и не поэтом, но сказочником, до тех пор пока за «историями» не последовала *история*. И никогда ни у кого не было более благодарной, более восприимчивой аудитории. Но куда это меня занесло? Я же хотел описать свои мучительные, самые мучительные четверть часа.

«Только поосторожнее с детьми! Избегайте давки!» — напутствовала меня на прощанье г-жа Маркс, когда я уходил с пританцовывавшими от нетерпения девочками на «show»*. А внизу, в прихожей, поспешившая вслед за нами Ленхен еще раз озабоченно крикнула мне:

«Только осторожно, милый Libragu» (загадочное прозвище, данное мне детьми). Мавра, который по обыкновению вставал поздно, не было видно.

Я составил свой собственный план. Денег, чтобы заплатить за место у окна или на трибуне, у нас не было. Погребальное шествие направлялось по набережной

* — «зрелище», спектакль. Ред.

вдоль Темзы. Нужно было пройти по одной из улиц, идущих с севера к набережной и спускавшихся к реке.

Справа и слева — по девочке, которых я вел за руку, в кармане — еда. Я направляюсь к выбранному мной наблюдательному пункту, вблизи от Темплбар, старых городских ворот, отделяющих Вестминстер от Сити. С раннего утра улицы были необычайно оживлены, кишели народом, но так как «процессия» должна была пройти по многочисленным кварталам города, миллионы людей распределились по всем этим улицам, и мы без толкотни добрались до выбранного пункта. Он оказался очень удобным. Я остановился на лестнице, а обеих девочек поставил ступенькой выше; они крепко прижались друг к другу, и каждую из них я держал за руку.

Чу! Движение человеческого моря; далекий растущий шум, подобный глухому гулу океана, ближе и ближе. Дружное «Ах!» вырвалось из тысяч и тысяч глоток! Показалась процессия, и с того места, где мы находились, все было отлично видно, совсем как в театре. Дети в восторге. Никакой тесноты, все мои опасения и заботы рассеялись.

Долго, долго тянется сверкающая золотом процессия с огромным пышным катафалком, который вез к погребальному склепу останки «победителя Наполеона». Все новые и новые группы проходят мимо нас, пока не скрывается последний обшитый золотом всадник.

И вдруг внезапный толчок — стремительное движение вперед скопившейся позади нас массы людей. Каждый спешит за «процессией». Я противлюсь изо всех сил, стараюсь защитить детей так, чтобы поток прошел мимо, не задевая их. Напрасно! Стихийного напора масс не сдержать никакой человеческой силой, так же как утлой ладье не справиться с ледоходом после суровой зимы. Я должен был уступить и крепко-накрепко прижал к себе детей, стараясь вместе с тем выбраться из самой гущи. Казалось, мне это уже удалось, я облегченно вздохнул, как вдруг справа на нас хлынула новая, еще более мощная волна людей, нас вынесло на набережную, и тысячи, сотни тысяч людей, собравшихся в этой большой уличной артерии, устремились вслед за процессией, чтобы еще раз полюбоваться зрелищем. Я, стиснув зубы, пытаюсь поднять детей к себе на плечи, но

вокруг меня слишком сильная давка. Я судорожно сжимаю руки девочек — водоворот нас уносит, и вдруг я чувствую, как между мной и детьми вклинивается какая-то сила; я схватываю каждую из них рукой за локоть, но сила, появившаяся между мной и девочками, как клин, пробивается все дальше и дальше, отрывая от меня детей, и я должен их отпустить — всякое сопротивление бесполезно, в противном случае я им сломал бы или вывихнул руки. Это была ужасная минута.

Что делать? Предо мной темнели ворота Темплбар с тремя проходами: средним — для экипажей и лошадей и боковыми — для пешеходов. Как вода заполняет пространство между быками моста, так толпа запрудила все три прохода. Но я должен пробиться! Если дети не были задавлены — а громкие крики отчаяния и ужаса вокруг меня указывали мне на всю опасность положения, — тогда, быть может, я их найду по ту сторону, где запруда кончалась. Быть может! Я бешено работал грудью и локтями. Но в такой толпе одиночка похож на соломинку, которая носится в водовороте. Я боролся не переставая; много раз казалось мне, что я уже в проходе, но снова и снова меня отбрасывали в сторону. Наконец, отчаянно сжатый со всех сторон и получив толчок сзади, я очутился по ту сторону ворот и вырвался из этой ужасной, невероятной толчеи. Я бросаюсь во все стороны и ищу девочек — их нет нигде. Сердце сжимается от ужаса; вдруг два звонких детских голоса: «Library!»

Я решил, что мне это грезится. Это была райская музыка. Но вот они, наконец, предо мной, целы и невредимы, эти две девочки с улыбками на устах. Я целовал их и сжимал в своих объятиях. На мгновение я лишился речи. А они рассказывали: людская волна, которая оторвала их от меня, пронесла их невредимыми сквозь ворота и отбросила в сторону, под защиту тех самых стен, которые по ту сторону явились причиной этого страшного скопления. Там они поместились у выступа стены, помня мои старые указания, сделанные во время прежних прогулок: в случае, если они меня потеряют, не двигаться с места или отойти на самое недалекое расстояние.

С триумфом возвратились мы домой. Г-жа Маркс, Мавр и Ленхен встретили нас с ликованием; они сильно беспокоились: до них дошел слух, что толкотня была

невероятная и что много людей было задавлено и ранено. Дети не имели ни малейшего понятия об опасности, которая им грозила, они были полны радостных впечатлений. А я тоже не говорил в этот вечер о том, какие отчаянные минуты мне пришлось пережить.

В том месте, где от меня оторвали детей, много женщин лишилось жизни, и ужасные события этого дня немало способствовали тому; что Темплбар, где возникали такие страшные заторы, вскоре после того были снесены. Эти мучительные четверть часа еще так живы в моей памяти, как будто я их пережил только вчера.

С тех пор я никогда не ходил с детьми туда, где можно было попасть в давку. И не пойду никогда.

ПАТРИОТИЗМ И ЧТО ОТСЮДА СЛЕДУЕТ

В худшие времена эмигрантского существования нам все же случалось часто веселиться, — разумеется, если выпадало счастье не умирать от голода. Мы не поддавались унынию. А когда положение казалось безвыходным, то вспоминалось присловье рабочих Шеффилда: «A short life and a merry one» — жизнь короткая, но веселая. Но кто думал о смерти? Never say die!* Умирать не стоит. И мы часто дурачились. И чем хуже нам бывало, тем безудержнее становилось веселье. Против издевательской усмешки нужды есть только одно средство: смех! Кто падает духом, того нужда хватает за горло и душит. Но от звонкого веселого смеха она бежит как черт, слышавший крик петуха.

И этот рецепт я рекомендую всем, ибо он был и останется хорошим средством, пока вертится земля. Никогда мы не смеялись так много, как в те времена, когда нам приходилось особенно туго.

И не все наши проделки отдавали юмором висельника! Иногда случалось, что мы пускали в ход старые студенческие шалости. Однажды вечером Эдгар Бауэр, который знал Маркса по Берлину и тогда еще — несмотря на «Святое семейство» — лично с ним не враждовал, приехал из своего хайгетского уединения «в город», чтобы совершить «пивное турне». Проблема заключалась в следующем: надо было «пропустить стаканчик»

* — Никогда не говорите о смерти. Ред.

в каждом трактире между Оксфорд-стрит и Хэмпстед-род, — задача не из легких, если принять во внимание огромное количество пивных в этом районе города, даже при условии крайне незначительных размеров каждого «стаканчика». Мы, однако, бесстрашно принялись за дело и благополучно добрались до конца Тоттенхем-Корт-род. Там из одного трактира доносилось громкое пение. Войдя в помещение, мы узнали, что некий клуб Odd Fellows — охватывающего всю Англию общества со своими больничными и похоронными кассами — устроил пирушку. Мы вошли вместе с некоторыми из участников пирушки, которые с английским гостеприимством тотчас же пригласили нас, «иностранцев», к себе в одну из комнат. Мы последовали за ними в превосходном настроении, и разговор, естественно, зашел о политике — было сразу замечено, что мы — немецкие эмигранты. И англичане, славные обыватели, которые хотели сделать нам приятное, сочли своим долгом как следует разругать немецких князей и *русских* юнкеров. Под «русскими» юнкерами следовало понимать *прусских* юнкеров. В Англии часто путают Россию (Russia) и Пруссию (Prussia), причем не только из-за сходства названий. Некоторое время все шло хорошо. Нам приходилось беспрестанно чокаться, произносить и выслушивать тосты.

И вдруг случилось неожиданное.

«Патриотизм» — это болезнь, которой разумный человек подвержен только за *границей*, ибо в своей стране так много убожества, что каждый, кто не страдает разжижением мозга и искривлением позвоночника, делается невосприимчивым к бациллам этого политического недуга, который также зовется шовинизмом, джингоизмом и который особенно опасен, когда пораженные им набожно закатывают глаза и призывают в свидетели бога.

«В Саксонии я хвалю Пруссию, в Пруссии я хвалю Саксонию», — говорил Лессинг. Это и есть разумный патриотизм, который стремится исправить зло в своем отечестве, указывая на то лучшее, действительное или мнимое, что имеется за рубежом. Я рано извлек пользу из слов Лессинга, и причиной единственной взбучки, которую я получил после того, как вышел из юношеского возраста, был приступ патриотизма за границей. Это

случилось в Швейцарии. Как-то раз, когда в одном из цюрихских трактирчиков стали особенно сильно бранить Германию, я вскочил и сказал этим господам: «Вместо того чтобы ругать Германию, вам следовало бы радоваться ее бедственному положению, ибо единственно ему Швейцария обязана своим существованием. Как только в Германии, а также в Италии и Франции будет наведен порядок, Швейцария прекратит свое существование: немецкая Швейцария сама собой отойдет к Германии, французская — к Франции, а итальянская — к Италии». Мои политические предсказания были нелепы, но это происходило в «безумный» год ²¹¹ и мой патриотизм был возбужден. Речь не встретила особого энтузиазма — я мог это видеть по мрачным физиономиям слушателей. Мне резко возразили, разговор мало-помалу смолк, и поскольку час был поздний, я отправился домой. У причала, неподалеку от моего жилья, меня внезапно окружили несколько человек, и не успел я опомниться, как мне дали подножку, я упал на землю и, прежде чем успел снова подняться на ноги, получил пару крепких ударов кулаком, после чего нападавшие убежали. Я так и не узнал, кто они были, но ни минуты не сомневался в том, что эту анонимную взбучку навлек на себя своей патриотической речью в трактире.

И вот теперь в Лондоне у добропорядочных Odd Fellows я вместе с двумя своими «не имеющими отечества» спутниками попал в очень сходное положение. Эдгар Бауэр, задетый каким-то замечанием, перешел в атаку и стал издеваться над английскими снобами *. Маркс же разразился полной энтузиазма речью, восхваляя немецкую науку и *музыку*. Никакая другая страна не смогла бы дать таких композиторов, как Бетховен, Моцарт, Гендель и Гайдн, и англичане, у которых, мол, вообще нет музыки, стоят неизмеримо ниже немцев. Жалкие политические и экономические условия до сих пор мешали немцам вести большую практическую деятельность, но они еще опередят все прочие народы. Я никогда не слышал, чтобы он так бегло говорил по-английски. В свою очередь и я стал говорить в резких выражениях,

* Сноб, образ которого дан Теккереем в превосходной сатире, разыгрывает из себя «мужественного, свободного британца» и пресмыкается перед титулами, чинами и богатством ²¹². (Прим. авт.)

что политические условия в Англии ничуть не лучше, чем в Германии (при этом мне оченьгодились уркартовские меткие словечки), с тем единственным различием, что мы, немцы, сознаем жалкое состояние своего государственного устройства, а англичане не сознают этого о своей стране, из чего вытекает, что мы превосходим англичан с точки зрения политического развития.

Лица наших радушных хозяев помрачнели — совсем как тогда в швейцарском трактире, и когда Эдгар Бауэр пустил в ход еще более грубое оружие и завел речь об английском лицемерии — *sant*, послышалось сперва тихо, а потом и громче: *damned foreigners!** Стали раздаваться угрозы, люди разгорячились, в воздухе замелькали кулаки. Мы были достаточно разумны, чтобы избрать благую участь, и, правда, не без известного труда, совершили более или менее достойное отступление.

Для нас было довольно «пивного турне». И чтобы несколько остудить кровь, мы помчались бегом, пока Эдгар Бауэр не споткнулся о кучу булыжников. «Ура! Идея!» И, вспомнив о безрассудных студенческих выходах, он схватил камень, и бац! Газовый фонарь разлетелся вдребезги. Сумасшествие заразительно: Маркс и я не пожелали отстать, и мы разбили четыре или пять фонарей. Было около двух часов ночи, так что улицы опустели. Однако шум привлек внимание полицейского, который быстро подал сигнал своим коллегам по участку. И тотчас раздались ответные сигналы. Положение становилось критическим. К счастью, мы оценили ситуацию, и также к счастью, местность была нам знакома. Мы ринулись вперед, а трое или четверо полицейских следовали на некотором расстоянии позади нас. Маркс развил такую скорость, на какую я никогда бы не счел его способным. После нескольких минут бешеной гонки нам удалось свернуть в переулок и там пробежать своего рода «аллеей — двором» между двумя улицами, в результате чего мы зашли в тыл полицейским, потерявшим след. Теперь мы были в безопасности. Наших примет у них не имелось, и мы без дальнейших приключений добрались каждый до своего дома. Подобного же рода приключение в Марбурге окончилось не так благополучно для моих товарищей и имело

* — проклятые иностранцы! Ред.

последствия также и для меня, хотя сначала меня и не поймали. Здесь, в Лондоне, где не испытывают сочувствия к немецким студенческим выходкам, дело было бы воспринято гораздо серьезнее, чем в Марбурге, Берлине или Бонне. И должен признаться, когда я проснулся на другое утро — нет, в полдень того же дня, — то был очень рад, что нахожусь у себя в комнате, а не в камере полицейской тюрьмы вместе с членом «Святого семейства» Эдгаром Бауэром и будущим творцом «Капитала» Карлом Марксом. Но вспоминая об этих ночных приключениях, мы все равно смеялись.

ТАБАК ²¹³

Маркс был страстным курильщиком. Он вносил в это занятие такую же увлеченность, как и во все, что он делал. Так как английский табак был для него слишком крепок, то, если это удавалось, он пользовался сигарами, которые, дабы продлить удовольствие или удвоить его, он до половины изжевывал. Поскольку сигары в Англии очень дороги, он вечно охотился за дешевыми сортами и можно себе представить, что за дрянь он приобретал. Есть такое английское выражение: *cheap and nasty* — дешево да гнило (Рёло несколько эфемистически перевел это как «дешево и плохо»), а посему друзья Маркса побаивались его сигар. Этими ужасными сигарами он совершенно испортил свой вкус и обоняние курильщика. И все же он был уверен и не переставал утверждать, что он превосходный знаток сигар, пока однажды вечером не попался в расставленную нами ловушку. Один человек, приехавший из Германии в год выставки, в 1851 г. ⁹⁵, привез с собой некоторое количество хороших импортных сигар, которые мы, едва только Маркс вошел, зажгли и с наслаждением закурили. Он почувствовал необычный аромат. «Ну великолепно же пахнет!» — «Но ведь это же настоящие гаванские сигары, которые привез Х.! Попробуй-ка». И говоривший протянул доверчивому Марксу — и тот с удовольствием ее взял — сигару самого скверного сорта, какой нам только удалось отыскать в Сент-Джайлсе, беднейшем пролетарском квартале Ист-Энда, походившую, однако, формой и окраской на настоящую. Чудо-сигара была зажжена, Маркс с блаженным видом пускал в воздух драго-

ценный дым. «Я не сразу поверил, по большей части из Германии привозят жалкую траву, но это и впрямь здорово!» Мы поддакивали с серьезными лицами, хотя едва не лопались от сдерживаемого смеха. Дня два спустя он узнал правду. Он не рассердился, но непреклонно утверждал, что та сигара была настоящая гаванская и что это мы теперь пытаемся водить его за нос. И его невозможно было разубедить.

Страсть Маркса к сигарам действовала возбуждающе и на его политико-экономические таланты — не теоретически, а практически. Долгое время он курил определенные, для английских условий очень дешевые и соответственно плохие сигары, но во время одной из своих прогулок по Холборну нашел еще более дешевые — думается, по $1\frac{1}{2}$ шиллинга (= $1\frac{1}{2}$ марки) за фунт и ящичек. Вот тут-то и проявился его политико-экономический талант экономии: на каждом таком ящичке сигар, который он выкуривал, он «экономил» $1\frac{1}{2}$ шиллинга. Ergo*, чем больше он курил, тем больше «экономил». Если он будет выкуривать по одному ящичку в день, то, при необходимости, сможет жить за счет своих «сбережений». Он с такой энергией и самоотверженностью реализовывал эту свою систему, которую как-то вечером развил перед нами в юмористической речи, что спустя несколько месяцев домашний врач вынужден был вмешаться и строго-настрого запретил Марксу «обогащаться» путем подобного рода «экономии».

Мы много смеялись над Марксовой теорией экономии. Мы тогда еще не подозревали, что «народ мыслителей» годами верил в аналогичные практические теории экономии и всерьез рассматривал их как метод решения социального вопроса. Впервые я узнал об этом по возвращении в Германию; в Англии, когда такие сообщения помещались в английских газетах, я всегда считал их сказками.

ПОСЛЕ ЛОНДОНСКОГО ПЕРИОДА МОЕЙ ЖИЗНИ

Я, естественно, поддерживал с Марксом постоянную, никогда не прерывавшуюся связь. Я регулярно переписывался с ним одним в Лондоне, во-первых, потому,

* — Стало быть. Ред.

*Дочь Маркса Лаура
в 1864 г.*

*Дочь Маркса Элеонора
в середине 70-х гг.*

*Элеонора Маркс-Эвелинг
и Вильгельм Либкнехт
(1886 г.)*

Шарль Лонге

Поль Лафарг

Эдуард Эвелинг

*Лиззи Бёрнс,
жена Ф. Энгельса*

Елена Демут

Фридрих Лесснер

Вильгельм Либкнехт

Август Бебель

Фридрих Адольф Зорге

Франц Меринг

*Дом в Трире,
где родился К. Маркс*

*Дом в Лондоне
(28, Дин-стрит, Сохо),
в котором жил Маркс
с 1850 по 1856 г.*

*Дом в Манчестере,
в котором жил Энгельс*

*Дом в Бармене,
где родился Ф. Энгельс*

*Дом в Лондоне
(9, Графтон-террас, Мейтленд-парк,
Хаверсток-хилл), в котором жил
Маркс с октября 1856 по 1868 г.*

что это был Маркс, а во-вторых — с ним было очень легко общаться.

Я сам в полной мере убедился в этом в Лондоне и, кроме того, слышал от обоих Вольфов* и от Дронке, что они приобрели аналогичный опыт в редакции «Neue Rheinische Zeitung» и прекрасно ладили с Марксом, и тоже только с Марксом.

Здесь будет вполне уместно добавить то, что я говорил в конце лета прошлого года, после смерти Энгельса, в статье для «Süddeutscher Postillon» (1895, № 19) об отношениях между Марксом и Энгельсом и об известных различиях между ними в характере и темпераменте. Я писал там:

«Кем был и остался Фридрих Энгельс для партии — об этом нет нужды распространяться. Он и Карл Маркс являются теми людьми, которым пролетариат из всех, кто пролагал ему новые пути, обязан более всего. Оба они, пионеры и первопроходцы, были мыслителями, исследователями, борцами. Они подняли социализм до уровня науки, поставили его на гранитный фундамент фактов и сделали победу необходимым результатом уравнения с твердыми постоянными величинами.

По поводу отношений между Марксом и Энгельсом написано много глупостей — то, что Энгельс ставил себя позади Маркса, что при его жизни он почти пожертвовал своей личностью — все это правильно и блестяще отражает характер Энгельса, но не уменьшает его значения в интеллектуальном плане. Он был *иным*, чем Маркс, но не ниже его. Оба они подходили друг другу, дополняли один другого и каждый из них сам по себе был равноценен другому, они составляли могучую *двуединую личность*, подобной которой история не знает.

Совершенно неверно считать, что Маркс будто бы был неприступным, а Энгельс — более мягким, гибким, посредником между замкнувшимся в себе олимпийцем и «толпой». Правда, Энгельс, обладавший пол-лессинговски светлой головой, писал много понятнее, чем Маркс, — это коренилось в его характере и жизненных обстоятельствах, которые толкали его, сына фабрикан-

* — Вильгельма и Фердинанда. Ред.

та, в область практической деятельности. Но Маркс был доступнейшим человеком, веселым и любезным в общении с людьми. Энгельс был более резким. В нем иногда бывало нечто по-военному решительное, что вызывало протест, тогда как Маркс в обхождении был очень обаятельным. В редакции «*Neue Rheinische Zeitung*» все шло гладко, пока там находился Маркс. Когда же его замещал Энгельс, тотчас возникала конфликтная атмосфера: об этом мне не раз рассказывали Дронке, Красный Вольф и Казематный Вольф (Лупус) иногда даже в присутствии самого Энгельса, который при этом, смеясь, покручивал ус. С Марксом у меня дело доходило до конфликта лишь дважды, с Энгельсом — нередко»²¹⁴.

Что же касается редакции «*Neue Rheinische Zeitung*», то следует еще упомянуть, что царившая в ней духовная атмосфера, выходки некоторых «граждан» редакторов и возникавшие порой титанические сражения иной раз служили нам поводом для оживленных бесед и для бурного веселья. Только когда Маркс находился в редакции, там устанавливались спокойствие и порядок, насколько это вообще было возможно в подобной компании. В его же отсутствие воцарялась полнейшая анархия, которая нередко — если ее пытался остановить очень любивший порядок и отличавшийся несколько диктаторскими замашками Энгельс — перерастала в открытый бунт, усмирить который было под силу лишь самому Марксу.

После нескольких неудачных попыток обязанность поддерживать порядок в редакции была возложена на Лупуса, и перед его железной серьезностью и мрачной добросовестностью склонились все, хотя и не всегда бывали согласны с его доводами.

Таким образом, с Марксом я очень хорошо ладил и после своего возвращения в немецкое «отечество».

Когда человек, подобно мне, пробыл пятнадцать лет вдали от родины, да еще в такое бурное, богатое событиями время, он становится чужим, и ему бывает трудно снова найти свое место и привыкнуть. Я же вдобавок ко всему попал в особенно трудное положение, оказавшись в редакции «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», причем как раз в то время, когда к кормилу власти пришел *Бисмарк*.

Мое положение в основанной *Брассом* газете стало невыносимым, когда она, как я вскоре заметил, несмотря на все хитроумные попытки ввести читателей в заблуждение, продалась Бисмарку. Я был вынужден отказаться от единственного своего источника доходов и вместе со своей семьей, которую я вызвал из Лондона, остался, по выражению французов, буквально «на мели». Но все же я приобрел в «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» кое-что очень ценное: *ключ к политике Бисмарка*. Я имел возможность — и использовал ее в меру своих сил — заглянуть в карты этому наглому юнкеру, прошедшему огонь, воду и медные трубы, на чей счет прогрессистская партия ¹⁰⁵ так основательно заблуждалась. И я могу с удовлетворением сказать, что моя оценка политики и характера этого средневекового насильника, данная в тот момент, когда наша борьба с ним только начиналась, была такой же, какой она является сейчас, после того как борьба закончилась и победа одержана ²¹⁵.

С восхождением Бисмарка начался подъем и *лассальянского движения*.

Лично я был не в лучших отношениях с Лассалем — я не мог простить ему того, что он, бывший член *Союза коммунистов* ²¹⁶, дал себя заманить в фарватер прогрессистско-демократической партии и вовлечь в великопрусскую кампанию восхищения Наполеоном в 1859 г. ²¹⁷

И антипатия была взаимной. Лассаль всерьез верил чепухе, которую нес Карл Фогт, и считал меня, поскольку я в бытность свою в Лондоне некоторое время сотрудничал в аугсбургской «*Allgemeine Zeitung*», платным агентом австрийского правительства — это мнение обо мне было сообщено им рядом лиц, а позже при посредстве графини *Гатцфельдт* внушено также и министру-президенту, будущему рейхсканцлеру князю Бисмарку.

Таким образом, я не испытывал чрезмерной склонности устанавливать более тесные отношения с Лассалем и пробыл в Берлине 6 или 7 месяцев, прежде чем посетил его. Я был принят очень дружелюбно, и одно из первых замечаний Лассалья касалось моих отношений с «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*». Ему не слишком понравилось, что я ушел оттуда; Бисмарк, мол, не такой

уж реакционер, как я предположил под влиянием шумихи, поднятой прогрессистами; самое разумное — это вернуться к Брассу: в редакции «Norddeutsche» я смогу принести больше пользы нашему делу, чем в своем нынешнем положении или, вернее, при отсутствии всякого положения. В ходе беседы нам обоим стало ясно, какая пропасть лежит между нами. И все же я стал членом *Всеобщего германского рабочего союза*²¹⁸, разумеется, сохранив при этом полную свободу действий.

Последующее общение с Лассалем не сблизило меня с ним. Многие из того, что я видел и слышал, было мне не по душе, а кое-что даже вызывало недоверие. У графини Гатцфельдт, имевшей, к сожалению, очень большое влияние на Лассалья, я обнаружил непонятную для меня тогда — но не теперь — склонность к Бисмарку, а многие лица, которых я встречал у Лассалья, были мне отнюдь не симпатичны. Самого г-на фон Вагенера я там не встречал, но о нем говорилось с величайшим уважением, как о человеке, от которого надо ожидать великих и добрых дел. Фактотум Вагенера, некий *Прейс*, бывал в доме ежедневно, а в истории с *депутацией силезских ткачей*, которая разыгрывалась в это время, видели зарю новой эры²¹⁹. Я слышал, как господа в кроваво-красных якобинских колпаках на голове разом кричали «Ура революции!» и «Ура Бисмарку!».

Но это все сюда не относится. Короче говоря, не все шло так, как хотелось бы. Необходимо было внести ясность. Лассаль был очень занят агитацией за «свой» новый союз — Всеобщий германский рабочий союз, и лишь изредка предоставлялась возможность побеседовать подольше. Я же хотел вникнуть в суть дела — в отношение к Бисмарку, который все больше стягивал бархатную перчатку со своего железного кулака; поэтому Лассаль избегал меня. Все же до его отъезда в 1864 г. в Рейнскую провинцию и в Швейцарию мы договорились, что по его возвращении, самое позднее в *сентябре*, должно состояться *совещание* с «лондонцами», то есть с *Марксом, Энгельсом и со мной*. На этом совещании предполагалось решить, возможно ли сотрудничество или же мы будем вынуждены повернуть против него. Согнуть или сломать!

Лассаль был очень возбужден, он сознавал, что попал в ложное положение. Мысль о необходимости приз-

нать это или открыто порвать со старыми товарищами по борьбе была для него мучительной; она не давала ему покоя и преследовала его во время поездки в Рейнскую провинцию и в Швейцарию, в дни его любовной авантюры с фрейлейн фон Дённигес и под дулом пистолета валлашского дворянина Раковица ¹⁰⁶.

Эта дуэль была косвенным самоубийством.

Демократическая совесть и революционная натура Лассалья не позволяли ему выступить против нас и безоговорочно встать на сторону Бисмарка; а гордость не позволяла ему признаться, что он обманулся в своих расчетах, и, по собственному его образному выражению, ушел с бисмарковского пиршества не солоно хлебавши. Из этого трагического конфликта не было выхода при жизни.

Разумеется, в период этого тяжелого кризиса я не сделал ни одного важного шага, не посоветовавшись предварительно с Марксом и не заручившись его согласием. И в этой связи следует раз и навсегда констатировать, что Маркс *никогда* не делал попыток руководить и командовать из Лондона партией в Германии — сначала это был лишь зародыш партии. Ему заведомо была ясной бессмысленность подобного предприятия, которое напоминало бы глупость австрийского верховного военного совета во время французской революционной войны ²²⁰. И когда буржуазные борзописцы, утверждающие, будто всем рабочим движением в Германии управляют из Лондона, словно марионеткой, отводят такому человеку, как Маркс, столь ребяческую роль, они попросту обнаруживают низкий уровень своих собственных мыслительных способностей.

Никто лучше Маркса не понимал, что движение, которое направляется извне при помощи дерганья за веревочку и которое кормят духовной пищей через нюрнбергскую воронку ²²¹, с самого начала несет в себе семена гибели и обречено влачить жалкое существование и умереть.

После смерти Лассалья стало необходимым перед лицом сложившейся ситуации исправить допущенные ошибки и постепенно направить деятельность по верному пути. Замысел безоговорочно и беспощадно отнести эти ошибки за счет Лассалья был *отвергнут Марксом*, который помешал его выполнению, когда соответ-

ствующая рукопись была уже готова ²²². Я подчеркиваю это, потому что графиня Гатцфельдт распространила слух, будто Маркс «ревновал» к Лассалю и «хотел уничтожить самую память о нем среди немецких рабочих». Свое мнение о Лассале как теоретике Маркс выразил деликатно, но недвусмысленно в «Капитале» ²²³. А то, что он признавал заслуги Лассалья как агитатора, несмотря на его тяжелые тактические и политические ошибки, Маркс убедительно доказал, став после смерти Лассалья сотрудником «Social-Demokrat», органа Всеобщего германского рабочего союза, этого детища Лассалья. Если сотрудничество Маркса, равно как и сотрудничество Энгельса, Гервега, Иоганна Филиппа Беккера и мое собственное, было непродолжительным, то виноват в этом исключительно г-н фон Швейцер, который подло нарушил данное нам честное слово относительно тактики, коей надлежало придерживаться, и поставил «Social-Demokrat» на службу бисмарковской социальной демагогии.

Основав *Международное Товарищество Рабочих*, Маркс дал немецкому рабочему движению твердую цель и организационные рамки, и он словом и делом помогал нам в трудной борьбе за образование единой независимой социалистической рабочей партии. Если мне еще будет позволено — надежда, правда, очень смелая — подробнее остановиться на этом эпизоде немецкого рабочего движения, собрать и привести в порядок письма и другие материалы, разрозненные и разбросанные в результате вынужденных переездов с квартиры на квартиру, обысков и опасения обысков, тогда станет ясно, как верно Маркс, за редкими исключениями, понимал фактическое положение дел, а также, что он имеет в тысячу раз больше прав претендовать на звание «реального политика», нежели те, кто именуют себя политическими мужами и чья «реальная политика» состоит в том, чтобы плыть по течению и вообразить себя движущей силой потока.

Особенно блестяще Маркс доказал свою историческую проницательность в 1870 г., когда он среди порохового дыма и грохота франко-германской династической войны предсказал последствия *аннексии Эльзас-Лотарингии* ²²⁴. Я не помню второго такого случая, когда бы ум человека так прозорливо проанализировал и

оценил чрезвычайно запутанное положение и так метко определил бы его воздействие на десятилетия вперед. Существовало много знаменитых исторических предсказаний, но на поверку оказывалось, что это изготовленные позднее фальшивки. В нашем же случае время и обстоятельства точно документированы. Никаких сомнений быть не может. Это произошло после Седана ²²⁵, спустя несколько дней после того, как Бисмарк отбросил маску оборонительной войны. И дело идет не о частных или доверительных высказываниях в тесном кругу, а о меморандуме, который был представлен немецким рабочим и всему миру в «*Брауншвейгском манифесте*» и в *воззвании* Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих ²²⁶. К тому же этот меморандум вызвал ярость Бисмарка и его креатур, а ответом на него явились зверские репрессивные меры. Когда я в декабре 1870 г. обратил внимание рейхстага на резко и ясно очерченные Марксом последствия аннексии Эльзас-Лотарингии, то единственным ответом было лошадиное ржание господ «реальных политиков» национал-патриотического толка, которые хотели заглушить мой голос ²²⁷.

Стали бы эти господа смеяться и сейчас, после того как это предсказание исполнилось с такой зловещей точностью?

Но тот, кто не имеет путеводной нити для выхода из извилистых ходов лабиринта, где «государственные мужи» Европы сейчас бредут, спотыкаясь между бесчисленными скрытыми от глаз запальными устройствами, легчайшее прикосновение к которым вызвало бы взрыв колоссальной мины, вернее, скопления колоссальных мин, именуемого *восточным вопросом*, тот, кто не ориентируется в этом гигантском сумбуре, пусть прочтет, что писал Карл Маркс об аннексии Эльзас-Лотарингии в сентябре 1870 г., стало быть, 26 лет назад, и тогда он яснее ясного увидит свой путь.

Ну,— спросит, быть может, читающий эти строки,— а как же судил о людях тот, кто так верно судил о вещах и умел заглянуть в самую их глубь?

Маркс не обладал большим знанием людей в обычном смысле слова, ему не было свойственно выносить суждение о каждом, с кем ему приходилось сталкиваться, и так как он с детства, подобно всем сильным

людям, отличался доверчивостью, то нередко бывало, что расчетливые люди обманывали его или злоупотребляли его доверием. Я говорю это, потому что незадачливые почитатели приписывают ему необычайный талант сердцеведа. Он, действительно, обладал таким талантом, но не всегда применял его в обыденной жизни. В полную силу это проявлялось лишь тогда, когда у Маркса имелись особые причины и желание заняться определенным лицом. Горе тому злополучному, который, раз попав в поле зрения, был пронизан насквозь этим критическим взглядом. Вот тогда не находилось такого укромного уголка, куда не проник бы взгляд этих глаз. Маркс в еще большей степени, чем Энгельс, о котором я писал это в статье для «Neuer Welt-Kalender» за 1897 г.²²⁸, обладал свойством рентгеновских X-лучей, которые не позволяют выдать «X» за «Y» и пронизывают людей и вещи, разоблачая самое сокровенное.

Но хватит отвлекаться, надо поскорее заканчивать.

Да, то были тяжелые времена для нас, шла война, и случались минуты сомнения, связанные с холодным, мучительным сознанием одиночества посреди всеобщего разгула диких страстей, захлестывавших массы подобно урагану. Как радовался я, когда почтальон приносил написанное знакомым почерком письмо из Лондона, которое несколькими спокойными, ободряющими словами рассеивало сомнения. Нужно самому оказаться в подобном положении, чтобы измерить всю ценность подобных дружеских ободрений в такие мгновения и из таких уст.

О том, что впоследствии у меня возникли разногласия с Марксом по поводу программы Готского объединительного съезда¹⁹⁹, известно и, кроме того, об этом уже упомянуто в предшествующих главах. Это было единственное мое разногласие с Марксом после моего возвращения в Германию. Конечно, расхождения во мнениях бывали, но они продолжались не больше, чем требовалось для обмена мнениями. Маркс терпимо относился к чужим взглядам; он никогда не упорствовал в мелочах, а когда дело идет о крупных вещах и существовании вопроса, разумные люди легко могут договориться.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Поскольку я не вполне осведомлен о последних годах жизни Маркса и о ряде семейных обстоятельств и событий и так как в связи с отдельными моментами мне понадобилось освежить свою память, то я обратился к моей неутомимой и всегда готовой помочь приятельнице Тусси — я имею в виду г-жу Элеонору Маркс-Эвелинг, — и попросил ее ответить на ряд поставленных мной вопросов. Ответ пришел. Новые вопросы — новые ответы.

Ниже я привожу эти сведения в переводе на немецкий, так как у Тусси другой родной язык, нежели у ее матери и отца. Как и все немецкие дети, родившиеся в Англии, она предпочитала более легкий английский язык трудному, очень трудному немецкому. Из всех известных мне языков немецкий самый трудный, а английский — самый легкий, поэтому английский и больше всего подходит в качестве *международного языка*, тем более что он является одним из наиболее богатых, сильных, выразительных и красивых языков и что на нем уже теперь говорит большая часть цивилизованных людей, во всяком случае больше, чем на немецком и французском, взятых вместе.

Я помню, какого труда мне стоило в Лондоне, чтобы моя родившаяся там дочь * свободно овладела немецким языком, который она изучала дома. Маркс тоже придавал большое значение тому, чтобы его дети как следует изучили немецкий язык; в то же время я знаю знаменитых немецких «патриотов», которые в бытность свою за границей изгнали немецкий из семейного обихода.

Но никакими самыми строгими мерами нельзя помешать тому, чтобы дети в Англии менее охотно говорили на несравнимо более трудном немецком языке, чем на английском. Вот так и случилось, что Элеонора Маркс-Эвелинг, только в виде исключения и лишь будучи вынужденной к этому, пишет по-немецки, хотя *говорит* она на этом языке совершенно бегло и правильно.

---

* — Алиса. Ред.

Я оставил ее ответы на заданные мной вопросы без изменений; это написано отрывочно, легким эпистолярным и потому тем более живым стилем.

«О пребывании Мавра в *Мустафе (Алжир)* я могу сообщить только, что погода стояла там отвратительная, что Мавр нашел там очень знающего и милого врача и что в отеле все были к нему внимательны и любезны.

Осень и зиму 1881/82 г. Мавр провел с Женни в Аржантёйе, близ Парижа. Там мы съехались и провели вместе несколько недель. Затем он уехал на юг Франции и в Алжир, но вернулся оттуда в очень плохом состоянии. Осень и зиму 1882 г. он прожил в Вентноре (на острове Уайт), откуда возвратился после смерти Женни, последовавшей 11 января 1883 г.

Теперь о *Карлсбаде*. Впервые мы посетили его в 1874 г. Мавра направили туда из-за болезни печени и бессонницы. В следующем, 1875 г. он поехал туда один — первое пребывание в Карлсбаде чрезвычайно ему помогло. В следующем, 1876 г. я опять поехала вместе с ним, так как он говорил, что в прошлом году сильно ощущал мое отсутствие. В Карлсбаде он прошел лечебный курс с величайшей добросовестностью и аккуратно выполнял все, что ему было предписано. Мы приобрели там массу друзей. Мавр был очаровательным спутником. Всегда в хорошем настроении, он был готов радоваться всему — и красивому ландшафту, и стакану пива. Благодаря своим всеобъемлющим историческим познаниям прошлое каждой местности, которую мы посещали, он умел сделать еще более живым и реальным, чем оно даже было в действительности.

О пребывании Мавра в Карлсбаде, кажется, уже кое-что писали. Я, между прочим, слыхала о какой-то большой статье, не помню в какой газете; пожалуй, М. О. в Д. может рассказать подробнее. Он говорил мне об одной очень хорошей статье²²⁹.

В 1874 г. мы виделись с вами в Лейпциге. Тогда мы заехали на обратном пути в Бинген, который Мавр хотел мне показать, так как он был в нем во время своего свадебного путешествия с моей матерью. Кроме того, мы побывали во время этих двух поездок в Дрездене, Берлине, Праге, Гамбурге и Нюрнберге.

В 1877 г. Мавр снова собирался в Карлсбад. Однако нас предупредили, что германское и австрийское правительства намереваются его выслать. А так как путешествие было слишком продолжительным и дорогим, чтобы рисковать высылкой, то он уже больше в Карлсбад не ездил — к великому ущербу для своего здоровья, потому что после лечения здесь он всегда чувствовал себя как бы возродившимся.

В Берлин мы поехали главным образом для того, чтобы повидаться с верным другом моего отца, с моим дорогим дядей Эдгаром фон Вестфаленом. Мы пробыли там всего несколько дней. К великому удовольствию Мавра, мы позже узнали, что в отель, где мы остановились, на третий день нагрянула полиция — ровно через час после нашего отъезда».

«Осенью 1881 г., когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала со своего ложа страданий, Мавр подхватил тяжелое воспаление легких, принявшее опасный оборот потому, что он всегда запускал свои болезни. Врач (наш добрый друг Донкин) считал его почти безнадежным. Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате.

Наша добрая старая Ленхен (ты знаешь, кем она была для нас) и я превратились в сиделок. Врач говорил, что своими заботами мы спасли Мавра. Как бы там ни было, я знаю только, что ни Елена (Ленхен), ни я ни разу не легли спать в течение трех недель. День и ночь мы были на ногах, а когда уж слишком уставали, то ложились поочередно на часок.

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели — это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом.

Мавр поправлялся, и если еще не окреп вполне, то во всяком случае набирался сил.

Затем, 2 декабря (1881 г.) умерла мамочка. Последние ее слова — странно, что они были сказаны по-английски, — были обращены к ее «Карлу».

Когда приехал наш дорогой Генерал (Энгельс), он сказал — и это меня тогда почти ожесточило против него:

«Мавр тоже умер».

Это действительно так и было.

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он упорно боролся со своими недугами — он ведь до конца был борцом, — но он был сломлен. Общее состояние его здоровья становилось все хуже и хуже. Будь он эгоистичнее, он просто махнул бы на все рукой. Но для него существовало нечто, что было выше всего, — это была его преданность делу. Он пытался завершить свой великий труд и поэтому согласился поехать еще раз отдохнуть.

Весной 1882 г. он отправился в Париж и Аржантёй *, где я с ним встретила. Мы провели с Женни и ее детьми несколько поистине счастливых дней. Затем Мавр отправился на юг Франции и, наконец, в Алжир.

Все время пребывания в Алжире, Ницце и Каннах его преследовала плохая погода. Из Алжира он писал мне длинные письма. Многие из них я потеряла, так как по его просьбе я пересылала их Женни, а она вернула мне далеко не все.

Когда Мавр возвратился наконец домой, он был очень плох, и мы начали опасаться самого худшего. Осень и зиму он по совету врача провел в Вентноре, на острове Уайт. Здесь я должна упомянуть, что в то время я уехала, по желанию Мавра, со старшим сыном Женни Жаном (Джонни) на три месяца в Италию. В начале 1883 г. я поехала к Мавру, взяв с собой Джонни, которого он любил больше всех своих внучат. Я должна была вернуться, так как меня ждали мои уроки.

Но вот обрушился последний страшный удар: известие о смерти Женни. Женни, старшая и самая любимая дочь Мавра, умерла внезапно (11 января). Мы получали письма от Мавра — они сейчас передо мной, — в которых он писал, что здоровье Женни улучшается и

---

* Это та поездка, о которой уже была речь в начале настоящего рассказа. (Прим. авт.) См. настоящее издание, с. 267. Ред.

что нам (Елене и мне) опасаться нечего. Телеграмму с известием о смерти мы получили через час после письма, в котором Мавр писал это. Я тотчас поехала в Вентнор. Мне приходилось в жизни переживать немало печальных минут, но никогда мне не было так тяжело, как тогда. Я чувствовала, что везу моему отцу смертный приговор. Во время этого длинного мучительного путешествия я ломала себе голову над тем, как мне сообщить ему это известие. Но мне не пришлось ничего сказать, меня выдало выражение моего лица. Мавр сразу сказал: «Наша Женничка умерла!» — и тут же велел мне ехать в Париж в помощь к детям. Я хотела остаться с ним, но он не терпел никаких возражений. Едва пробыв в Вентноре полчаса, я снова пустилась в безрадостный, печальный путь в Лондон, чтобы оттуда тотчас же ехать в Париж. Я сделала то, чего хотел Мавр ради детей.

Не буду говорить о своем обратном путешествии; я с ужасом вспоминаю это время — какие душевные муки! какая пытка! Но довольно об этом. Короче говоря, я вернулась, а Мавр возвратился домой — чтобы умереть.

Теперь еще несколько слов о мамочке. Она умирала на протяжении долгих месяцев и вытерпела все ужасные мучения, которые несет с собою рак. И все же ее обычное хорошее настроение, ее неистощимый юмор, который тебе достаточно знаком, не покидали ее ни на минуту. С детским нетерпением справлялась она о ходе тогдашних выборов в Германию (1881 г.), и как ликовала по поводу наших побед!¹³⁹ До самой смерти она была бодра и старалась шутками рассеять наши опасения. Она, так жестоко страдавшая, шутила, смеялась — смеялась над нами и над врачом, потому что уж очень серьезными мы были тогда. Почти до последнего момента она была в полном сознании, и, когда больше уже не могла говорить, — ее последние слова были обращены к «Карлу» — она пожимала нам руки и пыталась улыбаться.

Что касается Мавра, то ты знаешь, что он, перейдя из спальни в свой кабинет на Мейтленд-парк, опустился в свое кресло и мирно заснул.

Это кресло стояло у «Генерала» до самой его смерти, теперь оно у меня.

Когда будешь писать о Мавре, не забудь о Ленхен. Что ты не забудешь о мамочке, я знаю; Ленхен была до известной степени той осью, вокруг которой вращалось все в доме. Наш лучший и самый верный друг. Так что не забудь о Елене, когда будешь писать о Мавре!»

«Теперь сообщу тебе, согласно твоей просьбе, некоторые подробности пребывания Мавра на юге. Мы, то есть он и я, были в начале 1882 г. несколько недель у Женни в Аржантёе. Март и апрель Мавр провел в Алжире, а май — в Монте-Карло, Ницце и Каннах. Конец июня и весь июль он снова жил у Женни в Аржантёе, где в то время была и Ленхен. Из Аржантёя Мавр поехал с Лаурой в Швейцарию, Веве и т. д. В конце сентября или начале октября он возвратился в Англию и тотчас же уехал в Вентнор, где мы с Джонни его навестили.

Вот еще несколько данных в ответ на твои вопросы. Наш маленький Эдгар (Муш) родился, кажется, в 1847 г. — я, однако, не вполне уверена — и умер в апреле 1855 г. 5 ноября 1849 г. родился «маленький Фокс» * («Фоксик»), Генрих, и умер приблизительно в возрасте двух лет. Сестренка Франциска, родившаяся в 1851 г., умерла еще младенцем, не достигнув и года».

«Перехожу к твоему вопросу о нашей доброй Елене, или «Ними», как мы в последнее время ее называли, потому что так прозвал ее, не знаю почему, Джонни Лонге, когда был еще совсем малышом. Маленькой девочкой, 8—9 лет, Ленхен попала к моей бабушке фон Вестфален и росла вместе с Мавром, мамочкой и Эдгаром фон Вестфаленом. К старикам Вестфаленам Елена навсегда сохранила нежную привязанность. Мавр их тоже очень любил. Он не уставал рассказывать нам о старом бароне фон Вестфалене, о его удивительном знании Шекспира и Гомера. Тот мог декламировать целые рапсодии (песни) Гомера, от первого до последнего слова, и большинство драм Шекспира он тоже знал наизусть по-английски и по-немецки. Отец Мавра — Мавр испытывал к своему отцу чувство огромного восхищения — был, напротив, настоящим «французом»

* Имя Fawks (произносится «Фокс») он получил в честь героя «порохового заговора» Гвидо (Гая) Фокса, чьи деяния до сих пор еще ежегодно отмечаются или, вернее, проклинаются в Англии 5 ноября⁹⁰. (Прим. авт.)

XVIII столетия. Он знал наизусть своих любимых Вольтера и Руссо, как старик Вестфален — любимых им Гомера и Шекспира. Своей удивительной многогранностью Мавр был, бесспорно, в значительной мере обязан этим «наследственным» влияниям.

Вернемся, однако, к Елене. Поселилась ли она с моими родителями до их переезда в Париж или после (а переехали они туда вскоре после своей свадьбы), я сказать не могу. Знаю только, что моя бабушка прислала ее молодой девушкой к моей матери «как лучшее из всего, что она могла ей послать, — верную, дорогую Ленхен». И верная, дорогая Ленхен осталась у моих родителей, а позднее приехала и ее младшая сестра, Марианна. Ее ты едва ли помнишь, это было уже после тебя.

А теперь о нашем шотландском происхождении. Оно настолько сложное, что я никогда не была в состоянии точно его установить. Я знаю, что через нашу прабабку мы состоим в тесном родстве с семейством *Аргайлов*. В связи с Аргайлами ты мог бы рассказать одну историю о Мавре, которая еще никогда не публиковалась. В первые годы его пребывания здесь, в Лондоне, он однажды оказался вынужденным, что было отнюдь не редкостью в жизни эмигранта, пойти в ломбард. Он отнес туда кое-что из очень красивых и ценных серебряных вещей моей матери. Это были тяжелые серебряные ложки разного образца — некоторые из них 300—400-летней давности, — и все они были украшены короной Аргайлов и их родовым девизом: «Истина — вот мой девиз» — прекрасный девиз для совершенно отвратительного рода Кэмпбеллов (к которому принадлежали Аргайлы). Владелец ломбарда был настолько ошеломлен, увидев, что столь редкие и ценные серебряные изделия находятся в руках столь дикого на вид иностранца с косматой черной бородой, что хотел добиться ареста Мавра, и тот лишь с большим трудом избежал этого. Его адрес был записан, и нет сомнения в том, что полиция также навела соответствующие справки. Во всяком случае она была удовлетворена, ибо как бы часто и другие серебряные ложки, украшенные тем же гербом, ни отправлялись в тот же ломбард, трудностей больше не возникало. Ты спрашиваешь, был ли мой дед крещен еще до рождения Мавра. Ду-

маю, что да, но наверное сказать не могу. Причина, почему он, вольтерьянец XVIII столетия, решил подвергнуться подобному обряду, заключалась в том, что в противном случае он не получил бы разрешения практиковать в качестве адвоката. А к моменту рождения второго ребенка, Мавра, он был уже адвокатом. Мать Мавра, урожденная Прессбург, была голландской еврейкой. В начале XVI в. «Прессбурги», взявшие себе фамилию от названия города Прессбурга *, переселились в Голландию, где на протяжении столетий сыновья этой семьи были раввинами. Мать Мавра говорила по-голландски; по-немецки она до самой своей смерти говорила неправильно и с трудом».

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТАРЫМ МЕСТАМ

В мае этого года ** я был в Англии; исполнив свои агитаторские обязанности, я, прежде чем вернуться обратно в Германию, решил предпринять поездку по различным частям Лондона, где некогда жили мы, эмигранты, и особенно хотелось разыскать те квартиры, в которых обитала семья Маркса.

Было это 8 июня, в понедельник, когда мы (Тусси Маркс, Эвелинг и я) утром прибыли в Сайднхем, чтобы отсюда железной дорогой, дрожками и омнибусом направиться на Тоттенхем-Корт-род, вблизи Сохо-сквера. Здесь мы приступили к поискам; и мы работали методически, подобно Шлиману, когда он занялся раскопками Трои. Это была аналогичная работа, и, по правде говоря, не легкая. Он хотел откопать Трою Приама и Гектора, мы же — Лондон политических изгнанников конца сороковых, пятидесятых и шестидесятых годов.

Троя, которую разыскивал Шлиман, была засыпана три тысячелетия назад, разыскиваемый нами Лондон — не более полстолетия. Но греки с их троянским конем, с их ребяческими орудиями разрушения и убийства были в искусстве разрушения безобидными, жалкими пигмеями по сравнению с современными строителями, инженерами и спекулянтами, которые ныне за несколько дней разрушают и возводят то, что раньше

* Современное название: Братислава. Ред.

** — 1896 года. Ред.

нельзя было разрушить и возвести за равное количество лет, а то и десятилетий. Говоря попросту, какие революции, перевороты совершаются в современных крупных городах! Постоянное перекапывание *, правда, как и во времена политических революций, не везде и не всюду. И тот, кто в наши дни уезжает из современного большого города в кругосветное путешествие, по возвращении уже не в силах ориентироваться во многих кварталах. Я до сих пор помню, что было со мной, когда я в 1878 г. впервые приехал в Лондон после 16-летнего отсутствия. Я протираю глаза: неужели это тот же город, в котором я прожил чуть или не половину человеческой жизни и где, как я считал, знал каждую улицу, каждый уголок? Кое-что осталось прежним, но сколько нового, чужого! И даже знакомое из-за изменившегося окружения стало чужим: исчезли целые улицы, целые кварталы, появились новые улицы, новые строения и общий облик так изменился, что там, где раньше я нашел бы дорогу с завязанными глазами, я вынужден был взять кэб, чтобы добраться до находившегося поблизости места назначения.

Итак, мы находились на углу Тоттенхем-Корт-род, в самом близком расстоянии от Сохо-сквер и Лестер-сквер, где собирались группами немецкие и французские изгнанники, объединенные общим чувством одиночества.

Сначала мы направились на Сохо-сквер. Ничто не изменилось: те же дома, та же копоть на домах, иногда даже те же самые имена на вывесках. Как будто сон: юность встала предо мной; 40—45 лет исчезли, как туманное облако, гонимое ветром; я, двадцатипятилетний изгнанник, иду по скверу, по знакомым поперечным улицам — Фрит-стрит или Грик-стрит, направляюсь к Олд-Комптон-стрит, где еще стоит старый модллоджингхаус **, в котором полтора поколения тому назад бывали такие сумасбродства, такое веселье, такое отчаяние. Не прошмыгнул ли здесь Красный Вольф? Не стоит ли там Конрад Шрамм?

Все, все так, как будто бы только вчера я был здесь.

* — игра слов — Wühlerei означает рытье, копание и смута, происки. *Ред.*

** См. с. 235 и 298 настоящего издания. *Ред.*

Удивительно: в Лондоне — в этом океане домов — есть улицы и кварталы, которых не тронули kloкочущие волны всеразрушающего времени. Сюда не проникают внешние бури, подобно тому как некогда бури французской революции пронеслись над головами широких слоев населения, не вызвав ни малейшего ветерка, не пошевелив ни волоска.

Все, как тогда! Время остановилось. Такое чувство, должно быть, возникает, когда вскрывают гробницу фараона. Прошлое стало настоящим, настоящее — прошлым.

Дальше, дальше! Там Дин-стрит, где жил Маркс.

Мы еще не сворачивали. Сначала на Чёрч-стрит и на Маклсфилд-стрит.

Ничто не изменилось — вот церковь, которая дала название улице Чёрч-стрит (Церковная улица). Вот непременный кабачок против церкви, тоже не изменился. Вот трехэтажные серовато-черные дома с двумя окнами по фасаду, они тоже не изменились. Вот № 14, в котором я жил восемь лет, — не изменился и он. Я даже невольно потянулся за ключом. Но дверь стояла открытой. Я вошел в подъезд, заглянул на второй и третий этажи, где попеременно жил, а затем спустился по лестнице в кухню, где мне иной раз приходилось обхаживать добрую хозяйку и ее дочерей, когда долг за квартиру становился слишком уж большим.

Впрочем, вперед! Лондон велик, и мы пока только в самом начале — в начале начал.

Назад... Завернем за угол: это Маклсфилд-стрит. Стоят лишь немногие дома, № 1, 2, 3, 4, 5. Но где же № 6? Неужто это Маклсфилд-стрит? Это она и не она. Здесь должен был стоять дом...

Напрасно мы ищем — здесь проложена новая улица — дом, в котором обитал *Энгельс* в начале своей изгнаннической жизни в Лондоне, пока он не был послан отцом в Манчестер работать в семейной фирме: новая улица поглотила этот дом. А трактир, где я однажды вместе с *Энгельсом* и *Конрадом Шраммом* пел завсегда-таям-англичанам душераздирающую песню, которая снискала нам бурное одобрение, превратился в огромный дворец джина. Только скобяная лавка славного м-ра *Тозера*, имя которого еще и сегодня можно прочесть на некоторых оставшихся у меня как реликвии

ножах, все еще на месте и совершенно не изменилась — лишь фирма другая.

Я оглядываюсь: вокруг новые улицы, новые названия улиц. Все перевернуто. И новое — больше, красивее, чем старое. Дадли-стрит и Сент-Джайлс, где ютилась беднота, снесены. Slums (трущобы), dens (дыры) и rookeries (вороньи гнезда) — все исчезло. На их месте — красивые, чистые улицы. На приличное, «респектабельное» общество нашел приступ — не морали, а «морализаторства», оно устыдилось, и дабы собственные его грехи не были у него постоянно под носом и не били ему в нос, оно избавилось от грязи и вымело ее в другое место, наподобие того, как ленивые хозяйки и служанки порой тщательно сгребают в комнате отбросы и мусор и заматают их под кровать или в какой-нибудь другой укромный угол. Лишь бы с глаз долой!

Разве не вчера лорд Шефтсбери «почистил» Лондон, уничтожил обиталища порока и нужды²³⁰ и «надолго» улучшил участь несчастных швей?

Не вчера ли это было?

Вчера? Когда же я последний раз был здесь? Когда я приехал из Швейцарии и Франции? Да, как раз в то время, когда Роберт Пиль, отменивший хлебную пошлину²³¹, упал вместе с лошадьёю и сломал себе шею. Это было в июне 1850 г. *Сорок шесть лет*. А сегодня? Разве slums, dens и rookeries уничтожены? Да, в одном углу, но зато они находятся в *другом*. Такие же скверные, такие же ужасные, как в ту пору.

А Social evil, «социальное зло», как деликатно окрестили проституцию. Исчезла ли она? Отнюдь нет. Уменьшилась ли? Сейчас девиц легкого поведения на 20 тысяч больше, чем было тогда.

Ну а швей? Улучшилась ли их доля? Прекратилась ли sweating-system (потогонная система)? Нет, нет и нет! Число жертв возросло, и если бы Гуд встал сейчас из гроба, он мог бы добавить несколько строф к своей «Песне о рубашке»²³². Сейчас «пота выжимают» больше, чем когда-либо. И sweating-system обошла вокруг земли, как некогда трехцветный флаг.

Да и чего другого можно было ожидать? Человек не может выскочить из собственной шкуры. Не в состоянии этого сделать и общество. Нельзя требовать от буржуазного общества того, чего оно не может дать, а оно

по самой своей природе не способно воспрепятствовать нужде и пороку, которые оно само же и породило. Оно может — в минуты самообмана — руководствоваться самыми благими пожеланиями (и лорд Шефтсбери, бесспорно, обладал доброй волей, а также богатством, влиянием и властью), но дальше благих намерений дело не идет, либо же, если они претворяются в дела, эти дела оказываются пусто-порожними. Добрая воля — ничто, это показал еще Бокль. А против того очевидного факта, что действие будет продолжаться, пока остается в силе вызвавшая его причина, не в силах бороться ни отдельный человек, ни группа людей, ни целый класс.

Буржуазное общество может устранять обиталища порока и нужды — были бы деньги и каменщики, — но пока порок и нужда существуют, стоит их изгнать из одной дыры, как они тут же станут искать и найдут себе другую.

Чистейшее шарлатанство! Чистейший труд Пенелопы! У англичан это называется *пахать море*. Проводить борозды по воде легче легкого. Только вода снова заливает борозды, и пахота оказывается напрасной.

Дальше! Теперь на Дин-стрит, на поиски дома, в котором жил долгое время Маркс со своей семьей. Я уже прежде искал его как-то, но не мог точно установить, где он; Энгельс потом сказал мне, что номера домов были изменены. Там каждый дом похож на соседний как две капли воды, а времени для более тщательных поисков при прежних моих посещениях Лондона у меня никогда не хватало. Ленхен, с которой я незадолго до ее смерти говорил об этом, тоже не могла с точностью указать дом. А Тусси, которой был всего год, когда последовало переселение с Дин-стрит в Кентиш-Таун¹⁷⁰, разумеется, тоже не могла вспомнить.

Нужно было придерживаться определенного метода. Улица изменилась очень мало. Среди домов на правой стороне, считая от Олд-Комптон-стрит, многие с внешней стороны совершенно похожи друг на друга, между ними и колебался наш выбор. Единственно точный признак, который я помнил, — это театр, расположенный напротив, наискосок к Олд-Комптон-стрит. Этот театр, в то время частный, принадлежавший некоей мисс Келли, был с тех пор перестроен. Сейчас он

называется Royalty-Theater и теперь гораздо больше и шире, и мне неизвестно было, в какую сторону он был увеличен — вправо или влево. Таким образом, единственно прочная позиция, которой я обладал, была несколько сдвинута. Наконец, я пришел к выводу, что выбирать следует только между двумя домами. Оглядеть их снаружи было недостаточно — я должен был проникнуть внутрь. Двери одного из домов были открыты, я вошел; лестница показалась мне знакомой; все внутреннее расположение, насколько я мог его видеть с порога, также соответствовало моим воспоминаниям. Но большинство лондонских домов построено как бы по фабричному способу; они очень шаблонны и лишены всякой индивидуальности и своеобразия. Я поднялся на первый этаж и тут больше не мог ориентироваться — все казалось мне чуждым.

Между тем дочь Маркса с мужем производили дальнейшие наблюдения на улице. Я сообщил им сомнительный результат своих исследований.

Итак, в соседний дом! На нем стоит № 28. Не обманывает ли меня моя память? Не стоял ли тот же номер на доме Маркса. Да! Я вдруг сразу вспомнил, что в начале своего пребывания в Лондоне я запомнил этот номер при помощи мнемотехники — то есть приемов для запоминания, — я отметил его себе как удвоенный номер моего собственного дома. Но тогда Энгельс, вероятно, ошибся, сказав, будто номера изменены. Или, быть может, он высказал только предположение? Мы позвонили. Молодая женщина открыла входную дверь. Мы спросили ее, помнит ли она имена прежних квартирантов и владельца дома.

— Да, но только за последние девять лет.

— Слыхала ли она о некоей миссис Кавенаг (матери известной писательницы), которая была в наше время хозяйкой дома?

— Нет!

— Позвольте ли вы войти и осмотреть дом?

— Конечно!

И она сама проводила меня наверх.

Лестница была та же. Все расположение то же. И чем дальше я шел, тем более знакомым становилось мне все кругом. Лестница в заднюю комнату — все подходило!

К сожалению, комнаты второго этажа, в котором жил Маркс, были заперты. Но, насколько я мог видеть, все подходило самым точным образом; постепенно сомнения исчезли — и у меня появилась уверенность: *здесь жил Маркс!*

Когда я спустился, я крикнул:

— Нашел! Здесь! *Да, здесь!*

Это — тот дом, где я бывал тысячи раз, дом, где Маркс, измученный, издерганный нуждой изгнаннической жизни и злобной ненавистью бессовестных врагов, которые не останавливались ни перед какой клеветой, писал «Восемнадцатое брюмера», «Господина Фогта». свои — собранные теперь, наконец, под названием «Революция и контрреволюция» — статьи в «New-York Daily Tribune»¹¹² и где он проделал исплинскую предварительную работу для «Капитала».

Это здесь г-жа Маркс после смерти одного из родившихся у нее в Лондоне детей, маленького Фоксика, в 1852 г. записала кровью своего сердца на листке бумаги: «Моя скорбь была так велика! Это был первый ребенок, которого я потеряла!» На том же листке, несколькими годами позже она дописала: «Увы, я тогда не предполагала, что мне предстоят еще такие страдания, перед которыми все остальное покажется ничтожным!»²³³ Она говорит о смерти бедного «Муша».

Спустя несколько месяцев после смерти Фоксика умирает малютка Франциска.

И на листке из дневника, обнаруженном лишь недавно при просмотре бумаг, мы читаем:

«На пасху того же 1852 г. наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Крохотное бездыханное тельце умершей покоилось в маленькой задней комнатке. Мы все перешли в переднюю комнату, и когда наступила ночь, легли на полу — трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все оплакивали маленького ангела, который, холодный и бледный, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни». (Не было денег даже для похорон ребенка.) «Тогда я в смятении отправилась к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и посещал нас... Он тотчас же дал мне с самым дружеским

участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором наконец теперь мирно покоилось мое бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей долго отказывали даже в последней маленькой обители!»

Мы склоняемся перед этим горем Ниобеи, перед этой душераздирающей картиной нужды изгнанника.

Любое слово прозвучало бы как умаление, даже как осквернение.

Я бы не допустил, чтобы этот крик истерзанной материнской души стал достоянием гласности, не получи я на это недвусмысленного дозволения дочери, г-жи Элеоноры Маркс-Эвелинг, которая привела одну из этих дневниковых записей в предисловии к английскому изданию «Революции и контрреволюции»²³⁴.

У меня было и еще одно основание для этого. О Марксе невероятно много лгали; говорили, между прочим, и о том, что он будто бы живет в роскоши, тогда как масса рядовых эмигрантов вокруг него голодает и гибнет. Я не считаю себя вправе входить здесь в дальнейшие подробности, но могу сказать одно: те обстоятельства, которые благодаря этим записям вновь живо встали перед моими глазами, в этом беглом очерке, не были единичными случаями, всегда возможными, особенно когда люди живут на чужбине без всякой опоры. Самая злая эмигрантская нужда годами преследовала Маркса и его семью. Немного найдется эмигрантов, претерпевших больше лишений, чем Маркс с семьей. Даже и впоследствии, когда его заработки увеличились и стали более регулярными, семья Маркса не была избавлена от заботы о хлебе насущном. Годами — а это были годы, когда худшее время уже осталось позади, — единственной верной статьей дохода был один фунт стерлингов (20 марок), который Маркс еженедельно получал за свои статьи в «New-York Daily Tribune».

Прежде чем покинуть дом на Дин-стрит, я напому, что Маркс, прибыв в конце 1849 г. в Лондон, поселился сначала в Камберуэлле — где именно, я, однако, не смог установить. Здесь ему пришлось пережить несколько неприятностей: поскольку владелец дома объявил себя несостоятельным, кредиторы, согласно английскому закону, описали обстановку жильцов.

В мае 1850 г., приблизительно ко времени моего приезда в Лондон, семья Маркса после короткого пребывания в одном семейном отеле на Лестер-сквер переехала в дом на Дин-стрит; здесь она прожила около семи лет, вплоть до своего переселения в Кентиш-Таун¹⁷⁰; последний находился в северной части Лондона, тогда еще носившей несколько деревенский характер.

* * *

Нам нечего было больше искать на Дин-стрит, и мы возвратились на угол Тоттенхем-Корт-род. Там мы сели в омнибус, идущий по направлению к Кентиш-Таун.

Тоттенхем-Корт-род изменилась очень мало; характер улицы был тот же, что и раньше; часто встречались те же самые лавки и торговые дома.

Стоящая по левой стороне «капелла» — молитвенный дом квакера Уайтфилда — осталась неизменной; только кладбище теперь закрыто. На этом кладбище были похоронены бедный Муш и, кажется, двое других детей Маркса, умерших в раннем возрасте.

Мы приближались к Кентиш-Таун. Вот как будто бы знакомая таверна. И верно — это старая «Ред Кэп» — таверна, названная так по изображению девочки в красном капоре (Красная шапочка). Это здесь мы из-за романтической попытки вызволить из предполагаемой опасности одну молодую особу, оказавшуюся в затруднительном положении, едва не навлекли на себя в высшей степени неромантическую взбучку.

Затем Mother Shipton — еще одна таверна, с изображением колдуньи, носящей это имя, на Принс-оф-Уэлс-род. А напротив «Матушки Шиптон» — мое бывшее жилище, совершенно не изменившееся, словно я только вчера покинул дом № 3 по Роксберг-террас. Но название улицы изменилось, — думается, эта группа домов отнесена теперь к Принс-оф-Уэлс-род, — и номер дома другой.

Мы слезли с омнибуса и уже пешком повернули за угол, на улицу Молден-род. Я чувствую себя здесь как дома; но еще минута, и опять новые улицы, которых не было, когда я покидал Лондон. Где раньше частично было поле, там теперь высятся дома.

Неожиданно Тусси поднимает руку и указывает на относительно большой для лондонского предместья дом. «Вот он!» — восклицает она.

Действительно, это он — дом, или, вернее, коттедж, на улице Графтон-террас; здесь жил Маркс, пока не переехал отсюда за десять лет до смерти. Вот маленький балкон, с которого г-жа Маркс, выздоравливавшая после тяжелой оспы, перекликалась со своими тремя дочурками, которые во время болезни матери жили у меня; сначала, ослабевшая, она могла говорить лишь шепотом, но как зато сияло ее лицо, когда я приводил к балкону детей!

На коттедже был в то время № 9 *, теперь это № 46.

Недалеко оттуда — № 41 по Мейтленд-парк-род. Номер дома изменился девять лет назад; до этого он числился под № 1. В этом доме умер Карл Маркс, сюда семья переселилась в 1872 или 1873 г. — старая квартира оказалась слишком большой, ибо две старшие дочери вышли к тому времени замуж.

Почти все в этой местности было ново для меня. Раньше здесь была окраина города, а за 34 года, истекшие с моих времен, многомиллионный город далеко-далеко перешагнул за свои тогдашние границы.

Молча направились мы на Хэмпстед-хис, где многое изменилось, но все-таки прежний характер местности еще не совсем исчез. Мы отыскивали старые места, и наконец, чтобы подкрепиться перед долгой и утомительной дорогой домой — поездка через всю Англию вдвое легче, чем поездка через весь Лондон, — зашли в знакомую таверну Jack Straw's Castle, названную так в честь замка, который в английской детской сказке выстроил себе Джек-соломинка.

Jack Straw's Castle! Сотни раз мы бывали здесь! Вот в этой самой комнате, в которой мы теперь сидим, я long long ago — давно-давно — десятки раз сидел вместе с Марксом, г-жой Маркс, детьми, Ленхен и др.

И прошлое вернулось вновь.

---

* Тусси утверждает, что дом этот с самого начала или, по крайней мере, тогда, когда они в него въехали, значился под № 1, но я думаю, что она ошибается. Во всяком случае, это скоро выяснится. (Прим. авт.)

МОГИЛА МАРКСА

Ее следовало бы скорее назвать *фамильным склепом* семьи Маркс. Она находится на *Хайгетском кладбище* *, в северной части Лондона, на холме, откуда виден весь огромный город.

Маркс не хотел «памятника». Желание воздвигнуть творцу «Коммунистического Манифеста» и «Капитала» какой-то другой памятник, кроме того, который он создал себе сам, было бы оскорблением памяти великого усопшего. В умах и сердцах миллионов рабочих, *объединившихся* по его призыву, он имеет не только памятник прочнее меди, но и живую почву, на которой то, чему он учил и к чему стремился, становится и отчасти уже стало явью.

Мы, социал-демократы, не признаем святых, и могила, как святыня, для нас не существует; но миллионы людей с благодарностью и благоговением помнят о человеке, который покоится в кладбищенской земле на севере Лондона. И через тысячи лет, когда жестокость и ограниченность, сопротивляющиеся ныне освободительным стремлениям рабочего класса, станут почти невероятной сказкой прошлого, свободные благородные люди будут стоять у этой могилы с непокрытой головой и шепотом говорить своим притихшим детям:

«Здесь покоится Карл Маркс!»

Здесь покоятся Карл Маркс и его семья. Простая мраморная плита, увитая плющом, лежит, словно подушка, в изголовье могилы, обложенной мрамором. На плите начертано:

JENNY VON WESTPHALEN
THE BELOVED WIFE OF
KARL MARX

BORN 12. FEBRUARY 1814,
DIED 2. DECEMBER 1881.

AND KARL MARX

BORN MAY 5. 1818, DIED MARCH 14. 1883.

* Произносится: Хайгет, в буквальном переводе: Высокие ворота или Высокая улица. (Прим. авт.)

AND HARRY LONGUET
THEIR GRANDSON

BORN JULY 4. 1878, DIED MARCH 20. 1883.

AND HELENE DEMUTH

BORN JANUARY 1. 1823, DIED NOVEMBER 4. 1890.

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ СУПРУГА
КАРЛА МАРКСА

РОДИЛАСЬ 12 ФЕВРАЛЯ 1814 г.

УМЕРЛА 2 ДЕКАБРЯ 1881 г.

И КАРЛ МАРКС

РОДИЛСЯ 5 МАЯ 1818 г., УМЕР 14 МАРТА 1883 г.

И ГАРРИ ЛОНГЕ
ИХ ВНУК

РОДИЛСЯ 4 ИЮЛЯ 1878 г., УМЕР 20 МАРТА 1883 г.

И ЕЛЕНА ДЕМУТ

РОДИЛАСЬ 1 ЯНВАРЯ 1823 г., УМЕРЛА 4 НОЯБРЯ 1890 г.

В семейной могиле похоронены не все умершие члены семьи. Трое умерших в Лондоне детей погребены на других лондонских кладбищах: один из них Эдгар («Муш»), *наверное*, а двое остальных, по всей вероятности,— на кладбище Уайтфилд Чепел на Тоттенхем-Корт-род. Женни Маркс, любимая дочь Маркса, покоится в Аржантёйе, близ Парижа, где смерть вырвала ее из круга ее цветущей семьи.

Но если и не все умершие дети и внуки нашли место в семейной могиле, то там нашел его один человек, который был членом семьи, хотя и не был связан с ней кровными узами,— верная Ленхен, Елена Демут.

То, что она будет похоронена в семейной могиле, решила еще г-жа Маркс, а за нею и сам Маркс. И Энгельс, этот верный Эккарт, в своей верности не уступавший Ленхен, вместе с *оставшимися в живых* детьми исполнил этот долг, что он сделал бы и по собственному своему побуждению.

Как дети Маркса относились к Ленхен, как нежно они были к ней привязаны, с каким благоговением чтут ее память, показывает приведенное в другом месте письмо младшей дочери Маркса.

Когда, посетив в последний раз Лондон, я возвращался домой через Париж, в Дравейле, где жили *Лафарг* и его жена *Лаура* Маркс, я погрузился вместе с «Лерхен» в старые лондонские воспоминания и заговорил о своем намерении написать эти воспоминания, она сказала тогда мне точно так же, как это сделала Тусси в своем вышеприведенном письме и позднее устно: «Смотри же, не забудь Ленхен!».

Нет, я не забыл Ленхен, и никогда ее не забуду. Она ведь целых сорок лет была мне *другом*, а во время эмигрантской жизни в Лондоне была иной раз и *моим* «провидением». Как часто она ссужала меня несколькими пенни, когда у меня в карманах свистел ветер, а в доме Маркса было не слишком уж пусто, потому что, когда *там* наступал пост, тогда у Ленхен ничем нельзя было поживиться. И как часто, когда *моих* портновских способностей уже не хватало, она искусно реставрировала на несколько недель какую-нибудь необходимую часть туалета, заменить которую в обозримый отрезок времени мне было нечем по финансовым причинам.

Когда я увидел Ленхен в первый раз, ей было 27 лет. Красавицей она, правда, не была, но со своей статной, стройной фигурой и приятными чертами лица она была очень привлекательна. В поклонниках у нее недостатка не было, и она не раз имела возможность сделать хорошую партию. И хотя она не связала себя никаким обетом, для ее преданного сердца было ясно само собой, что она должна остаться с «Мавром», с «г-жой Маркс» и детьми.

И она осталась, а годы юности промчались. Она осталась, перенося с ними нужду и лишения, горе и радость. Покой наступил только тогда, когда смерть скосила и жену и мужа, с судьбой которых она связала свою собственную. У Энгельса она нашла покой, у него же и скончалась, забывая о себе до последней минуты. Ныне она покоится в семейной могиле Маркса.

Друг Моттелер, «Красный почтмейстер», живущий теперь в Хэмпстеде, недалеко от Хайгета, описывает могилу Маркса следующим образом:

«Могила *Маркса* обложена белым мрамором, из того же материала сделана и небольшая плита, на которой черными буквами начертаны имена и даты. Канареечник, плющ, привезенный мной в свое время из Швейцарии, и несколько кустиков роз, по большей части заросших травой, служат скромным украшением, поднимающимся над *травяным ковром*, как принято здесь обрамлять могилы. Два раза в неделю я обыкновенно прохожу мимо Хайгета, там, где покоится Маркс. Если могила уж очень сильно зарастает, я выпалываю траву. Иной раз кое-что и засыхает, особенно если лето жаркое, как два последних года (в этом году, когда на континенте было столько дождей, в Англии стояла засуха, какой никто не упомнит, и даже в парках трава совершенно засохла). Даже с помощью *Лесснера* я не был в состоянии защитить могилу от палящего солнца, и поэтому мы в конце концов были вынуждены, разумеется, с согласия *Эвеллингов*, которые из-за чрезвычайной дальности расстояния приезжают сюда лишь изредка, поручить могилу попечению кладбищенского сторожа».

Во время международного конгресса ²³⁵ многие делегаты совершили паломничество к могиле Маркса. Вам, вероятно, будет приятно узнать, что один немецкий делегат, товарищ *Пинкау*, фотограф из Лейпцига, которому принадлежит и полученный нами год тому назад рисунок, сфотографировал могилу и выразил свою готовность изготовить снимки для более широкого круга желающих.

Впервые опубликовано
в виде брошюры: Liebknecht W.
Karl Marx zum Gedächtnis.
Ein Lebensabriss und Erinnerungen.
Nürnberg, 1896

Печатается по тексту брошюры
Перевод с немецкого

Элеонора Маркс²³⁶

Из детей Маркса, к которым я привязался всем сердцем, словно к своим собственным, ближе всех мне была Элеонора, или Тусси, как мы ее называли ребенком и как друзья звали ее всю жизнь. Ее страдалица-мать мучительно переносила изгнание. Тяжкие заботы омрачили некогда столь ясное чело; нужда и смерть были частыми гостями в тесном, бедном жилище эмигранта на Дин-стрит, заботы о хлебе насущном, заботы о нежном растении, которое приходилось выращивать в этом мире лондонской нужды, ибо, как писал еще за семь столетий до того творец «Божественной комедии» *, изгнание — это нужда! Не захиреет ли оно, не завянет ли подобно трем другим детям, родившимся в Лондоне у многострадальной матери?

Это было в 1855 г. Дня я не помню. Достаточно сказать, что в один прекрасный день ожидаемый младенец появился на свет. Девочка. Здоровая. И мать улыбнулась, когда д-р Аллен, который с 1850 г. был домашним врачом, слишком частым посетителем, другом, объявил, что при надлежащем уходе ребенок наверняка будет хорошо развиваться, — все дело в том, чтобы в первые годы жизни его питание было ограничено молоком. По поводу питания и ухода шли долгие совещания, к которым привлекали и меня, так как я очень усердно занимался распространенным в Англии учением о лечении природными средствами (позже в ухудшенном издании экспортированным в Германию). И гляди-ка: чудо с молоком удалось, малютка развивалась: живая, с пухлыми красными щечками, она была радостью родителей, сестер и всех нас; в десять месяцев она уже ходила. Так она росла, здоровая

* — Данте Алигьери. *Ред.*

телом и духом. Живая и веселая, как и младшая из двух ее предшественниц, Лаура, вылитый портрет матери, и вместе с тем — задумчивая, мечтательная, углубленная в себя, как и старшая дочь Женни, любимица отца, его воплощение в женском облике. И до чего же она была любознательная, подобно всем живым, смышленным девочкам, имеющим смышленных старших сестер, до чего любопытная и умная, порой даже слишком умная для своих лет...

Короче, не проходило и дня, чтобы я не побывал в семье Маркса, которая вскоре после рождения Тусси переехала с узкой Дин-стрит в более зеленую местность в северной части миллионного города¹⁷⁰. Там в Хэмпстеде, куда я — также ставший между тем основателем и главой семьи — последовал за ними при первой же возможности, было вдоволь воздуха и места и дети могли резвиться. Я принимал участие в их играх, когда только у меня находилось время, а времени нам, эмигрантам, было не занимать. Гораздо больше недоставало нам звонкого металла, который лживая и хвастливая поговорка «time is money» (время — деньги) сделала отличительным свойством, продуктом и эквивалентом эпохи. Как неумоимо Тусси дожимала меня вопросами, на которые, несомненно, отчасти могли уже ответить ее старшие сестры! И как мне приходилось мучиться, чтобы «истории», которые я уже десятки раз и всегда в несколько измененном виде пересказывал сестрам, облечь в такое искусно сшитое одеяние, чтобы эти насмешницы не сразу их распознали.

У меня в альбоме сохранилась ее фотография тех лет. Я совсем было забыл о ней... Здесь ей лет пять-шесть. В коротком платьице она стоит очень прямо, опершись рукой о спинку стула, сжав рот, рассерженная тем, что ее оторвали от озорных игр (чем озорнее — тем лучше) и привели к фотографу; помеха, конечно, досадная, но все же, несмотря на «надутые губы», на лице видна еле скрытая улыбка, а в смеющихся, веселых глазах таится что-то серьезное, задумчивое, напоминающее старшую сестру, у которой были такие большие черные глаза, что в глубь их невозможно было проникнуть; тогда как в лукавые карие глаза второй, живой и прелестной сестры — ныне г-жи Лафарг, един-

ственной оставшейся в живых из детей Маркса,— кое-кто заглядывал слишком глубоко.

Тусси было шесть лет, когда я осенью 1862 г. покинул Лондон. С глаз долой, на долгое время, но не из сердца. Мать и девочки точнейшим образом информировали меня в письмах о всех семейных делах, о которых в письмах отца упоминалось разве что мимоходом. О революции, которую произвело в жизни семьи основание Международного Товарищества Рабочих в 1864 г.; о том, как Маркс, после того как он десятью годами ранее с трудом едва выбрался из водоворота политики, снова дал себя втянуть в этот водоворот; о том, как все его попытки переложить часть бремени на других разбились о трудность задачи, которую, как оказалось, могли выдержать только его плечи; о том, как Международное Товарищество Рабочих сделалось выразителем общих чаяний классово сознательного пролетариата всех стран, а дом Маркса — центром и штаб-квартирой всех этих стремлений. А в этом доме, рядом с самим Марксом, к которому всякий обращался как к последней инстанции, находилась умная, одухотворенная, неизменно владевшая собой хозяйка и мать, которая, помогая ему в его великом деле, с материнской заботой и тревогой старалась объединить семью и сохранить домашний очаг. И в этой же штаб-квартире — три дочери, которые впитали революционный социализм с молоком матери, выросли и сроднились с ним, были увлечены делом, которое ткалось там на станке времени, сотрудничая, где могли, участвуя во всем. Все это я издали переживал вместе с ними.

В конце 60-х гг. до этой штаб-квартиры, этого домашнего очага донеслось эхо борьбы, которую республиканская Франция начала против прогнившей империи. Снова вторжение эмигрантов. Эмигранты приходят и уходят. Среди них — молодой стройный Флуранс, странствующий рыцарь революции, за которую он сражался на Крите²³⁷. Как метеор, он промелькнул и исчез, оставив глубокий след в уме, а равно и в сердце 14-летней Тусси. Затем «страшный год» войны с его ужасными волнениями. Французские эмигранты спешат назад во Францию, чтобы как-то бороться против Наполеона и за революцию. Седан, Мец — победа

немецкой реакции; Республика в Париже — выживет ли она в ядовитых серных парах и кровавом чаду сражения, в железных объятиях победоносного войска победоносного Бисмарка? ²³⁸ А затем после ужасающих разрушений, причиненных этой ужаснейшей и губительнейшей из всех войн культурным ценностям, словно луч надежды: Коммуна, которая поднимается среди ночи и ужасов войны, разгоняя мрак, отвлекая взгляд от военных бедствий и являя миру величественные образы.

Мечта улетает, ужасы войны поглощают величественные образы, они рассеиваются словно мираж. Одной из первых жертв становится Флуранс, и сабельный удар, подло нанесенный сзади безоружному, причиняет в Лондоне двойную рану девичьему сердцу, которое втайне билось для него со всей чистотой и поэзией первой любви.

Катастрофа разражается в «кровавую майскую неделю» ²³⁹, поток эмигрантов Коммуны устремляется в Лондон, и все, что в нем было значительного, а также многое и незначительное, направляется в дом Маркса. Этот стихийный наплыв эмигрантов знаменует новую, более крупную домашнюю революцию, в сравнении с которой основание Международного Товарищества Рабочих было мирной идиллией, ниспровержение всего прежнего семейного уклада. Как бы самоотверженно и упорно ни старалась г-жа Маркс противостоять этому наводнению, все было напрасно, водоворот захлестнул семью, разделил ее, отняв двух старших дочерей. Женни стала г-жой Лонге, Лаура — г-жой Лафарг. Тусси, по счастью избежавшая участи также выйти замуж за одного из коммунаров*, осталась в семье, сделавшись ее опорой. Помощница матери, помощница отца, их обоих, она, соревнуясь с «верной Ленхен», добрым духом семьи, расчищала ей путь, снимала по возможности бремя забот и труда.

Она знала не только великую политическую освободительную борьбу, но и мелкую, мелочную, коварную, беспощадную борьбу за существование. Она не хотела стать обузой для родителей. Казалось шутя, а на самом деле энергично и разумно, она долгие годы

* — Проспера Лиссагаре. Ред.

оказывала поддержку отцу и матери. Она принадлежала к людям, тяжелый труд которых проходит незамеченным, так как тяжелое дается им легко. Она искусно выполняла и домашние дела, и всякую работу, связанную с политикой и пропагандой. И поскольку она во всем разбиралась и вела партийную корреспонденцию с такой же охотой, с какой трудилась на кухне, то сделалась незаменимой и для отца, и для матери. Но этого ей было мало. Она хотела быть самостоятельной — не из эгоизма, не для того, чтобы уклониться от выполнения обязанностей, а из самоотверженности, чтобы лучше выполнять свои обязанности и жить с большей пользой для других.

В родительском доме, этом интернациональном «убежище справедливости», она кроме немецкого языка, а также английского (на котором всегда говорила особенно бегло и на котором были написаны ее последние слова) основательно изучила французский, а также некоторые другие живые языки. Эти знания, которые она впоследствии с таким успехом поставила на службу партии, она применила теперь для преподавания языков; кроме того, она овладела typewriting — машинописью, которая тогда получила распространение. Так она зарабатывала себе на жизнь, неумоимо, переходя от одной работы к другой, причем это нисколько не сказывалось на ее заботах об отце и матери.

Осенью 1874 г. Маркс посетил нас в Лейпциге на обратном пути из Карлсбада. Тусси, которая в этой поездке, предпринятой по предписанию врача, впервые исполняла обязанности медицинской сестры и сиделки, сопровождала отца. Ей было 19 лет. Она излучала здоровье и то одухотворенное обаяние, которое и есть самая высшая и самая долговечная красота. Элеонора Маркс не была красавицей по общепринятым меркам. Неправильные черты лица, слишком твердые, мужественные очертания рта и носа, но зато — великолепные иссиня-черные волосы, черные глаза, такие глубокие и честные, цвет лица, как у Белоснежки, что называется «кровь с молоком», и над всем — аромат одухотворенной женственной природы, горячо откликающейся на все благородное и прекрасное, — она была красива. Красива той неувядаемой красотой, которая словно издевается над временем. С той поры я неиз-

менно видел ее такой, какой она была тогда. Даже в гробу — как пишет из Лондона одна наша приятельница, г-жа Моттелер, — Тусси лежала цветущая и краснощекая.

Это были чудесные дни в Лейпциге; осень, в которой осеннее очарование соединялось с прелестью лета; Маркс, которому лечение пошло на пользу, искрился остроумием и весельем. Тусси же была по-детски рада моей старшей дочери *, которую знала трехлетним ребенком, а теперь увидела вновь уже 15-летней девушкой, и всему приросту моего семейства как женского, так и мужского пола. Еще в прошлом году она со слезами смеха на глазах рассказывала мне, как двое моих мальчиков, один из которых ее особенно интересовал, так как едва не пал жертвой *патриотической воинственности* некоторых рабочих, подстрекаемых бессовестным Швейцером ²⁴⁰, делали самые невероятные усилия, чтобы напроказничать, и среди прочего пытались, например, стоя на четвереньках, лакать из собачьей миски наперегонки с нашим псом.

Бебель, отбывший в целом два года заключения в крепости за «государственную измену» по приговору лейпцигского суда, еще сидел тогда в Цвиккау за оскорбление величества, поэтому его, к сожалению, не было в нашем обществе.

Но имелось и много серьезных, очень серьезных тем для разговора. И Тусси показала, что способна справиться с самыми серьезными и сложными вещами и овладеть ими. Из трех сестер Тусси стала политической деятельницей *par excellence* **, она жила движением, сроднилась с ним и стала лучшей исполнительницей идей и воли своего отца, которого она понимала как нельзя лучше.

К серьезным проблемам, обсуждавшимся нами, относилось также состояние здоровья ее матери, у которой уже были заметны признаки той мучительной и долгой болезни, которая свела ее в могилу.

После встречи в Лейпциге таких продолжительных перерывов больше не было. Вскоре после этого план освобождения ссыльных коммунаров побудил меня

* — Алисе. Ред.

** — по преимуществу. Ред.

приехать в Лондон, и с этого времени такие визиты повторялись довольно регулярно, по меньшей мере каждые два года. Сестры счастливо жили в браке, причем у Женни было много детей. Тусси как будто отказалась от замужества. Свое время она делила между семьей, работой для заработка и партией. При этом в наилучшем положении оказывались заработки. Львиная доля внимания доставалась партии. Но вскоре, правда, больше всего внимания стала требовать семья. Состояние матери, тяжелое и безнадежное — последнее, по счастью, распознали не сразу, — ухудшилось, а у отца, вернувшегося к старой привычке непомерно много работать по ночам, снова дала себя знать застарелая болезнь печени. Родители нуждались в уходе и дома, и тогда, когда они, насколько позволяли скудные средства, выезжали за город или к морю.

На Тусси вместе с Ленхен лежала вся работа по ведению хозяйства и уходу. Просто невероятно, как она работала. Я уже писал в другом месте, что самоотверженность и труд были ее жизнью. О себе она никогда не думала; ее мысли, чувства, дела — все для других, для отдельных людей, для человечества в целом. Претворить в действие учение отца — в этом заключалось ее стремление; служа отцу служить человечеству — таково было ее призвание. Служение человечеству, освобождение человечества от тройного рабства нужды, болезней, невежества — тройного рабства, которое имеет один корень — эксплуатацию человека человеком — и которому можно положить конец, только если этот корень, зовущийся ныне капитализмом, будет выкорчеван и уничтожен полностью и до конца.

И это дело освобождения человечества, избавления человечества в силах выполнить только пролетариат. Поэтому всю свою огромную работоспособность, свое неисчерпаемое самопожертвование она поставила на службу пролетариату, международному рабочему движению.

Настали мрачные дни: умерла мать. Отец, которого она, верная, как Антигона, сопровождала в его последнем путешествии, предпринятом в борьбе за здоровье, не мог перенести утраты мужественной, верной спутницы своей жизни. А тут скоропостижно скончалась старшая дочь, и вместе с ней оборвался последний жиз-

ненный нерв, который привязывал к жизни отца, человека, необычайно крепкого от природы, но измученного ночной работой, волнениями и заботами. Маркс умер 14 марта 1883 г. Отныне Элеонора принадлежала единственно партии и памяти отца.

Впервые опубликовано в книге:
Illustrierter Neue Welt-Kalender
für das Jahr 1899. Hamburg, 1899

Печатается с небольшими
сокращениями по тексту книги

Перевод с немецкого

Фридрих Энгельс ²⁴¹

Вы не просите от меня биографии, и это хорошо, ибо сейчас невозможно написать ее лучше, чем это сделал наш друг Каутский ²⁴². Да если бы это и было возможно, у меня нет времени.

Еще не прошло и трех недель, как смерть вырвала его из наших рядов, нашего Фридриха Энгельса. Мы, близкие ему люди, уже с весны знали о его неизлечимой болезни. Но мы не ожидали, что конец наступит так скоро. И когда я во вторник, 6 августа, возвращаясь с большого праздника профессиональных союзов в Бремене, нашел на своем редакционном столе в Берлине телеграмму, которую мои коллеги не поняли, — «General died last night 10¹/₂ o'clock» («Генерал скончался вчера в 10.30 вечера») — для меня это было неожиданным ударом, ошеломляющим и внезапным, хотя уже несколько месяцев было ясно, что к этому идет дело.

И предо мной пронеслись 50 лет — полвека, которые я его знал.

Впервые имя Фридриха Энгельса я услышал в Берлине в 1845 г. Один студент из Рейнской провинции обратил на него мое внимание, и с настоящей жадностью я проглотил «Положение рабочего класса в Англии». Социалистом, коммунистом я был и до этого — я прочел и изучил труды французских социалистов, а также Роберта Оуэна, самого практичного из утопистов, — но эта книга с ее силой фактов и логики открыла предо мной новый мир, или правильнее сказать, дала мне твердую опору. И я в свое время грешил гегельянством, а тут вдруг вместо понятий были факты. И хотя в действительности Энгельс был всего лишь на 5 лет старше меня, он представлялся мне человеком, прошедшим большую жизненную школу, с иссеченным морщинами лбом и как бы излучающей мудрость седеющей бородой.

Четыре года спустя я впервые встретился с ним. Это было в 1849 г. после кампании за имперскую конституцию, которую он так великолепно описал в «*Neue Rheinische Zeitung. Revue*»⁶⁷. Тем временем я уже ознакомился с «Коммунистическим Манифестом» и знал, что его написали он и Маркс. Правда, я прочел лишь некоторые номера «*Neue Rheinische Zeitung*», так как в это время жизнь много мотала меня: в сентябре 1848 г. я был в тюрьме, а затем весной 1849 г. из тюрьмы попал прямо в водоворот революции. Во время кампании я узнал, что Энгельс находился в корпусе Виллиха; я же служил под началом Беккера¹⁹³.

В конце лета 1849 г. Энгельс приехал из Лозанны, где находился его «гарнизон», навестить нас в Женеву, куда прибыли мы. На нем была синяя блуза, которая делала его, державшегося прямо как свеча, с чисто прусской выправкой, еще выше. Сияющие веселые глаза, звонкий, веселый голос, ироническая шутливая речь — олицетворение полной жизненных сил молодости. Таким был Энгельс. Но за этим гладким мальчишеским лбом и этими сияющими веселыми глазами таился интеллект, который создал «Положение рабочего класса». А эти иронически насмешливые, веселые уста полтора года назад бросили скованным и пребывающим в дремоте властителям будущего призывный клич огромной пробуждающей силы: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»

Таким был Фридрих Энгельс — второе и равное ему «я» Карла Маркса. Ибо уже тогда они были для нас единым целым. И чем больше я узнавал его, тем значительнее становился он. И не то, чтобы мы вели глубокомысленно серьезные беседы! Ничего подобного. Мы мало говорили о политике, а больше спрашивали и отвечали — где был Маркс? Где был тот или другой? А еще больше развлекались. Это была эпоха сумасбродной «серной банды»²⁰², перед которой толстый Карл Фогт испытывал столь необычайный ужас. И, конечно, нам нечего было сказать хорошего о господах имперских регентах и прочих парламентских величинах.

Хотя мне было тогда только 23 года, я уже общался со многими, пожалуй, даже с большинством «великих мужей»¹⁰⁴ тогдашнего времени и не почувствовал превосходства над собой ни одного из них. А здесь впервые

был человек, превосходство которого я должен был признать. He was a man! * И я теперь знал, на чьей стороне нахожусь. Это подготовило мое личное отношение к Марксу.

В Швейцарии мы увиделись еще раз. Через несколько недель, а может быть месяцев, Энгельс опять приехал в Женеву на добрую прощальную пирушку. Он уладил свои семейные дела и после долгого путешествия пешком хотел сесть в Генуе на британское торговое судно, которое должно было отправиться в Англию вдоль побережья Средиземного моря, через Гибралтарский пролив, мимо Испании и Франции. Он пригласил меня посетить Лондон и Манчестер. Я не думал, что мне придется принять его приглашение уже в следующем году. Я нашел для себя обширное поле деятельности в немецких рабочих союзах в Швейцарии, и это удерживало меня там. Но швейцарский Союзный совет был недоволен моей деятельностью. Съезд рабочих союзов в *Муртене* был «отменен» полицией в феврале 1850 г.²⁴³, а я вместе с другими «заговорщиками» — мы, якобы, планировали вооруженное вторжение в Германию и Австрию — попал в крепость во Фрейбурге (Швейцария); после двухмесячного и, кстати сказать, довольно веселого заключения я, как «глава заговора», был выслан из Швейцарии.

Мне, естественно, не оставалось ничего другого, как направиться в Англию. И это было для меня счастьем. Ведь я попал прямо в ученье: в ученье к Марксу и Энгельсу и в ученье к Джону Буллю, великому практику, который один обладает умением выметать из наших немецких голов философскую и идеологическую паутину и который, кроме того, со своей огромной *всемирной сторожевой вышки* может, подобно поднимавшему крыши хромому бесу *Лесажа*, показывать механизм подчиненного ему мирового рынка и одновременно демонстрировать в *своем настоящем наше будущее*.

С Энгельсом я не был связан так постоянно, как с Марксом, в доме которого я бывал почти ежедневно в течение 13 трудных, но все же бесконечно плодотворных лет моей лондонской эмигрантской жизни.

* — Он человек был. В. Шекспир. «Гамлет». Акт 1, сцена 2. *Ред.*

Маркс жил на Дин-стрит, Энгельс — на Максфилд-стрит, а я — между ними, на Чёрч-стрит, Сохо-сквер, в двух сотнях шагов от каждого из них, в подлинно эмигрантском квартале.

Энгельсу не пришлось испытывать нищету лондонской эмигрантской жизни; хотя его родственники помогали ему вплоть до его переезда в Манчестер довольно скупно, все же среди нас он считался Крезом и должен был временами превращать коммунизм из теории в практику. И Энгельс частенько проделывал это столь успешно, что и ему приходилось идти по тому же, столь привычному для нас пути к «дядюшке» в доме под тремя золотыми шарами¹⁰¹. И чем хуже шли наши дела, тем веселее мы были, тем больше острили, когда удачно, когда и не очень, тем заразительнее смеялись. Забавные истории из времен «Революции» и трагикомические тайны редакции «*Neue Rheinische Zeitung*» служили приправой к пище, которую мы так часто сами готовили из дешево купленных кусочков мяса, картофеля и лука в модл-лоджингхаус * на Олд-Комптон-стрит, где жили Красный Вольф и Конрад Шрамм и где сначала пару недель жил и я. Еду эту мы материально одухотворяли одним или несколькими Pots of Porter или Half and Half.

Здесь англичане относились к нам с большим уважением, и в кабаках мы были желанными гостями, особенно если среди нас находился хороший певец. Англичане почему-то считали каждого немца хорошим певцом, и это привело как-то к забавному случаю. Напротив квартиры Энгельса находился кабачок, в помещении которого обыватели по вечерам пили свое Whisky and Water, покуривая трубку Shag **. Как-то вечером я зашел туда с Энгельсом и Конрадом Шраммом, который позднее дрался на дуэли с Виллихом⁹³.

Находившийся там домовладелец Энгельса представил нас собравшемуся обществу, которое встретило

* Типичные меблированные дома с маленькими комнатками и общей кухней, общими помещениями для чтения, бесед и т. д. (Прим. авт.)

** Очень крепкий, мелко нарезанный табак. Whisky (пшеничная водка) с водой (and Water) — английский национальный напиток. Портер пьют из оловянных горшочков (Pots). Half and Half — смесь эля и портера, двух английских сортов пива. (Прим. авт.)

нас весьма дружелюбно. Говорили о том, о сем и, наконец, о немецком пении (German Song). И нас, естественно, попросили оказать честь этим добропорядочным shopkeepers *, «спев немецкую песню». Все мы были не из робких, но это смутило нас. Мы сначала заявили — и это абсолютно соответствовало истине, — что, подобно множеству других немцев, не умеем петь. Но нам не поверили — каждое наше возражение не принималось во внимание, и поскольку мы не хотели оказаться невежливыми, то пришлось «петь». И мы «спели». Мы спели песню о лейпцигском студенте, который только что написал письмо домой. И подобного трио не было до этого и не будет после. Как мы пели? Достаточно сказать, что я был не худшим певцом из нас троих, хотя в свое время в Гиссенской гимназии меня выгоняли с уроков пения, потому что мое упорное фальшивое пение регулярно сбивало весь класс с такта. Здесь же я никого не мог сбить с такта, поскольку никто его не придерживался. И каков же был «конец пения»? Мы имели потрясающий успех. Англичане были в восторге, они бурно аплодировали, и нам пришлось повторить некоторые куплеты, и если бы мы после этого старательно не обходили стороной этот кабачок, то нам пришлось бы каждый раз петь. (Само собой разумеется, что мы занимались не только проказами, но и другими делами.)

В прошлом году мы с Энгельсом разыскали место нашего музыкального триумфа, которому могла бы позавидовать сама Патти. Кабачок еще стоит и, кажется, совсем не изменился; войти же внутрь мы не рискнули из опасения, что нас узнают и принудят к новому концерту.

Само собой разумеется, что мы не только проказничали. Вскоре Энгельс переселился в Манчестер, где я навещал его до моего возвращения в Германию в 1862 г. В Лондоне он бывал по нескольку раз ежегодно.

Кем был и остался Фридрих Энгельс для партии — об этом нет нужды распространяться. Он и Карл Маркс являются теми людьми, которым пролетариат из всех, кто пролагал ему новые пути, обязан более всего. Оба они, пионеры и первопроходцы, были мыслителями, исследователями, борцами. Они подняли социализм до

* — лавочникам, мелким буржуа. (Прим. авт.)

уровня науки, поставили его на гранитный фундамент фактов и сделали его победу необходимым результатом уравнения с твердыми, постоянными величинами.

По поводу отношений между Марксом и Энгельсом написано много глупостей. То, что Энгельс ставил себя позади Маркса, что при его жизни он почти пожертвовал своей личностью — все это правильно и блестяще отражает характер Энгельса, но не уменьшает его значения в интеллектуальном плане. Он был *иным*, чем Маркс, но не ниже его. Оба они подходили друг другу, дополняли один другого и каждый из них сам по себе был равноценен другому, они составляли могучую *двуединую личность*, подобной которой история не знает.

Совершенно неверно считать, что Маркс будто бы был неприступным, а Энгельс — более мягким, гибким, посредником между замкнувшимся в себе олимпийцем и «толпой». Правда, Энгельс, обладавший по-лессинговски светлой головой, писал много понятнее, чем Маркс, — это коренилось в его характере и жизненных обстоятельствах, которые толкали его, сына фабриканта, в область практической деятельности. Но Маркс был доступнейшим человеком, веселым и любезным в общении с людьми. Энгельс был более резким. В нем иногда бывало нечто по-военному решительное, что вызывало протест, тогда как Маркс в общении был очень обаятельным. В редакции «*Neue Rheinische Zeitung*» все шло гладко, пока там находился Маркс. Когда же его замещал Энгельс, тотчас возникала конфликтная атмосфера: об этом мне не раз рассказывали Дронке, Красный Вольф и Казематный Вольф (Лупус) иногда даже в присутствии самого Энгельса, который при этом смеясь покручивал ус. С Марксом у меня дело доходило до конфликта лишь дважды, с Энгельсом — нередко.

Страстный борец Энгельс был одновременно, благодаря ясному разуму и широте суждений, великим миротворцем. Когда прошлой осенью после Франкфуртского партийного съезда вопрос об агитации в деревне и об аграрной программе привел к таким яростным партийным дебатам, которые знает только наша партия и только она может выдержать, то именно Фридрих Энгельс утихомирил страсти, настолько объективно научно раскрыв и осветив спорные вопросы, что полемика

потеряла оттенок какой-либо личной неприязни. И превосходная статья, которую он опубликовал тогда в «Neue Zeit», несомненно, также может послужить наведение мостов примирения в полемике, которая сейчас разгорелась вокруг аграрной программы²⁴⁴.

Сколько же конфликтов уладил он! И не только в Германии — во всех странах, где пустил корни и побеждает научный социализм, основанный им и Марксом на нерушимом фундаменте. И так повсюду. Универсальный ум, не упускавший в то же время самого малого, он был в курсе всего, был постоянно на боевом посту как в важнейших проблемах науки, так и в конкретных вопросах практики, он всегда был готов помочь советом и делом.

Теперь он ушел от нас — великий мыслитель и борец — признанный вождь, верный друг, хороший товарищ. Его прах в скором времени растворится в водах мирового океана¹⁸⁸, его учение распространится по всему миру, и рабочие всех стран, которым полвека назад он вместе со своим другом Карлом Марксом бросил интернациональный освободительный клич и указал путь к победе, эти рабочие осуществят то, о чем думали и чему учили — он и его друг Карл Маркс — наш Энгельс и наш Маркс.

Впервые напечатано в газете
«Süd-Deutscher Postillon»,
München, 1895, N 19

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого

Фридрих Энгельс²⁴⁵

(28 НОЯБРЯ 1820—5 АВГУСТА 1895)

В «Volks-Kalender» Бракке за 1878 г. помещена статья (с. 78 и далее), озаглавленная «Три светлых ума», — история жизни и деятельности *Лессинга, Якоби и Маркса*. Биография Маркса написана Энгельсом²⁴⁶. Не знаю, принадлежит ли общий заголовок «Три светлых ума» самому Бракке, но, во всяком случае, он очень подходит, и если бы у Маркса было время написать для «Volks-Kalender» биографию своего близнеца-брата по духу, нашего Фридриха Энгельса, то заголовок гласил бы: «Четыре светлых ума». Ибо таким же светлым умом, как трое других, был ум Фридриха Энгельса — светлый, ясный, свободный от всякой романтической и сентиментальной окраски. Энгельс рассматривал людей и вещи не сквозь розовые или темные очки, он всегда глядел на них светлыми и ясными глазами, взор его никогда не останавливался на поверхности, а всегда проникал до самой глубины. Этот светлый, ясный взор, это *ясновидение* в истинном, здоровом смысле слова, эта прозорливость, которой мать-природа наделяет лишь немногих, были весьма свойственны Энгельсу. Это мне бросилось в глаза уже при нашей первой встрече. Я описал это в другом месте — в № 313 «Süddeutscher Postillon»²⁴⁷.

Встреча эта произошла поздним летом 1849 г. на берегу голубого Женевского озера, где мы после краха *кампании за имперскую конституцию*⁶⁷ основали несколько эмигрантских колоний, в которых, во всяком случае, проводилась более разумная и более практическая колониальная политика, нежели та, что ныне проводится Германской империей. Это, впрочем, не следует понимать в том смысле, что она и впрямь была практической. До этого мне пришлось лично познакомиться со множеством всяких «великих мужей»¹⁰⁴ — вроде Руге, Гейнца, Юлиуса Фрёбеля, Струве и разных других

народных вождей баденской и саксонской «революций»²⁴⁸. Но чем ближе я с ними знакомился, тем больше меркнул в моих глазах их ореол, тем мельче казались они мне.

Чем туманнее атмосфера, тем большими представляются в ней вещи и люди. Но Фридрих Энгельс обладал таким свойством, что перед его ясным взором туман рассеивался и люди и вещи выглядели именно такими, каковы они были в действительности. Эта острота взгляда и ей соответствующая и из нее проистекающая резкость суждения вначале были мне не совсем по душе и порой даже коробили меня. Правда, и у меня сложилось не лучшее впечатление о героях кампании за имперскую конституцию, чем у Энгельса. Но мне все же казалось, что он недооценивает это движение, на которое было затрачено много ценных сил и самоотверженного воодушевления. Впрочем, остаток «южно-немецкого прекраснодушия», которое, хоть я и не уроженец Южной Германии, было мне тогда еще присуще и от которого я полностью избавился лишь позже, в Англии, не мешал нам сходитья, хоть и не всегда сразу, на общем мнении и о людях и о вещах. И я очень скоро убедился, что Энгельс, чью книгу о рабочем движении в Англии* я уже давно знал и чьи богатые и обширные познания изумили меня при личном общении, всегда имел твердые и определенные основания для своих суждений. Я смотрел на него снизу вверх: он уже совершил большие дела и был на пять лет старше меня, а в этом возрасте пять лет — целое столетие.

Мне сразу же бросилось в глаза, что Энгельс — прекрасный знаток военного дела. Из бесед с ним я узнал, что статьи в «*Neue Rheinische Zeitung*» о революционной войне в Венгрии, которые всеми приписывались кому-либо из высшего командования венгерской армии, поскольку содержащиеся в них оценки всегда подтверждались, были на самом деле написаны Энгельсом²⁴⁹. При этом, как он мне сам со смехом рассказывал, у него не было абсолютно никакого другого материала, кроме того, которым располагали и все остальные газеты и который почти исключительно исходил от австрийского правительства. А оно врало немилосердно. Оно всегда

* — «Положение рабочего класса в Англии». Ред.

одерживало победы в Венгрии — совсем как теперь испанское правительство на Кубе²⁵⁰. И вот тут-то Энгельсу пошел впрок его талант ясновидца. Он не обращал внимания на фразы. У него в голове уже были рентгеновские X-лучи, которые, как известно, не обладают свойством преломления и никогда не позволяют втереть очки. С их помощью он проходил мимо несущественных для установления истины моментов, не позволял ввести себя в заблуждение никакими дымовыми завесами и фантастическими картинами и останавливался взглядом лишь на прочной основе — на фактах. Как бы громко ни трубили австрийские мюнхгаузенцы, они все же не могли скрыть некоторых фактов — названий и местностей, где происходили столкновения и где находились войска к началу и к исходу стычек или сражений, времени боев, передвижений войск и т. д. И из этих мелких костей и косточек «наш Фриц» с его светлым, ясным взором составлял, подобно Кювье, действительную картину событий на театре военных действий. Пользуясь хорошей картой театра военных действий, он умел с математической точностью заключить из дат и названий местностей, что победоносные австрийцы все далее продвигаются назад, а побежденные венгры отступают вперед; и расчет был настолько верным, что на следующий день после того, как австрийская армия на бумаге в решительной битве победила и разгромила венгров, она была изгнана из Венгрии в состоянии полного разложения.

Энгельс не являлся ни пророком, ни чтецом мыслей, но имел ясный, зоркий взгляд и был ясновидцем в том смысле, в каком им был Гёте, который своими ясными, зоркими очами разглядел в битве при Вальми то, чего не смогли *voir gré* (курам на смех) увидеть своими мутными глазами заурядные люди и государственные мужи, — начало мирового поворота²⁵¹.

Впрочем, Энгельс был как бы создан военным: ясный взгляд, умение быстро ориентироваться и взвесить даже мельчайшие обстоятельства, быстрота решений и невозмутимое хладнокровие. Позже он написал ряд превосходных военных произведений и завоевал, — разумеется, инкогнито — признание со стороны профессиональных военных первого ранга, которые и понятия не имели, что анонимный автор брошюр носил одно из

наиболее одиозных бунтарских имен и был плебеем, сыном фабриканта из Бармена. В Лондоне мы шутливо называли его Генералом. Если бы при его жизни еще раз произошла революция в старом романтическом стиле, то у нас был бы в лице Энгельса и свой Карно, и свой Мольтке — организатор армий и побед, военный мыслитель.

О кампании за имперскую конституцию Энгельс сам вскоре написал в «*Neue Rheinische Zeitung. Revue*», которое редактировалось в Лондоне и просуществовало, правда, недолго⁶⁷. На основании статей Энгельса, а также других сообщений товарищ Шей в Лондоне очень образно описал участие Энгельса в борьбе в Южной Германии за имперскую конституцию. Заимствую из этой статьи следующее:

«После того как Маркс и Энгельс, побывав в Карлсруэ, получили представление о революционном правительстве Брентано, они отправились в Пфальц, чтобы познакомиться с тамошним движением и временным правительством. Встретив в Шпейере Виллиха, возглавлявшего добровольческий отряд, они вместе с ним поехали в Кайзерслаутерн, где застали временное правительство во главе с Д'Эстером.

И здесь дело складывалось таким образом, что не могло быть и речи об официальном участии коммунистов в движении, которое тут, как и в Бадене, носило ярко выраженный мелкобуржуазный характер. Пробыв несколько дней в Кайзерслаутерне, оба друга направились в Бинген. Но по дороге они были задержаны гессенскими войсками и вместе с еще несколькими друзьями арестованы по подозрению в том, что они участники восстания, и отправлены сперва в Дармштадт, а потом во Франкфурт-на-Майне, где они были наконец освобождены.

Вскоре после этого Маркс по поручению Центрального комитета демократов²⁵² уехал в Париж, где ожидалась серьезные события, чтобы там представлять немецкую революционную партию перед французскими социальными демократами. Энгельс же опять направился в Пфальц, в Кайзерслаутерн, чтобы выждать развития событий и в случае необходимости принять участие в движении в качестве солдата».

В «*Neue Rheinische Zeitung. Revue*» Энгельс с вели-

колепным юмором изображает характер, который приняло народное движение в Пфальце.

«Кто хоть однажды побывал в Пфальце,— пишет он,— тот поймет, что в этом благословенном крае, где вино в изобилии, движение должно было принять в высшей степени жизнерадостный характер. Наконец-то население избавилось от сидевших у него на шее неповоротливых, педантичных старобаварских чиновников — любителей пива и назначило на их место веселых поклонников пфальцкого вина. Наконец-то оно освободилось от крючкотворства глубокомысленной баварской полицейщины, которое так забавно высмеивал в остальном весьма плоский журнал «*Fliegende Blätter*» и которое тяготило вольнолюбивых пфальцских жителей больше, чем что-либо другое. Восстановление свободы трактиров было первым революционным актом пфальцкого народа; весь Пфальц превратился в большой трактир, и количество спиртных напитков, поглощенное в продолжение этих шести недель «во имя пфальцкого народа», не поддается никакому исчислению. Хотя в Пфальце активное участие в движении было далеко не таким широким, как в Бадене, хотя здесь было много реакционных округов, однако все население было единодушно в этом всеобщем увлечении вином, и даже самый реакционно настроенный помещик или крестьянин был захвачен этим общим весельем...

С внешней стороны пфальцское движение носило веселый, беззаботный и непринужденный характер. В то время как в Бадене каждый новоиспеченный подпоручик линейных войск или народного ополчения затягивался в тяжелый мундир и щеголял серебряными эполетами, которые позже, в день сражения, сразу прятались в карман, пфальцские жители вели себя гораздо более разумно. Как только дала себя почувствовать сильная жара первых июньских дней, исчезли все суконные сюртуки, жилеты и галстуки, уступив место легким блузам. Вместе со старой бюрократией сбросили, казалось, всю старинную угрюмую скованность, стали одеваться совершенно непринужденно, считаясь только с удобствами и временем года, и вместе с различиями в одежде сразу же исчезли всякие другие отличия в повседневном общении. Все классы общества собира-

лись в одних и тех же общественных местах, и какой-нибудь социалистический фантазер мог бы усмотреть в этом непринужденном общении зарю всеобщего братства.

Каким был Пфальц, таким было и его временное правительство. Оно состояло почти исключительно из добродушных любителей вина, которые более всего были удивлены тем, что им пришлось вдруг представлять собой временное правительство своего отмеченного Вакхом отечества. И тем не менее нельзя отрицать, что эти смеющиеся правители вели себя лучше и сделали сравнительно больше, чем их баденские соседи»²⁵³, которые в соответствии с девизом «Человек серьезен» выставляли напоказ свою глубокомысленную мрачность. Правительство Пфальца далеко превосходило баденское правительство с точки зрения доброй воли и трезвой рассудительности, а недостаток доброй воли со стороны правительства Brentano в Бадене проявился особенно в том, что оно вопреки самым настойчивым требованиям о предоставлении военных материалов полностью бросило на произвол судьбы Пфальц, не располагавший никакими военными средствами.

Один из главных упреков, которые можно было сделать пфальцскому правительству, заключается в том, что, чувствуя собственное бессилие, оно позволило себе слишком заразиться всеобщей беззаботностью и вместо того, чтобы энергично пустить в ход, правда, ограниченные средства обороны страны, предпочло полагаться на внешние случайности. Как далеко заходила эта беспечность, показывает тот факт, что правительство совершенно не интересовалось расположением прусских войск на границе и что никто вообще не знал, что там делается. Правительство в Кайзерслаутерне получало только две газеты — «Frankfurter Journal» и «Karlsruher Zeitung», и однажды господа были весьма удивлены, когда Энгельс доставил им более точные сведения о подтягивании и расположении прусских войск на границе. сведения, которые сам он почерпнул из старого номера «Kölnische Zeitung». Много раз делались попытки уговорить молодого Энгельса занять руководящий пост в движении. Сам он пишет об этом следующее:

«Само собой понятно, что и мне предлагали много гражданских и военных должностей, которые я ни ми-

нуты не поколебался бы принять при пролетарском движении. При данных условиях я отклонил их все. Единственное, на что я согласился, это написать несколько агитационных статей для небольшой газетки, широко распространявшейся временным правительством в Пфальце²⁵⁴. Я знал, что и из этого ничего не выйдет, но по настоятельной просьбе Д'Эстера и некоторых членов правительства принял, в конце концов, это поручение, чтобы доказать, по крайней мере, мою добрую волю. Так как я, разумеется, не особенно стеснялся в выражениях, то уже вторая статья встретила возражения, как слишком «возбуждающая»; я не стал тратить лишних слов на разговоры, взял статью обратно, разорвал ее в присутствии Д'Эстера, и на том дело кончилось».

Военная организация пфальцкого движения особенно страдала от недостатка оружия и хороших офицеров. Из-за границы ничего нельзя было получить, и, как об этом уже говорилось, также и из восставшего Бадена. Ничего не делалось и для того, чтобы имеющееся в стране оружие передать в надежные руки. Ковали косы, но даже это примитивное вооружение не попадало в руки повстанцев, в то время как гражданские ополчения, состоявшие из одних филистеров, прятали свои хорошие ударные ружья.

Энгельс рисует офицерский корпус, за немногими исключениями, как негодный и неспособный. К этим исключениям относились: *Техов*, тот самый, который, будучи прусским поручиком, во время штурма берлинского цейхгауза²⁵⁵ вместе со своим товарищем передал цейхгауз народу, был приговорен к пятнадцати годам заточения в крепости и бежал из Магдебурга, а также *Виллих*, который со своим небольшим добровольческим отрядом вел наблюдения за крепостями Ландау и Гермерсгейм, а затем руководил осадой этих крепостей.

Резкая критика со стороны Энгельса и его беспощадный сарказм были, естественно, очень не по душе этим филистерам от революции. Как-то раз они даже арестовали его, но через 24 часа временное правительство вынуждено было, смущенно извиняясь, выпустить его на свободу²⁵⁶.

Попытка обстоятельного описания последовавших затем боев завела бы нас слишком далеко. Наступление

пруссских и имперских войск в количестве около 30 тысяч человек против 5—6 тысяч плохо руководимых и плохо обученных революционных солдат вынудило вскоре пфальцскую армию отойти за Рейн, в Баден, и там объединиться с баденцами. Но и здесь 60 тысяч пруссаков и баварцев противостояли 13 тысячам повстанцев, подчиненных к тому же правительству, в котором главные посты были заняты предателями или слабохарактерными людьми.

Энгельс участвовал в трех сражениях и в решающей битве на Мурге, и все, видевшие его под огнем, долгое время спустя рассказывали о его хладнокровии и презрении ко всякой опасности.

Об участии коммунистов*, тогдашних носителей социалистических идей, в боях за конституцию Энгельс пишет:

«Тем жертвам баденского восстания, которые в той или иной мере принадлежали к образованным классам, в прессе, в демократических союзах воздаются всякого рода почести в стихах и в прозе. Но никто не поминает ни словом о сотнях и тысячах рабочих, которые вынесли на себе всю тяжесть боев и пали на полях сражений, о тех, которые заживо сгнили в раштаттских казематах, или о тех, которым теперь за границей, единственным из всех эмигрантов, приходится в изгнании испытать до дна горькую чашу нужды. Эксплуатация рабочих — стародавнее и слишком привычное явление, чтобы наши официальные «демократы» могли видеть в рабочих что-нибудь иное, чем легко воспламеняющийся материал, годный лишь на то, чтобы быть объектом агитации и эксплуатации или служить пушечным мясом. Наши «демократы» слишком невежественны и слишком проникнуты буржуазным духом, чтобы постичь революционное положение пролетариата, постичь будущее рабочего класса. Поэтому им ненавистны также те истинно пролетарские характеры, которые слишком горды для того, чтобы льстить им, слишком пронизательны, чтобы дать себя использовать этим «демократам», но которые все же выступают с оружием в руках каждый раз, когда дело идет о свержении существующей власти, и которые во всяком революционном движении непосредственно

* — членов Союза коммунистов. *Ред.*

представляют партию пролетариата. Но если так называемые демократы не заинтересованы в том, чтобы оценивать по достоинству таких рабочих, то долг партии пролетариата — воздать им по заслугам. И к лучшим из этих рабочих принадлежал Иосиф Молль из Кёльна.

Молль был по профессии часовщик. Много лет тому назад он покинул Германию и принимал участие во всех открытых и тайных революционных обществах во Франции, Бельгии и Англии. Он принимал участие в основании Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне в 1840 г.⁹⁴ После февральской революции он вернулся в Германию и вскоре вместе со своим другом Шаппером принял на себя руководство кёльнским Рабочим союзом²⁵⁷. Эмигрировав в Лондон после кёльнских сентябрьских событий 1848 г.⁷², он вскоре вернулся в Германию под чужой фамилией, вел агитационную работу в самых различных местностях и принимал на себя выполнение миссий, которые отпугивали всех других своим опасным характером. Я снова встретил его в Кайзерслаутерне. И здесь он взялся за выполнение таких поручений в Пруссии, которые подвели бы его прямо под расстрел, если бы он был узан. Возвращаясь из своей второй поездки такого рода, он благополучно пробрался через расположение всех неприятельских армий до самого Раштатта, где немедленно вступил в наш отряд, в безансонскую рабочую роту²⁵⁸. Спустя три дня он был убит. Я потерял в нем старого друга, а партия — одного из своих самых неутомимых, бесстрашных и надежных передовых бойцов.

Партия пролетариата была довольно сильно представлена в баденско-пфальцской армии, особенно в добровольческих отрядах, например в нашем отряде, в эмигрантском легионе и т. д.; она может смело бросить вызов всем другим партиям: ни одна из них не сможет сделать даже малейшего упрека кому-либо из ее членов. Самые решительные коммунисты были и самыми смелыми солдатами».

Естественно, что 90-тысячное прусско-имперское войско одержало победу над 15 тысячами солдат революционной армии, но победу самую бесславную. Оно справилось с горсткой повстанцев, только нарушив

нейтралитет Вюртемберга и обеспечив себе возможность обходного движения. Утром 12 июля солдаты добровольческого отряда Виллиха, и среди них Энгельс, подошли к швейцарской границе и, разрядив ружья, последними из баденско-пфальцской армии перешли на территорию Швейцарии.

Энгельс пишет об исходе кампании:

«С политической точки зрения кампания за имперскую конституцию была заранее обречена на неудачу. С военной точки зрения она также была обречена на неудачу. Единственный шанс ее успеха был вне Германии, он заключался в победе республиканцев в Париже 13 июня, а движение 13 июня потерпело поражение⁵. После этого события кампания могла представлять собой только более или менее кровавый фарс, не более того. Она и не была ничем иным. Глупость и предательство довершили ее поражение. За исключением немногих лиц, военачальники были предателями или бездарными, невежественными и трусливыми карьеристами, а те немногие, которые являлись исключением, не получали никакой поддержки со стороны остальных, например со стороны правительства Брентано... Это относится и к командирам и к солдатам... Вся «революция» превратилась в настоящую комедию, и единственным утешением при этом было то, что в шесть раз более многочисленный противник сам имел еще в шесть раз меньше храбрости.

Но эта комедия имела трагический конец из-за кровожадности контрреволюции. Те самые воины, которых в походе или на поле сражения не раз охватывал панический страх, умерли как герои в темницах Раштаттской крепости. Ни один из них не молил о пощаде, ни один не дрогнул. Немецкий народ не забудет расстрелов и казематов Раштатта».

Итак, комедия была все же не столь уж смешна; и как раз то, что это восстание было в силу обстоятельств явно обречено на крах, придает ему трагический ореол. Но не провал 13 июня 1849 г. в конечном счете решил судьбу кампании за имперскую конституцию; кстати сказать, сама имперская конституция для девяти десятых участников этой кампании не имела никакого значения или даже служила объектом насмешек. Мы, волонтеры, так же как и солдаты, пели:

За республику погибнуть
Наш великий, славный жребий,
Духом избранная цель!

Если слова этого нашего жирондистского хора * и были нескладны, то с тем большим рвением мы их распевали.

Само 13 июня было уже заранее обречено на жалкий крах. Это событие, как все немецкое революционное движение в целом, было вспышкой пожара, для которого уже не хватило основного горючего материала. Но если в Париже этот горючий материал был уничтожен в пламени огромного пожара, то в Германии он большей частью истлел потихоньку. Этим огромным пожаром была июньская битва 1848 г.⁷¹ Там навсегда размежевались буржуазия и пролетариат, там мираж гармонии классовых интересов был рассеян кровавой развязкой и буржуазия, которая, подобно князьям и прочим властителям, стала интернациональной гораздо раньше, чем рабочие, превратилась с этого момента в реакционную силу, отбросила свои «юношеские заблуждения», идеалы и революционные средства борьбы, предоставив и то и другое пролетариату. Июньская битва расчистила во Франции почву для Бонапарта, государственного переворота и империи⁹⁶, а в Германии — после эпизода с Мантейфелем — для Бисмарка, государственного переворота и империи⁷³. Только у нас государственный переворот произошел не в 1851, а только в 1866 г., а империя образовалась не в 1852, а лишь в 1871 г. — мы, немцы, несколько медлительнее французов, этих «политических инструкторов Европы».

После июньской битвы исчезла последняя возможность совместного революционного действия буржуа и рабочих. Французские радикалы, которые 13 июня 1849 г. хотели удалить со сцены «избранника 10 декабря», а в его лице угрозу восстановления империи, строили свои расчеты без рабочих. Когда дошло до дела, пролетариата не было на поле боя. За 12 месяцев до этого буржуазия обескровила его, а от такого

* Французский хор жирондистов (Choeur des Jirondins), одна из старых революционных песен, в припеве которой были слова *mourir pour la patrie* — умереть за отечество и т. д. (Прим. авт.)

кровопускания нельзя оправиться в течение одного года. Радикальные буржуа напрасно призывали рабочих — так же напрасно, как 55-ю годами ранее — во времена Термидора 1794 г. — Робеспьер в час бедствия призывал коммуну Парижа, революционных вождей и представителей которой он за несколько месяцев перед тем отправил на гильотину.

У германской кампании за имперскую конституцию, как и у французского 13 июня, не было предпосылок для победы.

Но я слишком уж много говорю о тех временах. Извинением мне служит моя тема. Этот эпизод из жизни Энгельса сравнительно мало известен. И так как демократы и демократы-«революционеры» часто упрекали Энгельса, как и Маркса, в том, что они — люди мысли, а не действия, я счел целесообразным показать всю смехотворность этого «упрека», напомнив о деятельности Энгельса в народном восстании 1849 г.

Да и вообще, что означает это противопоставление мысли и действия, теории и практики? Разве «Коммунистический Манифест» — не действие? Разве «Капитал» — не действие? Разве научная работа Энгельса и Маркса не была насквозь *действенной*?

После краткого совместного пребывания в Швейцарии я встретил Энгельса в следующем году в Лондоне, куда он первоначально направился. С тех пор я постоянно поддерживал с ним связь. Правда, он еще в 1850 г. уехал из Лондона, где я жил, в Манчестер, в контору своего отца, который, как и другие рейнские фабриканты, имел филиал в Англии. Однако Энгельс очень часто навещал нас в Лондоне и нередко жил там подолгу; и почти ежедневно он писал Марксу, который регулярно сообщал содержание этих писем, если они не были чисто личными, нам, то есть наиболее доверенным участникам менявшейся в своем составе «Марксовой клики». Конечно, я не был так близок с Энгельсом, как с Марксом, в доме которого бывал почти ежедневно в течение двенадцати лет подряд и считался как бы членом его семьи.

После смерти Маркса я сошелся с Энгельсом ближе. Теперь перед ним встала двойная задача — заменить Маркса и выполнить его завещание.

*Бой на улице Сент-Антуан
в Париже в июне 1848 г.*

Энгельс, который до тех пор, по его собственному выражению, играл вторую скрипку, доказал теперь, что он может быть и первой скрипкой. Его энергия, большую часть которой он в течение двух десятилетий вынужден был тратить на контору, теперь целиком была отдана выполнению этой его двойной задачи. Энгельс завершил, насколько это было возможно, «Капитал», развил поразительную творческую деятельность в научной области и благодаря своей необычайной работоспособности находил еще время для обширной международной переписки. А письма Энгельса зачастую были научными статьями, политико-экономическим путеводителем и руководством. Энгельс помогал всюду, где в нем нуждались, всегда побуждая к действию. Советуя, требуя, предупреждая, он, оставаясь почти до последних дней активным борцом, участвовал в битвах великого международного рабочего движения. Это движение осуществляло тот самый лозунг, который Энгельс вместе со своим другом Марксом еще в начале 1848 г., почуяв свежий ветер февральской революции, бросил рабочим:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Пролетарии действительно соединились!

И никакая сила в мире не сможет преградить дорогу объединенному мировому пролетариату.

28 ноября 1890 г. мы в Лондоне праздновали 70-летие Энгельса. Он был бодр, полон юмора и боевого задора, как во времена своей жизнерадостной, горячей юности. А когда, почти три года спустя, в зале «Конкордия» он обратился к берлинским рабочим со словами:

«Товарищи социал-демократы! Я убежден, что вы и впредь будете выполнять свой долг!»²⁵⁹ — то среди тысяч людей, с воодушевлением его слушавших, с благодарностью и любовью глядевших на него, не было ни одного, который не спрашивал бы себя удивленно:

— Неужели этому юноше уже стукнуло семьдесят три года?

С тех пор не прошло и двух лет, как 6 августа 1895 г., вернувшись с большого праздника профессиональных союзов в Бремене, я нашел на своем столе в редакции газеты «Vorwärts» горестную телеграмму:

«General died yesterday night 10.30, no struggle, unconscious since noon, please inform Soldat, Singer». «Генерал тихо скончался вчера в 10.30 вечера. С полудня без сознания. Просьба сообщить Солдату и Зингеру».

Под «Солдатом» подразумевался я. Уже с весны мы, то есть три человека в Германии *, знали, что у Генерала неизлечимая болезнь — рак горла. И хотя удар не был внезапным, все же он был ужасным и беспощадным.

Итак, не стало титана мысли, который заложил вместе с Марксом основы научного социализма и учил тактике социализма; который уже в двадцать четыре года дал нам классическую работу «Положение рабочего класса в Англии»; соавтор «Коммунистического Манифеста», второе «я» Карла Маркса, которому он помогал организовать Международное Товарищество Рабочих; автор «Анти-Дюринга», этой кристально ясной, понятной каждому мыслящему человеку научной энциклопедии; автор «Происхождения семьи» и многих других работ, сочинений, газетных статей; друг, советчик, вождь и борец — итак, его не стало. 9 августа мы кремировали его тело под Лондоном. 27 августа его прах, согласно его воле, был опущен в море ¹⁸⁸⁸.

Но дух его живет всюду, где живут и борются классово сознательные пролетарии.

Впервые опубликовано в книге:
Illustrierter Neue Welt-Kalender
für das Jahr 1897. Hamburg, 1897

Печатается по тексту книги
Перевод с немецкого

* — Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, Пауль Зингер. Ред.

Похороны Фридриха Энгельса ²⁶⁰

Простым и строгим был характер нашего бессмертного первопроходца, простыми и очень строгими оказались и похороны, завершившие его жизненный путь, богатый событиями и успехами.

Энгельс выразил желание, чтобы его останки были кремированы, а пепел погружен в море. В субботу, 10 августа [1895 г.], в 11 часов утра тело должно было быть доставлено со станции Ватерлоо (из частного зала для траурных церемоний, Вестминстер, Бридж Роуд, 188) в крематорий в Уокинге, примерно в 30 милях от Лондона. Но из-за подлого доноса судебному чиновнику, производившему дознание по случаю скоропостижной смерти (Согонег), пришлось перенести похороны на вторую половину дня.

Для всех нас останется навеки незабываемым тот глубоко волнующий миг, когда в два часа пополудни мы вошли в зал и увидели гроб, покрытый огромным количеством венков. Великолепием и благородным вкусом отличались венки от берлинских товарищей, от газет «*Leipziger Volkszeitung*», «*Hamburger Echo*», от городов Гамбурга, Бремена, Франкфурта-на-Майне, Дрездена, Кёльна. Мы увидели венки из всех областей Германии, из Австрии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, Голландии, России, Польши, Болгарии, Армении. Много цветов от родственников Энгельса, членов семьи Маркса, от Бернштейна, Каутского, Дица, от Лабриолы из Рима, Моттелера, Лесснера и других. На широких красных лентах — многозначительные, полные глубокого смысла надписи, убедительно выражающие скорбь борющегося пролетариата и его самую искреннюю благодарность своему духовному отцу и наставнику, учителю, вождю и незабвенному другу. Из всех частей света пришли многочисленные телеграммы и письма. Особенно велико было число соболезнований из Гер-

мании и Австрии. Письма прислали также отдельные лица и друзья, в том числе Петр Лавров, Лабриола *, Джон Бёрнс, Уилл Торн, Джулиан Гарни (старый руководитель чартистов).

Возле гроба в скорби стояли представители всех цивилизованных народов: немцы, австрийцы, англичане, французы, бельгийцы, голландцы, итальянцы, русские, поляки, армяне и так далее. Национальные и расовые различия отошли в сторону перед единым мощным чувством: человечество, стремящееся к свободе и братству, к свету и счастью, потеряло одного из своих самых смелых и благородных передовых борцов. Достаточно было взглянуть на этих выдающихся людей, которые поспешили сюда как представители угнетенных и борющихся с востока и запада, с севера и юга отдать дань самой глубокой благодарности своему передовому борцу и вождю, чтобы укрепить наши помыслы, усилить нашу энергию и наполнить наши сердца огромным воодушевлением и неустанно, ревностно, самоотверженно продолжать свое дело, до конца выстоять на поле боя. Мы хотим донести до самых отдаленных уголков цивилизованного мира заветы покойного: пробуждать и поднимать угнетенных, придавать силу слабым, вселять новое мужество в отчаявшихся, пока эгоизм и тирания не будут навсегда сметены с лица земли.

Вот внушительная фигура доктора Самюэла Мура, старика лет шестидесяти пяти, полного сил, энергичного и погруженного в раздумье; он — английский судья и переводчик Марксова «Капитала». Рядом с ним Поль Лафарг, остроумный публицист и философ-эпикурец, он явно преодолевает невероятную боль, которая терзает его сердце. Карл Каутский ведет серьезный разговор с Волховским, Зингер беседует с Анселем, Герман Энгельс (брат Фридриха Энгельса) возле Жана Лонге (внука Карла Маркса), доктор Эвелинг — рядом со своей скорбящей женой Элеонорой Маркс и свояченицей Лаурой Лафарг, Гарри Квелч (редактор английской «Justice») — рядом с Уильямом Торном, армянин Назарбек (редактор революционного журнала «Гнчак») разговаривает с молодым студентом из Сибири; в стороне,

* — Антонио Лабриола. *Ред.*

погруженные в себя, стоят Либкнехт, Бебель, Лютгенау, Шульце, Августин (последние двое — делегаты берлинских рабочих), Степняк, Вера Засулич, Паоло Валера (Италия).

Слово берет д-р Мур: «Друзья! Мы стоим у гроба человека, какие встречаются очень редко. Я познакомился с Фридрихом Энгельсом в 1863 году в Манчестере; вскоре мы стали близкими друзьями. Каждая беседа с ним была для меня очень поучительной. Его знания и сердечная доброта были неисчерпаемыми». Со слезами на глазах благородный старец простился со своим покойным другом и предоставил слово Шлехтендалю, племяннику Фридриха Энгельса и представителю верующей и глубоко консервативной семьи Энгельсов. Хотя оратор не может разделить взглядов покойного, он в состоянии отдать должное добродетелям Фридриха Энгельса: его неугасимой любви к родителям, его борьбе на стороне беспомощных и нуждающихся. Еще будучи мальчиком, Фридрих Энгельс раздавал бедным деньги, которые у него были. Велико было его сочувствие ко всем угнетенным и страждущим.

Затем слово взял Вильгельм Либкнехт. Он говорил об усопшем как о человеке, верном долгу, как о герое, сражавшемся пером и мечом, как о соратнике Маркса и одном из основателей современного социализма.

Поль Лафарг говорил коротко, не в силах преодолеть душевную боль, он разрыдался: «Прощай, дорогой друг! Такого любящего, доброго и снисходительного друга у меня больше никогда не будет. Вместе с Марксом ты дал нам «Коммунистический Манифест», ты дал французскому пролетариату программу, которая пробудила наше классовое сознание и указывает путь в каждодневных боях за завоевание политической власти. Прощай, Фридрих Энгельс! Рабочие Франции никогда не забудут твой завет, который ты дал нам в 1847 году: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ты указал нам поле боя, ты дал нам оружие и лозунги, мы будем бороться и победим».

В лице Августа Бебеля австрийские рабочие нашли красноречивого выразителя их чувств и мыслей. Бебель прославлял покойного как человека энциклопедических знаний, как крупнейшего знатока современной соци-

альной истории, как мудрого политика и верного друга австрийского пролетариата.

От имени Бельгии говорил Ансель, чья совершенная по форме, с глубоким чувством произнесенная речь произвела огромное впечатление. Внешне Ансель неприметен; с виду его можно принять просто за обычного рабочего. Но когда он говорил о бедах и страданиях пролетариата, когда своими ритмично льющимися словами он выражал чаяния и надежды всех борцов за свободу, то со всей силой проявилась эрудиция руководителя бельгийских рабочих.

Д-р Эвелинг говорил от имени английских товарищей, Ван дер Гус — как делегат голландских социал-демократов и русский * — от имени русских борцов за свободу.

В половине четвертого тело перенесли в железнодорожный вагон, и специальный поезд отправился в крематорий в Уокинге. При кремации присутствовали лишь несколько человек. [...]

Впервые опубликовано в газете
«Der Sozialdemokrat», Berlin,
1895, 15. VIII. N 33

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется
впервые

---

* — Степняк-Кравчинский. Ред.

Путешествие в Каноссу — в Лондон ²⁶¹

Обстоятельства, при которых произошло избрание Гирша редактором газеты «Sozialdemokrat», и сомнения, вызванные этим избранием у большинства руководства партии, побудили меня предпринять давно задуманное и все время откладывавшееся путешествие в Лондон ²⁶². Гирш жил в то время в Лондоне, и, таким образом, я мог сразу столкнуться с ним. Кроме того, я хотел, чтобы Бернштейн, против которого Маркс и Энгельс, а также Гирш были сильно предубеждены, отправился со мной в Лондон, в пещеру льва, чтобы показать, что он не такой уж плохой парень, как считали оба старика. У самого Бернштейна под влиянием жизни в Цюрихе и того, что там изо дня в день сообщалось о положении в Германии, создалось другое настроение, нежели то, которое нашло свое выражение в злополучной статье в рихтеровском «Jahrbuch», подписанной тремя звездочками ²⁶³. У меня была даже тайная надежда, что если Гирш откажется от редактирования газеты «Sozialdemokrat», то Бернштейна удастся провести на его место. Но для того чтобы это удалось как следует, необходимо было установить сносные личные взаимоотношения между новым редактором, с одной стороны, и Марксом и Энгельсом — с другой. Поэтому я предложил Бернштейну отправиться со мной в Каноссу, в Лондон. Он сразу же согласился, и мы встретились с ним в Кале, так как у Бернштейна были все основания избегать германской территории ²⁶⁴.

Прибыв в Лондон, мы прежде всего отправились к Энгельсу, который как раз в то время, между 10 и 11 часами утра, еще завтракал. Энгельс имел привычку ложиться не раньше двух часов ночи. Он принял нас чрезвычайно любезно, обратился ко мне сразу на «ты», так же как и Маркс, которого мы посетили после обеда.

Энгельс, овдовевший в этом году, предложил мне поселиться у него. Дни нашего пребывания были, разумеется, использованы для основательного обмена мнениями по всем вопросам, в ходе которого Бернштейн явно завоевал доверие обоих. В течение тех дней, которые мы провели в Лондоне, — причем Энгельс, более подвижный и более располагавший свободным временем, часто являлся нашим гидом и показывал нам достопримечательности Лондона — туда приехал также Пауль Зингер, совершавший свою ежегодную деловую поездку по Англии и как раз возвращавшийся из Манчестера в Лондон. В то единственное воскресенье, которое мы пробыли в Лондоне, мы все были приглашены на обед к Марксу.

С г-жой Женни Маркс я уже познакомился раньше. Она сразу завоевала мои симпатии. Это была женщина благородной внешности, умевшая самым очаровательным и любезным образом занимать своих гостей. Тогда же я познакомился со старшей дочерью Маркса, тоже Женни, которая была замужем за Лонге и пришла в гости со своими детьми. При этом я был приятно поражен, когда увидел, с какой сердечностью и нежностью Маркс, которого в то время всюду изображали наихудшим врагом рода человеческого, умел играть со своими двумя внуками и как эти последние были привязаны к деду. Кроме старшей дочери Женни на обеде присутствовали также обе младшие — Тусси, впоследствии г-жа Эвелинг, и Лаура, жена Лафарга. Тусси, черноглазая и черноволосая, была копией своего отца; Лаура, блондинка с темными глазами, была больше похожа на мать. Обе они были очень красивые и живые.

Постороннего человека в семье Маркса поражало, что жена и дети всегда называли его «Мавром», словно у него не было другого имени. Прозвище это происходило от его черных, как смоль, волос и бороды, которые тогда уже сильно серебрились, так что только усы оставались черными. У Энгельса тоже было интимное прозвище. Семья Маркса и ближайшие знакомые называли его «Генералом», причем слово это всегда произносилось по-английски — «Дженерэл». Прозвищем этим он был обязан своим работам по военным вопросам, которыми занимался с большой охотой. Его

считали очень компетентным в военных делах и военной науке.

Когда накануне нашего отъезда я еще раз посетил семью Маркса, г-жа Маркс была больна и лежала в постели. Я попросил разрешения проститься с ней, и Маркс провел меня в ее комнату, строго наказав не говорить с ней дольше четверти часа. Но мы скоро так увлеклись дружеской беседой, что я совершенно позабыл о ее состоянии и вместо четверти часа просидел у нее больше получаса. Тогда вошел потерявший терпение Маркс и стал меня журить, что я «гублю» его жену. С грустью прощался я с нею, потому что болезнь, которой она страдала, была неизлечима. Больше я ее не видел. Она умерла уже в следующем году. [...]

Мне не хотелось бы закончить этот раздел, не сказав еще несколько слов об Энгельсе. Энгельс был обаятельным, приветливым человеком, который придерживался девиза Мартина Лютера, что соль жизни — это вино, женщины и песни, но при этом он не забывал и о серьезной работе. До конца своих дней он был необычайно работоспособен, имея уже семьдесят лет за плечами, он изучил румынский язык и с живым интересом следил за всеми событиями. Всегда веселый и хорошо настроенный, он обладал изумительной памятью на всякие мелкие эпизоды и комические ситуации своей бурной жизни и, рассказывая о них в веселом обществе, он оживлял этим беседу. Вечер, проведенный у него, оставлял самые приятные воспоминания у посещавших его друзей и товарищей. Беседа была всегда оживленная независимо от того, говорили ли на серьезные темы или находились в веселом настроении. И еще одно — Энгельс был любитель выпить, и поэтому располагал внушительным запасом вин, и был доволен, когда гости воздавали им должное. В пуританское воскресенье, когда пребывание в Лондоне невыносимо для всякого жизнерадостного человека, Энгельс устраивал открытые приемы. Каждый из пришедших был желанным гостем и раньше 2—3 часов утра никто из посетителей не уходил домой. Я несколько раз гостил у него в Лондоне вплоть до его смерти в 1895 г. Один раз он был моим гостем, когда в 1893 г. уступил моим неоднократным настояниям и предпринял путешествие на

континент. Он побывал тогда на конгрессе Интернационала в Цюрихе, а затем в Вене²⁶⁵. Когда он умер, в возрасте семидесяти пяти лет, у меня было ощущение, что умерла частица моего «я». И подобное ощущение испытывали многие.

Впервые опубликовано в книге:
Bebel A. Aus meinem Leben.
Dritter Teil. Stuttgart, 1914

Печатается с небольшими
сокращениями по тексту книги:
Бебель А. Из моей жизни. М., 1963,
сверенному с немецким изданием

Воспоминания рабочего о Карле Марксе²⁶⁶

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
(14 МАРТА 1893 г.)

Со времени смерти нашего великого вождя многое было написано о нем, его жизни и деятельности как приверженцами, так и противниками.

Но почти всегда авторы этих произведений не были «*bona fide* * рабочими», как выразилась бы известная группа тред-юнионистов в «свободной» Англии, а в большинстве случаев по своему происхождению или социальному положению принадлежали к так называемому среднему классу.

Поэтому не будет неуместно, если я, рабочий, плебейский рыцарь иглы, воспользуюсь годовщиной смерти нашего бессмертного вождя, чтобы поделиться с моими более молодыми товарищами некоторыми воспоминаниями о многолетнем личном общении с Карлом Марксом, воспоминаниями, которые отчасти передадут впечатление, произведенное Марксом на меня и на других, а отчасти дополняют новыми фактами его биографию.

Я был еще совсем молодым, когда в середине 40-х гг. впервые узнал о Карле Марксе со страниц «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*». С его учением я более подробно познакомился в 1847 г. в связи с обсуждением и принятием исторического «Коммунистического Манифеста». Я тогда работал в Лондоне и был членом Коммунистического рабочего просветительного общества⁹⁴, которое помещалось на Друри-лейн, 191. Там в конце ноября — начале декабря 1847 г. проходил конгресс членов Центрального комитета Союза коммунистов, на который из Брюсселя прибыли Карл Маркс и Фридрих Энгельс, чтобы изложить им свои взгляды на современный коммунизм и рассказать об отношении

* — действительными. Ред.

коммунистов к политическому и рабочему движению. На заседаниях, проходивших, естественно, только по вечерам, присутствовали одни делегаты, к числу которых я не принадлежал, но мы, прочие, знали о них и с нетерпением ждали исхода дискуссий. Вскоре мы узнали, что конгресс после продолжительных дебатов единогласно высказался за изложенные Марксом и Энгельсом принципы; им было поручено в духе этих принципов выработать и опубликовать манифест. Когда затем в начале 1848 г. рукопись Манифеста была доставлена в Лондон, мне тоже довелось принять скромное участие в опубликовании этого составившего эпоху документа; а именно: я отнес рукопись в типографию, а оттуда доставлял оттиски Карлу Шапперу — главному основателю Коммунистического рабочего просветительного общества, который выполнял функции корректора.

В 1848 г., после начала революции, в Кёльне стала выходить «*Neue Rheinische Zeitung*», издававшаяся Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом при участии ряда членов Союза коммунистов, а также убежденных демократов. В то время и я отправился из Лондона в Кёльн и делал все, что было в моих силах, чтобы поддержать пропагандистскую деятельность наших товарищей. Во всех мастерских, где мне приходилось работать, я раздавал «*Neue Rheinische Zeitung*» и нередко в рабочее время читал из нее вслух статьи, воспринимавшиеся в большинстве случаев с воодушевлением. В мае 1849 г., после того как прусское правительство возбудило несколько процессов против «*Neue Rheinische Zeitung*»⁷⁴, оно насильственно прекратило выход газеты и выслало Маркса из Кёльна⁸⁸. Та же судьба постигла вскоре и меня. В 1851 г. я был арестован в Майнце. После более чем двухлетнего предварительного заключения я был приговорен во время пресловутого кёльнского процесса коммунистов⁷⁵ еще к трем годам заключения в крепости, которые и отсидел в Грауденце и Зильберберге (на границе Силезии).

Во время следствия Маркс, находясь в Лондоне, прилагал величайшие усилия, чтобы спасти нас, но все старания его и его друзей не увенчались успехом из-за нарушения святости присяги полицейским комиссаром Штибером и другими спасителями государства,

Титульный лист
первого издания «Манифеста
Коммунистической партии»

из-за глупых поступков других людей. за действия которых на нас была возложена ответственность.

В то время существовало уже изрядное количество так называемых людей действия, ультра-революционеров, для которых ничто не было достаточно радикально и которые воображали, что при помощи путчей и других такого же рода выступлений можно в любой момент произвести революцию. Но на девять десятых эти люди были только героями фразы, они никогда не давали ничего хорошего движению, и наиболее шумные и яростные крикуны среди них, готовые на словах взять всякого эксплуататора за горло, сами сделались впоследствии злейшими эксплуататорами. Некоторые из них потом в Лондоне дошли до того, что разъезжали по улицам в экипажах.

По выходе из крепости в 1856 г. я снова вернулся в Лондон и здесь впервые лично познакомился с Марксом. В 1850 г. Маркс со своими товарищами вышел из Коммунистического просветительного рабочего общества, потому что там получили перевес «делатели революции» с Виллихом во главе⁹⁴. Теперь, после

исключения из Общества Кинкеля, который в свое время также играл роль «делателя революции», я убедил Маркса опять посещать Общество и делать там доклады по политическим и экономическим вопросам. Либкнехт и другие партийные товарищи также вернулись туда.

Весной 1859 г. начала выходить рабочая газета «Das Volk», созданная в противовес основанной Кинкелем газете «Hermann», распространявшей во время итальянской войны ⁷⁶ лозунги Бонапарта. Приглашенный сотрудничать, Маркс написал для нее несколько весьма интересных статей о позиции Пруссии и собрал, кроме того, среди своих друзей фонд для ее поддержки. В том же году появился первый выпуск «К критике политической экономии», а в 1860 г. Маркс опубликовал книгу «Господин Фогт», в которой публично разоблачил бонапартистские происки этого господина, а также его «патронов и сообщников». Эта книга, к написанию которой Маркса вынудила распространявшаяся Фогтом и его друзьями бесстыдная клевета, содержит в себе очень много материалов по истории эмиграции 1848 г., точно так же, как и чрезвычайно ценные описания дипломатических интриг европейских кабинетов.

Наконец, в 1864 г. был создан Интернационал, а так как я принимал активное участие в его основании и сделался членом Генерального Совета, то я сразу же вступил в еще более близкие отношения с Марксом.

Маркс всегда придавал огромное значение общению и беседам с рабочими. При этом он искал встречи с теми, кто открыто высказывал ему свои взгляды и не докучал лестью. Ему было очень важно услышать мнение рабочих о движении. Он в любое время был готов обсуждать с ними важнейшие политические и экономические вопросы; причем быстро определял, в достаточной ли степени понимают они эти вопросы, и чем лучше они их понимали, тем больше он этому радовался. Во времена Интернационала он не пропускал ни одного заседания Генерального Совета, а после заседаний мы, Маркс и большинство членов Совета, обычно отправлялись еще в приличный кабачок, чтобы там непринужденно

побеседовать за кружкой пива. По дороге домой Маркс частенько говорил о нормальном рабочем дне вообще и о восьмичасовом в частности, за который мы вели пропаганду уже в 1866 г. и вопрос о котором был включен на Женевском конгрессе (сентябрь 1866 г.) в программу Интернационала. Маркс часто повторял: «Мы добиваемся восьмичасового рабочего дня, но сами зачастую работаем в течение суток вдвое больше». Да, к сожалению, Маркс работал слишком много. Сколько сил и времени стоил ему один лишь Интернационал, посторонний человек даже и представить себе не может. А наряду с этим Марксу приходилось надрываться, чтобы зарабатывать на жизнь и проводить долгие часы в Британском музее, собирая материал для своих исторических и экономических работ. Возвращаясь из музея к себе домой на Мейтленд-парк-род, Хаверстокхилл, в северной части Лондона, он частенько заходил ко мне (я жил неподалеку от музея), чтобы переговорить о том или ином вопросе, касающемся Интернационала. Придя домой, он обедал, немного отдыхал и затем снова принимался за работу, которая часто, пожалуй даже слишком часто, продолжалась до поздней ночи, а то и до самого утра, тем более что короткий вечерний отдых нередко сокращался посещением товарищей по партии.

Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Те чудесные часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Здесь прежде всего блистала прелестная г-жа Маркс, высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и притом такая необыкновенно приветливая, любезная, остроумная, настолько лишенная всякого высокомерия и чопорности, что в ее обществе любой чувствовал себя так же уютно, словно у собственной матери или сестры. Всем своим существом она вызывала в памяти слова шотландского народного поэта Роберта Бёрнса: «Woman, lovely woman, heaven destined you to temper man» («Женщина, милая женщина, тебе небесами предопределено смирять нрав мужчины») ²⁶⁷. Она была воодушевлена делом рабочего движения, и каждый, даже самый незначительный, успех в борьбе против буржуазии приносил ей величайшее удовлетворение и радость.

Точно так же все три дочери Маркса уже с ранней юности проявляли глубокий интерес к современному рабочему движению, которое постоянно было основной темой в семье Маркса. Отношения Маркса с дочерьми были самыми сердечными и непринужденными. Девочки относились к отцу скорее как к брату или другу, так как сам Маркс пренебрегал внешними атрибутами отцовского авторитета. В серьезных делах он был советчиком своих детей, а обычно, если только позволяло время, товарищем их игр. Маркс вообще чрезвычайно любил детей. Он часто говорил, что в библейском Христе ему особенно нравится его большая любовь к детям. Если Маркс не имел никаких дел в городе и отправлялся гулять на Хэмпстед-хис, то часто можно было видеть, как автор «Капитала» возился с кучей уличных ребятишек.

Маркс, как и все истинно великие люди, был совершенно лишен высокомерия и ценил всякое честное стремление и всякое мнение, основанное на самостоятельном суждении. Как уже говорилось, он всегда хотел услышать мнение самого простого рабочего о рабочем движении. И он часто во второй половине дня заходил ко мне, уводил на прогулку и говорил со мной на всевозможные темы. Я, конечно, предоставлял ему возможность говорить как можно больше, так как следить за ходом его мысли да и просто слушать его было истинным наслаждением. Я бывал всегда совершенно поглощен этими беседами и очень неохотно расставался с Марксом. Вообще он был прекрасным собеседником, который прямо-таки притягивал и, можно сказать, очаровывал всякого, кто с ним общался. Его юмор был неистощим, а его смех — очень искренен. Если нашим товарищам по партии в какой-либо стране удавалось одержать победу, то его радости и ликование не было предела, причем он заражал ими всех окружающих.

Как радовался Маркс каждому успеху наших товарищей на выборах в Германии, каждой выигранной стачке и как радовался бы он, если бы дожил до грандиозных майских демонстраций!¹⁸⁴ Нападки врагов только смешили его, и те ирония и сарказм, с которыми он говорил о них, вызывали восхищение. Удивительна беспечность, которую он проявлял по отношению к своим собственным произведениям, после того как

они выполнили свое назначение. Когда речь заходила о ранее написанных им работах, он обычно говорил мне: «Если ты хочешь иметь полностью все мои сочинения, то иди к Лассалю, он их все собрал. У меня же от большинства их не осталось ни одного экземпляра». Истинность последнего подтверждается тем, что он часто просил меня одолжить ему на время то или другое из его произведений, имевшихся у меня.

Многие сочинения Маркса оставались в течение десятилетий совершенно неизвестными широким массам и до сих пор еще недостаточно оценены, особенно те, которые он написал до и во время революции 1848 г., а также в продолжение нескольких лет после нее и которые могли распространяться в то время лишь с величайшими затруднениями. Другие работы Маркса также малоизвестны широким кругам, так как он никогда не трезвонил о себе во все колокола. Тем, кто с ранних пор работал вместе с Марксом и Энгельсом, представляется весьма странным, когда утверждают, что основание Всеобщего германского рабочего союза²¹⁸ положило начало современному рабочему движению. Ведь основание этого Союза относится к началу 60-х гг., ко времени, когда Маркс, Энгельс и другие уже в продолжение двадцати лет усиленно вели пропаганду и упорно боролись. Я лично знал Лассалья в 1848, 1849 и 1850 гг., и его значительную силу всегда весьма ценил, и говорю это не как его противник; я охотно признаю большое влияние его агитации, благодаря которой он так далеко вперед продвинул движение. В последний раз я видел Лассалья в октябре и ноябре 1852 г. во время кельнского процесса коммунистов⁷⁵, на котором он присутствовал в качестве зрителя. Во время неоднократных посещений Лассалем Лондона я не встречался с ним. В Просветительное рабочее общество⁹⁴ он не приходил, у Маркса же я его не застал.

В начале октября 1868 г. Маркс с большой радостью сообщил мне, что первый том «Капитала» переведен на русский язык и уже печатается в Петербурге. Он придавал огромное значение тогдашнему движению в России и с большим уважением говорил о людях, которые приносят там такие большие жертвы ради изучения и распространения теоретических сочинений, и о

понимании ими современных идей. Когда готовый экземпляр «Капитала» на русском языке дошел до него из Петербурга ²⁶⁸, то это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семьи и его друзей в настоящее торжество.

После каждого поражения рабочих в их борьбе с классом эксплуататоров Маркс с горячим воодушевлением брал дело побежденных под свою защиту и блестяще защищал угнетенных от обычных поношений со стороны победителей. Так было после июньского восстания 1848 г. в Париже ⁷¹, так было после поражения германской революции 1848 г. и то же самое было после падения Коммуны в 1871 г., когда реакционеры всего мира, и даже значительная часть несознательных рабочих, с крайним озлоблением обрушились на защитников дела Коммуны. Маркс первым и тотчас же встал на сторону разбитых и преследуемых борцов Коммуны. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Гражданская война во Франции» показывает, с какой силой и энергией взялся он за это дело. Поистине, настоящие друзья познаются в несчастье! Работа в Интернационале после поражения Коммуны становилась для Маркса все более изнуряющей, принося ему при этом все меньше удовлетворения. Каждая революция наряду с массой честных борцов выносит на поверхность известное количество недостойных элементов, всякого рода авантюристов, которые так или иначе надеются извлечь для себя личную выгоду. Такие люди встречались и среди эмигрантов Коммуны, а так как им не всегда удавалось извлечь эту выгоду, то они пользовались каждым удобным случаем, чтобы учинить скандал. Этому способствовало отсутствие единства в рядах самих коммунаров. Бланкисты, прудонисты, автономисты, анархисты и всевозможные другие «исты» поминутно ссорились между собой. То же самое разыгрывалось и на заседаниях Генерального Совета. Часто бывали весьма бурные заседания, и Марксу лишь с величайшим трудом удавалось вразумить этих людишек. Терпение, которое он при этом обычно проявлял, не поддается никакому описанию. Но иногда и он терял хладнокровие при виде заблуждений и безумных планов обманувшихся в своих ожиданиях коммунаров.

Самыми нетерпеливыми и труднее всего поддающимися убеждению были в то время бланкисты. Они воображали, что революция в их руках и выносили смертные приговоры направо и налево.

Сначала это было только смешно. Но в споры между французами были вовлечены и делегаты других стран. Сюда добавились затейные Бакуниным интриги. Заседания в Хай Холборне, где в то время собирался Генеральный Совет, были самыми беспокойными и утомительными, какие только можно себе вообразить. Хаос языков, громадная разница в темпераментах, различие взглядов — справиться со всем этим представляло колоссальную трудность. Пусть бы хоть раз посмотрели те, кто упрекал Маркса в нетерпимости, как он умел постигать мысли других людей и доказывать им неправильность их выводов и заключений. Начиная с какого-то момента каждый политический борец должен быть, несомненно, нетерпимым, и, по моему мнению, надо поставить в большую заслугу Марксу то, что он сделал все возможное, чтобы держать на почтительном расстоянии от Интернационала все карьеристские и двуличные элементы. Особенно в первое время сюда лез всякий сброд — среди прочих такие, как поп атеистов Брэдло. И надо благодарить, главным образом, Маркса за то, что этим людям дали понять, что Международное Товарищество Рабочих не является питомником для религиозных и всяких других сект.

Большое удовлетворение доставило Марксу то, что обе старшие дочери его, Женни и Лаура, вышли замуж за способных единомышленников. Женни вышла за Шарля Лонге, а Лаура — за д-ра Поля Лафарга. До брака младшей дочери Элеоноры с одаренным социал-демократом, д-ром Эдуардом Эвелингом, ни славной г-же Маркс, ни самому Марксу, к сожалению, не пришлось дожить. С каким интересом следили бы они за пропагандистской деятельностью своих детей в пользу освобождения рабочего класса, с какой радостью приветствовали бы огромные успехи современного рабочего движения за последние десять лет!

Смерть в 1883 г. его старшей дочери, которая обладала всеми превосходными качествами своей матери, нанесла нашему другу Марксу удар в очень тяжкое и роковое для него время. Едва за год до этого, 2 декабря

1881 г., он потерял свою верную подругу жизни. Это были удары, от которых он уже не мог оправиться. Уже тогда Маркса мучил жестокий кашель; тем, кто слышал его кашель, казалось, что его могучее, крепкое тело развалится на куски. И этот кашель тем более изнурял его, что его организм был давно уже подорван постоянным переутомлением. Еще в середине 70-х гг. врач запретил ему курить. Маркс был страстным курильщиком, и ему казалось, что, бросив курить, он принес этим необыкновенную жертву. Когда я впервые после этого запрета навестил его, он с большой гордостью и удовлетворением заявил мне, что не курит уже столько-то дней и не будет курить, пока врач ему снова не разрешит. И впоследствии, каждый раз когда я заходил к нему, он всегда сообщал мне, сколько дней и недель он уже не курит и что за все это время он ни разу не закурил. Ему самому казалось невероятным, что он смог этого добиться. Тем более обрадовался он, когда через некоторое время врач разрешил ему вновь выкуривать по одной сигаре в день.

По поводу того, что Карл Маркс умер, к сожалению, слишком рано, может быть только одно мнение. Все близко стоявшие к нему опасались уже давно за его здоровье, так как там, где дело шло о его научной работе и об интересах рабочего движения, Маркс никогда не щадил себя. Никто из его друзей, и даже никто из членов семьи, не мог оказать на него в этом отношении ни малейшего влияния.

Какое богатство знаний унес он с собой в могилу, — об этом свидетельствуют оставшиеся после него работы, хотя они не представляют и десятой доли того, что он собирался написать. Но по меньшей мере это наследие осталось нам и будет нам доступно.

Немалым удовлетворением является для нас то, что старейший и лучший друг Карла Маркса, Фридрих Энгельс, физически крепок и бодр духом и находится среди нас. Благодаря ему партия получит еще многое из оставленного Марксом литературного наследства.

Маркс и после своей смерти все еще дает нам новые знания, новые мысли, его учение распространяется все шире среди борющегося пролетариата; рабочее движение находится всюду под влиянием этого учения. Маркс не только бросил в массы могучие слова: «Про-

летарии всех стран, соединяйтесь!» — своим учением он создал основу, на которой может происходить и происходит объединение пролетариата. Интернационал, душой которого был Карл Маркс, возродился снова, еще более могущественный и полный сил, чем старый²⁶⁹, и знамя, вокруг которого сплачиваются рабочие батальоны международного пролетарского движения, — это знамя, которое поднял Маркс в 1848 г. и, идя во главе борющегося пролетариата, нес в течение всей своей жизни. Под этим знаменем пролетарская армия идет ныне вперед, от победы к победе.

Впервые опубликовано в журнале
«Die Neue Zeit», Stuttgart,
Jg. 11, 1892—1893, Bd. 1

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

До и после 1848 года

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
СТАРОГО КОММУНИСТА)²⁷⁰

Нелегко описать собственную жизнь, к тому же жизнь, полную забот и нужды, борьбы и страданий, которая неизбежно достается в удел бунтующему пролетарию. Из семидесяти лет моей жизни пятьдесят принадлежат революционному рабочему движению.

Бурные годы второй половины 40-х гг. я пережил уже как коммунист, как страстный борец за обобществление средств производства, за братское сотрудничество человечества. За этим последовали годы эмиграции, бурное время Союза коммунистов и суровых преследований, далее — годы Международного Товарищества Рабочих, Коммуны, закона против социалистов¹⁵⁰ и проведения международного майского праздника¹⁸⁴ — отрезок истории современного социализма, столь многообещающий и богатый надеждами, что большего я и не мог себе представить.

Когда я, молодой портной-подмастерье, впервые в 1846 г. услышал в Гамбурге коммунистическую речь и после этого прочитал «Гарантии гармонии и свободы» Вейтлинга, я думал, что коммунизм восторжествует через несколько лет. Если бы тогда кто-нибудь сказал мне, что через 50 лет мы все еще будем жить под властью капитализма, я посмотрел бы на него как на глупца. Первые вспышки коммунистической мысли ослепили меня. Когда, однако, в 1847 г. я услышал Карла Маркса, прочел и понял «Коммунистический Манифест», мне стало ясно, что энтузиазм и добрая воля одних недостаточны, чтобы привести к преобразованию человеческого общества. С той минуты, когда я научился рассматривать экономическое развитие как решающий фактор в истории человечества, я стал смотреть на вещи трезво и ясно. Утратив некоторую долю энтузиазма и фантазии, я зато обрел целеустремленность и знание²⁷¹. [...]

Через несколько дней мне удалось найти работу; я начал регулярно посещать Общество и стал его членом. Я был принят и в Союз справедливых, который тогда как раз преобразовался в Союз коммунистов. Влияние Вейтлинга в Лондоне заметно уменьшалось, зато выступили на первый план имена Маркса и Энгельса. До тех пор я их обоих еще не знал. Мне было только известно, что они находились в Брюсселе, где редактировали «Deutsche-Brüsseler-Zeitung». Я и не подозревал тогда, что эти два человека откроют новую эру в истории социализма²⁷². [...]

Кабе покинул Лондон. Вскоре, в конце ноября 1847 г., состоялся второй конгресс Союза коммунистов, на котором присутствовал и Карл Маркс. Он и Энгельс приехали из Брюсселя, чтобы защищать на конгрессе Союза принципы современного социализма. Конгресс продолжался десять дней.

В заседаниях принимали участие только делегаты, к числу которых я не принадлежал. Но мы, прочие, знали, о чем шла речь, и с нетерпением ждали исхода дискуссий. Вскоре мы узнали, что конгресс единогласно высказался за изложенные Марксом и Энгельсом принципы и им было поручено выработать манифест. Когда затем в начале 1848 г. рукопись «Коммунистического Манифеста» была доставлена в Лондон, мне тоже довелось принять скромное участие в опубликовании этого, составившего эпоху документа, а именно: я отнес рукопись в типографию, откуда доставлял оттиски для корректуры Карлу Шапперу.

Тогда я впервые увидел Маркса и Энгельса. Никогда не забуду впечатления, которое произвели на меня оба эти человека.

Маркс был тогда еще молодым человеком, 28 лет, и все же он нам всем очень imponировал. Он был среднего роста, широкоплеч, крепко сложен, энергичен, с высоким благородным лбом, густыми иссиня-черными волосами и пронзительным взглядом. Рот его уже тогда обладал тем саркастическим выражением, которого так боялись его противники. Маркс был рожден народным вождем. Его речь была краткой, связной, неумолимо логичной; он никогда не говорил лишних слов; каждая фраза — мысль, каждая мысль — необходимое звено в цепи доводов. В Марксе не было ничего

от мечтателя. Чем больше я сознавал разницу между коммунизмом вейтлинговского периода и коммунизмом «Коммунистического Манифеста», тем яснее становилось для меня, что Маркс представлял зрелый возраст социалистической мысли.

Фридрих Энгельс, духовный брат Маркса, напоминал скорее германский тип. Стройный, гибкий блондин, со светлыми усами, он больше походил на молодого, энергичного гвардейского лейтенанта, чем на ученого. Энгельс, который всегда подчеркивал значение своего бессмертного друга, сам бесконечно много сделал для создания и распространения современного социализма. Энгельс принадлежал к числу тех людей, которых сначала нужно ближе узнать, чтобы затем глубоко уважать и любить их.

Таковы были люди, в чьих руках находилось дело пролетариата.

В Просветительном рабочем обществе⁹⁴ нас в то время охватило некоторое волнение. Мы твердо верили, что скоро должна «завариться каша», и совершенно не подозревали, какая нужна была еще воспитательная и организационная работа, чтобы сделать пролетариат способным опрокинуть буржуазный мир.

«Коммунистический Манифест» вышел из печати в феврале 1848 г. Мы получили его одновременно с известием о начале февральской революции в Париже.

Я не в состоянии изобразить то огромное впечатление, которое произвело на нас это известие. Мы были охвачены восторгом и воодушевлением. Нами владело одно чувство, одна мысль: пожертвовать всем за освобождение человечества!

Лондонский Центральный комитет Союза тотчас же передал свои полномочия руководящему округу Брюсселя, который, в свою очередь, передал их Марксу и Энгельсу и уполномочил их организовать новый Центральный комитет в Париже. Непосредственно после этого решения Маркс был арестован в Брюсселе. Его принудили выехать во Францию, куда он как раз и намеревался отправиться²⁷³. [...]

В разгар лета 1848 г. я прибыл в Кёльн. Этот город обладал для меня особой притягательной силой, потому что там жили люди, которые работали для революции. Маркс, Энгельс, Вильгельм Вольф, Фрейлиграт,

Улица Унтер Хутмакер
в старинной части Кёльна,
где помещались
редакция и типография
«Новой Рейнской газеты»

Шаппер, Молль находились в то время в Кёльне, где издавалась «Neue Rheinische Zeitung».

Прежде всего я принялся искать работу, чтобы иметь возможность остаться в Кёльне. [...]

Получив работу, я вступил в Рабочий союз²⁵⁷, которым руководили д-р Готшалк, лейтенант Аннеке, Шаппер, Молль, Нотьюнг, Д'Эстер. Кроме того, в Кёльне существовало еще Демократическое общество²⁷⁴,

которое посещали также Вильгельм Вольф, Маркс, Фрейлиграт и др. Здесь я познакомился с Вильгельмом Вольфом, который часто читал лекции о текущих политических событиях. Слушать это-

го человека было истинным наслаждением. Его здоровая, остроумная манера давать «политические обзоры» приводила всех в восхищение. Он умело группировал даже самые известные и менее интересные события и преподносил их в сатирическом или серьезном тоне, смотря по характеру темы. Иной раз заходил и Фрейлиграт, с которым я позже близко подружился.

Я посещал все важные публичные собрания, из которых мне особенно хотелось бы упомянуть два.

В сентябре 1848 г. Молль организовал собрание под открытым небом, чтобы заявить протест против разоружения национальной гвардии, объявления осадного положения и временного закрытия «Neue Rheinische Zeitung». После этого собрания начали было строить баррикады — до боя, однако, дело не дошло⁷².

13 ноября 1848 г. состоялось собрание Демократического общества, на котором Маркс сообщил о том, что Роберт Блюм расстрелян в Вене по приговору военно-полевого суда. Собрание было в полном разгаре, когда появился Маркс. В зале тотчас же воцарилась тишина. Маркс взошел на трибуну и прочел депешу из Вены о смерти Блюма. Мы окаменели от возмущения. Затем в зале разразилась настоящая буря. Мне казалось, что теперь весь немецкий народ, как один человек, должен восстать, чтобы окончательно завершить революцию. Но я и все мы ошиблись. Все сложилось совершенно иначе: бургомистры целовали руки тиранам, повелевавшим убивать благороднейших сынов народа.

Усиление реакции сказалось прежде всего в преследовании оппозиционной прессы, и в особенности «Neue Rheinische Zeitung», непоколебимо и бесстрашно защищавшей дело свободы и права. 7 февраля 1849 г. состоялся первый процесс редакторов «Neue Rheinische Zeitung». На следующий день состоялся второй процесс, и, наконец, 19 мая 1849 г. газета была окончательно закрыта. Последний номер был напечатан красной краской. Материалы второго процесса по делам печати были опубликованы в 1885 г. в качестве второго выпуска «Социал-демократической библиотеки»²⁷⁵. Но первый процесс, в котором участвовал и Энгельс, в Германии почти совершенно забыт. Однако же защитительная речь, произнесенная по этому случаю Марксом, вполне заслуживает того, чтобы упомянуть о ней здесь. Впрочем, выражение «защитительная речь» отнюдь не является правильным. Маркс не защищался, а обвинял министерство. Насколько мне помнится, перед судом присяжных предстали: издатель «Neue Rheinische Zeitung» Г. Корф, главный редактор Карл Маркс и редактор Фридрих Энгельс, которые обвинялись в том, что «в статье касательно ареста д-ра Готшалька и лейтенанта в отставке Аннеке, напечатан-

ной в № 35 «Neue Rheinische Zeitung», нанесли на словах оскорбление обер-прокурору Цвейфелю в связи с отправлением им служебного долга и словесно оскорбили жандармов, которым в порядке исполнения ими их служебных обязанностей было поручено арестовать Готшалька и Аннеке». В зале суда не оставалось ни одного свободного места. После речей государственного прокурора и адвокатов слово взял Маркс. Он говорил около часа; спокойно, уверенно и энергично звучали его юридические выводы, которые все яростнее обрушивались на государственного прокурора.

В заключение Маркс сказал буквально следующее:

«Но не только общее положение дел в Германии, общее положение дел в Пруссии обязывало нас следить с крайним недоверием за каждым шагом правительства, открыто разоблачать малейшие симптомы применяемой им системы. Местная кельнская прокуратура давала нам особые поводы разоблачать ее перед общественным мнением как орудие контрреволюции. За один лишь июль мы должны были разоблачить три незаконных ареста. В первых двух случаях государственный прокурор Геккер промолчал, в третьем он сделал попытку оправдаться, но после нашего ответа умолк по той простой причине, что ему нечего было сказать.

И при таких обстоятельствах прокуратура осмеливается утверждать, что в данном случае мы имеем дело не с разоблачением, а с мелочной злостной клеветой? Этот взгляд покоится на каком-то странном недоразумении. Что касается лично меня, то заверяю вас, господа, что я охотнее занимаюсь великими всемирно-историческими событиями, что я предпочитаю анализировать ход истории, чем возиться с местными кумирами, с жандармами и прокуратурой. Какими бы великими ни мнили себя эти господа, в гигантских битвах современности они *ничто*, абсолютное *ничто*. Я считаю настоящей жертвой с нашей стороны, что мы решаемся ломать копыя с *подобными* противниками. Но, во-первых, таков уж долг печати — вступаться за угнетенных в непосредственно окружающей ее среде. И кроме того, господа, главной опорой здания рабства являются подчиненные политические и общественные власти, непосредственно сталкивающиеся с отдельными ли-

цами, с живыми индивидами и их частной жизнью. Недостаточно вести борьбу вообще с существующими отношениями и с высшими властями. Печати приходится выступать против *данного жандарма, данного прокурора, данного ландрата*. В чем причина крушения *мартовской революции*? Она преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми все ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых, родившихся, выросших и посевших на службе абсолютизма судей. Первая обязанность печати состоит теперь в том, чтобы *подорвать все основы существующего политического строя*»²⁷⁶.

Маркса через несколько месяцев выслали из Пруссии⁸⁸. Энгельс отправился в Баден, где вспыхнула революция⁶⁷. Некоторые из моих знакомых также отправились в Баден²⁷⁷. [...]

«Со времени поражения революции 1848—1849 гг. пролетарская партия лишилась на континенте того, чем она обладала в порядке исключения в течение этой короткой эпохи: печати, свободы слова и права союзов, иными словами, легальных средств партийной организации. Как буржуазно-либеральная, так и мелкобуржуазно-демократическая партия, несмотря на реакцию, нашли в социальном положении представляемых ими классов условия, необходимые для того, чтобы в той или другой форме объединяться и в большей или меньшей степени отстаивать свои общие интересы. Для пролетарской партии после 1849 г., как и до 1848 г., оставался открытым только один путь — путь *тайного объединения*. Поэтому начиная с 1849 г. на континенте возникает целый ряд тайных пролетарских объединений; полиция их раскрывает, суды преследуют, тюрьмы опустошают их ряды; обстоятельства же постоянно их вновь возрождают.

Часть этих тайных обществ ставила своей непосредственной целью ниспровержение существующей государственной власти. Это было правомерно во Франции, где пролетариат был побежден буржуазией и где нападение на существующее правительство прямо совпадало с нападением на буржуазию. Другая часть тайных обществ ставила своей целью образование партии пролетариата, не заботясь о судьбе существующих правительств. Это было необходимо в таких странах, как

Последний номер «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты») от 19 мая 1849 г.

Neue Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

N. 301.

Köln, Samstag, den 19. Mai.

1849.

Abchiedswort der Neuen Rheinischen Zeitung.

Die neue Zeit ist nicht verstorben — Sie führt die Welt in sich hinein. Sie führt sich die zukünftige Freiheit der menschlichen Welt ein. Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit.

Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit.

Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit.

Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit.

Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit.

Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit — Was die Freiheit ist, das ist die Freiheit.

F. FRIEDRICH.

An die Arbeiter Kölns.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Dreizehnter.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Verständnisse an die Arbeiter.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

Die Arbeiter Kölns! Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich. Ihr Kampf ist nicht vergeblich.

1849.

Германия, где и буржуазия и пролетариат находились под гнетом своих полуфеодалных правительств и где, следовательно, победоносное нападение на существующие правительства вместо того, чтобы подорвать власть буржуазии, или так называемых средних сословий, должно было, наоборот, сначала содействовать установлению ее господства»²⁷⁸.

Так рисует Маркс положение после краха движения 1848 г. Союз коммунистов снова ожил и поставил себе целью тайно организовать партию пролетариата. Так как в Лондоне в Союз проникли всякого рода сомнительные элементы, то по предложению Маркса местопребывание Центрального комитета было перенесено в Кёльн. Моей задачей было оживить местную организацию Союза коммунистов в Майнце и склонить рабочих к нашим целям. Внешне наша пропаганда проявлялась лишь в распространении листовок. Мы были настолько хорошо организованы, что в течение одного часа могли наводнить листовками весь Майнц. Полиции ни разу не удалось захватить «виновных».

В октябре 1850 г. франкфуртские товарищи поручили мне реорганизовать Союз в Нюрнберге, что мне и удалось. К сожалению, наша агитация продолжалась недолго. В немецком отечестве тогда было слышно только об арестах. Полицейский чиновник стал героем дня. Реакция не останавливалась ни перед какими средствами, если они казались подходящими для того, чтобы подавить движение за свободу.

В июне 1851 г. арестовали в Майнце и меня.

Переступив впервые порог тюремной камеры, я не подозревал, что пребывание мое в тюрьме продлится годы. Молодой и жизнерадостный, я сознавал лишь то, что поступил так, как должен был поступить, будучи пролетарием. Я не думал, что впереди меня ждут тяжелые испытания. Но наступили годы страданий и мук, которые никогда не изгладятся у меня из памяти. Майнц и Кёльн, Грауденц и Зильберберг стали горестными вехами на моем жизненном пути.

Мне предъявлено было три обвинения: во-первых, распространение произведений, подстрекающих к «государственной измене»; во-вторых, проживание под чужим именем (полиция дозналась, что я дезертир и живу под вымышленным именем); третье обвинение, самое

тяжкое, состояло в том, что я был причастен к Союзу коммунистов²⁷⁹. [...]

4 октября 1852 г. я предстал перед кёльнским судом присяжных. Обвиняемыми кроме меня были: Нотьюнг, Бюргерс, Рёзер, д-р Даниельс, д-р Беккер, д-р Абраам Якоби, д-р Клейн, Отто, Рейф и Эрхардт. Суд продолжался свыше пяти недель. Я не хочу вдаваться здесь в детали этого суда — они подробно изложены Карлом Марксом в «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов».

Приговор был вынесен 12 ноября 1852 года. Нотьюнг, Бюргерс и Рёзер были приговорены к шести годам, д-р Беккер, Рейф и Отто — к пяти, а я — к трем годам заключения в крепости; остальные четверо обвиняемых были оправданы. Сейчас из всех осужденных в живых остался только я.

С процессом коммунистов в Кёльне закончилась первая агитационная кампания немецких коммунистов.

Приговор явился для меня тяжелым ударом. Я должен был отбыть три года заточения в крепости. Я, однако, вскоре успокоился и даже радовался тому, что кончилось предварительное заключение — этот ужас бесконечных страданий. По крайней мере, я знал теперь, сколько мне еще осталось сидеть. [...]

Два года пребывания в крепости Зильберберг прошли в тоске по свободе и деятельности. Стремление к свободе все больше росло во мне; чем ближе подходил день освобождения, тем нетерпеливее я становился.

Во время моего заточения в крепости Зильберберг произошла смена монарха в Саксен-Веймаре, а с ней дана была обычная амнистия. Дезертиры также были амнистированы. Это было для меня счастьем. [...] Четыре с половиной года тюрьмы казались мне жутким сном. [...]

27 января 1856 г. я был освобожден.

«Освобожден!» Как будто Германия в те времена не представляла собой одну гигантскую тюрьму! Это впечатление овладело мной сразу же, когда я, посетив в Бреславле, Эрфурте и Фрейбурге родственников своих товарищей по заключению, приехал в Веймар. Здесь я попытался заняться агитацией, но люди были все настолько запуганы, что отшатывались от одного лишь

слова «коммунизм». Они казались мне наказанными детьми, которые на каждом шагу с испугом оглядываются на грозного учителя.

Сам я не имел отечества. Власти, к которым я обращался за дорожным паспортом¹⁹², не хотели больше признавать меня, «опороченного» коммуниста, уроженцем их страны. Лишь после длительной беготни и настояний мне удалось получить кое-какие документы и выехать через Гамбург в Лондон. Единственными людьми, которые отнеслись ко мне по-дружески во время моего короткого пребывания в Германии после освобождения из тюрьмы, были теща Фрейлиграта в Веймаре и Мартенс в Гамбурге.

В мае 1856 г. я прибыл в Лондон. Вскоре я посетил Фрейлиграта, который приветствовал меня самым сердечным образом, после чего я отправился к Карлу Марксу, который в виде «компенсации» за мою конфискованную библиотеку преподнес мне свои изданные до того времени работы. Кроме того, я разыскал своих старых друзей времен 1848 г.— Карла Пфендера, Георга Эккариуса и др. У них я познакомился также и с немецкими эмигрантами, которых много было в то время в Лондоне, в частности с Вильгельмом Либкнехтом. Найдя работу, я вновь стал посещать Коммунистическое просветительное рабочее общество⁹⁴, состояние которого в тот момент было не блестящим. Причина заключалась в следующем. После разгрома революционного движения 1848 г. Общество разделилось на две фракции; одну возглавляли Маркс и Энгельс, требовавшие систематического воспитания и организации пролетариата, тогда как другая фракция, руководимая Виллихом и Шаппером, видела спасение немецкого народа в путчах и мятежах. Этот спор очень ослабил Общество. Многие члены ушли из него, а оставшиеся постепенно настолько погрязли в мещанстве, что могли спокойно слушать, как Готфрид Кинкель в лекциях, которые читал в Обществе, чернил республиканский строй и клеветал на него,— они даже аплодировали ему и платили по 10—12 марок за каждую лекцию. Без гонорара Кинкеля нельзя было заполучить. При этом господин профессор очень хорошо умел воспитывать рабочих в духе культа личности. От коммунистических воззрений в Обществе не осталось и следа. Уровень Общества сни-

зился до уровня наших господ либералов, которые рассчитывали устранить нужду рабочих при помощи лекций о бухгалтерии, естественных науках и т. д.

Такое положение в Коммунистическом просветительном рабочем обществе огорчало меня. Я начал прощупывать членов Общества и вербовал среди них друзей. После того как мне это удалось, началась наша подрывная работа против позиции Кинкеля. Наша оппозиция в конце концов так выросла, что Кинкелю пришлось уйти. Лишь после свержения Кинкеля мало-помалу стало восстанавливаться прежнее положение. Либкнехт снова стал посещать Общество, а также и Маркс, прочитавший ряд лекций по политической экономике, конечно, совершенно безвозмездно, так как Маркс за всю свою жизнь не принял от рабочих ни гроша. Участие Либкнехта также сильно помогло вдохнуть новую жизнь в Общество. Число членов Общества росло количественно и качественно, и снова стало отрадно посещать Коммунистическое просветительное общество рабочих. Это было также первое Общество, которое присоединилось к Международному Товариществу Рабочих, основанному в 1864 г., и во многом способствовало его образованию. На учредительном собрании Интернационала звучали именно немецкие песни радикального содержания, и пели их члены нашего Коммунистического просветительного рабочего общества. Общество также очень много сделало для Интернационала в финансовом отношении.

Одновременно с описанными событиями в Лондоне обратило на себя внимание движение «свободомыслящих». Во главе его стоял Чарлз Брэдло — человек, вышедший из народа, очень способный оратор и агитатор. Он читал публичные лекции, которые сперва направлены были не только против религии и церкви, но и против эксплуатации и угнетения. Я и моя жена — я женился в 1858 г. — тотчас же присоединились к этому движению и поддерживали его всеми средствами. Г-жа Маркс с детьми тоже посещала воскресные лекции Брэдло; приходил несколько раз и Маркс. Посещая в то время семью Маркса, я слышал, как г-жа Маркс хвалила Брэдло и многого ожидала от него для пролетарского движения. Маркс же, посмеиваясь, говорил, что, по его мнению, Брэдло рано или поздно продается

буржуазии. Слова Маркса оправдались вполне. Едва Брэдло завоевал себе кое-какую популярность в Англии, он стал предателем дела пролетариата. Избранный в парламент, он покорно пошел за буржуазией, обливал грязью социализм и клеветал на него. Апостол атеизма вел себя по отношению к рабочим так же подло и низко, как и большинство служителей церкви. Он хотел впоследствии пробраться и в Международное Товарищество Рабочих, но наткнулся на сопротивление Маркса, который умел не допускать в эту организацию такого рода карьеристов.

Брэдло отомстил Марксу, распространив слух, что Маркс состоит на службе у Бисмарка! Люди, подобные Брэдло, не редкость в Англии; они используют плечи рабочих лишь как ступеньку, чтобы взобраться повыше. Стоит им приобрести достаточную популярность и влияние, и они начинают презирать народ и издеваться над ним, народ же, к несчастью, снова и снова дает вводить себя в заблуждение и обманывать. Беда английского рабочего класса состоит в том, что он еще не умеет отличать друга от врага.

С 1859 г. в Лондоне начала выходить еженедельная немецкая газета «Hermann», основателем и руководителем которой был Готфрид Кинкель. Газета была выдержана в либеральном, совершенно в том же мещанском духе, как кинкелевские лекции в Коммунистическом просветительном рабочем обществе. Мы решили поэтому в противовес этому органу основать свою газету и просили Маркса и Энгельса сотрудничать в ней. Первый номер нашей газеты, названной «Das Volk», появился 7 мая 1859 г. Мне поручена была экспедиция. Спустя примерно два месяца после выхода «Volk» Кинкель распостился с «Hermann». Всего вышло 16 номеров, в которых Энгельс поместил ряд статей об австро-итальянской войне⁷⁶, а Маркс в нескольких статьях анализировал политику Пруссии во время этой войны²⁸⁰. В номерах 14 и 16 была напечатана пространная рецензия на вышедшую тогда книгу Маркса «К критике политической экономии»²⁸¹.

За 1860—1864 гг. в моей жизни произошло мало такого, о чем стоило бы писать. Эти четыре года я посвятил своей семье, а также тому, чтобы пополнить свои знания. Я аккуратно посещал лекции, которые читали в

Лондонском университете профессора Гексли, Тиндаль и Гофман по физиологии, геологии и химии. Лекции этих выдающихся ученых вообще охотно посещались немецкими рабочими. Человеком, побудившим нас к этому, был опять-таки Маркс, сам иной раз посещавший эти лекции. Так прошло время до 1864 г.

В 1864 г. было отпраздновано возрождение, хотя и в новой форме, старого, исчезнувшего Союза коммунистов: было основано Международное Товарищество Рабочих. Рабочие снова начали, более чем когда-либо, проявлять интерес к социализму. Теперь созрели плоды нашей предшествующей деятельности²⁸². [...]

После Коммуны для Интернационала наступили тяжелые времена. Английская пресса, занимавшая господствующее положение в общественном мнении, клеветала на нас и обливала нас грязью. Дело зашло так далеко, что мы не могли достать в Лондоне никакого помещения для наших собраний. Когда 18 марта 1872 г. мы хотели торжественно отметить первую годовщину Коммуны, то снятое нами помещение оказалось закрытым. Это побудило меня арендовать отдельный дом для заседаний Генерального Совета. Английская пресса, о которой на континенте в большинстве случаев существует очень благоприятное мнение, в сущности, не лучше и не хуже, чем, например, немецкая пресса. За последние годы это особенно стало ясно. Так, английские газеты скрывают или искажают благоприятные сообщения, исходящие от германских социал-демократов. Зато они прославляют царя, Бисмарка и Криспи. И английская буржуазия не лучше немецкой, но, пожалуй, более хитра и более ловка; она не препятствует рабочему движению, но всеми находящимися в ее распоряжении средствами старается коррумпировать его.

После 1870 г. борьба извне против Интернационала становилась все сильнее, большая часть правительств стала принимать меры против его приверженцев, во Франции даже был издан особый закон против членов Товарищества²⁸³ и в английских тред-юнионах начались происки против них, к этому присоединились еще грязные интриги Михаила Бакунина внутри организации. Положение Маркса в это время было не из завидных. Он был перегружен работой для Интернациона-

ла. Все опубликованные манифесты, обращения и прочие письменные документы Интернационала исходят от Маркса. К этому надо прибавить исключительно обширную корреспонденцию и большие хлопоты, связанные с эмигрировавшими в Лондон коммунарами. Все эти обязанности Маркс выполнял без всякого материального вознаграждения, и при этом ему приходилось еще вести тяжелую борьбу за существование. Расходы на домашнее хозяйство становились все значительнее, особенно после Коммуны. В то время у Маркса постоянно можно было встретить несколько французских эмигрантов, которых гостеприимно принимали и угощали. Г-же Маркс приходилось тогда особенно трудно. Очень часто приходила она к моей жене и ко мне посоветоваться или обсудить с нами тот или другой семейный вопрос. Но все это не могло удержать ее от живого и искреннего участия в пролетарском движении.

Решительная битва с Бакуниным должна была произойти на Гаагском конгрессе⁷⁸. Бакунин обещал приехать туда. Это побудило Маркса также поехать в Гаагу и положить конец спору с Бакуниным. Гаагский конгресс Интернационала — единственный конгресс, на котором Маркс лично присутствовал. Обычно он оставался в Лондоне и предоставлял другим блистать на конгрессах. В Гаагу он решил поехать только для того, чтобы раз и навсегда покончить с бакунинскими интригами. Фридрих Энгельс также приехал в Гаагу, и г-жа Маркс, и ее дети воспользовались случаем поехать туда.

Конгресс состоялся в начале сентября 1872 г. Присутствовали 65 делегатов, из них от Германии: Бернхард Беккер, Куно, Гуго Фридлиндер, д-р Кугельман, Адольф Гепнер, Риттингхаузен, Шумахер (из Золингена), Генрих Шей и Иосиф Дицген.

Михаил Бакунин не сдержал своего слова: он не явился на конгресс. Зато присутствовали его креатуры, игравшие, однако, жалкую роль. Конгресс должен был решить главным образом два вопроса: 1) перенесение местопребывания Генерального Совета и 2) исключение Бакунина из Интернационала. По первому вопросу выступал Фридрих Энгельс, который предложил перенести местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк. Это предложение было принято. Исключе-

ние Бакунина произошло на закрытом заседании. Даже противники Маркса осудили интриги Бакунина и голосовали за его исключение. Тот, кто захочет ближе познакомиться с этим делом, пусть прочтет «Заговор против Интернационала», перевод с французского Кокоского (Брауншвейг, 1874), новое издание: издательство «Vorwärts», Берлин²⁸⁴. Во время пребывания Маркса в Гааге журналисты всех культурных стран буквально осаждали его. Все хотели его видеть и услышать его мнение о стремлениях и целях Интернационала.

В том же году Британская федерация Международного Товарищества Рабочих провела конгресс в Ноттингеме, а в 1873 г. — в Манчестере²⁸⁵. Я присутствовал на обоих конгрессах.

Гаагский конгресс 1872 г. был последним событием в жизни старого Интернационала. Отдельные федерации постепенно сходили на нет, чтобы уступить место более значительным национальным организациям. Интернационал выполнил большую часть своей задачи: экономически и философски социализм был обоснован главой Интернационала Карлом Марксом, Интернационал же был первой организацией, которая распространила это учение во всех направлениях культурного мира. Здесь оно находило себе признание то быстрее, то медленнее, в зависимости от имеющихся там экономических и духовных условий. Сам Маркс большего от Интернационала и не ждал.

Десятилетие с 1873 по 1883 г. протекло для меня относительно спокойно. Я чувствовал, что постарел. Кроме того, положение моей многочисленной семьи вынуждало меня делать все, что я мог, чтобы ни один из ее членов не стал ни для кого обузой. Эти усилия были не совсем тщетными. Нам, правда, приходилось всем много трудиться, чтобы удовлетворить наши скромные потребности, но в целом я не был недоволен своим положением.

В это время я очень часто посещал семью Маркса²⁸⁶. [...]

Принесли мне удовлетворение и Цюрихский международный конгресс в 1893 г., и партийные съезды немецкой социал-демократии в Кёльне в 1893 г. и во Франкфурте в 1894 г., на которых я тоже присутствовал.

Во время пребывания в Кёльне и Франкфурте я пользовался каждым случаем, чтобы общаться с молодыми людьми, присутствовавшими на партийных съездах и собраниях. И я был в высшей степени приятно удивлен, обнаружив у них столь хорошее понимание нашего дела. Невольно мне вспомнились времена, когда я, сам тогда еще молодой парень, нелегально распространял коммунистическое учение. Какой трудной и опасной была тогда эта работа! Сколько труда надо было положить, чтобы сделать понятными для молодых рабочих того времени принципы современного социализма, изложенные в «Коммунистическом Манифесте»! Как все сейчас стало по-другому. Молодежь легко и жадно учится и радостно переносит страдания во имя своих убеждений; она формирует свой ум и характер и закаляется для грядущих битв. Это явление необычайно порадовало меня на старости лет. Если бы только Маркс и его жена могли все это пережить и увидеть! Оба они так много боролись, столько страдали и всем пожертвовали, но, к несчастью, им было не суждено увидеть чудесные всходы семян, посеянных ими ценой таких усилий!

Маркс был твердо убежден, что рабочие массы рано или поздно поймут его и почерпнут из его учения силы, чтобы свергнуть буржуазное общество и с ясным сознанием работать над созданием нового общества.

Маркс не обманулся!

Это убеждение я вынес с социалистических конгрессов последних лет, и это сознание скрашивает вечер моей жизни.

Легче умирать, когда видишь, что молодежь с надеждой и радостью, даруемой сознанием побед, бодро продолжает работу, начатую стариками.

Впервые опубликовано в журнале «Deutsche Worte. Politische Zeitschrift für das deutsche Volk in Österreich», Wien, Jg. XVIII, 1898, III, IV und V

Публикуется с сокращениями по книге: Lessner Friedrich. Ich brachte das «Kommunistische Manifest» zum Drucker. Berlin, 1975

Перевод с немецкого

О ревизионизме Бернштейна ²⁸⁷

Как одному из старейших друзей и товарищей по партии Карла Маркса и Фридриха Энгельса, мне хочется сказать несколько слов по спорному вопросу, поднятому Бернштейном. Я познакомился с обоими великими основоположниками современного рабочего движения в 1847 г., во время коммунистического конгресса в Лондоне. Ближе я узнал их позднее, в 1848 и 1849 гг. в Кёльне. На кёльнском процессе коммунистов в 1852 г. ⁷⁵ я был приговорен к трем годам заключения в крепости и отбывал этот срок в крепости Грауденц, а под конец — в Зильберберге.

После освобождения в 1856 г. я после десятилетнего перерыва поехал на родину, в Веймар, чтобы в последний раз повидать мать и двух сестер.

Кровавая реакция праздновала в это время свою победу над революцией 1848 г., «святая полиция» вновь обрела всю свою прежнюю наглость, поэтому за мной сразу же была установлена пристальная слежка; я не мог не понимать, что недолго пробуду на свободе. Поэтому после трехмесячного пребывания я решил снова немедленно покинуть Германию и в мае 1856 г. вторично приехал в Лондон. С этого времени началась моя более близкая и тесная дружба с Карлом Марксом, В. Вольфом, Либкнехтом, Эккариусом, Пфендером.

Ф. Энгельс уже покинул Лондон. В Лондоне я вновь встретил и Ф. Фрейлиграта, с которым был очень близок в Кёльне в 1848—1850 гг. С Энгельсом я в это время состоял в оживленной переписке.

Моя близкая дружба с ним началась примерно в 1870 г., незадолго до франко-прусской войны и продолжалась до его смерти в августе 1895 г. Поскольку я могу безоговорочно утверждать, что из всех еще оставшихся в живых товарищей я больше и дольше других работал и близко общался с этими двумя людьми,

Марксом и Энгельсом, со времени издания «Коммунистического Манифеста», то я тем более считаю своим долгом сообщить товарищам по партии, а также и противникам свое мнение о так называемой бернштейнианской критике.

Что касается отдельных пунктов в брошюре Бернштейна ²⁸⁸, то она была подвергнута детальной критике, с которой я по большей части согласен, многими товарищами в «Sächsische Arbeiter-Zeitung», «Rheinische Zeitung», «Schwäbische Tagwacht», а также Карлом Каутским и Мерингом в статьях в «Neue Zeit», затем в «Vorwärts» и во многих партийных газетах, а равно и Бебелем и Либкнехтом в их речах.

Все же я хочу добавить для общего понимания еще кое-что.

Маркс был чрезвычайно добросовестен в своих трудах, зачастую он по несколько раз переделывал одну и ту же статью, чтобы использовать новейшие достижения науки. Не то бы его труд «Капитал» был готов гораздо раньше. Основательность являлась одним из великих достоинств Маркса.

Сразу после поражения революции 1848—1849 гг., когда вследствие трусости буржуазных классов реакция повсюду вновь обнаглела и вновь набрала силу, наступил период, длившийся несколько лет, в течение которого труды Маркса замалчивались. Но несмотря ни на какую реакцию, его великое учение проникло в рабочий класс.

Это стоило большого труда и великих жертв, но в конечном счете благодаря этому было создано столь великое международное рабочее движение, что его не уничтожить ни господствующим классам, ни при помощи нападков, исходящих из среды самой партии.

Как может осведомленный человек упрекать Маркса и Энгельса в утопизме? Все та же вечная болтовня об утопизме слишком уж нелепа, ибо яснее ясного, что Маркс как раз и вел борьбу с утопизмом.

В работе Маркса «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», 1852 г. (цюрихское издание 1885 г., с. 20, последняя фраза) мы читаем по поводу размежевания между Виллихом и Шаппером, с одной стороны, и Марксом, Энгельсом и др.— с другой:

«Мотивируя свое предложение о размежевании [15 сентября 1850 г. в Лондоне], Маркс, среди прочего, сказал буквально следующее: «На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое. Вместо действительных отношений меньшинство сделало движущей силой революции *одну лишь волю*. Между тем как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству...»». ²⁸⁹

И если Маркса сегодня, после того как им еще в 1850 г. были высказаны такие мысли, обвиняют в утопических тенденциях, то это переходит всякие границы!

И хотя господствующие классы ненавидели и боялись Маркса, все же и они никогда не делали ему таких необъективных упреков, какие делает Бернштейн.

Наоборот, эти классы открыто признавали превосходство и глубокие знания Маркса.

Товарища Бернштейна, как видно, очень радует, что английские рабочие в подавляющем большинстве не оптимисты и не революционеры! Я живу в Лондоне с момента своего второго приезда сюда в 1856 г., — тогда же вступил в тред-юнион портных (см. в «Neue Zeit» 1894/95, № 31 мою статью «Квалифицированные и неквалифицированные рабочие в Англии»), участвовал в чартистском движении и во всех возникавших с того времени передовых рабочих движениях: в основанном в 1864 г. Международном Товариществе Рабочих, в Лиге реформы в 1866—1867 гг. ²⁹⁰, а также в Демократической Федерации, Социалистической лиге, Блумсберийском социалистическом обществе ²⁹¹, и с самого начала вступил в Независимую рабочую партию ¹⁸⁶. Поэтому на основании опыта 42-х лет, в течение которых я непрерывно участвовал и в профсоюзной, и в политической, и в экономической борьбе английских рабочих, я также могу высказать свое суждение.

Ведь именно то, что Бернштейн в своем сочинении прославляет как большое достижение английских рабочих, и являлось до сих пор величайшей ошибкой английского рабочего класса: под воздействием лести-

вых разглагольствований капиталистической печати они стали слишком миролюбивыми; обладай они чуть большей революционной энергией и не будь они столь эгоистично-практичными, социал-демократическое движение в Англии, вне всякого сомнения, было бы как нигде сильным.

В том, что Бернштейн ведет фабианскую политику²⁹² использования рабочих в качестве охвостья либералов, нет ровно ничего нового. Ибо фабианцы стояли на такой позиции уже тогда, когда лондонская Социал-демократическая федерация и Независимая рабочая партия в 1893 и 1894 гг. выступили против всякого компромисса с какой-либо из существующих политических партий и открыто и решительно высказались за тактику международного рабочего движения.

И если некоторые товарищи в Германии в оправдание несостоятельной позиции Бернштейна говорят, что ее причиной является длительное пребывание его вне Германии, то подобное оправдание не имеет под собой никаких оснований. Ведь Маркс, Энгельс и многие другие товарищи всю жизнь прожили в Англии, но им никогда не приходило в голову отступать от тактики или конечных целей.

Вдумчивые товарищи, следившие за сочинениями Бернштейна, уже давно подметили, что после смерти Энгельса в 1895 г. его сочинения стали весьма отличаться от того, что он писал раньше. Если он теперь пишет, что еще до смерти Энгельса изменил свои взгляды, то, памятуя, в каких дружеских отношениях они находились, он, несомненно, должен был бы первым делом сообщить о перемене своих взглядов именно Энгельсу.

Но Бернштейн в конце концов и сам открыто заявил, что пока Энгельс был жив, он под влиянием Энгельса писал вопреки своим убеждениям. Это заявление он сделал в Коммунистическом просветительном рабочем обществе в Лондоне⁹⁴ в июне этого года. Это разъяснит кое-кому загадку его выступления.

Вызывает протест и бездушный отзыв об Огюсте Бланки, человеку, который еще до того, как Бернштейн появился на свет, провел за свои идеалы целую жизнь в страшных тюрьмах французского класса капиталистов.

Если скажут, что критика в партии необходима, то ни один разумный товарищ не станет против этого возражать. Но критика критике рознь. Маркс пишет в первом томе «Капитала»:

«Я буду рад всякому указанию научной критики. Что же касается предрассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом по-прежнему остаются слова великого флорентийца: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!»»²⁹³

Большие успехи, которых достигла и продолжает повседневно добиваться рабочая партия, служат лучшим свидетельством того, что эта тактика правильна. То обстоятельство, что и тактика меняется в зависимости от уровня развития условий, заложено в природе самого развития.

Пусть германская социал-демократия, как и до сих пор, не позволяет совлечь себя со своего пути, откуда бы ни исходили такие попытки.

Да здравствует современное международное рабочее движение!

Впервые опубликовано в газете
«Sächsische Arbeiter-Zeitung»,
Dresden, 1899, 12. September

Печатается по тексту книги:
Lessner Friedrich. Ich brachte
das «Kommunistische Manifest»
zum Drucker, Berlin, 1975

Перевод с немецкого

Воспоминания рабочего о Фридрихе Энгельсе ²⁹⁴

Да будет мне суждено, прежде чем я закрою свои глаза навеки, поделиться воспоминаниями о своем долголетнем знакомстве и дружбе с великим борцом Фридрихом Энгельсом. Хотя после его смерти о нем писалось и говорилось немало, я все же считаю себя вправе рассказать о своих отношениях с Энгельсом, завязавшихся еще в 1847 г., о том, что мы вместе с ним пережили. Правда, вряд ли удастся сделать это так обстоятельно, как мне бы хотелось. Прошло полстолетия с тех пор, как я познакомился с Энгельсом, и мне приходится все восстанавливать по памяти. Мой преклонный возраст является помехой; рука моя уже не так уверенно владеет пером, как я бы хотел. Поэтому я надеюсь, что читатель простит мне недостатки моего рассказа.

Мое первое знакомство с Фридрихом Энгельсом, как и с Карлом Марксом, приходится на знаменательные дни конца 1847 г. в Лондоне.

Это было в Коммунистическом рабочем обществе, единственном Обществе той поры, которое существует до настоящего времени и по сей день служит современному рабочему движению ⁹⁴. Наше знакомство состоялось во время того памятного собрания, на котором были заложены основы современного международного рабочего движения. Маркс, Энгельс, Вильгельм Вольф приехали вместе с бельгийским товарищем Тедеско из Брюсселя в Лондон, чтобы здесь договориться о принципах и о тактике нового движения. Как теперь известно всему миру, на этом коммунистическом конгрессе Марксу и Энгельсу было поручено разработать Коммунистический Манифест.

К тому времени я уже слышал и о Марксе, и об Энгельсе, так как читал «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», которая издавалась с 1847 до начала 1848 г. Книга Эн-

гельса «Положение рабочего класса в Англии», первое издание которой вышло в 1845 г., продавалась в Коммунистическом рабочем обществе в Лондоне. Это была первая книга, которую я приобрел и откуда я впервые почерпнул сведения о рабочем движении. Другая книга, по которой я тогда учился, была книга Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы».

Присутствие Маркса, Энгельса, Вильгельма Вольфа и других произвело огромное впечатление как на членов Коммунистического рабочего общества, так и на членов Союза коммунистов. С этим собранием связывались большие надежды, и эти надежды не только не были обмануты, но в действительности были далеко превзойдены. Наглядным подтверждением тому служит появление «Коммунистического Манифеста», который был великим результатом этого исторического собрания.

Энгельс по своему внешнему виду очень отличался от Карла Маркса. Энгельс был высок и строен, его движения быстры и уверенны, его речь лаконична и решительна, он держался очень прямо, что придавало ему военный вид. Это был весьма жизнерадостный человек. Каждая его шутка была меткой. У всякого, кто с ним общался, тотчас же создавалось впечатление, что перед ним необыкновенно одаренный человек. Если товарищи иной раз жаловались мне, что Энгельс не так любезен и приятен, как они этого ожидали, то это происходило потому, что в общении с чужими людьми Энгельс был сдержан. Эта сдержанность стала еще заметней в более поздние годы. Нужно было хорошо узнать Энгельса, чтобы правильно судить о нем; точно так же как и он должен был хорошо изучить человека, прежде чем оказать ему доверие. Нужно было хорошо узнать и понять Энгельса, чтобы он по-настоящему понравился. С ним нельзя было лицемерить. Он сразу же понимал, рассказывают ли ему небылицу или сообщают чистую правду без всяких прикрас. Энгельс был хорошим знатоком людей, хотя и он в отдельных случаях не избежал ошибок.

Он был очень щедр и помогал очень многим нуждавшимся и больным, не задавая слишком много вопросов. Позже ему пришлось соблюдать бóльшую осторожность, так как его слишком осаждали со всех сторон,

в том числе и общества призрения нищих. В последующие годы Энгельс большей частью сперва осведомлялся у меня, знаю ли я такого-то или такого-то, и предоставлял мне распределять деньги, предназначенные для помощи. То, что нашлись люди, которым Энгельс делал очень много добра и которые потом, после его смерти, отзывались о нем крайне враждебно,— это достаточно известно.

Портрет Энгельса был бы неполным, если бы я не привел здесь слов его старого английского друга Джорджа Джулиана Гарни, редактора чартистской газеты «Northern Star», который знал его с 1843 г. Гарни писал после смерти Энгельса: «Я знал Энгельса. Больше полувека он был моим другом и время от времени мы переписывались. В 1843 г. он из Бадфорда приехал в Лидс и отыскал меня в редакции «Northern Star»... То был высокий молодой человек, с лицом почти по-мальчишески юным. Несмотря на немецкое происхождение и образование, его английский язык и тогда был безупречным. Он сказал мне, что постоянно читает «Northern Star» и очень интересуется чартистским движением. Так более пятидесяти лет тому назад началась наша дружба...

Обремененный множеством работ, Энгельс всегда находил время, чтобы вспомнить о своих друзьях, подать им совет или помочь, когда это было нужно. При всех своих знаниях и влиянии он никогда не был высокомерным; напротив, в возрасте 75 лет он был так же скромнен и так же готов признать значение работы других, как тогда, когда ему было 22 года. Он был необычайно гостеприимен, любил посмеяться, и смех его был заразителен. Он умел быть душой дружеской беседы. Энгельс мастерски создавал такую обстановку, в которой его гости — а он общался с приверженцами Оуэна, с чартистами, тред-юнионистами и социалистами — чувствовали себя легко и приятно»²⁹⁵.

Мое более близкое знакомство с Энгельсом и Марксом состоялось в Кёльне, куда я переехал из Лондона в конце июня 1848 г. В Кёльне я познакомился с членами редакции «Neue Rheinische Zeitung», знавшими меня под моим тогдашним именем «Фридрих Карстенс». Сначала я познакомился с Энгельсом, которому было известно, что я портной, и он наименовал меня своим

«придворным портным». Однако моя работа для него сводилась лишь к починке и приведению в порядок его гардероба. Ни Маркс, ни Энгельс не тратились на одежду: их денежные дела в ту пору были отнюдь не блестящи.

Я был тогда еще очень молод, да и не в моем характере выдвигаться на первый план. Поэтому мы встречались чаще всего на народных собраниях или других заседаниях, где приветствовали друг друга как боевые товарищи. Хотя мы общались в течение непродолжительного времени, но я уже тогда сумел очень высоко оценить этих двух замечательных людей и ожидал от них очень многого в будущем.

«Коммунистический Манифест» не оставил ни малейших сомнений относительно того, с какой глубиной Маркс и Энгельс постигли современное общество; благодаря популярному стилю и глубоко научному содержанию классовые противоречия становились понятными и самому простому рабочему. Но в «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс наглядно доказали, что они вооружены не только знаниями, но и непреклонной волей.

Черно-белая реакция ²⁹⁶ скоро обнаружила, с какими несравненными противниками она столкнулась в их лице, и лезла из кожи вон, чтобы покончить с «Neue Rheinische Zeitung». Когда это не удалось, она прибегла к еще более наглым насильственным мерам, чтобы уничтожить газету. Были затеяны два процесса: первый — 7 февраля, второй — 8 февраля против Рейнского окружного комитета демократов ⁷⁴.

Я с величайшим интересом присутствовал на обоих судебных заседаниях. Было наслаждением видеть и слышать, с каким огромным превосходством и глубокими знаниями велась борьба против черно-белой реакции. Даже противники не могли скрыть своего восхищения этими двумя людьми!

После насильственного уничтожения «Neue Rheinische Zeitung» и противозаконной высылки Карла Маркса ⁸⁸ члены редакции рассеялись в разные стороны. Маркс переехал в Париж, Энгельс же отправился в Пфальц, где только что вспыхнуло движение за имперскую конституцию. Деятельность Энгельса в Пфальце отражена в его статье о кампании за имперскую кон-

ституцию, напечатанной в «Politisch-ökonomische Revue» — Лондон, Гамбург и Нью-Йорк, 1850 г., — которую издавал Карл Маркс⁶⁷.

После поражения революции в Бадене Энгельс со многими другими участниками восстания вынужден был бежать в Швейцарию. Но он недолго пробыл там и отправился оттуда в 1850 г. в Лондон, где уже находились Маркс и большое число других эмигрантов из Германии. В Лондоне для Энгельса, как и для Маркса с его семьей, начались очень тяжелые времена, так как оба они оказались без всяких средств к существованию. Элеонора Маркс описала эту суровую пору жизни в одной из ее многочисленных статей²⁹⁷.

К этому времени относится деятельное участие Маркса, Энгельса, Либкнехта, Вильгельма Вольфа и других в Коммунистическом просветительном обществе⁹⁴, в которое в то время входило немало политических эмигрантов всех направлений. Их оценки политических событий недавнего прошлого, их взгляды на будущее были столь различны, а в эмигрантской жизни было столько неприятного, что ничего удивительного не было в том, что вскоре возникли трения.

После восстановления организации Союза Коммунистов, в чем главную роль сыграли Маркс, Энгельс и их товарищи, обнаружилось острое расхождение, главным образом по вопросу о тактике рабочей партии, между ними, с одной стороны, и Виллихом, Шаппером и их группой — с другой. Эти расхождения привели к разрыву⁹¹. Причины этого разрыва ясно и открыто указаны Карлом Марксом в его «Разоблачениях о кельнском процессе коммунистов».

К этому времени относится также издание уже упомянутого «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», выходившего под редакцией Карла Маркса; в этом журнале помещена работа Энгельса о баденской революции⁶⁷ и его же «Крестьянская война в Германии». Насколько я помню, в 1850 г. Энгельс был вынужден покинуть Лондон и перебраться в Манчестер, где он начал службу на хлопчатобумажной фабрике, совладельцем которой был его отец. В 1864 г. он стал компаньоном, а в 1870 г. смог покинуть Манчестер, чтобы посвятить все свое время занятиям наукой и совместной работе с Карлом Марксом.

Из Манчестера в течение некоторого времени от него поступало мало известий; он встречался чаще всего с Вильгельмом Вольфом, Самюэлом Муром и Карлом Шорлеммером. Время от времени он приезжал в Лондон, чтобы видаться с Марксом, или же Маркс ездил в Манчестер; все же это случалось не часто, встречи эти были непродолжительными, но тем оживленной была переписка.

Энгельс и Маркс сотрудничали в немецкой еженедельной газете «Volk», которую они основали в Лондоне в 1859 г. в противовес газете Кинкеля.

В 1859 г. я написал Энгельсу письмо, в котором просил его, между прочим, прислать мне свою фотографию. Я получил ее вместе с замечательным письмом, которое я здесь охотно привел бы; но несмотря на долгие поиски, мне не удалось его разыскать.

Осенью 1870 г. Энгельс со своей женой переехал в Лондон и поселился неподалеку от Маркса в своей широко известной квартире поблизости от Примроз-Хилл, где он прожил почти до самой смерти.

Вспыхнула франко-прусская война (1870 г.), которая поглотила все внимание и почти все время Энгельса. Его статьи о войне в «Pall Mall Gazette», благодаря которым он получил прозвище «Генерал», свидетельствовали об его военных познаниях. Он не раз предсказывал поражения французской армии. Еще тогда, когда германские войска концентрировались против французской северной армии, Энгельс предсказал на страницах «Pall Mall Gazette», что, если Мак-Магону не удастся прорваться со своей армией в Бельгию, железное кольцо германских корпусов сожмет его вокруг него и вынудит его к капитуляции в Седанской ложбине. Так оно и случилось две недели спустя¹³⁶.

После поражения Парижской коммуны в 1871 г. положение в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих стало очень острым и трудным, в особенности для Маркса и Энгельса; на их долю выпало еще больше работы, чем прежде, так как в Лондон прибыло много эмигрантов, защитников Коммуны различных национальностей. Из них следует особо упомянуть венгерского товарища Лео Франкеля. Он был членом правительства Коммуны, и ему удалось пробраться через расположение прусских частей под видом тор-

говца спичками. Франкель был одним из немногих, кто имел совершенно ясное представление о цели и путях рабочего движения. После амнистии Франкель снова вернулся в Париж, где возобновил свою обычную пропагандистскую деятельность. Он умер несколько лет тому назад в Париже. Я потерял в нем личного друга, а партия — одного из лучших своих товарищей. Да не будет забыто имя его!

Эмигранты Коммуны, которые принадлежали к различным направлениям, вели борьбу между собой и сваливали друг на друга вину за поражение. Обманутые надежды, а также затруднительное положение, в котором почти все они находились, способствовали постоянным трениям между ними. Подлые нападки капиталистической прессы; царившие всюду непонимание Коммуны и ее значения; печальной памяти травля со стороны анархистов — все это, казалось, соединилось вместе, чтобы уничтожить международное движение.

Перенесение Генерального Совета в Нью-Йорк по решению Гаагского конгресса⁷⁸ предоставило Марксу и Энгельсу больше времени для их занятий экономическими вопросами. Маркс мог целиком посвятить себя своему великому произведению — «Капиталу». С этого времени Энгельс был секретарем Интернационала²⁹⁸. Переводы «Коммунистического Манифеста» и других произведений, поступавшие к нему для просмотра и редакции, равно как и целый ряд статей, в которых он освещал текущие вопросы, не говоря уже о брошюрах на актуальные темы, — все это отнимало большую часть его времени. Если, несмотря на это, Энгельс все же оставил нам так много научных работ, то это свидетельствует лишь о том, каким трудолюбивым и какой работоспособностью отличался наш старый друг. Привести здесь все его труды — значило бы выйти далеко за рамки этих воспоминаний.

В 1878 г. Энгельса постиг тяжелый удар: после тяжелой болезни умерла его жена, ирландка, которая принимала горячее участие в фенианском движении¹⁵⁷. У Энгельса не было детей, и потеря жены была для него большим горем.

Для Энгельса было в это время очень трудным делом обеспечить ведение домашнего хозяйства так, как он к этому привык; дело в том, что он не мог работать,

если вокруг него что-то менялось. До своего замужества хозяйство вела племянница его жены *.

Затем настали печальные времена в семье Маркса: болезнь Маркса, болезнь его жены и дочери, смерть и той и другой. В марте 1883 г. пришло, правда, уже не неожиданное, но от этого не менее прискорбное известие о смерти Маркса.

Энгельс писал мне:

«Лондон, 15 марта 1883

Дорогой Лесснер!

Наш старый Маркс вчера, в 3 часа, спокойно и тихо уснул навеки. Непосредственная причина смерти — прежде всего, вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Похороны состоятся в субботу, в 12 часов, и Тусси просит тебя присутствовать на них.

Очень спешу.

Твой Ф. Энгельс»²⁹⁹.

После смерти Маркса Ленхен Демут, которая много лет со времени замужества г-жи Маркс делила с семьей Маркса все радости и горести, взяла в свои руки домашнее хозяйство Энгельса. Она умерла 4 ноября 1890 г. Эта потеря была для Энгельса также очень чувствительной. К счастью, вскоре после этого г-жа Луиза Каутская, ныне г-жа Л. Фрейбергер, решила переехать из Вены в Лондон, чтобы принять на себя заботы о домашнем хозяйстве Энгельса. Все мы, близко к нему стоявшие и проявлявшие к нему большой интерес, особенно радовались этому удачному решению трудного вопроса, и наш друг Энгельс до самой смерти имел в ее лице хорошую помощницу, которая прекрасно его понимала и, кроме того, могла помочь ему в его многочисленных работах. Г-жа Луиза Фрейбергер долгие годы принимала участие в современном международном движении и также очень серьезно участвовала в социалистическом женском движении.

Кто не знает, какое активное участие принимал Энгельс в движении новых тред-юнионов!³⁰⁰ Как он энергично поддерживал борьбу за 8-часовой рабочий день, хотя сам зачастую работал по 16 часов в сутки, до поздней ночи! Как он всегда лично участвовал в перво-

* — Мери Эллен (Пумпс) Бёрнс. Ред.

майских праздниках ¹⁸⁴ и, невзирая на свой возраст, взбирался на платформы, которые служили трибуной для ораторов! И кто из друзей Энгельса забудет первомайские вечеринки, которые следовали обычно за этими собраниями!..

Я был членом Коммунистического просветительного общества ⁹⁴, был членом Социал-демократической федерации и Социалистической лиги ²⁹¹, принимал участие в основании Независимой рабочей партии ¹⁸⁶; поэтому Энгельс рад бывал видеть меня у себя, так как я мог рассказать ему о настроении в этих различных организациях. Тем, кто общался с Энгельсом, было давно известно, что он во многих пунктах не был согласен с тактикой Социал-демократической федерации. Если бы Энгельс жил до сих пор, он еще меньше одобрил бы ее теперешнюю тактику.

Работоспособность и высокие духовные интересы Энгельс сохранял до самой смерти. Общеизвестно, каким блестящим знатоком языков он был. Он владел в совершенстве десятью языками. Ему было больше семидесяти лет, когда он начал изучать еще норвежский язык, чтобы читать в подлиннике Ибсена и Келланда.

Энгельс, как и Маркс, редко выступал на публичных собраниях. Они любили дискуссии, но как ораторы не были популярны. Последнее публичное выступление Энгельса состоялось в 1893 г. Он выступал на Цюрихском конгрессе, в Вене ²⁶⁵ и в Берлине ²⁵⁹. Прием, оказанный ему в Цюрихе, стихийные восторженные овации, которыми его встречали, очень его растрогали, как он мне часто потом рассказывал. Его поездка в Австрию, Германию и Швейцарию была триумфальным шествием наших идей, и Энгельс часто сожалел, что Марксу не довелось, как ему, увидеть новую Германию, Германию рабочих.

До конца своих дней Энгельс сохранял свойственную ему выдержку и решительность. Во всех своих действиях он был прост и откровенен. О чем бы его ни спросили, он всегда давал краткий и убедительный ответ. Энгельс всегда открыто высказывал свое мнение, приятно или неприятно это было его собеседнику.

Энгельс сразу же прямо выражал свое недовольство, когда в партии обнаруживались те или иные явления, с

которыми он не был согласен. Шатания и компромиссы ему были не по душе. Но после того, как обе стороны высказались по поводу неприятных событий, Энгельс вновь держался по-дружески словно ничего и не случилось. Энгельс принимал у себя множество людей. Его очень охотно посещали как товарищи по партии, так и посторонние. Когда в конце 80-х гг. редакция «*Sozialdemokrat*» была вынуждена перебраться из Цюриха в Лондон, число посетителей еще более выросло. Энгельс оставался неизменно гостеприимным хозяином.

После смерти Маркса я стал чаще бывать у Энгельса; его доверие ко мне было так же велико, как то, которое дарил мне Маркс. В те дни, когда у Энгельса был особенно большой наплыв посетителей, я заходил к нему реже. Но в таких случаях Энгельс немедленно меня спрашивал, почему я так редко показываюсь.

Летом 1895 г. Энгельс поехал в последний раз лечиться в Истборн, но вернулся оттуда в конце июля без улучшения здоровья. Об этом мне сообщила в письме Тусси, которая была очень встревожена. Я решил в течение некоторого времени не беспокоить Энгельса своим посещением. Я боялся потревожить его своим присутствием, так как он и без того легко возбуждался. Вот почему мне не довелось больше увидеть живым нашего великого друга Энгельса после его возвращения в Лондон.

5 августа вечером Бернштейн сообщил мне, «что, если я хочу увидеть еще раз в живых нашего друга Энгельса, я должен поторопиться, так как он очень плох». Но я не представлял себе, что смерть уже так близка, и решил навестить его пораньше утром 6 августа. Каков же был мой ужас, когда с первой же почтой я получил сообщение от Луизы Фрейбергер, что наш друг умер 5 августа, между 11 и 12 часами ночи! Не могу передать словами, какое впечатление на меня произвела эта ужасная, потрясающая весть. Я немедленно отправился на квартиру Энгельса и увидел его мертвым в постели точно так же, как 15 марта 1883 г. я увидел мертвым нашего друга Карла Маркса.

Г-жа Луиза Фрейбергер, которая проводила меня в комнату Энгельса, была так подавлена, что лишь с большим трудом могла рассказать мне о последних часах его жизни.

Последней волей Энгельса было, чтобы прах его опустили в открытом море. Эта воля Энгельса была выполнена 27 августа Элеонорой Маркс, доктором Э. Эвелингом, Э. Бернштейном и мной. Мы отправились в Ист-борн, излюбленное место летнего отдыха Энгельса. Там мы наняли лодку с двумя гребцами и отвезли урну с прахом нашего незабвенного друга примерно на расстояние в две английские мили от берега¹⁸⁸. Невозможно передать словами те чувства, которые вызвала во мне эта поездка.

Маркса и Энгельса уже давно нет среди живых, но их дело живет. Миллионы рабочих всех стран, ряды которых множатся с каждым днем,— вот доказательство того, что принципы и тактика Маркса и Энгельса поняты, признаны и им следуют. Лучшее признание со стороны этих миллионов состоит в том, что они поняли учение их великого вождя и будут действовать в соответствии с этим учением. С большим удовлетворением от сознания этого факта заканчиваю я эти воспоминания и вместе с миллионами пролетариев восклицаю:

«Близкое будущее принадлежит социалистическому движению!»

Лондон, июнь 1902 г.

Впервые опубликовано в журнале
«Die Hütte. Organ für das Volk
und seine Jugend»,
Dresden, 1902—1903, N 18

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

Из «Воспоминаний участника
революции 1848 г.»³⁰¹

Несколько часов езды по железной дороге, и поезд доставил меня из Дувра в Лондон, где я остановился в рекомендованной мне заранее французской гостинице. Я тут же набросал несколько строк старому знакомому еще по Женеве, который благодаря отличной работе почты через два часа уже был у меня и дал мне необходимые сведения и советы.

Я ревностно изучал план Лондона и затем смело пустился на поиски друзей и знакомых, что было, собственно говоря, немного рискованно в этом огромном городе. Очень скоро я сел на мель, не зная, что дальше делать. Я не мог объяснить, так как совсем не говорил по-английски. Но зная понаслышке о толковости лондонских констеблей, я вынул карточку из кармана, написал на ней адрес и передал ее первому встретившемуся мне констеблю. Тот, удостоверившись, что объяснить со мной невозможно, повел меня к ближайшему постовому констеблю, передал тому мою карточку и таким путем я был доставлен по указанному адресу. В данном случае это было неплохо, но вообще-то этот метод нельзя рекомендовать. Скоро я нашел другой выход. Англичане того времени (1852) брили бороды, и лишь немногие сохраняли усы; большинство же немцев и почти все без исключения французы были обладателями усов. И вот когда я путешествовал по этому городу-великану и терял направление, я обращался к первому встречному владельцу усов за справкой по-французски, и всегда эту справку мне любезно давали. Так я с моим французским языком ориентировался в Лондоне.

В Бельгии я был в действительном изгнании, и те мытарства и неприятности, которые чинила мне полиция, едва оставляли мне время для поддержания связи со старыми друзьями и товарищами по партии. Именно благодаря хваленой полиции все подобные связи были сведены до минимума и поэтому я почти ничего не слы-

хал и ничего определенного не знал о спорах в среде эмигрантов, о борьбе в Союзе коммунистов⁹¹ и Просветительном рабочем обществе в Лондоне⁹⁴.

С Виллихом я познакомился во время баденского похода⁶⁷, Энгельса видел только мельком, Маркса еще не встречал. Но по всему, что я в течение последних трех лет о нем слышал и читал, я составил себе очень высокое мнение о Марксе, проникся огромным к нему уважением.

Я решил посетить его. Поводом к визиту послужило мое желание навести справки о судьбе Дронке — одного из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», с которым я познакомился в Женеве.

Маркс жил на Дин-стрит. Я застал его в довольно просторной комнате, которая показалась мне недостаточно светлой. Он писал за большим столом. Великолепная большая голова, густая иссиня-черная шевелюра, острый и серьезно-дружелюбный взгляд его глаз произвели на меня сильное впечатление, вызвали во мне какое-то почтение и в то же время внушили глубокое доверие. На мой вопрос о Дронке я получил быстрый ответ: «Дронке — в Ливерпуле». Маркс расспрашивал меня о моей судьбе. Я рассказал ему о моей *feuille de route* * из Бельгии. Он, смеясь, ответил мне, что нечто подобное случилось там и с ним. Беседа длилась несколько минут. Заметив, что я оторвал Маркса от работы, я очень скоро откланялся.

С розысками старых друзей в Лондоне мне не повезло, за исключением некоторых, знакомых мне по Женеве французских эмигрантов. Из немецких эмигрантов значительное число я нашел в Лонг-Эйв, в тогда весьма посещаемой таверне Шертнера, участника гимнастического общества в Ханау³⁰². Главной фигурой среди них был А. Виллих, который там же играл своего рода дипломатическую роль, поскольку французское посольство пользовалось его услугами при установлении личности эмигрантов из Франции и других стран. В их удалении из Европы французское правительство (Наполеон III) было заинтересовано настолько, что оно отправляло их в Америку на свой счет и платило им там еще 2 фунта (50 франков) на мелкие расходы.

* — высылке. Ред.

Мои усилия получить какую-либо подходящую работу были бесплодны, и я скоро убедился, что оставаться в Англии невозможно.

К США я питал сильное отвращение из-за господствовавшего там в большей части штатов рабства и возмутительных законов против беглых рабов. Поэтому я решил ехать в Австралию. Но совершенно незнакомый с правилами судоходства и морского транспорта, без знания английского языка, больной холерой, я был посажен на парусное судно (называвшееся «Индепенденс»), которое через несколько часов вышло в море и 21 июня 1852 г. доставило меня в Нью-Йорк.

Впервые опубликовано в журнале
«Die Neue Zeit», Stuttgart,
Jg. XVII, 1898—1899, Bd. 2

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

К 14 марта ³⁰³

14 марта 1883 г. я получил следующую телеграмму из Лондона: «Marx died to-day. Engels» («Маркс умер сегодня. Энгельс») ³⁰⁴.

Умер передовой борец пролетариата, человек, который ковал оружие для освобождения рабочего класса. Угас величайший ум, который метал молнии в мир, в буржуазный мир, чтобы рассеять невежество, порожденное тьмой и туманом, и в свою очередь порождающее тьму и туман, открыл перспективы новой эпохи всему человечеству.

Маркс умер, и миллионы охватила печаль при вести о том, что перестало биться сердце их самого верного, самого преданного советчика!

То, что совершил Маркс как человек науки, как защитник рабочего класса, не нуждается ни в надписях, высеченных на медных скрижалях, ни в пламенных речах. Не бронзовые и гранитные памятники говорят о его делах; о них знают, ими живут бесчисленные и неисчислимы армии пролетариев всех стран, доказывающих это ростом своих рядов, следуя бессмертному боевому кличу Маркса: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

Только немногим известно, какие большие жертвы Маркс и его верная спутница жизни принесли во имя своих убеждений, сколько лишений и страданий они претерпели в то время, когда Маркс создавал свои бессмертные произведения, прокладывая новые пути в важнейших областях науки, помогал словом и делом всем, кто искренне стремился к возвышению рабочего класса!

Несмотря на это, на Маркса беспрестанно лили потоки клеветы, распространяли домыслы относительно мотивов его действий. Вот почему три старых боевых товарища Маркса 50 лет тому назад, 7 ноября 1853 г.,

опубликовали документ, из которого здесь приводятся отдельные места ³⁰⁵.

«Маркс, как всякому известно, никогда, ни одной строкой не докучал общественности о своих личных жертвах для революции. Наоборот, ничто не могло бы возмутить его больше, чем смиренное сострадание обывателя. Но если нужно дать отпор негодяю, обывателю и опустившемуся бездельнику, то молчание, с нашей точки зрения, вредит делу, и мы нарушаем его. Если Маркс, как друг рабочих, каждодневно рискует своей «популярностью», этим дешевым товаром, когда выступает против проявлений цеховщины и хамства, то пусть же, по крайней мере, партия знает цену всем нападкам на его личность.

Маркс и Энгельс с 1843 г. до нынешнего дня безвозмездно работали для «New Moral World» Р. Оуэна, для «Northern Star» О'Коннора, для «Democratic Review», «Red Republican» и «Friend of the People» Гарни, для «People's Paper», «Notes to the People» Джонса, для парижской «Réforme» (до революции) и для целого ряда печатных органов в Бельгии и в Париже («Deutsche-Brüsseler-Zeitung» Борнштедта, «Atelier» и т. д.). Они всегда предпочитали анонимно воздействовать на подлинно революционную партию каждой страны, оказывать действительное, а не номинальное влияние... Флокен, член временного правительства, предлагал обоим деньги в любом количестве, но они отвергли это. Более того, Маркс, как нам хорошо известно, в начале февральской революции затратил несколько тысяч талеров из своих собственных средств — частью для вооружения рабочих в Брюсселе, где предстояла революция (за что он и его жена были арестованы бельгийскими властями) ³⁰⁶, частью для того, чтобы отправить в Германию друзей и способствовать их революционной деятельности; наконец, частью на первоначальные расходы «Neue Rheinische Zeitung». На эту газету и революционную агитацию в 1848—1849 гг. Маркс истратил около 7 тысяч талеров — частью наличными деньгами — своими и своей жены, — частью же в векселях, выданных им на свою долю наследства.

Как случилось, что газета поглотила бóльшую долю этих пожертвований? Вначале число акционеров было велико. Но когда началась июньская революция и «Neue

Rheinische Zeitung», сначала единственная в Германии, встала на сторону восставших⁷¹, буржуа, конечно, от нее отошли.

Отход мелкой буржуазии произошел после введения осадного положения в Кёльне⁷². Поэтому Маркс взял газету из рук акционеров в «личную собственность», то есть принял на себя «все ее долги и издержки». Когда же газета достигла такого положения, что могла оплачивать издержки, она была насильственно запрещена. Когда Маркс в мае 1849 г. вернулся из поездки в Гамбург, его жена уже имела на руках приказ о его высылке⁸⁸...

Газета была закрыта. Ее инвентарь состоял: 1) из парового печатного пресса, 2) из вновь оборудованной наборной, 3) из 1000 талеров подписной платы абонентов. Все это ушло на то, чтобы покрыть долги газеты... Взяв займы 300 талеров, Маркс заплатил наборщикам, печатникам и дал возможность скрыться редакторам. Ни одного гроша из этих денег у него не осталось...

Чтобы покрыть дорожные и прочие семейные расходы, Маркс заложил во Франкфурте все свое серебро: серебряные кружки, подсвечники и т. п., все вещи, полученные в наследство его женой, которая была родом из старинной семьи виггов, выходцев из Шотландии³⁰⁷...

Вот почему Маркс прибыл в Лондон «в стесненных обстоятельствах», которые он преодолевает снова благодаря своей энергии.

Итак, если Маркс прибыл в Лондон без всяких средств, то лишь потому, что он их отдал революции. Если он не «окреп» вновь раньше, то лишь потому, что предпочитал бесплатно читать лекции рабочим, вместо того чтобы выпрашивать деньги у буржуа...

Когда в Лондоне у Маркса умер ребенок, он не имел денег, чтобы его похоронить: революция не была для него дойной коровой...

Аресты в Кёльне³⁰⁸... имели для Маркса — человека «с ядовитым пером», в противоположность людям «с добрыми намерениями», — следующие последствия. Беккер взял на себя издание собрания сочинений Маркса. Первая книга вышла и была распространена в 15 тысячах экземпляров³⁰⁹, как это было установлено на кёльнском процессе⁷⁵. Кроме того, Беккер взял на себя издание ежемесячного «Revue» Маркса в Льеже³¹⁰. То

и другое было сорвано вследствие ареста Беккера, и тем самым погибли результаты по меньшей мере целого года трудов Маркса. Один издатель во Франкфурте собирался выпустить «Политическую экономию» Маркса (90 печ. листов)³¹¹. Процесс коммунистов отпугнул его, что для Маркса снова означало тяжелый материальный удар.

Так кое-как, в бедности перебивался Маркс, который со своей семьей привык в прошлом к иной жизни и который не мог действовать иначе, чем открыто и честно. А в это время под него подкапывались при помощи мошеннических махинаций «порядочные» буржуа...

Если немецкая рабочая партия позволяет возводить гнусную клевету на таких людей, как Маркс, который вышел из буржуазной среды, которого буржуазия, как писателя, встретила с ликованием (во времена старой «Rheinische Zeitung») и который принес в жертву партии не только свой труд, положение, но и состояние и спокойствие своей семьи, тогда эта партия заслуживает того, чтобы каждый вынес ей свой приговор.

Нью-Йорк, 7 ноября 1853 г.

*И. Вейдемейер, Адольф Клусс,
д-р А. Якоби».*

Враги приписывали Марксу властолюбие, обвиняли его в холодном, пренебрежительном отношении к людям. Какая нелепость!

Он никогда не властвовал, не пытался властвовать. Только благодаря своим гигантским всеобъемлющим знаниям, своему разностороннему образованию, своему внушавшему уважение характеру он пользовался таким влиянием, в особенности в старом Генеральном Совете в Лондоне, который на самых важных этапах своей деятельности состоял примерно на четыре пятых из англичан и французов при двух или трех немецких рабочих.

В Париже, Брюсселе, Кёльне и Лондоне Маркс выступал перед рабочими, читал в рабочих обществах доклады, из которых, к сожалению, сохранились лишь немногие³¹². Точно так же и в Генеральном Совете он обосновывал свои взгляды и предложения, которые в большинстве случаев служили руководящей нитью

для Совета. Эти выступления неотразимо действовали своей логикой даже на инакомыслящих — и не только логикой, но и своей пламенностью. Прочтите хотя бы заключительные строки «Гражданской войны во Франции»!³¹³

В личном обиходе Маркс был приветливым, задушевным, любезным человеком — это подтвердит каждый, кто имел счастье близко сталкиваться с этим необыкновенным человеком. Но неумолимо строгим Маркс был к лицемерам, невеждам, хвастунам, и вот такие именно субъекты всегда чернили характер Маркса, сочиняли и распространяли легенды о его «властолюбии» и т. п.

Кто так много испытал горькой нужды в жизни, как Маркс, тот всегда был готов помочь и помогал, где мог. Можно было бы привести бесчисленные примеры. Одного достаточно: когда в начале июля 1872 г. закончились заседания конгресса Североамериканской федерации Международного Товарищества Рабочих и были избраны делегаты на Гаагский конгресс⁷⁸, к одному из делегатов явился рабочий и передал ему небольшую сумму денег для Маркса. Это был рабочий из Рейнской провинции, убежденный лассальянец, он вынужден был в 1864 или 1865 г. оставить родину и семью; прибыв без средств в Лондон, он просил Маркса помочь ему перебраться в Америку. Маркс помог ему, несмотря на то что у него самого ситуация была отнюдь не благоприятная. Когда эмигранты-коммунары появились в Лондоне, Маркс и его семья делали необычайные усилия, чтобы оказать им помощь и поддержку. Кроме коммунаров, для которых дом Маркса был всегда открыт, там часто можно было встретить рабочих из провинции, из Манчестера, Ливерпуля, Лондона, с континента, из Америки и из других частей света.

У Маркса был открытый дом и щедрая рука.

Фридрих Энгельс ³¹⁴

5 августа этого года исполняется десять лет с тех пор, как навеки закрыл глаза Фридрих Энгельс — не столько на склоне, сколько на вершине счастливой и яркой жизни. Ему было дано сохранить молодость вплоть до библейского возраста, и зенит его исторической деятельности пришелся у него на старость, как у Лассаля на молодые и у Маркса на зрелые годы.

Было бы, конечно, неверно заключать отсюда, что ум Энгельса развивался медленно. Напротив, его ум созрел рано, как и ум Лассаля и Маркса. Еще в более юном возрасте, чем эти двое, Энгельс написал свое первое произведение, составившее эпоху, книгу непреходящего значения, первый великий документ научного социализма. Ему было всего двадцать четыре года, когда он создал труд о положении рабочего класса в Англии. Столь блестящее вступление на поприще науки в таком молодом возрасте случается очень редко; и оно тем более является бесспорнейшим подтверждением гения и мощи, что за ним последовали полвека непрерывного развития. Старик лишь завершил то, что обещал юношей.

Когда Энгельс создавал свой первый труд, прокладывавший новые пути, он уже был знаком с Карлом Марксом ³¹⁵. Они не только переписывались, но уже провели до того несколько дней вместе и набросали план совместной работы, которая позже появилась под названием «Святое семейство». Только на книгу о положении рабочего класса в Англии Маркс не оказал влияния ни в каком смысле; скорее она содержала много такого, что еще было ему чуждо. Но уже через несколько лет, когда Маркс и Энгельс вместе создавали «Манифест Коммунистической партии», Энгельс стоял во втором ряду, как он сам всегда и со всей силой подчеркивал. В годы революции Энгельс сражается как одареннейший и вернейший помощник — но все же лишь помощ-

ник — своего друга и затем чуть не на целый человеческий век, если не считать скупых признаков жизни, исчезает с общественной сцены. Затем, когда Энгельсу было почти шестьдесят лет, он выступил со своим вторым большим трудом, опять составившим эпоху в истории научного социализма³¹⁶. Приняв оружие, выскользнувшее из ослабевших рук умирающего друга, Энгельс еще в течение долгих лет был главой международного рабочего движения.

То, в чем ему отказали утро и полдень его жизни, обильно воздал вечер. Сам Энгельс считал, что слишком обильно, хоть и допускал, что кое в чем судьба осталась перед ним в долгу. Действительно, дружба с Карлом Марксом была великим счастьем его жизни, но она была связана и со скрытыми страданиями. Энгельс должен был пожертвовать для нее многим, чем с трудом жертвуют даже доблестнейшие люди. Но больше чести, чем любой величайший духовный подвиг, делает Энгельсу то, что он свободно подчинил себя высшему гению — свободно и самоотверженно, без малейшей горечи и досады. Зная, что означает для рабочего класса мощь Маркса, Энгельс сумел ограничить себя; и если многие менее значительные таланты гибли от зависти к гению, то Энгельс — и подобное же можно сказать о Лассале — именно потому стал равным учителю, что без тени зависти последовал за ним³¹⁷.

Было бы праздным делом ломать себе голову над вопросом о том, что вышло бы из Энгельса или из Маркса, если бы они не встретили друг друга. Они должны были найти и нашли друг друга, и признательным потомкам надлежит ценить то бессмертное, что создали вместе эти два смертных человека.

Светлой и ясной кажется жизнь Энгельса по сравнению с бурями, потрясавшими жизнь Лассала и Маркса; однако и она далеко не была спокойной и безмятежной, и судьба, пощадив его в одном отношении, была тем безжалостнее к нему в других. Даже смерть не избавила его от этих внезапных перемен; но при жизни он с невозмутимым спокойствием мудреца предвидел эти перемены: в свои последние годы Энгельс не раз говорил, что чрезмерное, по его мнению, признание, которым он пользуется, уравнивается лишь тогда, когда его не будет в живых³¹⁸.

Так и случилось, но сегодня опасность недооценки его гораздо большая, чем опасность переоценки. Ибо все более мощно и внушительно поднимается фигура Карла Маркса, несмотря на то — или отчасти благодаря тому — что рой тщеславных пигмеев бессильно карабкается на подножие его пьедестала, пытаясь сорвать с его головы лавровый венок. Иногда кажется, что Маркс высоко поднялся и над Энгельсом. Но если Маркс вырастает все выше, то одновременно с ним возвышается и Энгельс. Ибо Энгельс никогда не был только толкователем и помощником Маркса, каких было много у Маркса и при жизни, и после смерти: Энгельс был его самостоятельным собратом по труду, хоть и не равным ему, но кровно близким по духу, и нельзя — приведем здесь в каком-то отношении близкое сравнение — недооценивать историческое значение Лессинга на том основании, что Лейбниц был универсальным умом.

Нельзя говорить об Энгельсе, не говоря о Марксе. Нельзя говорить о них обоих, не посвятив хотя бы несколько слов их дружбе. Не в привычках Энгельса было плакаться по поводу того, в чем ему отказала судьба. «История,— говаривал он,— в конце концов все поставит на свое место, но к тому времени я благополучно отправлюсь на тот свет и ни о чем ничего не буду знать»³¹⁹.

Несравненно дороже, чем забота о посмертной славе, была для него радость при виде того, какие великолепные плоды принесло дело его жизни. Только одна капля горечи попала в этот кубок радости — сознание того, что Маркс уже не стоит рядом с ним и не может радоваться этому зрелищу. Богатая жизнь Энгельса была в то же время и счастливой жизнью. Незаметно уходили годы и десятилетия, и после краткой болезни, муки которой не сломили его бодрого духа, его, семидесятипятилетнего, унесла от нас легкая смерть.

Теперь и мы скорбим по поводу того, что Энгельса нет уже рядом с нами, что он не может радоваться великолепному зрелищу поднимающейся революции. Конечно, Энгельс одобрил бы не все то, что произошло за истекшие десять лет в рядах международной, и особенно германской, социал-демократии. И если верно, что не бывает незаменимых людей, то не менее верно и то, что, будь ему суждена более долгая жизнь, его проница-

тельный взор и мудрый совет избавили бы современное рабочее движение от многих окольных путей.

Но больше, чем все иное, порой мелкое и незначительное, Энгельса порадовало бы всемирно-историческое зрелище революционной России, гигантская вспышка того пламени, искры которого раздували Маркс и Энгельс,— это принадлежит не к последним заслугам их перед международным рабочим движением.

Как революционеры до мозга костей, какими были Маркс и Энгельс всю свою жизнь, они всегда видели в свержении царского деспотизма великий поворотный пункт пролетарской революции. Уже в «*Neue Rheinische Zeitung*» они призывали к войне против этого пропитанного кровью и грязью режима. Поразить царизм в самое сердце — такова была задача, которую они никогда не упускали из виду. Духом Маркса и Энгельса проникнут, на их учении воспитан ведущий отряд русской революции. И сиянье утреннего солнца с Востока озаряет могильный холм в английской столице, где покоится революционер Маркс, и морские волны, которые поглотили прах революционера Энгельса¹⁸⁸.

Ярче всего сиял их разум, острее всего была их мысль и смелее их слово в те моменты, когда дряхлеющая Европа содрогалась от железной поступи революции. Такими навсегда запомнят их те, ради кого они жили, ради кого боролись, для кого создавали свои бессмертные труды. Каждая годовщина рождения и смерти Маркса и Энгельса делает их еще более близкими нам. Они как будто живут среди нас, мы слышим звук их голосов, когда видим, как над обреченным на гибель миром нищеты, миром, который знает лишь угнетателей и угнетенных, загорается заря новой революционной эпохи.

СОДЕРЖАНИЕ *

Предисловие

3

В. И. Ленин

Карл Маркс

(Краткий биографический очерк с изложением марксизма)

9

В. И. Ленин

Фридрих Энгельс

55

К. Маркс

Из «Введения к брошюре Ф. Энгельса
«Развитие социализма от утопии к науке»»

67

Ф. Энгельс

Карл Маркс

70

I

Женни Маркс

Беглый очерк беспокойной жизни

84

Элеонора Маркс-Эвелинг

Карл Маркс

(Беглые заметки)

107

---

* Статьи, впервые включенные в состав сборника, помечены одной звездочкой; впервые публикуемые на русском языке — двумя звездочками. *Ред.*

Элеонора Маркс-Эвелинг

Заметка издателя

116

Элеонора Маркс-Эвелинг

Заметки к письму молодого Маркса

122

Элеонора Маркс-Эвелинг

Фридрих Энгельс

127

Поль Лафарг

Личные воспоминания о Карле Марксе

139

Поль Лафарг

Личные воспоминания о Фридрихе Энгельсе

161

Эдгар Лонге

Некоторые стороны семейной жизни Карла Маркса

171

Эдуард Эвелинг

Фридрих Энгельс у себя дома

182

II

Вильгельм Либкнехт

Из воспоминаний о Марксе

194

Вильгельм Либкнехт

Элеонора Маркс

287

Вильгельм Либкнехт

Фридрих Энгельс

295

Вильгельм Либкнехт

Фридрих Энгельс
(28 ноября 1820—5 августа 1895)

302

* Похороны Фридриха Энгельса

317

Август Бебель

Путешествие в Каноссу — в Лондон

321

Фридрих Лесснер

Воспоминания рабочего о Карле Марксе
К десятилетию со дня смерти (14 марта 1893 г.)

325

Фридрих Лесснер

До и после 1848 года
(Из воспоминаний старого коммуниста)

336

Фридрих Лесснер

О ревизионизме Бернштейна

353

Фридрих Лесснер

Воспоминания рабочего о Фридрихе Энгельсе

358

Фридрих Адольф Зорге

Из «Воспоминаний участника революции 1848 г.»

369

Фридрих Адольф Зорге

К 14 марта

372

Франц Меринг

Фридрих Энгельс

377

ВОСПОМИНАНИЯ
О К. МАРКСЕ И Ф. ЭНГЕЛЬСЕ
Часть I

Художник
Ю. Н. МАРКАРОВ

Художественный редактор
О. Н. ЗАЙЦЕВА

Технический редактор
Е. В. ВАСИЛЬЕВСКАЯ

ИБ № 7440

Сдано в набор 20.08.87. Подписано в печать 19.01.88. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л.
21,84. Усл. кр.-отт. 44,31. Уч.-изд. л. 20,75. Тираж 200 000 (100 001—200 000)
экз. Заказ № 3502. Цена 1 р. 40 к., в бумажном переплете 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе

—